

Философия психологии.

Предисловие.

Предлагаемая вниманию читателя книга составлена из материалов научного архива Алексея Николаевича Леонтьева. Этот автор вряд ли нуждается в специальном представлении. Многие годы А. Н. Леонтьев был признанным во всем мире лидером отечественной психологии, создателем психологической научной школы, вдохновленной идеями Л. С. Выготского, о творческом потенциале которой свидетельствует как нельзя лучше число его учеников, которые в развитии многих конкретных научных направлений не ограничились «перепевами» и экспериментальными доказательствами положений А. Н. Леонтьева, а ушли далеко вперед.

А. Н. Леонтьев был не только идейно-теоретическим, но и организационно-административным лидером. Во многом благодаря его усилиям психология в нашей стране выделилась из придатка «педагогических наук» в самостоятельную науку, были созданы первые факультеты психологии в Московском и Ленинградском университетах, Институт психологии АН СССР. С начала сороковых годов и до конца жизни он занимал ведущие административные посты в психологических учреждениях, журналах, в Обществе психологов СССР, в АПН РСФСР и СССР, представлял нашу страну в Международном союзе научной психологии, и т. д. Если вспомнить о том, что это были десятилетия тотального идеологического контроля, охватывавшего гуманитарные науки в первую очередь, тем, кто не знал Леонтьева, легко представить его в образе партийно-государственного функционера, послушно проводившего в психологической науке и практике официальную линию, «человека на все времена года», как назвал его один из западных журналистов. Но такой образ был бы очень далек от истины. Да, Леонтьев в определенной мере был «удобен» власти имущим тем, что он был марксистом по своим убеждениям – марксистом искренним, не декларативным, а глубоко знавшим и понимавшим новаторские философские идеи Маркса наряду с остальной классической немецкой философией. Его психологическая теория была плоть от плоти философии марксизма, однако это был не набор штампов и цитат, а воистину оригинальная собственно психологическая теория. Леонтьев мог бы с полным основанием подписаться под известными словами Выготского: «Я не хочу узнать на дармовщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе».

1. Ныне Институт психологии РАН

2. Ныне Российская Академия образования.

Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики» Нельзя, однако, не сказать, что принятие марксизма как единственной методологической и идейной основы, даже при самом творческом к нему отношении, неизбежно ограничивало, сужало концептуальные возможности деятельностного подхода. Идейная несвобода при искренней приверженности марксизму не могла не сказаться и на личности и сознании самого А. Н. Леонтьева – это влияние было подробно проанализировано в недавних публикациях В. П. Зинченко, но Леонтьев шел на это сознательно, прикрывая собой зарождающуюся науку. «При Леонтьеве» психологи, работавшие под его началом, были, как это ни парадоксально, свободны от идеологического контроля в той мере, в какой это вообще было возможно. Он брал на себя выяснение отношений с идеологией, жертвуя своей свободой научного творчества, чтобы обеспечить эту свободу другим. Он был буфером между идеологией и психологической наукой; граница между ними проходила через него.

Но при этом он оставался ярчайшей личностью и умел заставить считаться с собой людей, даже находившихся гораздо выше в социальной и служебной иерархии. Он обладал внутренней автономностью и независимостью, «упрямством духа», как называет это В. Франкл, в достаточной мере, чтобы создавать вокруг себя атмосферу духовной и творческой раскрепощенности. В принципиальных вопросах никакое давление не могло заставить его поступить наперекор своей совести, своим личностным смыслом, например предать своего учителя или янвесить на кого бы то ни было идеологические (и тем самым политические) обвинения. С начала 30-х годов и до последних написанных или продиктованных страниц Леонтьев последовательно развивал одну теоретическую концепцию, ни при каких обстоятельствах не отказываясь от частично унаследованных им от Выготского, частично выработанных им самим в молодости научных убеждений. Он был человеком своего времени и при этом оставался честен перед собой и другими. Именно поэтому он не успел сделать всего, что мог бы сделать. Однако и то, что Леонтьев успел сделать в науке, вывело его в первую шеренгу мировых

психологов. Его взгляды не получили широкого распространения в США, Великобритании и странах «проамериканской» ориентации в психологии по причине их чрезмерной, с точки зрения американской традиции, усложненности, отягощенности глубоким философским контекстом и подтекстом. Но в странах Европы, для которых характерна высокая философская культура, – в Германии, Скандинавии, Франции и франкоязычных странах, а также в Италии и ряде других стран он пользовался огромным научным авторитетом. Отношения

3 Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. I М.т 1982. С. 421.

4 См.: Зинченко В. П. Последнее интервью А. Н. Леонтьева // Наука в СССР. 1989. №5. С 85–90; его же: Системный анализ в психологии? // Психол. журн. 1991. №4.

дружбы и взаимного уважения связывали его с Дж. Брунером, А. Валлоном, П. Фрессом, Ж. Нготтеном и Ж- Пиаже, который в телеграмме, присланной на смерть Алексея Николаевича, назвал его «великим».

После смерти А. Н. Леонтьева остался огромный научный архив, который за прошедшие 14 лет разобран далеко не полностью. Целый ряд неопубликованных при жизни рукописей был включен в двухтомник избранных произведений А. Н. Леонтьева⁵, многие были опубликованы в психологической периодике и некоторых сборниках. Но это лишь вершина айсберга. А. Р Леонтьев не обладал легким пером» и вместе с тем был чрезвычайно требователен к своим текстам* обильно правя их и многократно переделывая. Для него также было несвойственно возвращаться к своим старым, по какой-либо причине неопубликованным, работам когда они переставали быть для него актуальными. Поэтому в архиве А. Н. Леонтьева массив неопубликованных работ, не перекрывающихся по своему содержанию работами опубликованными, очень велик, и даже данное издание отнюдь их не исчерпывает.

:

Большинство этих работ относятся к одной из следующих категорий:

- 1) завершенные статьи (в основном довоенного периода);
- 2) стенограммы лекций и выступлений;
- 3) рукописные планы-конспекты лекций и выступлений;
- 4) заметки для себя.

Они охватывают период в полстолетия: первая из сохранившихся рукописей, имеющих самостоятельную научную ценность, датируется 1928 г., последняя – 1978. Эта целая жизнь – не только жизнь ученого, но и жизнь науки.

Публикуемые здесь работы являются вехами не только биографии Алексея Николаевича Леонтьева, но и биографии советской психологии.

* * *

Научная биография Алексея Николаевича Леонтьева (1903– 1979) неотделима от истории психологической науки в Советском Союзе, да и от самой истории страны и общества. Это видно уже по ее внешней, событийной канве. Он пришел в психологическую науку как раз в те дни, когда в институте экспериментальной психологии, которым тогда руководил известнейший русский психолог Г. И. Челпанов, по своим воззрениям дуалист и в то же время «отец» экспериментальной психологии в России, резко сменилась научная ориентация. Директором института стал К- Н. Корнилов, убежденный материалист, и вокруг него стали группироваться талантливые молодые (и не очень молодые) психологи, стремившиеся построить новую, марксистскую психологию. В их числе были Лев Семенович Выготский, имя которого входит сейчас в первую десятку психологов XX столетия, Александр Романович Лурия, один из наиболее популярных во всем мире советских ученых, и Алексей Николаевич Леонтьев. Психологи традиционной ориентации вынуждены были уйти из института. Это был 1924 год.

Первый этап научной деятельности Леонтьева, когда он непосредственно сотрудничал с Выготским, и вместе с ним, Лурия и группой молодых учеников Выготского (А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Н. Г Морозова, Р. Е. Левина, Л. С. Славина) создавал знаменитую теперь «культурно-историческую теорию», приходится на 1925–1930 гг. Расцвет «культурно-исторической теории», которая часто называла себя «инструментальной психологией», приходится на 1927–1929 гг. Сам Леонтьев подробно пишет о ней в одной из работ, «вошедших в настоящий том (Проблема деятельности...), и мы не будем подробно ее анализировать, Ограничимся констатацией самого главного. Если вначале «культурно-историческая теория» сводилась к идее знакового опосредствования поведения и противопоставлению «естественных» и опосредствованных, «окультуренных психических процессов, то уже к концу 1928 г. в центре ее интересов оказались две другие проблемы: внутренняя структура значения, ее формирование и роль в складывании сознания; и соотношение речи (общения) и предметного действия.

Публикации Леонтьева тех лет не содержат каких-либо принципиально новых методических и теоретических идей. Пожа-луй, можно выделить лишь его

экспериментальное исследование, опубликованное в 1928 г., одновременно на русском и немецком языках – «Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов»⁶. Его основное содержание заключается в том, что ассоциативные реакции определяются смысловой целостностью, тем, что в дальнейшем разрабатывалось Леонтьевым под названием «личностного смысла». Прочие его статьи конца 20-х гг. либо отражали интересы и взгляды А. Р. Лурия, с которым вместе они писались, – это статья 1926 г., «Исследование объективных симптомов аффективных реакций»⁷ и обобщающее исследование «Экзамен и психика» (1929), либо излагали цикл «культурно-исторических» исследований развития памяти, суммированный в книге «Развитие памяти»⁷ (1931; работа над ней была закончена в 1928 г.)⁸

К 1930 г. ситуация в советской науке стала обостряться. Не случайно уже в 1927–28 гг. и Лурия, и Леонтьев, и сам Выготский перешли в Академию коммунистического воспитания – их взгляды, и в первую очередь взгляды Выготского, были слишком глубоки и слишком серьезно философски и психологически фундированы для вульгарного материалиста Корнилова и его ближайшего окружения. «Быть в физиологии материалистом нетрудно – попробуйте-ка в психологии быть им», – написал в 1925 г. Выготский. Если до 1930 г. в борьбе с вульгарным

5 См.: Леонтьев А. #. Избранные психологические произведения, 1993. Т. 2. С. 50–71,

7 См.: Леонтьев А. Н. Развитие памяти. М., –1931*

8

материализмом побеждал материализм диалектический, если так называемая «группа Деборина», стоявшая к 1930 г. у руля философских исследований в СССР, состояла из первоклассных ученых, глубоко владевших и теорией познания, и историей философии, и диалектическим методом, то с 1930 г. (при прямом участии И. В. Сталина⁸) к власти пришли философские недоучки и прямые вульгаризаторы типа М. Б. Митина или П. Ф. Юдина, чьими руками в начале 30-х гг. «диалектики» группы Деборина были уничтожены частью физически (Б. Н. Гессен, Я. Э. Стэн), частью морально (сам А, МЛ Деборин). Травля подлинных материалистов и диалектиков, а по сути – просто подлинных ученых, проходила по всем направлениям. Вульгарный материализм побеждал в истории (М. Н. Покровский), языкознании (Н. Я. Марр), литературоведении {В, М. Фриче}> этнографии и археологии, искусствознании, одним словом, во всех гуманитарных науках. Социология, а за ней и социальная психология вообще прекратили свое существование в стране и возродились более чем через 30 лет. Одна за другой⁸ сходили со сцены психотехника, педология, генетика. В материнском чреве была умерщвлена кибернетика.,.

Все это происходило под флагом марксизма-ленинизма, и неудивительно, что для многих ученых нынешнего поколения беспардонный и малограмотный государственно-тоталитарный диктат в науке неотделим от марксистской философии. Между тем ни Митин и Юдин в философии, ни Марр в языкознании, ни И, Маца в искусствоведении или В, М. Фриче в литературоведении ни в коей мере не являлись подлинными марксистами, как не были ими в педагогике А. Б. Залкинд, а в психологии – К* НТ Корнилов (во всяком случае в 20–30-е гг.). Одно дело – неуклюжая мимикрия под марксизм или истовое и искреннее, но малограмотное повторение марксистских «казов», другое – последовательное развитие марксистского подхода применительно к конкретной области знания. Марксизм – столь же естественное и внутреннее логичное ответвление немецкой классической философии, как и любое другое философское учение второй половины XIX в. Будучи соединением последовательно материалистической натурфилософии (особенно четко выступающей в работах Ф. Энгельса) и гегелевской диалектики, на базе которой К- Марксом была выстроена системологическая теория, марксизм не случайно оказался привлекательным философским учением для множества думающих ученых конца XIX – начала XX в., в том числе в гуманитарных науках. Несмотря на свой откровенный рационализм, марксизм был соблазнителен и для тех психологов, которые вслед за И. М. Сеченовым и его единомышленниками стремились

В декабре 1930 г. Сталин лично выступил на партактиве Института красной профессуры, запустив в оборот ярлык «меньшинству ющего идеалиста»; через месяц последовало разгромное постановление ЦК ВКП(б) «О журнале «Под знаменем марксизма» (25 января 1931 г.) – построить последовательно материалистическую теорию психики.

Увы, в Советской России середины 20-х гг. людей, которые имели бы достаточно серьезную философскую и одновременно профессиональную подготовку в области психологии, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Во главе их стоял FL П+ Блонский, создатель «единой трудовой школы» 20-х гг., реализовавшей самые прогрессивные педагогические идеи века и разгромленной в 1931–1936 гг. И второй подлинный марксист середины 20-х гг. – это Л, С, Выготский, Эту сторону его взглядов и его научной деятельности один из

авторов настоящей статьи попытался раскрыть в книге, посвященной Выготскому⁹. В искренней приверженности марксизму выросли и ученики Выготского, в том числе Леонтьев.

Но вернемся к 1930 г., отмеченному яростными нападками на Выготского и его учеников, в результате чего Леонтьев остался без работы, а его книга («Развитие памяти») была задержана. Именно к началу 30-х гг. относятся расхождения группы учеников Выготского, к которой принадлежали Леонтьев, Запорожец, частично Божович, со своим учителем, их переезд в Харьков, где «под них» был организован сектор психологии Украинской психоневрологической академии, и объединение вокруг них таких известных в дальнейшем харьковских ученых, как П. Я. Гальперин, П. И. Зинченко, Г. Д. Луков, В. И. Аснин. Возникает «харьковская психологическая школа», или харьковская группа психологов. Эта группа развивала в основном те взгляды Выготского, от которых он сам на какое-то время отошел – и уже не вернулся: идеи о соотношении речи (общения) и предметного действия, теорию действия или деятельности. Эти идеи лежали

в основе известной критики Выготским Ж-Пиаже и то, что, по Пиаже, вещи лишь пассивно отражаются в восприятии ребенка. Нет, говорил Выготский, вещи обрабатывают ум ребенка, но в процессе практики ребенка в действительности. Вещи, «предметы окружающего нас мира... как бы требуют от нас известных действий¹⁰. Они «обладают побудительным характером»¹¹. Вообще «деятельность человека, структурно охватывается и упорядочивается целостными динамическими тенденциями и интересами¹²–да и сама «человеческая личность представляет собой иерархию деятельностей»¹³, и поведение человека должно быть рассмотрено

«с точки зрения состава, строения и способа деятельности»¹¹.

⁹ См.: Леонтьев А. А., Л. С. Выготский. М., 1990.

¹⁰ Выготский Л. С. Педология подростка. С-ХХ 1931, Задания № 9–16. С. 190.

¹¹ Там же, С. 189.

¹² Там же. С. 187.

¹³ Выготский Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства // Собр. соч, М., 1983. С. 302.

и Выготский Л. С. О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием ребенка // Хрестоматия по возрастной и педагогической

психологии. М.р 1980. с. 177–180

Научная история харьковской группы еще не написана. Более того, лишь ничтожная часть выполненных ею исследований доступна в виде публикаций. Основная их масса либо не публиковалась вообще, либо их публикация не была осуществлена по вненаучным причинам (после постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «Ю педологических извращениях в системе наркомпросов» в Харькове был рассыпан набор уже готового к печати сборника статей), либо публиковалась в малотиражных, совершенно недоступных сейчас материалах местных конференций. Основной вопрос, вокруг которого сегодня идут дискуссии, – это вопрос о том» являлась ли работа харьковской группы продолжением работы Выготского, или же она представляла особое, альтернативное Выготскому направление. Харьковские психологи критиковали Выготского за его мысль, что значение –демиург сознания, а общение в свою очередь – демиург значения. Вот формулировки Леонтьева, относящиеся к 1934–35 гг.: «Прежде всего человек действует по-человечески..., а лишь затем в результате этого процесса человек начинает и сознавать по-человечески... Слово является лишь необходимым условием этого:»¹⁵. «Нужно понять само сознание как деятель-ность». Ребенок «действует понятийно». И еще раз более остро: «Ищите сознание человека здесь, в предметном мире!»¹⁶.

На самом деле той альтернативы, которую видели «харьковчане» в начале 30-х гг. –либо «единство интеллекта и аффекта» по Выготскому, либо «практическая деятельность и сознание», не было. Уже к концу этого десятилетия и Леонтьев, и в особенности Запорожец начали осознавать, что на самом деле в основе деятельности лежит «функциональная система интегрированных эмоциональных и когнитивных процессов, что у человека благодаря этой системе эмоции становятся «умными», а интеллектуальные процессы обретают эмоционально-образный характер, становятся смысловыми. Здесь мы подходим к другой стороне взглядов Выготского и его школы, наиболее ярко отразившихся именно в работах Леонтьева и Запорожца харьковского периода и более позднего времени. Выготский пишет: «Личность меняет роль отдельных психологических функций, систем, слоев, пластов...»¹⁷. В процессе жизни человека «распадаются... прежние связи; ... возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые

закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения, 18. Для Выготского последних лет жизни, как и для Леонтьева А. И, Стенограммы лекций по психологии. Лекция 5. Психология речи, Харьков, 1935 (на правах рукописи), 16 Леонтьев А. Н* Материалы о сознании //Бестн* Моск. ун-та. Сер, 14. Психология. 1988. № 3. С. 17. Неопубликованная рукопись Л. С* Выготского //Вести. Моск. ун-та. Сер, 14. Психология, 1986. № 1. С. 58–59. 1А Выготский Л. С. К вопросу о психологии творчества актера. //Собр. соч: в 6 т. ММ 1984. Т.6. С. 328.

П

Леонтьева 30-х гг., главным предметом исследования был не просто человек и не отражение мира в человеке, но бытие-человека-в-мире, действие-человека-в-мире. Вторая половина 30-х гг, – вершина творчества А. Н, Леонть-ева, и жаль, что именно в это время он имел мало возможностей для того, чтобы печататься. В написанном одним из нас в начале 80-х гг. и опубликованном в 1983 г. его биографическом очерке это время выглядит несколько идиллически: стал заведовать лабора-торией,–, потом перестает работать там... возвращается в Институт психологии... еще и сотрудничает с Эйзенштейном... еще и заведу-ет кафедрой в Ленинграде,, , защищает докторскую диссертаци-ю... , А на самом деле все было много сложнее. Не' успел Леонтьев стать заведующим лабораторией генетической психоло-гии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, как ему пришлось сделать доклад – это произошло 16 февраля 1935 г., материалы к которому {«Психологическое исследование речи»} сохранились. Но этот доклад почти что вызвал идеологиче-ский скандал, во всяком случае, его резко осудили в Московском комитете ВКП(б),– и лаборатория была закрыта, А тут еще грянуло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извраще-ниях в системе наркомпроса 4 июля 1936 г, и главным объектом последовавшей за этим травли педологов оказались как раз П, П. Блонский и умершие незадолго до описываемых событий М, Я– Басов и Л. С. Выготский. Выготский и его школа обвинялись в антимарксизме и субъективном идеализме. А в нача-ле 1937 г, вышла небольшая брошюра Е, И. Рудневой под выразительным названием \$0 педологических извращениях Вы-готского», Там, в частности, писалось: «Критика работ Выготского является делом актуальным и не терпящим отлагательства, тем более что часть его последователей до сих пор не разоружилась (Лурия, Леонтьев, Шиф и др.)». Правда, на этом к кончилось – непосредственно под удар Леонтьев не попал. Но закрылся Высший коммунистический институт просвещения (ВКИП) и на-ходившийся при нем небольшой научно-исследовательский инсти-тут, где сотрудничал Леонтьев, и на несколько месяцев он остался без работы, находясь к тому же под «подозрением», потому что, как и Лурия, Эльконин, Гальперин, наотрез отказался «разобла-чать своего учителя Выготского и признавать свои ошибки. Когда осенью директором Института психологии стал – вновь! – К. Н. Корнилов, он взял Леонтьева опять на работу в институт. Конечно, ни о каких сомнительных темах не могло быть и речи; по воспоминаниям самого Леонтьева, в институте он занимался двумя темами: восприятием рисунка (по экспериментам, прове-денным в Харькове его учениками Хоменко и Мистюк) и фоточув-ствительностью кожи, что было частью более общей проблемы генезиса чувствительности (см, ниже). Но преподавать было |В См.: Леонтьев А. А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонть-ева //А. Н* Леонтьев и современная психология, М., 1983. С 6–39." негде – лишь отдельные лекции во ВГИКе (Всесоюзный государ-ственный институт кинематографии) и ГИТИСе (Государствен-ный институт театрального искусства). Отсюда и более тесное знакомство с Эйзенштейном (они были знакомы и раньше; примерно в то же время стали соседями по даче, и часто вечерами на террасе дачи Леонтьева собирался цвет советского кино – Эйзенштейн, Пудовкин, Роом и другие). Тут-то и поступило приглашение из Ленинграда, из ЛГПИ им, Н, К, Крупской, занять там место заведующего кафедрой психологии на условиях – 20 дней работы в Москве, 10 в Ленинграде. Так и работал Леонтьев до самого начала войны. Это было удобно ему еще и потому, что он, «еще не разоружившийся», не * был, как говорится, на виду, во всяком случае, самые опасные годы он пережил относительно спокойно. Впрочем, надо сказать, что психологам в этом смысле повезло – их (если не считать таких направлений, как психо-техника, где репрессированы были практически все) почти не тронули, в отличие от экономики, биологии, физики и даже такой науки, как философия, Ни один из сколько-нибудь заметных советских психологов в конце 30-х гг. не пострадал, даже отчаянно храбрый Блонский, отважившийся не согласиться с с., постановлением ЦК <Ю

педологических извращениях и направивший наркому просвещения А. С. Бубнову письмо с изложением своего мнения...

Более того, А. Н. Леонтьев сумел защитить докторскую диссертацию. Это произошло в 1940 г. в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Название ее – «Развитие психики. Сначала она планировалась как трехтомная монография: 660 с. – о филогенезе психики, 500 – о сознании и его историческом развитии, от 600 до 1000 с., – об онтогенезе психики и ее функциональном развитии. Когда был написан первый том (превратившийся в два) и Леонтьев познакомил с ним своего будущего оппонента Бориса Михайловича Теплова, тот посоветовал ему не создавать себе лишних проблем и защищать как диссертацию уже написанную часть. Так Леонтьев и поступил. Двумя другими оппонентами согласились быть любимый, но очень неортодоксально мыслящий ученик И. П. Павлова Леон Абгарович Орбели {менее чем десятью годами позже отлученный от павловского физиологического учения братьями-ортодоксами и вскоре умерший) и Сергей Леонидович Рубинштейн, Все трое дали положительные отзывы. Развитие психики было первой проблемой, занимавшей Леонтьева в те годы. Второй проблемой, интересовавшей Леонтьева в конце 30-х гг., была природа сознания. Учение о сознании, как писал Леонтьев еще в 1934 г., «выступает для нас. как конкретная теория осознания человеком своего человеческого бытия»³.

11 Леонтьев А, Н. JL С. Выготский //Советская психоневрология. 1934. №6. С, 189.

13

Третьей проблемой была разработка теории деятельности. Тогда, в 30-е гг., ни одна работа Леонтьева этого плана не публиковалась, они стали появляться начиная с 1944 г. Но написано было немало, и наиболее интересные работы печатаются в настоящем томе. Важно подчеркнуть, что вся «леонтьевская» теория деятельности, во-первых, разрабатывалась вместе с другими «харьковскими» психологами, в первую очередь А. В. Запорожцем, П. Я. Гальпериным и П. И. Зинченко, и, во-вторых, непосредственно восходит к идеям Выготского, особенно четко выраженным в двух работах последнего – «Орудие и знак в развитии ребенка»²¹ и «О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием ребенка»²².

* * *

Работы, написанные в довоенный период, и составляют первые три раздела настоящего тома.

Первый раздел открывает небольшой фрагмент «Беседа с Выготским», сохранившийся в виде рукописной записи, сделанной самим А. Н. Леонтьевым и очень четко фиксирующей научные позиции как Выготского, так и Леонтьева к осени 1933 г. Это итог первого цикла исследований Харьковской группы, если следовать периодизации, данной самим Леонтьевым в «Материалах о сознании» – рукописи, также публикуемой в настоящем томе.

Материалы о сознании» – одна из наиболее интересных работ довоенного периода {точно датировать ее невозможно). Первый раздел рукописи содержит методологический анализ сущности сознания и критику некоторых существующих психологических подходов к анализу сознания – Главные мысли этого раздела сводятся к следующему. Сознание входит в предмет психологии, будучи взято в его отношении к осуществляющейся жизни человека. Подмена психологической точки зрения точкой зрения гносеологической или положениями исторического материализма – грубо ошибочна. Сознание есть основная, решающая проблема психологической науки, «Психология, лишенная теории сознания, это еще меньше, чем политическая экономия, лишенная теории стоимости».

Два следующих текста не нуждаются в особенно развернутых комментариях. Оба они датируются 1940 г. Это «Генезис деятельности» – стенограмма одной из лекций А. Н. Леонтьева в ЛГПИ им. Н. К. Крупской – и тезисы «Основные процессы психической жизни». Лекция «Генезис деятельности» представляет собой систематическое изложение представлений А. Н. Леонтьева*

11 См.: Выготский Л, С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 6. С. 590.

Выготский Л. С, О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием ребенка // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1980. С. 114–120,

14

ева о становлении человеческого сознания через развитие деятельности человека в антропогенезе, а «Основные процессы», содержат первый законченный лаконичный набросок основных положений деятельностного подхода. Второй раздел данной книги образуют четыре фрагмента докторской диссертации А. Н. Леонтьева, защищенной в 1940 г. Завершенная работа была изложена в трех томах. Первый том был целиком посвящен гипотезе о возникновении ощущения в процессе эволюции материи и экспериментальному исследованию по проверке этой гипотезы. Текст первого тома был практически целиком, лишь с минимальными редакторскими изменениями, включен А. Н. Леонтьевым во все

издания его книги «Проблемы развития психики» (М., 1959; 1965; 1972; 1981). Это исследование хорошо известно и на нем незачем здесь останавливаться. Второй том был посвящен развитию психики животных в филогенезе. Из этого тома была опубликована лишь конспективная выжимка, сохранившая не более четверти объема тома. Она также включалась А. Н. Леонтьевым во все издания «Проблемы развития психики*» и несколько ранее в «Очерк развития психики» (М., 1947). Третий том был посвящен становлению сознания человека. Этот том и все подготовительные материалы к дальнейшим томам вместе с собранной библиографией пропали в первый же год войны. Леонтьев по памяти восстановил после войны в сокращенном варианте основное содержание третьего тома и включил его в «Очерк развития психики» и в «Проблемы развития психики». Для данного издания были отобраны фрагменты из второго тома, не совпадающие с опубликованными ранее частями. Хотя основное содержание всех четырех фрагментов касается различных аспектов психики и поведения животных к развитию психики в животном мире, значение этих фрагментов отнюдь не ограничивается зоопсихологической проблематикой, в каждом из них содержится методологический анализ тех или иных ключевых общепсихологических проблем.

В первом фрагменте это прежде всего проблема врожденного и приобретенного, видового и индивидуального опыта. Основные идеи, обосновываемые в этом фрагменте, – это идея пластичности, изменчивости инстинктивных форм поведения и идея о невозможности противопоставить видовое и индивидуально приобретаемое поведение. Во втором фрагменте затрагивается особенно много проблем этого ранга. В нем Леонтьев вводит принцип деятельности как ключевой объяснительный принцип зоопсихологии, разводит понятия «деятельность» и «поведение», сохранив за последним статус лишь описательного понятия, и, наконец, вводит понятие смысла в двух его разновидностях: инстинктивный смысл (позднее переименованный в биологический)

15

и сознательный смысл (позднее переименованный в личностный). Смысл определяется как «то отношение объективных воздействующих свойств, которому подчиняется деятельность субъекта». «Смысловые связи – это те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею». Наконец, подробно рассматривается вопрос о взаимоотношении психической деятельности и отражения, А. Н. Леонтьев делает вывод об их единстве и взаимопереходах друг в друга, подкрепляя его, как и все другие положения, убедительными экспериментальными данными.

Третий и четвертый фрагменты в определенной степени соответствуют ранее неоднократно публиковавшемуся очерку развития психики в животном мире – соответствуют по основным идеям, но отнюдь не текстуально. Помимо известной концепции трех стадий развития психики животных (элементарная сенсорная психика, перцептивная психика и интеллект) мы находим в них оригинальные рассуждения о нелинейном характере эволюции, интереснейший экскурс в проблему чувствительности растений, обсуждение закрепления навыков и выделения операций у животных, а также проблемы игры животных, подробный анализ отличий человеческих орудий от квазиорудий животных, соображения о психологии домашних животных. – Немногие современные докторские диссертации могут претендовать на такую широту и глубину охвата и без того предельно общей проблемы! Пожалуй, все годы главным для Алексея Николаевича было не столько развитие психологической теории, сколько построение философии психологии, ее методологического каркаса, который давал возможность на первый взгляд легко и как бы мимоходом давать ответы на сложнейшие вопросы.

* *

Рукопись, публикуемая в третьем разделе под названием «Методологические тетради, по-видимому, написана, по крайней мере отчасти, немногим раньше, чем диссертация, поскольку в ней тезисно изложены некоторые мысли, развернутые во втором томе диссертации. Вместе с тем она намного шире диссертации и охватывает практически все основные проблемы психологии. Всего тетрадей четыре. Первая тетрадь – толстая общая тетрадь, на стертом титульном листе которой читается слово «фрагменты», она исписана полностью, трудно даже перечислить все те проблемы, которые затрагиваются в этой тетради. Это и предмет психологии, и проблемы сознания, отношения значения и смысла, психические функции: память, восприятие, мышление, язык, развитие психики, воля, поступок, соотношение логики и психологии и т. п. Каждый из этих тематических фрагментов заслуживает подробного комментария. Мы не будем брать на себя эту невыполнимую задачу, хотя могли бы высказать многое. Но специалист в состоянии самостоятельно оценить их.

Вторая тетрадь меньше по объему, чем первая, а третья

16

и четвертая еще меньше; они исписаны не полностью и, по-видимому, относятся

к несколько более позднему времени, к началу сороковых годов – Вторая тетрадь практически полностью посвящена проблеме личности, за исключением небольшого фрагмента о восприятии. Вспомним: лишь недавно, в конце тридцатых годов появились первые в мировой литературе обобщающие монографии по проблеме личности Г. Олпорта и Г. Мюррея и должно пройти еще четверть века, прежде чем проблема личности начнет обсуждаться на страницах советской психологической литературы (мы не считаем, разумеется, понимание личности как синонима социально-типического в человеке, содержащееся в работах С. Л. Рубинштейна и некоторых других авторов еще в 50-е гг.). Первая публикация А. Н. Леонтьева по проблеме личности датируется 1968 годом^{2*}, и лишь в 1974 году была впервые опубликована целостная концепция личности с позиций деятельности этого подхода²⁴ – Но самое поразительное, что все основные положения этой концепции мы находим четко сформулированными уже в «Методологических тетрадах»! Здесь и разведение индивида и личности, и определение личности через иерархию деятельности, и выделение предпосылок личности (задатков и внешних обстоятельств), и три известных параметра личностной структуры, и даже формула развития личности: от «действовать, чтобы удовлетворять потребности» – к «удовлетворять потребности, чтобы делать дело своей жизни»! Кроме этого в рукописи содержатся и идеи, не нашедшие отражения в поздних публикациях, например очень интересные соображения об историческом развитии личности или вошедшие в эту тетрадь заметки о проблеме смысла.

Записи в третьей тетради в основном концентрируются вокруг проблемы «физиологическое и психологическое», хотя есть и отдельные заметки по проблемам сознания и мышления.

Наконец, четвертая тетрадь, так же, как и первая, посвящена широкому кругу вопросов, хотя ее объем в несколько раз меньше. Центральное место в ней занимает проблема смысла, как, впрочем, и в первых двух тетрадях. «Учение о деятельности есть альфа, учение о смысле – омега психологии»!

* 4 *

Разнообразные и по своей форме, и по содержанию материалы, включенные в четвертый раздел книги, по времени их создания разбиваются на два периода: конец 40-х гг. («О книге С. Л. Рубинштейна. 3 и Психологическая характеристика деятельности») и последнее десятилетие жизни А. Н. Леонтьева (остальные материалы).

Леонтьев А. Н. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. М.; 1968. С. 30–42.

24 См.: Леонтьев А. И. Деятельность и личность // Вопр. философии. 1974, № 4. С. 87–97; № 5. С. 65–78,

17

Остановимся вначале на первых двух. Период, когда они были написаны (прочитаны), – это период острых публичных теоретических дискуссий между А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном, связанных с обсуждениями книги Рубинштейна «Основы общей психологии» (2-е изд. М., 1946) и книги Леонтьева «Очерк развития психики» (М., 1947). Подробнее об этих дискуссиях см. в комментарии к тексту «О книге С. Л. Рубинштейна». (Психол. журн. 1993. Т. 14. № 2).

Материалы к дискуссии по книге С. Л. Рубинштейна были написаны, вероятно, во время или непосредственно перед этой дискуссией, т. е. в 1947 г. Главная позиция, по которой Леонтьев спорит с Рубинштейном, – это неприемлемость для первого идеи «двойной детерминации» психического – с одной стороны «органическим субстратом» (мозгом), с другой – предметным миром. Соответственно и деятельность выступает для Рубинштейна как явление двустороннее – и внепсихологическое, и психологическое («психологическая сторона деятельности»). Наконец, психика и мозг оказываются автономными и лишь взаимодействующими началами. Этим соображениям Рубинштейна противопоставляется позиция школы Выготского, сформулированная в последнем абзаце и приводящая к совсем иному, «не «внепсихологическому», а скорее надпсихологическому (в декартовском, традиционном понимании «психологического») пониманию самой деятельности.

Двумя годами позже датируется стенограмма лекции, публикуемая нами под названием «Психологическая характеристика деятельности», Главное здесь – дальнейший анализ и дефиниция самого понятия деятельности, а также понятия человеческой потребности как потребности предметной (то, что в дальнейшем тексте получает у Леонтьева название «мотива») и как того, что сущностно определяет сам процесс деятельности: «Если мотивом поцелуя являются тридцать сребреников, то это будет поцелуй Иуды». И еще один важнейший тезис этой работы – это указание на принципиальную важность адекватного осознания человеком своих мотивов и интересов.

Биография Леонтьева в последующий период относительно благополучна. Он становится руководителем Отделения психологического факультета

Московского университета; с 1966 года это отделение становится отдельным факультетом, а Леонтьев – бессменным его деканом. Одновременно он избирается в Академию педагогических наук РСФСР, становится ее академиком-секретарем, затем вице-президентом. В 1959 г. выходит первое издание его книги «Проблемы развития психики, а в 1963 г., за этот труд А. Н. Леонтьеву присуждается Ленинская премия. 50–60-е гг. – это годы продуктивной реализации Леонтьевым своих научных замыслов. Он много работает вместе с несколькими поколениями своих учеников, много пишет и много публикует. Поэтому неудивительно, что в его архиве практически

18

Рис. 1. А. Н. Леонтьев на заседании Ученого совета Отделения психологии философского факультета МГУ (60-е гг.)

Рис. 2, А. Н. Леонтьев на XVI Международном психологическом конгрессе с окружении зарубежных коллег (начало 60-х гг.)

нет относящихся к этому периоду текстов, которые не перекрывались бы работами, опубликованными Леонтьевым. Помимо обобщающих методологических работ в сферу его непосредственных интересов входит генезис и системная взаимосвязь психических функций и способностей человека, проблемы инженерной психологии и эргономики, вопросы психологии обучения и воспитания, в том числе дефектологии, и, наконец, психологические механизмы восприятия. Все эти направления работы хорошо известны по публикациям.

Работы, относящиеся к последнему десятилетию жизни и деятельности А. Н. Леонтьева (1969–1979), разбиваются на две группы. Во-первых, это работы, которые можно назвать итоговыми и ретроспективными, примером которых служит монография «Деятельность. Сознание. Личность» из работ, включенных в данное издание, к ним относятся «Проблемы психологии деятельности» и «Проблема деятельности в истории советской психологии». Первая из них представляет собой стенограмму выступления в «домашней» дискуссии о проблемах деятельности, которая была организована в конце 1969 года по инициативе А. Р. Лурия в его доме в узком кругу, включавшем помимо Леонтьева и Лурия также В. П. Зинченко, А. В. Запорожца, Г. Я. Гальперина и Д. Б. Эльконина. Все, за исключением А. Р. Лурия, выступили с сообщениями. Материалы этой дискуссии были полностью опубликованы²⁵, состоялось три встречи; планировалось их продолжение, однако попытка коллективного подведения итогов так и осталась незавершенной, хоть и достаточно результативной.

Текст «Проблема деятельности в истории развития советской психологии» представляет собой стенограмму доклада, сделанного А. Н. Леонтьевым в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР 11 марта 1976 г на научной сессии Проблемного совета по теории и истории психологии. Хотя А. Н. Леонтьев на протяжении доклада несколько раз оговаривался, что он адресован узкому кругу историков психологии, его общетеоретическое значение отнюдь не сводится к чисто историко-психологической проблематике – может быть, нигде больше не определены с такой четкостью отношения разрабатываемого Леонтьевым деятельностного подхода с теорией Выготского, с подходом Рубинштейна, с бихевиоризмом. В докладе рассмотрены и некоторые другие ключевые вопросы психологической теории.

Во второй группе относятся работы, связанные с самыми новыми направлениями исследований, занимавшими Леонтьева в семидесятые годы. Это психология образа (образа мира) и психология искусства. Основные архивные материалы, относя-

" Дискуссия о проблемах деятельности (Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы) / Под ред. В. В. Давыдова, Д. А. Леонтьева, М., 1990. С. 134–169.

20

щиеся к этой проблематике, уже опубликованы²⁶, поэтому мы не включили их в данное издание.

Наконец, еще один из публикуемых здесь материалов – заметки о книге П. Я. Гальперина – «привязан» к конкретному поводу. Известно, что между А. Н. Леонтьевым и П. Я. Гальпериным существовали теплые дружеские отношения и вместе с тем непримиримые научные разногласия. Суть этих разногласий четко выявляется в публикуемых заметках, которые, наряду с этим, фиксируют некоторые принципиальные методологические позиции самого А. Н. Леонтьева, публикация материалов данного тома – отнюдь не завершение, а лишь промежуточный этап в работе с научным архивом А. Н. Леонтьева, Немало его

идей опередили свое время и освоение их – задача на ближайшие одно-два десятилетия. В завершающем этот том рукописном плане-конспекте беседы со студентами «Психология 2000-го года», происходившей в 1972 г., записан предлагаемый проект резолюции этой встречи: «Слуша-ли-., постановили: с сегодняшнего числа начать делать психоло-гию 2000-го года!» Сегодня становится все более и более очевидно, что многие (хотя, разумеется, не все) идеи и замыслы Алексея Николаевича Леонтьева были ориентированы на психоло-гию 2000-го года и им суждено занять в ней. достойное место.

А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев

Г> Леонтьев А, И. Психология образа // Вестн, Моск. ун-та. Сер, 14. Психоло-ги я, 1979, № 2. С. 3–13; то же в кн.: Леонтьев А. И. Избранные психологические произведения- Т, 2. М., 1983. С, 251–260; Леонтьев А, И. К психологии образа // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1986. № 3. С 72–76; Леонтьев А, И. Не-которые вопросы психологии искусства // Избранные психологические произведе-ния. М., 1983. Т. 2. С, 232–259; Из научного, наследия А. Н, Леонтьева. // Худо-жественное творчество и психология / Под ред. А. Я Зкса, М Г. Ярошев-ского+ М., 1991.

РАЗДЕЛ I

БЕСЕДА С ВЫГОТСКИМ

Беседа с Л. С. 12Х33. Москва

Мое сообщение

1. От сделанной работы в Отделе:

1) «Переноса Понятие переноса; перенос как метод (эф-фект.-качеств [енный] подход – эффект.-кач [ественная] сторо-на); перенос как СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ Перспективы: понять субъективно процесс переноса, т. е. не поведенчески, а психологически. Внутр [енная] проблема здесь: по-нятие есть ли только логическая или и психологин [еская] категория. Пси-хологическая] реальность только в переносе или само понятие-пси-хич [еская] реальность? (Понять субъективно-выразить в терминах сознания или отношения.)

2) «Рождение слова» и 3) «Речь и практ [ический] интеллекта.

Жест-движение отчужденное от действия. Слово из общения, а не из самого интеллекта. Но оно перестраивает операцию; ее судьба – в слове; только из слова может быть понято дальней-шее развитие, Из 3) – процесс развития в том, что меняется смысловое поле; это значит – в речи (слове) изменение значения слова,

(1) Здесь значение слова есть его смыслообразующая способность. Здесь значение слова выступает как значение вещи.

Проблема здесь: что является фак-тором в развитии значений?

Как совершается оно? Перспективно возникает проблема интер-и интра.

4) «Развитие рассуждениям Установлено: а) речь след[ует] за действием, б) синкр [ет&ческие связи], соположения подвиж-ны, иные на разных этапах (не «dosage»), и в) общая схема: связь суждений на основе деформации] факта; связь на основе деф[ормации] суждений], Вскрывается разное место речи, разное к ней отношение.

(2) Здесь значение слова-зачение речи как функции, т+ е> изменение 22

значения – изменение и нте р-функц[иональных] связей. Перспектива:

степень осознания: значение для процесса.

Проблема: в чем заключается внут-ренняя связь между (1.) и (2).

5) «Овладение понятием».

Основной факт: «ножницы» (усваивают, но не обращаются; усваивают хуже, но обращаются). Это вопрос сознания! (3) Мес-то меняется; меняется отношение к мышлению.

Главная проблема: связать (1), (2), и (3), т. е.: значение слова как смыслообразующей единицы, значе-ние слова как значение функции слова, значение слова как изменение сознания. Т. е. смысл – меж-функц [иональные] отнош [ения] – сознание.

Резюме к теории:

1) Развитие интеллектуальных] процессов не может быть выведено из них самих;

2) Подобно тому, как слово, рождаясь в условиях интеллекта, затем должно выступить как объяснительный момент, так и сознание, формируемое словом, есть объяснит [ельный] принцип для высших форм мыслит [ельной] деятельности.

2. От доклада Л [ьва] Семеновича] о сознании, Ясно:

1) Общее о сознании: сознание развивается; сознание должно быть предметом психологического] исследования.

2) Место речи меняется; меняется значение слова. Из-мен

(ение] значения-смыслового поля {-внешнего мира}, отсюда степени свободы. Но и изменение внутреннего] мира – внутренней] свободы, внутренней] воли.

Вопросы: 1) Словоцентризм системы. Что – субъект разви-тия? Где человек, мир? Где действительные отношения человека к миру?

2) Не уяснено отношение: значение – сознание,

сознание –

личность.

3) Мысль – слово. Что же есть мысль? Ответ л [ьва] С [еменовича]

1) Об отношении внутренней мысли к слову

– Значение различно в разных формах речи (во внешней, во внутренней] речи).

– Значение слова ОТНОСИТСЯ к мысли и слову как к единству, Мысль м [ожег] б [ыть] выражена в разных значениях, ЧТО есть мысль?

– Не верно, что 1) слово-одежда мысли, что 2) мысль-система значений.

23

– Верно: мысль относится к свершенной мысли как сперма к зародышу. Эта несвершенная мысль есть как бы «смутная идея» (Спиноза) М[ожег] б[ыть] о такого рода мыслях мы можем говорить и по отношению к животным.

– Мысль НЕ потенция. Ибо между несвершенными мыслями существуют отношения.

– На различных этапах развития эта смутная мысль м [ожег] б[ыть] различна. Может быть, первоначально она стоит совсем близко к аффекту, есть аффект,

– Что мысль несвершенная – реальность для психологии – видно из факта наличия так называемой] переживаемой речи (Гольд штейн}, У нас есть непосредственное чувство: «верно ли передал мысль»,

– Мысль иначе характеризуется, чем слово; мысль слитна, нераздельна, слово – раздельно,

– А что лежит за мыслью? За ней лежит мотивация. Эта проблема есть проблема «субъекта развития», вопрос о слово-центричности системы,

2) о субъекте развития

– Внутренняя мысль и мотив не одно и то же. Мысль имеет свои причины.

Прав Левин: ассоциации не мо-тор (мое исследование] о структуре ценного ассоциативного] ряда) к это так, потому что <?А следует за «В» не по логическому потому что». Здесь причина – основная жизнен-ная функция – мотив – аффект.

– Развивается ЧЕЛОВЕК* раз-виваются аффекты, побуждения. Слово – средство. Мотивы остаются на границе сознания. ОТ МОТИВОВ К ВЫРАЖЕНИЮ] МЫСЛИ-ОТ ПРЕДСОЗНАНИЯ – К СОЗНАНИЮ.

Мотивы – внутренняя речь – внешняя речь-это разные планы отдаленности вглубь, к границам сознания,

Очень важно! Значит, все развитие от мотивов, от слепых побуждений идет к сознанию, к осознанию их! Это – ключ всей системы. Развитие ПРОЦЕССА. А развитие в смысле генеза? То же, но иначе; перестраиваются отношения – структура все-го поведения, система... В этом смысле: за сознанием открывается жизнь.

24

МЫСЛЬ НУЖНО ВЫВОДИТЬ ИЗ ЖИЗНИ, А НЕ ОБРАТНО,

Отсюда к определению психологии.

3) Определение психологии

«Психология есть наука о психической жизни»> Психическая жизнь есть особая форма жизни. Мы можем и должны говорить о ней, как мы говорим о растительной жизни, об анимальной жизни.

Зоопсихология возможна именно с точки зрения такого определения психологии. Здесь необходимо защищать 2 следу-ющих основных тезиса: 1) биологи-ческая (широко) т[очка] зрения, 2) не физиология.

– Психофизиология – особая наука, как напр [имер] биологиче-ская химия.

4) О понятии как о психологической реальности

Следует различать макро- и микрокартину псих[ической] жизни. Понятие как психологическая реальность есть не только потенция. Это есть микрообразование. Оно относится к, движекию понятия, к слову как клетка к ткани. Логика всегда в «макрос, психология понятия – «микро-

5) Что развивает значения? Итер- и интра

Это – предмет конкретного исследования. Не простая зависи-мость – не среда, не практика etc. Здесь сложное отношение. Действительные связи с миром, их развитие – развитие значений-обобщений; общение. Ибо и общение невозможно без обобщаю-щей деятельности. Общение есть всегда обобщение.

Нужно искать объяснение части из целого, т[о] е[сть] значения из изменения сознания; за сознанием действительные отношения субъекта.

6) Развитие научных и спонтанных понятий

В этой проблеме – проблема развития и обучения. Отношение здесь – искомое исследование развития научных и спонтанных понятий,

Необходимое понятие – зона ближайшего развития.

Процесс идет так: понятие спонтанное и понятие научное как бы проделывают противоположный путь – одно вверх, другое вниз.

25

7) Аналогия-иллюстрация: ШАХМАТНОЕ ПОЛЕ

В шахматах – пример изменения мира для человека, Пример отношения мотива – мысли – значения – мира.

МАТЕРИАЛЫ О СОЗНАНИИ

[I]

Для плодотворного обсуждения той или иной системы научных положений необходимо, чтобы были наперед ясно обозначены ее общетеоретические предпосылки.

Только тогда становится возможным выяснить, в чем заключается истинный предмет спора – в предпосылках ли, т. е. в основаниях данной концепции, или же в самом развивающемся на этих основаниях конкретном ее содержании. Выяснение предпосылок необходимо и тогда, когда они кажутся хорошо известными и бесспорными, а посему повторение их – скучным.

Именно так обстоит дело в нашем случае.

Все же – для пользы дела – я начну свое изложение с того, что обозначу те общие теоретические предпосылки, которые* я постоянно имел в виду в ходе своего исследования,

ФИЛОСОФСКИЕ И КОНКРЕТНО-НАУЧНЫЙ ВОПРОС О СОЗНАНИИ

Ленин в «Материализме» и эмпириокритицизме я потребовал различать в проблеме материи философский вопрос о материи и естественнонаучный, конкретно-научный вопрос о материи. Он подчеркивал, что неразличение этих двух вопросов ведет к грубым ошибкам.

То же самое остается справедливым и применительно к другой большой проблеме – проблеме сознания. И в этой проблеме необходимо различать философский вопрос о сознании и конкретно-научный, т. е. общественно-исторический, конкретно-психологический (очевидно, также и физико-физиологический) вопросы о сознании.

Философское решение вопроса о сознании дается диалектическим материализмом, который выдвигает следующие тезисы о сознании:

1. Главный вопрос философии есть вопрос об отношении сознания к объективной реальности; соответственно главным тезисом о сознании является положение о том, что сознание отражает объективную реальность.

2. В этом, и только в этом смысле сознание и объективная материальная действительность, которая им отражается, суть противоположности. За пределами этого гносеологического вопроса их противопоставление есть «вопиющая неправда». Сознание не есть вещь вне- или надприродная. Дух и материя – это

26

различные формы «единой и неделимой природы»; следовательно, их противоположность не абсолютна.

3. Сознание и действительность, и бытие, образуют единство. Это значит, говоря философским языком, что, будучи противоположностями, они переходят друг в друга, «бывают тождественными».

Понятно, что для материализма основным в этом диалектическом единстве, первичным является объективная реальность, бытие, производным, вторичным – сознание.

4. Следовательно: сознание нельзя мыслить как замкнутый в себе мир, как мертвенную вещь, отражающую другие вещи; сознание и несознание нельзя мыслить, как «вне вступающие» в соприкосновение друг с другом,

. Отражение мира в сознании нужно мыслить в движении, в процессе возникновения и разрешения противоречий.

Сознание и отражаемая им реальность связаны друг с другом реальными и содержательными процессами, в результате которых происходит превращение, перевод материального в идеальное, объективной реальности в факт сознания, как и обратный переход факта сознания, идеи в действительность, (Сознание) «творит»

Так падает классическое представление о «замкнутом в себе круге сознания».

5. Сознание есть продукт развития материи, есть продукт развития жизни. Это высшая форма отражения, форма специфически человеческая,

возникшая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни – к жизни в обществе, к общественным отношениям. Следовательно, сознание не есть единственно существующая, единственно возможная, единственно мыслимая форма психического отражения,

6. Сознание есть всегда сознание реального, материального субъекта, осуществляющего материальный процесс своей жизни. Не может существовать и не существует «ничьего» сознания, «ничьей» идеи. Таковы основные философские тезисы о сознании. Из рассмотрения их содержания видно, что предметом философского рассмотрения сознания служит вопрос о природе сознания (онтологический аспект) и вопрос об отношении сознания к объективной действительности (гносеологический аспект); оба эти вопроса рассматриваются диалектическим материализмом как единственный вопрос – «основной вопрос всей философии»; можно сказать, что предметом философского, гносеологического, логического анализа является отношение сознания к познаваемому, идеи, мысли к действительности. От философского вопроса о сознании необходимо отличать:
А. Вопрос об общественном сознании и
Б. Вопрос о сознании (общественного) человека.

,27

Первый служит предметом изучения исторической науки, исторического материализма.

Второй – предметом психологии,

УЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА О СОЗНАНИИ

(Для нас это имеет методологический интерес, во-первых, как классическая форма конкретизации философского учения о сознании, во-вторых, с точки зрения необходимости в дальнейшем различить учение об общественном сознании человека и о сознании человеческого общества,)

Исторический материализм устанавливает следующие положения о сознании общества:

1. Люди в процессе общественного производства производят и сознание своего общества. То, в чем и при помощи чего существует сознание общества, есть язык.

2. Материальная жизнь общества есть первичное, сознание общества есть производное, вторичное. Они связаны друг с другом отношением единства, т. е. отношением, предполагающим взаимные переходы, взаимопроникновение (материальная жизнь, производство определяет сознание общества, сознание общества способно изменять его материальную жизнь).

3. Сознание общества существует как сознание образующих его людей и иначе существовать не может; книга как воплощение факта общественного сознания существует как таковая только в условиях существования способных проникнуть в ее содержание людей.

4. Сознание общества отражает природу и общество. То, как отражается в сознании общества природа и само общество, зависит от того, что представляют собой отношения людей к природе к друг к другу, а это определяется развитием их производства.

Иначе: сознание общества определяется бытием общества.

5. Первоначально сознание общества совпадает с сознанием образующих его индивидов и обратно. Это совпадение разрушается вместе с возникновением общественного разделения труда, сознание становится классовым. Уничтожение частной собственности и отделение идеологов уничтожает и ограниченность классового сознания, падает противоречие индивидуального и общественного сознания, сознание человека освобождается.

Соответственно указанным тезисам о сознании общества предметом наук об общественном сознании является сознание, взятое в его отношении к жизни общества.

Итак; сознание присуще человеку – реальному субъекту сознания.

Будучи взято в его отношении к объективной реальности, его рассмотрение принадлежит философской науке – теории познания, логике (вопрос об истине»);

будучи взято в его отношении к жизни общества («с точки

2й

зрения объективно общественных следствий»), его рассмотрение принадлежит науке об обществе;

будучи взято в его отношении к осуществляющейся жизни человека, его рассмотрение принадлежит психологии.

Значит: учение о сознании необходимо входит в предмет психологии, но оно

решительно не совпадает и не должно совпадать с учением о сознании диамата и истмата. Подмена психологических, т\е. конкретно-научных положений о сознании, положениями гносеологическими или положениями исторического материализма является грубо ошибочной.

В силу существующих между этими науками отношений, отражающих объективные отношения их предметов, такая подмена не только делает самую психологию сознания бессодержательной, но и ограничивает возможность дальнейшего полного развития других наук о сознании – по «восходящей линии их иерархии».

Каковы эти отношения? = отношения предметов наук? дано:

дано :

Рис. 3

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Из рассмотрения основных положений о сознании диа-лект [ического] и история [еского] материализма вытекает:

1. Т[ак] к[ак] сознание есть основная, специфическая форма психики человека, то психология человека необходимо есть конкретная наука о сознании.

2. Психология должна рассматривать С [ознание] в своем собственном конкретно-психологическом аспекте, а отнюдь не ограничиваться включением в систему своих положений положений философских, логических или исторических.

Ибо: предмет исследования их не тождествен! Тождествен «эмпирический» предмет их.

3. Из этого вытекает, что психология должна разрабатывать психологическую теорию сознания.

4. Наконец, что эта задача является важнейшей, решающей

29

судьбу психологической науки, что без решения этой задачи психология не может претендовать на то» чтобы стать подлинной наукой и выйти из прегистории своего развития на широкую дорогу своей истории.

Психология, лишенная теории сознания, – это еще меньше, чем политическая экономия, лишенная теории стоимости.

КОНЦЕПЦИЯ СОЗНАНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ПСИХОЛОГИИ (НЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ)

ПРОБЛЕМА!

Современная традиционная психология полагает предметом своего изучения внутренний мир человека, мир процессов его сознания, его сознание.

(Мы отвлекаемся сейчас от «стрикт-бихевиоризма» и подобных ему систем: это лишь негатив – грубая и глупая противоположность буржуазной психологии сознания.)

В чем же состоит общая концепция сознания в буржуазной психологии? – Речь идет именно о теории С[ознания]!

Мы не склонны заниматься детальным обзором.

Наша задача – показать не столько различия в способах фактического решения проблемы сознания в разных психологических направлениях, сколько – показать общие черты, присущие этим различным способам.

Мы должны попытаться представить положение проблемы С[ознания] в буржуазной психологии с точки зрения тех требований, которые вытекают из обозначенных нами предпосылок.

Скажем наперед: при таком подходе психологические «кошки» сознания кажутся ужасно серыми.,.

Первое и самое простое решение вопроса состоит в том, что С (ознание) рассматривается как некоторое общее качество, присущее психическим процессам человека. Поскольку оно присуще всем процессам человеческой психики, постольку оно может и должно быть вынесено за скобки – за скобки психологического исследования.

Этот вынесенный за скобки общий множитель и фигурирует обычно в виде двух-трех абстрактно-философских положений.

Таким образом, в этом случае сознание утверждается в психологии только для того, чтобы фактически быть тотчас же из нее вынесенным, по крайней мере вынесенным за пределы собственно психологического рассмотрения.

Это – первый вариант решения, вернее – нереальное решение, проблемы конкретной теории С[ознания] в буржуазной психологии.

Часто этот вариант углубляется».

Он углубляется утверждением, что изучение отдельных процессов, функций и есть изучение сознания. Иначе: психические

30

функции принадлежат сознанию, сознание – это то, что функционирует, С[ознание] – «хозяин» функций. Так истинный субъект превращается в абстракцию, мистифицируется – {Вспомним: мыслит, запоминает, воспринимает не С[ознание]> а человек-действительный и действующий, телесный, стоящий

на «твердой, круглой земле»...). Развитие этого взгляда целиком переводит проблему С [ознания] в плоскость проблемы личности, проблемы «я», которое выступает как духовное «я», как самосознание (Липпс), Это вместе с тем – высшее развитие идеи первичности самосознания.., (Очень интересен с этой точки зрения Фрейд. Для Фрейда сознание есть действительно форма, одна из форм существования %я> Цензура поэтому есть одинаково и функция сознания, и функция «я». Конечно, это чисто сознательное, т. е. духовное «я# не может покрыть собой истинного «я», не может быть субъектом действительной жизни. Оно только принимается нами за настоя-щее «ся>. философская мистификация сознания а буржуазной психологии есть для Фрейда факт самой психической жизни, есть психическая иллюзия, Отсюда у Фрейда – субъективизм в вы-сшей степени. Отсюда и бунт Фрейда против психологии, ограниченной изучением данных сознания: он требует отказа от психологического иллюзионизма в проблеме жизни реальной личности. Он ищет детерминанты жизни за пределами личности, отождествленной с сознанием. Он открывает мир «по ту сторону» – увы, этот мир уводит Фрейда в потусторонний мир...).

Другая разработка:

Сознание есть то, что присуще психическим процессам человека, то| что может быть вынесено за скобку, но что вместе с тем выступает реально; сознание – это то, что объединяет психические функции, связывает их между собой в единство психической жизни. Иначе: сознание есть форма психического единства. Сознание имеет свои законы:

закон единства сознания,
закон тождества сознания*
закон потока сознания.

Это– чисто формальное учение о сознании.

Оно находит свое полное выражение в идее бескачественности сознания, наиболее важной идее, выдвигаемой традиционной⁴ психологией.

УЧЕНИЕ О БЕСКАЧЕСТВЕННОСТИ СОЗНАНИЯ

(Оно выступает в разных формах и выражается в различных положениях; рассмотрим главнейшие из них.)

1

Сознание есть непосредственная данность, далее не раскрываемая. Оно, следовательно, может найти свое определение, свою

31

характеристику только отрицательно» как то, чего нет у человека, находящегося в состоянии бессознательности. Это «свечение». Оно может изменяться по степени – количе-ственно, иногда вспыхивать, иногда меркнуть. Смутное, тусклое сознание – оживляющее, разгорающееся сознание – ясное со-знание – меркнувшее – угасающее совсем (Блонский),

2

Сознание есть психическое пространство. Оно бескачественно, как бескачественно пространство. В лучшем случае оно имеет формальные свойства; напр[имер! свойства, выражающиеся в законах структуры. Сознание – сцена, на которой разыгрывается драма психической жизни (Яепсрс). Сама сцена не принимает участия » представлении; но на ней может нечто появиться, с нее можно уйти. На ней может открыться люк (провал в сознании) и поглотить действующего персонажа... Нечто может действовать под сценой, за сценой,

3

Сознание не имеет качественных определений (1), оно может быть лишь более ясным или менее ясным, и изменяться «геометри-чески» – быть более широким, менее широким; может быть – единым, может быть – раздвоенным.

Здесь особенно ясно выступает идея: «сознание = свечение».

Поэтому сознание легче всего может быть представлено в своей проекции на внешнее поле. феномен сознания может быть легче всего представлен в виде прожектора, освещающего внешнее пространство; в этой форме оно совпадает со вниманием (которое собственно и есть феномен сознания).

Широкий луч – узкий луч, ярче свет – тусклее.

Сплошной луч – раздвоенный луч.

Колеблющийся свет.»

Неустойчивый, трудно удерживаемый в одном положении – тугой, никак не сдвигаемый...

Вся феноменология внимания входит в это учение о сознании.

В этом учении о С[ознании] ему легко приписывается активность* Тогда сознание превращается во вмешивающееся в ход процессов активное творческое начало.

СОЗНАНИЕ – ПРОСТРАНСТВО, СФЕРА, МИР

Эта идея представляет собой альфу и омегу классической

буржуазно-психологической концепции сознания. Все пробы мысли – внутри этой концепции.

Сознание образует особый мир – мир субъективности.

Это – замкнутый в себе, внутренний мир субъекта, никогда не соприкасающийся с миром притяжения.

Он может размыкаться для субъекта лишь до сферы мирового сознания или лишь до сферы коллективного субъекта. Ибо

32

существует общение сознаний: индивидуального и божественного сознания, индивидуального сознания и коллективного сознания, индивидуального сознания и другого индивидуального сознания.

Сознание есть чисто феноменальный мир. Существуют два пути проникновения в этот мир – путь чистого интроспекцио-низма и путь рационального анализа – открытия идеальных отношений, этого идеального мира логики, математики, геометрии духа. Его содержание есть внешнее по отношению к нему, это – так же мало содержания сознания] как перевариваемый хлеб – содержание физиологических процессов пищеварения.

Нужно различать функции, состояния С [ознания], с одной стороны, и материальные содержания С [ознания] – с другой. Последние соотносимы с объективностью но они не могут быть предметом психологии С [ознания], ибо не принадлежат ему, ..

Выводы

1. Буржуазная психология всегда претендовала на то, чтобы стать наукой о сознании. В понятии сознания она видела свои последние определения.

2. Но она на всем протяжении своего развития оставалась в пределах картезианского противоположения сознания – несознанию.

3. Это неизбежно приводило к тому, что

а) сознание выступало в ней как нечто бескачественное, внеположное и в силу этого

б) сознание постоянно утрачивалось в ней.

Итак, парадокс буржуазной психологии состоял в том, что, конституируя себя, как науку о сознании, она никогда не была наукой о сознании; псих[ология] не выдвинула никакой конкрет-ной теории сознания, в буржуазной] психологии проблема сознания была мисти-фицирована.

Это имеет свою глубокую причину. Она заключается в мисти-фицированности сознания людей в буржуазном обществе. Только вставшая задача практического освобождения человека сделала возможной демистификацию его сознания и демистификацию конкретной науки о сознании.

Психология человека есть действительная наука о сознатель-ной – психической жизни, она необходимо включает в себя конкретное учение о сознании, содержательную конкретно-психологическую теорию сознания. Только при этом условии она становится «реальной наукой, только при этом условии она становится действенной, и только при этом условии падает роковое для нее разделение школьной психологии и психологии «настоящей», жизненной, (Такая психология есть социалистиче-ская наука par excellence,)

а–

УЧЕНИК Л. С. [ВЫГОТСКОГО] О СОЗНАНИИ

В противоположность учению о бескачественности Созна-ния], о С [ознании], как замкнутой в себе вещи, мертвенно отражающей в себе другие вещи, Л. С. [Выготский] развивал конкретно-психологическую содержательную теорию С [ознания].

Внутренняя теоретическая задача состояла в том, чтобы разомкнуть замкнутый Декартом круг соз н а н и я .

Эта новая теория С[ознания] строилась «снизу», со стороны исследования строения различных психических процессов.

В этом состоял метод «прорыва* в сознание.

Л [ев] Семенович] называл свое учение о С [ознании] учением о системном и смысле строения Опознания]. Это учение излагалось им в ряде сочинений, отчасти общеизвестных, отчасти малотиражных, стеклографированных.

«Пора оформления мысли, – говорил Л [ев] Семенович], – еще не наступила.

Г

(1) Психические функции не соположены друг с другом. Они выступают в известном строении, в определенных межфункдональных отношениях. Эти отношения возникают в ходе развития. Они изменяются, перестраиваются. Раньше восприятие, например], связано с памятью, затем с мышлением. Память – раньше с аффектом, затем с образом восприятия, затем также и с мышлением, с понятием. Это – первичные связи. Но возникают и вторичные, третичные связи. Создается иерархическая система функций.

У человека эти связи носят особый характер.

Особенность этих связей состоит в том, что они замыкаются – условно говоря

– не «естественное, а «искусственно»: в силу того, что человек овладевает общественно выработанными орудиями действия, в частности – внутренними средствами – знаками.

Знак приводит функции в новое соотношение. Узелок, завязанный для памяти, это – не только узелок на платке: это узелок конкретных психических процессов, ведущих к припоминанию., ,

Итак: С [ознание] не просто «общий хозяин» функций. С [ознание] характеризуется определенным системным строением психических процессов. Это – несомненный шаг вперед в смысле наполнения представления о С [ознании] конкретным содержанием.

Как понять системное строение С[ознания], как показать его с его содержательной стороны? Этого нельзя сделать, отвлекаясь от другой стороны; от смыслового строения сознания.

Нужно исследовать, что такое знак.

34

II

Знак и значение

–

(2) Знак есть то, что опосредствует процесс отражения в сознании. С[ознание] и есть опосредствованное отражение. Если согласиться с общим тезисом о том, что С [ознание] есть опосредствованное переживание (т. е. внутреннее состояние субъекта), то нужно признать, что оно не может быть опосред-ствовано самим объективным предметом; ведь этот объективный предмет должен как-то выступить для меня. Одно дело «осозна-ние» данного предмета у первобытного ч[елове]ка, другое дело у меня; одно дело у ребенка 3-х лет, другое дело – у семилетки. От чего же зависят эти различия? Грубо говоря, от различного знания, которое и есть та призма, которая преломляет мне мир.

Знак опосредствует сознание, ибо знак имеет значение.

Знак есть реальный причал, реальный носитель значения. Значение есть общественно выработанное, выработанное в про-цессе общественной практики обобщение – всякий знак имеет значение, знак есть то, что имеет значение. Т [аким] о [бразом] знак – в противоположность утвержд [ениям] вульг [арной] критики – для Л. С, [Выготско-го] – это отнюдь не иероглиф, это.

обобщенное отражение действительности, общ [ественно] -ист [орической] практики, объ-ективно фиксированное как конкретно-исторический факт челове-ческого знания; это – то, что исторически лежит за словом. Так, наука есть система значений, язык вообще; господствующий круг представлений, понятий, все это исторично, за всем этим не индивидуальный, а общественный опыт, общественная практика, следовательно все это – системы значений.

Поэтому:

(2 А) Я воспринимаю, мыслю, сознаю мир как конкретно-историческое существо. Я ограничен и вместе с тем вооружен представлениями моего времени, моего класса, Я могу выйти за эти границы, но и для этого должны быть предпосылки в обще-ственном знании...

(3) Классическая форма знака – слово. Сознание имеет языковую, речевую природу. Язык – «реальное сознание».

Иметь С [ознание] – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания.

Чем характеризуется значение?

Значение – это обобщение, обобщенное отражение действи-тельности.

Следовательно, значение должно изучаться именно как обобщение. Но что значит исследовать обобщение? Чем отлича-ется одно обобщение от другого?

Как развивается обобщение?

Адекватная характеристика обобщения заключается в раскры-тии его строения.

35

Верно, что различие обобщений – это различие содер-жания, которое обобщается. Но конкр [етно] -психологически существенно то, что разное вещественное содержание требует разных процессов для того, чтобы оно могло быть обобщено.

Более того – одно и то же содержание может быть по-разному понято, обобщено, отражено.

Итак, значение характеризуется через ту систему процессов, которая требуется данным обобщением. Эта система процессов, взятая как характеристика соответствующего обобщения, и есть то, что Л. С. [Выготский] называет строением значения.

Напр[имер] \ для обобщения типа «пушистое» требуются элементарные процессы выделения и восприятия данного каче-ства, и объединение в памяти соответствующих впечатлений.

Иначе в случае обобщения типа «капитал» (разумея капитал как общественное] отношение). Здесь требуется сложная логическая обработка. Обобщение «рычаг» глубоко различно у различных людей, при различных условиях. «Рычаг» – обобщенный образ рычагов управления машиной, «рычаг» – просто асякая длинная палка, слега, «рычаг» – физическое тело, имеющее одну точку опоры и две точки приложения сил, «Добро» – это имущество, вообще то, что идет мне на пользу, но добро – это к этическая категория, «Сын» – простой обобщенный («генерический», сказал бы Рибо) образ: «Мама, – говорит ребенок, увидя взрослого сына своей няни, – ну какой же это сын – с усами». Для нас сын – это отношение. Различие строения значений требует их классификации и изучения развития их.

Л [ев] Семенович] и устанавливает различное строение значений» пользуясь для этого уже введенными терминами: синкрет, комплекс, истинное понятие. Для синкрета и комплекса он пробует установить различные типы, для понятия – классификацию по «мере общности», (Кстати, критика здесь снова скользит мимо существа дела. Главный тезис здесь бесспорен: обобщение может иметь разное строение. Так же бесспорен и следующий тезис: у детей не существует готовых развитых значений, т. е. сложных обобщений. Хотя ребенок знает, что будет плавать, а что потонет, он знает это существенно иначе, чем физик или даже чем школьник 5 класса: это знание у них разных по своему строению значений.) Итак, другую сторону системного строения сознания составляет его смысловое строение, характеризующее то, как человек сознает мир, как он воспринимает, мыслит мир (адекватный эпитет сознания – мыслящее сознание).

Это две стороны единой характеристики сознания. Одна сторона – это процессуальная сторона, другая – феноменаль-ная, смысловая, она же – предметная, Подчеркивание

36

их единства ликвидирует разделение и противопоставление (как безразличного друг другу) процессов и содержаний сознания, явлений и функций.

Что является ведущим в этом единстве?

Разумеется, содержательная сторона – значения,, [отсутствует одна страница рукописи]

Наконец, человек поднимается до высшего сознания мира и себя в этом мире. Теперь все иерархизировано – значения поднимаются до высшей меры общности. Жизнь человека становится понятийной.

Итак:

Развивающиеся значения обращаются на внешний мир – поведение человека становится разумным и свободным во внешнем смысле.

Они обращаются на самого человека – его поведение приобретает черты воли. Обобщается мир аффектов, мир внутренних переживаний – человек выходит из «рабства аффектов», он получает внутреннюю свободу. Это идеал Спинозы.

Утверждение разумности и свободы человека – пафос всей системы мыслей Л. С. [Выготского] о сознании.

Понятно, что первое систематическое и свободное изложение этих мыслей о С[ознании] было сделано в книге о Спинозе, в форме критического исследования философии и этики великого философа.

[Зачеркну:] <Б. Г. (Ананьев? – ред.) назвал эту книгу книгой о великой любви к разуму, побеждающей страсти. Эта книга осталась незаконченной. Она погибла, как и ее автор. В этой двойной гибели были повинны человеческие страсти, не побежденные разумом),

(6) Итак, главный тезис Л [ьва] С [еменовича] есть тезис о развитии С[ознания] (значений). Естественно, что главный вопрос – это вопрос о том, как происходит развитие значений.

Человек не стоит одиноко перед миром.

Человек не Робинзон, делающий самостоятельно свои малень-кие изобретения. Человек встречается с предметным миром через других людей, (Это называется в политэкономии производственными отношения-ми.) Психологически это – общение. Сознание человека– это С[ознание] общественного человека. Это его общественное, сознание. Оно входит в сознание общества, которому он принадлежит. Личное и общественное сознание суть внутренне связанные между собой явления.

Сознание человека формируется в общении и иначе формиро-ваться не может; обобщенное отражение мира и общение с другими людьми предполагают друг друга, (Каково общение, таково и обобщение.)

Ведь: бесспорно, что всякое общение предполагает обобщение

37

(если бы слова не были обобщениями, то общение было бы невозможным); столь

же бесспорно и другое: в основе развития обобщений лежит общение. Ведь обобщение вовсе не есть продукт индивидуальной практики; это – продукт общественной практи-ки, практики человечества. Как же она может быть передана, в каком процессе? – в процессе общения, через систему соответствующих понятий, представлений – короче – через систему обобщений. Каким же образом общение приводит к развитию значений и, следовательно, сознания?

Это происходит в процессе взаимодействия значений – реальных и идеальных.

Что такое реальные и что такое идеальные значения? (Общение – искра, связывающая эти полюса.)

[Зачеркнуто:] (Какова роль практики в этом процессе? «Практика» и практика. Что такое практика ребенка? Проблема «ребенка на горшке». Общение с взрослым есть практика, учение есть практика, сочинение теории есть практика! Дело в том, что моя теоретическая деятельность и мост для меня практический результат.)

КОНКРЕТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

РАЗВИВАВШЕЙСЯ Л. С. [ВЫГОТСКИМ]

(Теория Сознания] и практика психологического исследова-ния)

Мир сознания ребенка. Психология учения, «педология». Представление] об истор [ическом] времени.

Мир сознания болезненно измененной личности, Хроногенность локализации], Афазии, шизо[френия], Пик.

Мир сознания исключительных личностей* Шерешевский.

Одаренность и сознание. «Вундеркинлизм

Этические проблемы (!). «Психология должна учить жить».

Великое искусство л[ьва] С [еменовича] сделать теорию действенной.

•

К КРИТИКЕ ТЕОРИИ Л. С. [ВЫГОТСКОГО]

Данный грубый абрис учения о С[ознании] относился к 31 г. Высказанные в то время л[ьвом] С [еменовичем] положения очерчивали новый шаг его мысли. Это было крупным шагом вперед в смысле насыщения психологии большим фактическим содержанием; открывались новые возможности исследования.

Но по отношению к осуществлению главного исходного замысла это был в некотором смысле шаг назад. В чем состоял этот исходный замысел? Он

заклучался в том, чтобы в образе жизни человека найти ключ к его С [ознанию], чтобы связать жизнь с сознанием. «За сознанием открывается жизнь. «Психо-логия – наука об особой – высшей – форме жизни», 38 Отсюда первая идея: жизнь человека – опосредствована системой общественно созданных средств жизни. В этом реаль-ном, объективном опосредовании особенность субъективного мира человека – мира его сознания.

Перейти от сознания к объективности не-сознания нельзя, поставив вопрос о том, как эти различные вещи связаны. То, что разъединено в исходном положении, не может быть соединено в конечных положениях. Значит, с самого начала нужно отыскать соединение этого несоединимого.

Таков был замысел!

Принципиальное решение этой проблемы состояло в том, чтобы в орудии, в огне, направленном на изготовление] пищи, в узелке, завязанном на память, – в материальном предмете увидеть факт психологический. Ищите сознание человека здесь, в предметном мире! ..

В этом и заключался весь пафос первых теоретических проб. Материальное, внешнее и идеальное, внутреннее выступили как единое.

Но это было психологически недостаточно конкретное решение.

Нужно было найти в самом этом внешнем предмете то, что именно и делает его психологическим. Ответом на этот вопрос и было учение о значении предмета как о единице сознания.

Результат был, однако, неожиданным, ..

[Зачеркнуто:] <В действительности значение не связывает С[ознание] с предметным миром, а отделяет С[ознание] от него, образуя плену, обволакивающую весь мир, внешний и внутрен-ний, «призму».

Но, может быть, эта пленка значений есть само сознание, тогда главная трудность падает, конечно.

Это, однако, не так. Ибо при таком допущении сознание перестает быть фактом моей жизни, это жизнь общества, око отделяется от жизни. –

Итак, разрыв налицо – там или здесь/}

Л [ев] С [еменович] видел эту трудность. Поэтому основную задачу дальнейшего исследования он видел в решении проблемы связи жизни и С[ознания] = аффекта и интеллекта.

Он пытался решать ее в своем «Спинозе», мне неизвестны эти попытки

достаточно хорошо. Я знаю, что она не была решена в смысле обратного движения аффект – интеллект. Она и не могла быть решена. Именно в силу того, что эта проблема осталась принципиально неразрешимой, все построение Л [ьва] Семеновича] возвратилось к классическим позициям французской социологической школы.

Сознание стало производным от общ [ест ее иного] С [ознания].
[Зачеркнуто:] (Сознание – результат проекции других сознаний).

39

Сознание – результат речевого, вообще духовного общения.

[Зачеркнуто:] (Сознание потеряло интенциональность).

Сознание интеллектуализировалось в высшей степени.

Обучение, его значение чрезмерно подчеркнута. Жизнь превратилась в процесс образования, исчезло истинное (диа-лект [ическое] развитие.

Человек выступил не как общественное, а как общающееся существо.

Круг сознания вновь замкнулся в широком круге общ [ественного] с [ознания].

В чем же была главная причина неуспеха?

Основная мысль, положившая начало всему пути, была бесспорно верна. Верно было и то, что сам по себе предмет есть не психологическая.

Ошибка состояла в том, что 1) предмет не был понят как промышленность, т. е. как предмет деятельности человека; 2) обыкновенная практическая деятельность продолжала казаться чем-то, что только внешним образом зависит от сознания, то, чем управляет сознание и только.

Процессы сознания продолжали казаться единственно психо-логическими.

Поэтому сознание осталось мистифицированным.

Псих [ологияеская] концепция, развивавшаяся Л [ьвом] С [еменовичем], была оригинальной, новой, но это новое оставалось внутри старого!

Оборачиваясь на путь, пройденный Л [ьвом] С [еменовичем]:

1) незавершенность, неосуществленность,

но: 2) значительность,

3) на нем нельзя остановиться, но нельзя пройти и мимо него. [Более позднее добавление]:

< «В начале было слово»

«В начале было дело»*

В начале было дело (затем стало слово и в этом все дело!)»

Аффект? Но аффект не движущая сила. Развитие аффектов действительно состоит в овладении аффектами (в значении осознания).

..

1) Потребность, мотив – значение и личностный смысл,

(Пристрастность жизни: почва усвоения значений,)

2) Изменение представлений об учении (присвоение, Маркс), Рубинштейн,

3) Гальперин: контакты с миром, теоретическая] и практическая]

деятельность + экстернизация деятельности как необходимый момент!)

N1

Отправной пункт новых исследований С [ознания] – концепция Л. С.

[Выготского].

Они начались, следовательно, с критического анализа системы теоретических положений Л[ьва] С [еменовича].

40

Проблема С [ознания] встала перед нами как двоякая проблема:

1) как проблема существенной связи между С[ознанием] и познаваемым предметным миром и 2) как проблема связи С [ознания] и материального, субъекта С [ознания] – субъекта жизни.

Первоначальная тенденция психологических исследований Л [ьва] С [еменовича] и была направлена прежде всего на первую сторону проблемы.

«Промышленность.., есть чувственно предлежащая психология, .., есть раскрытая книга-.. До тех пор пока она останется закрытой для психологии, психология будет мертвенной наукой».

Орудия и то, на что направлено орудие, – мир созданных человеком предметов -- вот где нужно искать ключ к человеческой психике, к сознанию человека, ..

Иначе: особенность психики человека нужно искать в том факте, что отношения человека к миру опосредствованы. Развитие психики человека имеет своей основой развитие этой опосредствованности.

Но: орудие, предмет сами по себе суть вещи не психологические.

Они становятся психологическим фактом лишь постольку, поскольку они определяют психические процессы. Как же они их определяют? Лишь как знаки или значащие вещи.

Следовательно: подобно тому как орудие, промышленность строят мир человеческих предметов, так знак, т. е. то, что посредствует психические

процессы человека* строит мир челове-ческого сознания. Значение и есть единица С [ознания].

Анализ учения о значении, как о единице С[ознания], показывает, однако, что это учение необходимо приводит к тому, что:

1) Сознание отделяется от материального субъекта, от его жизни – возникает, как неразрешимая, проблема «связи аффекта и интеллекта»,

2) Сознание замыкается в порочный круг общественного сознания – классический круг французского] социологизма.

3) История сознания связывается лишь с историей обще-ственного сознания, а не с материальной историей общества, определяющими оказываются лишь культур но-исторические фак-ты. Таким образом, окончательно утверждается в психологии именно культурно-историческая теория, которую с исторической и философской точек зрения защищать невозможно,

Более конкретным образом неудовлетворительность этого теоретического результата пятилетних попыток Л. С. [Выготско-го] и его сотрудников мне представлялась как внутренне связанная с двумя следующими обстоятельствами:

1. С тем, что с самого начала предмет не был понят именно как промышленность, т. е. как предмет человеческой деятельности, и

41

2, с тем, что единственно психологическими продолжали казаться лишь внутренние психические процессы, процессы сознания; сохранилось противопоставление одних -- другим; обыкновенная внешняя практическая деятельность продолжала казаться чем-то, что только внешним образом связано с С [ознани-ем], что только управляется сознанием,

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новые исследования Харьковской группы (отдел: Запоро-жец], Бож[ович], Гальп[ерин], Асн[ин], Зинч[енко], Гин[ев-ская], Луков и др.) поставили перед собой в качестве первой, исходной задачи исследовать отношение: образ (значение)

– процесс. (1932–33 г.)

Экспериментальные исследования; Практический интел [лект] и речь (значения) – контра

Липман,

– Дискурсивн [ое] мышление дошкольника и значения – контра Пиаже.

– Овладение понятием в процессе учения (физика) – контра Л. С. [Выготский].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ] выводы из ЭТИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:

1. Всякое значение, всякий обобщенный образ адекватно раскрывает себя в процессе обращения («нисхождения») к еди-ничному, т. е. в процессе переноса, Исследов [ание] переноса есть адекватный метод исследования значений.

2. Значения, обобщения не только раскрывают себя, но – самое важное! – также и формируются в переносе. Перенос есть процесс формирования обобщения.

3. Процесс речевого общения есть частное условие переноса, а именно – переноса значений слов. Именно поэтому значения могут формироваться, развиваться в речевом общении. Это – частный случай развития значений,

4. Существуют разные отношения обобщенного образа к еди-ничному, к фактам действительности – разные «границы переносам

Соответственно, процессы, ведущие к адекватному переносу, будут различны: в одном случае простейший процесс применения практического действия в данной ситуации, в другом

– сложный внутренний дискурсивный прдчч*, требующий сложных логических операций,

5. Существует внутренняя связь между образом и процессом;

а) практическое интеллектуальное] действие (операция) без посредствующих логических, умственных операций внутренне связано с простым обобщенным образом;

б) он (этот образ} в известных случаях требует непременно речевой основы и иначе остается на уровне чувственного «генерического образам – его перенос ограничен до крайности;

42

в) более высокое обобщение – продукт мысленного процесса представления – «представления»;

г) еще более высокое образование в сознании составляют конкретные понятия – продукт и психологическая предпосылка уже собственно логических операций;

д) наконец, абстрактное понятие – предполагающее разви-тое дискурсивное мышление, – «переливанием понятий, как необходимое условие обращения к конкретности.

Итак: образ и соответствующий ему процесс не существуют отдельно.

Нельзя, однако* думать, что это есть одно и то же, лишь по-разному представленное, то как момент, то как процесс. Это суть различные и противоположные вещи.

Ибо:

б. Образ, обобщение и процесс связаны друг с другом не неподвижно, но динамическими отношениями. Их «совпадением» выступает лишь как момент, и они могут находиться в открытом противоречии друг с другом. Существует инерция образа- образ отстаёт от процесса. Это было показано экспериментально в опытах с разведением значения и операции.

Эти динамические отношения могут быть проще всего представлены в аналогии с отношением орудия и трудовой операции, описанном Гартигом («закон Гартига»).

[l'iiiiivniü- фиксирует, «омертвляет».

-

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ ПОСЛЕДУЮЩИХ РАБОТ

-

Из этих выводов следовало, что всякое отражение действительности в сознании человека (а всякое отражение есть обобщенное отражение и иным быть не может) и тот процесс, в котором оно формируется и раскрывается, образуют диалектическое единство (т. е. не мыслимы одно без другого, составляют противоположность, бывают тождественными – переходят друг в друга). Основным в этом единстве является процесс, который всегда есть процесс, связывающий обобщение с обобщаемой действительностью (субъекта с действительностью).

Т[ак] к[ак] это отношение остается справедливым для всех ступеней развития и для процессов, связывающих субъекта с действительностью в любой их форме, то мы пришли к следующей главной идее – психологической и философской: действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему. На место классической картезианской, всей психо-логией принятой, исходной схемы встала другая схема:

43

Внутренний мир: образы, процессы ш Внешний мир: предметы\ процессы

щ

+

Отражение, образ Процессы; 1) Внешние 2) Внутренние
Внешняя действительность: материальная , идеальная

Рис 4

Противоположность же материального и внешнего – идеального и внутреннему стала расшифровываться как возникшая исторически, вторично, и, следовательно], как такая противоположность, которая не может служить исходной, она должна быть понята и раскрыта именно как исторически возникшая, т. е. как не абсолютная.

Иначе: . – Основной факт сознания есть факт отражения.

– Отражение связано с отражаемым процессом.

– Этот процесс принадлежит субъекту, его действительной жизни, в нем необходимость и условие возникновения отражения предмета, на который он направлен. «Мысль ввести жизнь в логику – гениальна», что же сказать о психологии?!

Еще иначе:

Исходное – жизнь. Жизнь рождает психику, отражение; жизнь человека–его сознание. Жизнь –прежде в единой и единственной форме – в форме внешнего, материального процесса. Затем она раздваивается на две противоположные формы. Их соотношение меняется. Все это – предмет конкретно-исторического исследования.

Резюме доклада весной 1934 г.

«Великое и подлинно трагическое для психологии заблуждение картезианства состояло именно в том, что реальная, конкретно-историческая

противоположность внутренних, духовных процессов и внешних материальных процессов жизни, – противоположность, порожденная общественным разделением труда, – была асболю-тизирована. Создалась грандиозная мистификация сознания. Наша задача состоит в том, чтобы прежде всего разрушить эту мистификацию в психологии».

ВТОРОЙ ЦИКЛ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (1934–35 г.)

Идея вынести процесс наружу, воспользовавшись тем, что исследуемое отношение одинаково как в случае внешней деятельности, так и в случае внутренней деятельности. Следование за аналогией с законом Гартига, Главная проблема – орудие. (П. Я. [Гальперин]

44

и П, и. [Зинченко]). (Орудие есть предмет, за которым фиксируется общественно выработанный прием.) Результаты исследований:

1) Специфика орудия. Орудие есть прием, операция.

Обычное орудие – общественно фиксированная за предметом операция, способ его употребления,

Орудие необходимо связано с предметом, данным в определенных условиях (а не на «фоне» безразличных вещей). Оно обобщает, абстрагирует свойства предмета. Оно – материальная, чувственно воспринимаемая форма впервые подлинно человеческого обобщения, его носитель – еще не безразличный к носимому, еще прямо совпадающий с ним.

Орудие – связано с субъектом, его определяет, Средство – «неорудие» подчинено в своем употреблении органам, «естественной технологии»; орудие – подчиняет себе орган, его движение. (Эксперименты с «колодцем»). Овладение орудием – овладение человеческим движением, очеловечивание движения. (Эксперименты с ложкой, чашкой,)

2) Орудие и процесс.

Операция развивается, орудие изменяется скачкообразно, (Эксперименты П. И. [Зинченко] с «гибкими орудиями – алюминиевые «доставалки*»),

3) Орудие и внутренний образ, обобщение.

Образ может отделяться от орудия. Его «причалом» становится тогда слово, образ превращается в значение, мыслится – становится мысленным.

4) Итак:

Овладеть орудием, как и значением, значит овладеть процессом, операцией. Происходит ли это в общении или в «изобретении» – безразлично.

Чем же определяется процесс, т. е. операция?

Здесь нет заколдованного круга:

Операция определяется объективными свойствами предмета (предметной ситуации), которым она необходимо подчиняется.

Но этого мало – то, как выступает предмет, само зависит от отношения человека, в котором данный предмет (или предметная ситуация) выступает передним. Иначе говоря, операция зависит от того процесса в целом, в который она включена, который она осуществляет, а этот процесс есть жизнь. (Опыты с Келеровской палочкой), (Шизофрения).

Со стороны сознания это значит: развитие значений само зависит от некоторых общих моментов сознания, Сознание отнюдь не есть только сумма или система значений, хотя значение есть форма сознания мира.

Выводы из этого:

Чтобы раскрыть процесс развития отображения в Сознании, недостаточно исследовать операции. Нужно исследовать процесс в целом, в который операции включены и от которого они зависят.

45

Чтобы исследовать Сознание, нельзя ограничиться исследованием значений, нужно исследовать то целое, в котором «живут» значения.

Генеральная гипотеза, породившая новый – третий – цикл исследований, состояла в предположении, что ключ к морфологии сознания лежит в морфологии деятельности.

Этот вывод был подготовлен и теоретической работой – Были поняты главные для психологических текстов Маркса – знаменитый § о частной собственности, учение о товаре, истории развития труда.

(Прежде чем переходить к 3-му циклу исследований: Исследования овладения понятием в школе. Общий вывод был тем же: овладеть понятием – овладеть лежащей за ним операцией, а успех этого зависит от процесса учения в целом, , ,

На этом материале были показаны почти все основные отношения, описанные выше.)

ТРЕТИЙ ЦИКЛ ИССЛЕДОВАНИЙ (1935–36 г.)

Метод – внешняя деятельность, спички.

Исследования в «камере». Неудачи. Дискуссии с П. Я. [Гальперин], неучет обратного движения. Опыты Т. О. [Ги-невской]. Приезд Д. Б. [Эльконина], неучет развития – метода. (Так! –

Отчет президиуму. Ликвидация кризиса. Новые понятия. Открытие морфологии деятельности и сознания.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЦИКЛ: 1936–

Предпосылка: Все внутренние процессы построены по образцу внешней деятельности и имеют то же строение.

Исследования П. И. Зинч[енко], исследования игры, исследования учения (арифметика, родной язык, пунктуация, художественные приемы речи–поэтика). Итоги исследования морфологии деятельности и сознания.

IV

НОВЫЕ ПОЗИЦИИ В ПРОБЛЕМЕ С[ОЗНАНИЯ]

Учение о С[ознании] оказалось пунктом расхождения наших исследований.

Новые исследования Харьковской группы начались с попытки преодолеть отделение С [ознания] от жизни.

Конкретная задача состояла в том, чтобы исследовать отношение: образ (в широчайшем смысле) – процесс,

46

Мы взяли ту же «клеточку – значение. Так были построены все исследования Отдела и исследования УНДИПА* 1932–33 гг.

Выводы:

1. Понятие – «противоречивая» вещь. Образ – движение.

Взаимопереходы, взаимосвязи.

Исследования: а) Практический интеллект – речь.

б) Школьные понятия,

в) Анализ развития значения.

Процесс идет дальше, чем содержание значения. Процесс – умнее.

Аналогия с орудием: закон Гартига».

2. Принципиальное отношение «образ – процесс» остается одинаковым, на каком бы уровне развития мы его ни исследовали.

Процесс может быть внешним» практическим.

Существует закономерная связь между формой процесса и формой образа (представление, понятие).

Исследования: Проблемный ящик.

Экспериментальная критика Пиаже.

3. Поэтому: весь процесс может быть вынесен наружу!

Закон Гартига больше, чем внешняя аналогия.

Исследования: а) Орудие и средство.

б) Развитие средства {орудия}.

Выводы: а) Орудие, в отличие от средства, есть прием, общественно созданная операция.

Логика органа -----логика орудия!

б) Употребление орудия изменяет его скачкообразно.

Употребление орудия–операции определяется целью, мотивом, потребностью – тем процессом, в который оно включаете я,– социально и индивидуально!

Ребенок и Келеровская палочка.

Шизофреник и апраксик, афазик.

4. Следовательно, ключ к морфологии сознания лежит в морфологии деятельности – прежде всего практической.

Новый цикл исследований (Отдел, 1934–1935) и был посвящен морфологии деятельности. П, Я< [Гальперин].

Взаимосвязи этих единиц». (Динамичность).

Их законы – законы их взаимопереходов, развития.

Показ необходимости возникновения и развития С [ознания] человека.

Украшськш науково–дослщний шетитут педагогтики,

47

Рис, 5

Путь к исторической психологии (contra изучения моск[овско–го] пролет [ария] и Зомбарта).

Решение проблемы развития (Маркс).

(Ученле о стадиальности внутри и стадиальных изменениях.)

Contra педологизм.

Патология: лоб.

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Л Первое, что должно быть выделено среди р форм человеческой активности,– это различные типы сложных деятельностей, осуществляющие соответственно различные формы отношения человека к деистаительности (практическая деятель–ность, познавательная деятельность, эстетическая деятельность итл.).

Внутри этих типов сложной деятельности мы выделяем отдельные деятельности

(различая их по конкретному предмету). Предмет деятельности не является одновременно тем, что побуждает данную деятельность, т. е. ее мотивом. Мотив деятельности всегда, следовательно, совпадает с ее предметом. Отвечая той или иной потребности, мотив деятельности переживается субъектом в форме желания, хотения и т. п. (или, наоборот, в форме переживания отвращения и т. п., что составляет специальные случаи отрицательно мотивированной деятельности, объективно создаваемой данным содержанием ее, входящим в «двойную структуру»). Эти формы переживания суть

48

формы отражения отношения субъекта к мотиву, формы переживания смысла деятельности.

Но характеру мотивации деятельности, а следовательно, и по характеру соответствующей потребности субъекта мы различаем идеально-мотивированные деятельности (отвечающие высшим потребностям) и деятельности витально-мотивированные (отвечающие так называемым естественным потребностям).

Осуществление деятельности связано с чувством (эмоцией, аффектом). Эта форма переживания есть форма отражения отношения результата деятельности (достигаемого, достигнутого, могущего быть достигнутым) к ее мотиву, которая возникает на несовпадении предмета деятельности, т. е. того, на что она направлена, и ее результата, т. е. того, к чему она реально приведет (или может привести),

В случае развитой деятельности аффект возникает и в связи с действием. Он определяется отношением результата действия к предмету действия.

2. Мы называем сложными те деятельности, которые включают в себя действия. Значит, содержание всякой сложной деятельности составляют действия.

Действие отличается от деятельности тем, что предмет, на который оно направлено, не совпадает с его мотивом. То и другое здесь разделено. Мотив, побуждающий действие, лежит в предмете (совпадает с ним) той деятельности, в которую включено данное действие.

Условием осознания действия (а действие всегда сознательно) является сознание отношения, связывающего предмет действия с предметом деятельности: предмет действия и выступает для субъекта всегда в определенном отношении к мотиву, т. е. как сознательная цель действия. (Именно несовпадение предмета и мотива является критерием для отличия действия от деятельности; если мотив данного процесса лежит в нем самом, это – деятельность, если же он лежит вне самого этого процесса, это – действие.)

Это сознаваемое отношение предмета действия к его мотиву и есть смысл действия; форма переживания (сознавания) смысла действия есть сознание его цели.

(Поэтому, предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть соответственно действие, возможное по отношению к той или иной цели.)

Изменение смысла действия есть всегда изменение его мотивации.

(Это изменение смысла действия возможно лишь благодаря несовпадению цели действия с его результатом; это происходит потому, что цель есть сознательная цель и, следовательно, всегда связана с осознанием отношения предмета действия к предмету деятельности.)

Но это же несовпадение является предпосылкой того, что

49

действие приобретает мотив себе, т. е. становится деятельностью.)

Выделение в связи с актуальным мотивом цели действия есть процесс образования намерения {я намерен пойти на концерт, но я хочу слушать музыку}.

Действия могут замещаться в деятельности одно – другим. Психологическая проблема выбора действия есть психологическая проблема решительности.

Действие связано с аффектом, поскольку оно составляет содержание определенной деятельности, а не само по себе. Будучи включено в другую деятельность, действие может приобрести иную эмоциональную окраску.

Действие может быть по своей форме практическим {т. е. иметь материальный предмет} или идеальным, теоретическим (т. е. предмет может быть идеальным). Практическое действие есть всегда внешнее действие, теоретическое действие

может быть внутренним,

3. Особый вид действий представляют собой действия волевые в узком смысле этого слова, т. е. переживаемые субъектом, как требующие внутреннего усилия и действия поступки. (Мы подчеркиваем, что речь идет о волевых действиях в узком смысле, так как в широком смысле волевым является решительно всякое действие, что вытекает из самого определения действия.) Волевое действие характеризуется наличием момента подчинения одного мотива

другому, причем оба эти мотива имеют противоположные аффективные знаки. Такого рода подчинение мотивов может происходить при двояком условии:

1) в случае когда действие входит или начинает входить одновременно в две различные деятельности, заключающие в себя аффективно противоположные мотивы, и

2) в случае когда действие является генетически простой деятельностью и, следовательно, его предмет сам служит мотивом; таким образом, в этом случае волевое действие возникает из подчинения одной, простой деятельности (которая тем самым превращается в действие) другой, сложной деятельности, имеющей противоположный по своему знаку мотив.

В случае когда действие входит в двоякую деятельность, но мотивация обеих этих деятельностей, будучи различной, не является, однако, противоположной по своему знаку, мы называем такое действие поступком. Поступок требует сознавания отношений, существующих между обеими деятельностями, и учета обоих мотивов; поступок есть, следовательно, действие сложномотивированное> имеющее сложный смысл.

4. Действие может иметь цель, данную в таких условиях, которые определяют собой самый способ действия. Цель, данная в условиях, определяющих способ действия, и есть не что иное, как задача.

То содержание действия (способ его), которое определяется не самой целью, но именно условиями, в которых она дана, мы

50

называем операцией. Действие, определяемое задачей, всегда, следовательно, включает в себя операцию.

О том, является ли данное содержание действия операцией или нет, мы можем судить по следующему признаку. Если данное содержание действия возникает в зависимости от предмета (цели) действия, то это – не операция; если, наоборот, данное содержание возникает в действии в зависимости от условий, в которых дана цель, то это – операция.

Операция, таким образом, отличается от действия тем, что она определяется не целью, а условиями, в которых дана цель.

Операция кристаллизуется для сознания в значении. Овладеть значением чего-нибудь и есть овладеть способом возможного действия с данным предметом, словом (значением слова) или даже действием же (применением действия).

Операция приобретает формы умения и навыка.

5. В осуществлении всякой деятельности, действия или операции обнаруживают себя многообразные психофизиологические функции организма: сенсорные, двигательные функции, мнемическая функция, функция «тоническая» и т. п. Без этих функций (и соответствующих органов) невозможно осуществление никакой деятельности; они являются, следовательно, необходимым условием деятельности. Однако деятельность, действие, операция не сводятся к этим функциям и не могут быть выведены из них.

Переход к рассмотрению психофизиологических функций есть, таким образом, переход к собственно психофизиологическому анализу.

(Психофизиология мыслится нами как специальная наука, занимающая по отношению к психологии такое же, примерно, положение, как биохимия по отношению к физиологии.)

ГЕНЕЗИС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Причинами, приводящими к качественному изменению и к появлению новой, высшей формы психики, а именно человеческого сознания, являются, как я уже говорил, возникновение труда и образование человеческого общества. Переход от животного к человеку есть вместе с тем и переход от непосредственно биологического, свойственного животным, отношения к природе, к новому общественному отношению к природе* которое и находит свое выражение в возникновении и развитии процесса труда.

Труд – это не только то, что появляется вместе с человеком, это не только то новое отношение к природе, которое мы наблюдаем в качестве результата очеловечения животных. Труд – это также и прежде всего то, что превращает животное-подобного предка человека в человека. Снова мы видим, что переход к более высокой ступени развития и в смысле более сложной и совершенной организации самого субъекта деятельности, в данном случае человека, и с точки зрения возникновения

-

51

новой, высшей формы отражения действительности, снова мы видим, что такой переход совершается прежде всего в форме изменения самой жизни, в форме прежде всего появления новой формы жизни, нового отношения к действительности, новой формы связи с природой.

«Сначала труд, – так говорит об этом Энгельс, – а затем и вместе с ним

членораздельная речь явились двумя главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»¹.

Конечно, возникновение труда было подготовлено всем предшествовавшим ходом развития: возникновение вертикальной походки, развитие очень совершенного органа в виде руки, что теснейшим образом было связано с тем образом жизни, который вел человекоподобный предок человека, – все это подготовило физические возможности появления этого сложного процесса труда.

Подготавливался процесс труда и с другой стороны. Он возникает, конечно, не у одиноко живущего животного, но у животных, у человекоподобных предков человека, которые жили группами, у которых можно наблюдать зачатки некоторой совместной жизни, хотя эти зачатки еще, конечно, вовсе не похожи по своей внутренней характеристике на зачатки собственно общественной жизни. Далее мы видели, что и степень развития психики, которая достаточно подробно была описана применительно к ныне существующим человекоподобным обезьянам, что и развитие психики достигает у высших представителей животного мира весьма высокой относительной степени. Таким образом, создавались предпосылки, которые могли привести и действительно привели к возможности возникновения труда и человеческого, основанного на труде, общества.

Что же характеризует труд как деятельность специфически человеческую?

Трудом, как вы знаете, конечно, называется процесс воздействия на природу. Труд – это есть тоже процесс деятельности, который связывает человека с природой. Это процесс, который Маркс так и обозначает как процесс, совершающийся между человеком и природой. Но при этом не всякий, конечно, процесс воздействия на природу можно и следует называть процессом труда. Характерными и для труда, для этой именно формы воздействия на природу являются два очень существенных момента. Один из этих моментов – это употребление орудий. Процесс воздействия на природу, который мы называем трудом, есть процесс воздействия на природу с помощью орудий; и, во-вторых, процесс труда всегда совершается в совместной в собственном смысле слова деятельности людей таким образом, что человек вступает не только в определенные

ф К.т Энгельс Ф. Соч+ Т. 20. С. 490. 52

отношения к природе, но и к другим людям, членам данного общества. Именно через эти-то отношения к другим людям человек относится и к природе.

Значит, труд выступает с самого начала как процесс общественный. Я уже говорил, что труд есть специфически человеческая деятельность. И действительно, сколько бы внешне сходных процессов мы ни рассматривали в животном мире, ни в одном из них мы не можем по существу вскрыть таких признаков, которые действительно изображали бы его в той специфически человеческой общественной по своей природе деятельности, которую мы называем трудом,

Еще один момент весьма, как мне кажется, существенный, я хотел бы специально выделить и подчеркнуть, прежде чем перейти к рассмотрению того, что обозначает собой с точки зрения развития и изменения конкретной человеческой деятельности и его психики появление и развитие труда. Этот последний момент заключается в следующем: само развитие человека определяется теперь развитием труда, а действуя в труде, с помощью трудовых отношений, на внешнюю природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет и свою собственную природу. Он развивает, говорит Маркс, дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти². Итак, какого же рода изменение в конкретных процессах деятельности человека и какого рода изменение в форме отражения действительности человеком вносит этот момент – возникающий труд, создающий самого человека?

Труд есть процесс, как мы видели, который совершается не одиноким существом, ему одному присущими способами, но это есть процесс, который совершается в условиях совместной деятельности людей, в условиях человеческого коллектива и, как я постараюсь затем особенно это подчеркнуть, также и общественным, т. е. коллективно выраженным, способом. В этом процессе люди вступают в общение друг с другом. Речь идет конечно, не об общении прежде всего речевом, но об общении в смысле участия в совместном действии, в смысле участия в процессе труда прежде всего. Давайте рассмотрим, как практически может протекать деятельность человека – члена человеческого общества на извещенной ступени развития труда, хотя еще и на ступени относительно низкой – Давайте рассмотрим деятельность отдельного человека в условиях совместного труда, в условиях совместной производственной деятельности людей.

Известно, что еще в очень раннюю историческую эпоху с достаточной ясностью намечается то, что называется техническим разделением труда. Техническое

разделение труда находит свое выражение в факте, что в целом сложный процесс как бы разделяется между отдельными исполнителями. Один принимает на себя одну как бы часть или одну сторону, одно звено этого

См.; Маркс К., Энгельс Ф. > Соч. Т. 23. С. 188–189.
 целого, сложного единого процесса. Другие участники его принимают на себя как бы другое звено. В частности, указывают, что на известной ступени развития человеческого общества наблюдается такое разделение функций; поддержание огня, забота о сохранении огня в очаге передается женщине. Мужчины занимаются охотой на зверя. Для чего нужно поддержание огня? Поддержание огня в условиях теплого климата необходимо для обработки на огне пищи, добывание пищи объединяет оба эти процесса – и собственно добывание животного и поддержание огня.

Давайте теперь проанализируем, что же представляет собой деятельность человека, поддержи в ающего огонь. На что направлена деятельность этого человека? Является ли предмет этой деятельности чем-то таким, что может сам по себе или по своим связям с какими-то другими свойствами, предметами и т. п. удовлетворить потребность человека? Если мы допустим, что дело происходит в условиях жаркого климата, то сам по себе огонь не является таким предметом деятельности, который может побуждать саму по себе эту деятельность. Чем же тогда объяснить, что все-таки эта деятельность совершается? На этот вопрос нетрудно дать ответ. По-видимому, дело заключается в том, что поддержание огня связано с возможностью обработки на огне пищи. Значит, ведет к удовлетворению существенной, важной потребности – потребности в питании. Но как же связано между собой первое и второе – поддержание огня, с одной стороны, удовлетворение потребности в пище – с другой? Может быть, связь здесь есть связь постоянного, одновременного воздействия, а как только имеет место воздействие со стороны огня, так далее появляется и возможность удовлетворить потребность в пище? Может быть, огонь – этот предмет, побуждающий деятельность, на который направлена деятельность поддерживающих этот огонь, связан так же с пищей, как шорох, производимый насекомым, связан с пребыванием его в траве, что и позволяет охотнику-животному, устремляясь по направлению к шороху* в конечном счете почти неизбежно всегда получать возможность удовлетворить свою потребность в пище, поймав шелестящее насекомое? Нет, по-видимому, связь здесь совсем другого порядка.

Что же особое в этой связи мы наблюдаем? Особое заключается в том, что связь эта является не связью по однородности, не связью по сосуществованию. Связь эта является связью особой природы. Деятельность других людей – вот что соединяет между собой первое и второе. Для того чтобы поддержание огня могло привести к удовлетворению существенной потребности, необходимо, чтобы была произведена другими людьми какая-то другая часть деятельности – поимка животного, мясо которого и может быть переработано на данном огне. Если этот второй процесс не существует, то тогда и первый процесс не может привести к удовлетворению какой бы то ни было потребности, и лишится своего смысла.

54

Такого рода деятельность, которую я сейчас описал, мы нигде не встречаем и не можем встретить в животном мире. Она может возникнуть, как вы сами понимаете, только при одном условии – при наличии деятельности совместной. Только в случае общественной жизни, в условиях жизни человека в обществе других людей.

Как же обозначить теперь этот новый процесс, характеризующийся этими особыми чертами? Мы видели, и я прошлый раз особенно это подчеркивал, что всякий раз, когда мы наблюдаем какой-то процесс у животного, то всегда то, на что направлен процесс, – предмет, на который он направлен, и является вместе с тем тем, что побуждает деятельности т. е. то, что мы условились обозначать термином мотив. Животное направляется по линии распространения звуковой волны. На что направлена деятельность животного? На источник звука. А что приводит, включает, побуждает этот процесс? Это само звучащее тело, это источник звука. То и другое здесь совпадает. Чем же характерно строение этого нового процесса, который появляется на основе возникновения трудовой деятельности? Особое в этом процессе заключается в том, что теперь предмет, на который направлен процесс, не есть то, что само по себе побуждает деятельность. Нужен не огонь, нужно не непосредственно тепло. Огонь поддерживается потому, что он необходим для чего-то другого, потому что он находится в отношении к чему-то другому, в данном случае к пищевому веществу, или еще точнее и правильнее было бы сказать: огонь потому вызывает деятельность по отношению к себе, деятельность поддержания в данном случае огня, что другой человек обеспечивает возможность его использования в качестве способа обработки пищи. Таким образом, то новое, что здесь появляется, заключается в том, что побуждающее – мотив и предмет,

на который направляется деятельность, теперь не совпадают между собой. Что в нашем примере может считаться мотивом всего процесса, побуждающим его? Это пища. Это то, что отвечает какой-то важнейшей потребности. Но совпадают ли пища и огонь между собой? Нет, они связаны между собой некими отношениями, но они не совпадают между собой. Какие же это отношения? В чем они конкретно выражаются? Мы уже говорили: они конкретно выражаются в деятельности другого человека, в отношении субъекта данной деятельности к субъекту какой-то другой деятельности, к деятельности в данном примере охотника. Какое же это отношение? Естественная связь или это есть общественная связь? Это есть общественная связь. В какой форме она теперь выступает? В форме деятельности других людей.

Наконец, поставим последний вопрос, который возникает в связи с рассматриваемым нами процессом. Как же возможна деятельность по отношению к предмету, который сам по себе не является тем, что может побуждать мою деятельность? Ясно, конечно, что такая деятельность возможна только в том случае, если как-то отражается, если как-то воспринимается то отноше-

55
ние, та связь, которая существует между предметом моей деятельности и тем, что может побуждать меня действовать. Значит, нужно допустить, что такая деятельность необходимо предполагает отражение отношений, которые связывают предмет деятельности и мотив ее. Нужно, чтобы предмет, на который направлена моя деятельность, был бы схвачен, отображен в своих отношениях и связях с тем, что способно побудить меня к действию, с мотивом.

Проще и короче можно было бы сказать так: необходимо, чтобы предмет деятельности был осознан, т. е. отражен в известном объективном отношении его, в данном случае общественном отношении к предмету моей потребности. Предмет такой деятельности правильно было бы назвать целью, подчеркивая этим словом, что мы имеем дело теперь не с инстинктивным предметом, а с сознательным предметом, т. е. с целью. Придется тогда, по-видимому, обозначить как-то иначе и весь этот процесс, направленный на сознательную цель. В сущности деятельность, т. е. то, что ведет к удовлетворению потребности, выросла. Она теперь, как видно из разобранных примеров, предполагает не только действия только отдельно взятого человека, но и действия его в условиях деятельности других людей, т. е. предполагает некоторую совместную деятельность. Нужно найти название для той единицы, которая вычленилась из того процесса, который удовлетворяет потребность, и обозначить эту выделенную единицу. Это то, что мы называем действием. Как же определить что такое действие? Действие, с которым мы впервые встречаемся действительно только у человека, есть процесс, который направлен на сознательную цель. Особенность этого процесса заключается в том, что сознательная цель, т. е. то, на что направлен процесс, может не совпадать и не совпадает с тем, что удовлетворяет потребность, с тем, что побуждает деятельность в целом. Позвольте привести пример, уже теперь оставив наш исторический материал в стороне, — пример уже вообще из деятельности человека, хотя бы и современного, чтобы показать различие между деятельностью и действием. Мы наблюдаем человека, который читает книгу. Мы знаем, что это учебник, книга, которую необходимо прочитать для подготовки к экзамену. К чему стремится этот процесс, который мы наблюдаем? Его предмет — содержание книги. Результат этого процесса — усвоение содержания книги. Спрашивается: что же этот процесс побуждается именно содержанием книги? Это неизвестно. Надо подойти к нему ближе. Может случиться так, что то, что заставляет читать книгу, вовсе не есть само содержание книги. Давайте произведем такой опыт: скажем этому человеку, что экзамен, к которому он готовится, отменен вовсе и никогда этого экзамена ему в жизни держать не случится. Что может произойти? Два разных случая. В одном случае человек захлопнет книжку и займется другим делом. Что это чтение книжки в данном случае представляет собой? Была ли это деятельность? Нет, деятельностью, по-

56
видимому, оно не было. Потому что признаком деятельности является совпадение предмета и мотива. По-видимому, как только мы сняли мотив, так предмет действия перестал существовать, действие распалось. Но мы можем себе представить и другой случай: вы говорите такому человеку, что читать эту книгу не нужно, чтобы осуществить свое намерение — сдать экзамен. Хорошо, очень приятно об этом слышать, скажет читающий, и продолжает читать. Спросим его, почему он продолжает читать? Потому что ему интересна сама книга. Предмет его действия совпадает с тем, что побуждает деятельность. Что это — действие или деятельность? Деятельность. Я потому привел этот пример, немножко искусственный, потому что в нем ясно видно, что когда мы ведем психологический анализ процесса, то никогда нельзя судить по внешнему виду и объективному результату, с чем мы имеем дело.

Нужно всегда рассматривать этот процесс раньше со стороны психологической. Чтение книги с внешней стороны в обоих случаях представляет собой одинаковый процесс, но вы видите все различие между ними, когда вы ставите вопрос о мотивации этого процесса, о том, что побуждает человека действовать, о том, как отражаются соответствующие связи и отношения в сознании человека, как осознается, иначе говоря, этот процесс. Итак, позвольте мне резюмировать. Вместе с появлением труда мы наблюдаем выделение в деятельности особой ее единицы – действия, направленного на сознательную цель. Такое выделение возможно именно потому, что переход к процессу труда обозначает собой вместе с тем переход человека к совместной деятельности, к коллективной деятельности, к этому следует прибавить, подчеркнув это обстоятельство, хотя оно должно быть предметом специального рассмотрения и мы действительно будем это отдельно рассматривать, что в ходе развития и усложнения процесса то, что побуждает человека действовать, что не совпадает с предметом, на который направлено данное конкретное его действие, вовсе не является отвечающим его естественным жизненным потребностям, как, например, потребности в пище. Этот тип связи с природой, этот тип, т. е. общественный способ осуществления своей жизни, общественной формы жизни челове-ка, в своем развитии приводит к* следующему замечательному явлению: оказывается то, что может возникнуть первоначально и что первоначально исторически, по-видимому, возникает как цель действия, как то, на что направляется действие, но что не может побудить саму по себе деятельность, превращается в новый, человеческого типа мотив. Возникает новая потребность, так как теперь побуждающими деятельностью человека все более становятся моменты, которые не отвечают примитивным, биологическим, жизненным потребностям, но которые отвечают некоторым новым, специфически человеческим, общественным по своей природе потребностям. Сам общественный способ удовлетворения элементарных потребностей порождает в ходе развития, делает

57

необходимым появление в ходе развития новых, высших челове-ских потребностей. Происходит как бы процесс, который образно можно было бы выразить так: мотив, отделенный от цели, как бы приходит на известной ступени развития данного процесса к самой цели.

Пример, который я приводил с чтением книги, – пример наивный и очень простой – , как раз может быть использован для того, чтобы показать этот переход, описать его. Вы принимаетесь за дело потому, что вы движимы каким-то посторонним, вне данного действия лежащим мотивом, но вы осуществляете действие и может так случиться, – и так случается, что в ходе самого действия вы замечаете, что вы начинаете действовать уже не потому, что внешний мотив побуждает вас это делать, но потому, что теперь сам предмет, на который направлено действие, оказывается заинтересовавшим или привлекающим вас. Вы начали читать книгу потому, что это нужно. Вы продолжаете чтение, потому что это интересно. Вот, собственно, как можно было бы проще всего описать это изменение.

Таким образом, необходимость, которой подчиняются не только отдельные действия, но и деятельность человека, превращается из необходимости только биологической в необходимость, которую можно было бы назвать необходимостью общественной. Так общественная, а не биологическая необходимость становится законом, подчиняющим себе деятельность человека. И если по отношению к животному мы говорим о том, что верховным законом деятельности животного является то, что она происходит в пределах инстинкта, т. е. отвечает биологическим потребностям, то по отношению к человеку мы можем говорить, что верховным законом является деятельность, подчиненная общественной необходимости, а не необходимости биологической, хотя, конечно, никогда и ни при каких условиях жизнь человека не может протекать без того, чтобы его биологические потребности тоже не были удовлетворены.

Итак, прежде всего то новое, что мы находим в деятельности человека и что появляется в связи с переходом к труду, есть та своеобразная специфическая человеческая единица деятельности, которую мы обозначили словом действие и которая представляет собой процесс, не подчиненный цели, в связи с появлением действия, как я кратко об этом уже сказал, изменяется в дальнейшем развитии и характеристика самой деятельности человека в ее целом. Она направляется теперь не только по отношению к предметам, непосредственно удовлетворяющим инстинктивные биологические потребности, но сама она приобретает обще-ственный характер. Общественные по своей природе мотивы становятся господствующими. Возникают человеческие, обще-ственные по своей природе потребности. Изменяются и другие процессы, которые мы находим в сложной, развитой деятельности. Меняется прежде всего то содержание деятельности, которое мы выделяли и описывали как операцию, как

способ действия,
58

т. е. изменяется то содержание процесса, которое относится к условиям, в которых происходит процесс. В чем же заключается это изменение условий? Оно заключается прежде всего в том, что возникает орудие. Способ человеческого действия характерен тем, что действия осуществляются с помощью орудий. Что же такое орудие? Средства или орудия труда, говорит Маркс, есть предмет или комплекс предметов, которые рабочий помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет³.

Орудия неотделимо связаны с трудом. Труд есть деятельность с помощью орудия, посредством орудий. Именно поэтому первые и настоящие орудия мы встречаем только у человека. По отношению к животному можно говорить лишь о зачаточной форме орудия, но нужно при этом всегда помнить, что эти зачаточные формы качественно отличаются от развитой формы орудия, т. е. от собственно орудия. Палка, с помощью которой действует обезьяна, и палка, с помощью которой осуществляются трудовые действия человека, – это совсем разные по своей природе вещи. Чем же отличается настоящее орудие от палки или какого-нибудь другого предмета, употребляемого животным? Как выступает практически предмет, называемый нами орудием? Он всегда выступает как носитель известного способа действий. Молоток, когда мы его рассматриваем в качестве орудия, – это не просто два соединенных между собой механических предмета: предмет, который мы называем рукояткой, и предмет, который мы называем собственно молотком. Это не просто физическая вещь, имеющая определенную форму. Это, кроме того, вещь, которая имеет свой способ употребления. Молоток есть вещь, с помощью которой производятся соответствующие операции. Значит, в самом орудии всегда как бы оформлен материально какой-то способ действия, какой-то способ употребления этого предмета, и это – то именно и делает орудие орудием. Спрашивается: относится ли эта правило одинаково к палке, которую использует человекоподобная обезьяна для доставания банана, и к орудью! которое употребляет человек в процессе своих трудовых производственных действий? В самом общем смысле, если не рассматривать подробнее этого вопроса, и там и здесь мы находим способ. Что такое палка, которую употребляет обезьяна? Это прежде всего способ приближения к себе пищи, банана. Равно как я уже говорил, что всякое человеческое орудие несет в себе тоже известный способ, в материальной форме представляет некий способ действия. Но вместе с этим общим, что объединяет палку обезьяны и человеческое орудие, имеется и качественное различие между ними, различие весьма существенное. И это различие заключается вот в чем: орудие человека несет в себе не случайно определяемые данными обстоятельствами способы его употребле-

3 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 190.

59

ния, но общественно выработанный способ, общественно выработанный прием. Когда животное оказывается в положении, подсказывающем использование палки, то животное способно, как вы видели, употребить и палку в качестве средства приближения к себе плода. Но вот теперь изменилась ситуация, плод попал в руки обезьяны, или он вовсе унесен из поля действия животного человеком, или как-то еще иначе изменились обстоятельства действия. Продолжает ли палка для животного выступать как известный способ действия, закрепляется ли этот случайно возникший способ ее употребления за данным предметом? Наблюдения показывают, что так не происходит никогда. Только в тот момент, когда животное оказывается в положении, требующем употребления палки, палка начинает выполнять роль этого предмета – способа действия. Как только изменяется ситуация, палка превращается снова в некий безразличный предмет. За ним не закрепляется никакой способ действия. Палка не становится носителем этого способа действия. Тем самым она не становится действительным орудием. Поэтому животное не изготавливает орудий, поэтому животное не хранит орудий. Другое мы наблюдаем у человека. Человеческое орудие – это то, что изготавливается, это то, что сохраняется и хранит способ действия с этим орудием. Поэтому произвело бы странное на всех нас впечатление изображение, например, обезьяны, прогуливающейся вместе со своей палкой, но никто бы не удивился, если бы художник, воображая себе первобытного человека, изобразил бы его идущим и держащим в руках некое первобытное примитивное орудие. Итак, в человеческом, т. е.* подлинном, орудии мы наблюдаем прежде всего, что оно является носителем известного способа действия, и при этом общественного способа действия, т. е. выработанным в совместной деятельности людей. Этот способ именно потому, что он является способом не индивидуальным и не случайно выработываемым в той или другой ситуации, является способом вместе с тем осознаваемым, т. е. отраженным в психике

человека и поэтому связываемся для человека с данным предметом. Только при этом условии возможно то, что на самом деле мы и наблюдаем, а именно хранение орудия, изготовление орудия, т. е. возможно, чтобы изготовление орудия, чтобы носитель способа действия был бы той целью, на которую направлено действие человека. Орудие осознается в его связи с действием как способ действия. Именно поэтому орудие может стать целью, на которую направлено само действие, орудие может быть изготовлено, произведено. Но когда мы говорим об осознании орудия, отражении орудия в его связи с действием, то тем самым мы говорим и о том, что всякий способ употребления этой вещи, способ, которым осуществляется действие и который материально выражен в орудии, является предметом тоже отражения, предметом сознания. Значит, возникает осознание

60

способа действия, т. е. тоже возникает нечто неизвестное животным, не наблюдаемое никогда в животном мире.

В чем выражается это? Выражается это в том, что впервые у человека мы находим возможность действительного подготавливания своих действий. Таким образом, впервые у человека то разделение фазы подготавливания и фазы осуществления, которое обнаруживает себя уже у обезьяны, вообще у высших животных, и которое сообщает их поведению характер интеллектуального поведения, это намечающееся разделение фаз у человека осуществляется. Человек может действовать, подготавливая свое действие. И опять-таки самым простым примером такого действия является действие изготовления орудия. Собственна изготовление орудия и есть не что иное, как первая подготавливательная фаза действия, приобретающая характер самостоятельного, отдельного действия, представляющего определенную цель. Именно этот раскол, разрыв, разделение прежде всегда связанных друг с другом фаз – фазы подготавливания и фазы осуществления – и составляет ту особенность, которая характеризует человеческое интеллектуальное действие и которая является началом, исходным моментом развития человеческого в точном смысле этого слова мышления.

Употребление орудий, изготовление орудий не только ведет к осознанию способа своего, т. е. общественного, действия. Вместе с тем употребление орудий является предпосылкой, условием осознания и предмета воздействия с помощью этого орудия. Орудие приспосабливается к предмету действия. Молоток несет в себе не только способ, каким осуществляется действие заколачивания, разбивания и т. д. Он в своих объективных свойствах обязательно должен отразить и свойства предмета, на который направлено это действие. Может ли орудие, приспособленное для действия в отношении к предмету малого размера, быть большим? Нет, потому что оно должно быть в соответствии с объективными свойствами этого предмета, оно отражает объективно в своих свойствах свойство того предмета, на который данное орудие воздействует. Значит, в орудии в наглядной, чувственной, я бы сказал осязаемой, форме выступает не только способ моего действия, но и свойства того предмета, на который направлено мое действие. Наконец, последнее: орудия сталкиваются не с одним единичным предметом. Орудия мы употребляем по отношению, ко многим предметам окружающего нас мира. Одно и то же орудие направляется то на один, то на другой предмет. Оно как бы подвергает испытанию своим действием свойства этого предмета и соединяет между собой эти предметы, обобщает, объединяет их, причем объединяет их по чисто объективным, независящим от нашего отношения к данному предмету свойствам, которые испытываются самим действием орудия. Молот, способный расколоть один предмет, другой и третий, оказывается бессильным перед четвертым. Он выделяется в данном случае по свойствам своей упругости, прочности в другую категорию, чем

61

все те предметы, которые уступают действию данного моего орудия. Вот почему Маркс называет человеческие орудия первым настоящим обобщением, первой настоящей абстракцией, т. е. первым настоящим отвлечением отдельных свойств и их осознания в предметах⁴. Это есть, как вы видите, опять материальная, чувственно воспринимаемая форма, в которой представляются в психике человека объективные свойства окружающего человека предметного мира.

Вы видите, что таким образом в новом типе деятельности человека, который отвечает новому типу жизни человека, его общественной и трудовой жизни, создаются все предпосылки для того, чтобы изменился тип отражения действительности. Вы видите, что условия, создаваемые этими новыми процессами, таковы, что они делают возможным и необходимым отражение действительности, в которой живет человек, не в такой форме, какую мы наблюдаем у животных, неотделимо от самого действия животного, от отношения животного к этим предметам, неотделимо от инстинктов этих животных, но,

наоборот, предполагает отражение предметного мира, окружающего человека, в его объективных, независимых от потребностей человека и от его инстинктов свойствах. Уже орудие является тем предметом, который выступает для сознания человека в своей устойчивой характеристике. Орудие остается орудием для человека и тогда, когда непосредственная потребность в этом орудии уже не испытывается им. Пища, которая добывается теперь человеком не для себя, добывается не одиноком, не изолированным человеком и не стадом людей, где каждый действует, удовлетворяя свою потребность, но пища, которая выступает в качестве предмета совместного, общественного действия людей, тоже теперь выступает независимо от участия колеблющихся потребностей каждого отдельного человека. Фиксируется общественный способ добывания пищи. Этот способ осознается. Осознавая этот способ, люди осознают и предмет, который они добывают данным способом. Осознается пища в ее устойчивых питательных свойствах. Человек не уничтожает поэтому расточительно пищу, которую он находит в природе, но способен собирать ее, сохранять, относится к пище как к пище, независимо от того, испытывает он в данный момент голод или нет, Его отношение к данному предмету отделяется от самого предмета.

Таким образом создаются условия, делающие необходимым такое отражение действительности, которое способно выделить эту действительность в ее устойчивых объективных свойствах и качествах. Но должно быть нечто, что позволяет действительно родиться этой форме отражения. Должны возникнуть условия, которые не только сделают необходимым такое отражение, но которые позволят реально осуществиться этому отражению. Потому что чувственного, сенсорного отражения, отражения, 4 См.: Маркс Я., Энгельс Ф. Соч. Г. 23. С. 188–197. 62 полностью исчерпывающего себя, полностью укладываемого в переживания чувственные, в ощущения, в чувственный образ и т. п., здесь недостаточно. Должна соответственно с изменением деятельности измениться и форма отражения. Должно возникнуть то, что мы называем человеческим сознанием. Для возникновения человеческого сознания уже недостаточно чувственных, чувственных форм отражения действительности. Для того чтобы возникло сознание, необходимо, чтобы возникла особая форма отражения, форма отражения, связанная с появлением языка и речи.

<«Язык, – говорит Маркс, – так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»5.

В этих словах Маркс ясно подчеркивает две главнейшие мысли. Во-первых, что сознание возникает вместе с языком, что сознание начинает существовать тогда и там, где и когда начинается существование языка. Что язык, иначе говоря, и есть реальная форма человеческого сознания, есть реальное сознание человека. Во-вторых, что язык, как и само сознание, возникает в силу того, что человек вступает в сношения с другими людьми. Таким образом, возникновение языка и сознания людей опять-таки связано с переходом к труду, с возникновением и развитием труда, который, как я уже говорил, характеризуется не только тем, что человек вступает в отношения к природе, воздействуя на нее с помощью орудий труда, но также характеризуется этот процесс и тем, что человек вступает в отношения к другим людям и это становится определяющим его отношение к природе.

Перед нами и стоит теперь новая специальная задача, новая специальная тема. Это вопрос о возникновении и природе человеческой речи и о значении речи, о связи речи с сознанием человека и его мышлением. Речь вместе с трудом является необходимым условием возникновения человеческого сознания. Труд и речь – таковы те два главнейших условия, которые подчеркивает и Энгельс, говоря о процессе перехода от животного к человеку. Речь возникает из потребности общения человека с человеком, из потребности, как говорит Энгельс, сказать что-то другому. Значит ли, однако, это, что, рассматривая вопрос о человеческой речи и ее возникновении, о ее сущности, нам достаточно исходить только из того, что у людей в процессе труда возникает потребность? Можно ли рассуждать так, что труд порождает потребность в общении, потребность в речи? Эта потребность вызывает к жизни появление речи с помощью языка; язык, речь позволяют оформиться человеческому сознанию? Нет,

5 Моры Л.. ЭНММХ Ф, Соч. Т. 3. С. 29.

63

так, по-видимому, рассуждать нельзя. Это было бы, наверное, упрощение сути дела. Объяснение происхождения речи и языка из процесса труда и вместе с ним, говорит далее Энгельс, является единственно верным. Общение является тем моментом труда, который делает необходимым речь, но сама речь возникает

в связи непосредственно с самим трудом и поэтому сама становится единственно возможной только в трудовом процессеб.

Не нужно думать, что люди вступают в общение друг с другом только в форме речи, в форме специальных действий, которые направлены на то, чтобы передать что-то другому человеку, чтобы указать на что-то другому человеку, побудить его к действию и т. д. Так возникшую речь пришлось бы рассматривать как речь приобретенную. Это всегда плохой способ рассмотрения, потому что изобретение и возможность изобретения являются всегда результатом чего-то в большей степени и прежде всего, а не причиной. Теории, изображающие возникновение речи как результат изобретения человеком этого способа общения с другими людьми, — являются теориями наивными и неверными по существу. Нужно понять возникновение речи как продукт разделения прежде единого процесса, связывающего человека с человеком. А это есть процесс труда, это трудовые совместные действия людей. Вот развитие этих совместных трудовых действий людей, приводящих к их специализации, к разделению, и приводит к возникновению специальных действий, которые уже являются не трудовыми, не практическими действиями человека, а теми своеобразными действиями; которые мы называем действиями речевыми. Таким образом, речь сама постепенно выделяется из процесса труда. Как происходит это выделение? Эта специализация каких-то действий, которые теперь уже не являются действиями трудовыми, а являются какими-то специальными действиями, выполняющими только одну функцию — воздействовать на другого человека, т. е. являются действиями речевыми? Современная история развития языка, представленная особенно в работах акад. Н. Я. Марра и его школы указывает, что древнейшей формой речи была так называемая комплексная, т. е. нерасчлененная кинетическая, речь. Значит, это была речь с помощью не звуков, но с помощью движений — и при этом с помощью движений, которые на заре возникновения этой речи представляют собой движения совпадающие, очень близкие к реальным трудовым движениям человека. Рабочее движение и движение, служащее воздействию на другого человека в условиях совместной деятельности людей, первоначально совпадали. Здесь действительно комплекс не только в том смысле, что в этой речи нельзя выделить отдельных частей речи, отдельных единиц предложения, но она является

* См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 20. С. 486–499. 64

комплексной, — объединенной еще и потому, что такое действие непосредственно еще обнаруживает свою связь с действием производственным, с действием трудовым. Когда человек обращает свое усилие на какое-нибудь действие, которое должно быть произведено в процессе общественного труда, когда, например, человек прилагает свое усилие к тому, чтобы сдвинуть со своего пути, убрать с пути своего действия некое препятствие, то в условиях совместной деятельности людей, как легко это понять, действие, направленное на предмет, т. е. трудовое действие, может служить вместе с тем указанием другому человеку, принимающему участие в этом процессе, на необходимость совершения этого действия, может побудить другого человека к соответствующему участию в этом действии.

Какие же две функции выполняет в условиях совместной деятельности людей то или другое мое трудовое действие? Одна функция — это воздействие на предмет, это функция трудовая непосредственно. Другая функция — воздействие на других людей. Действуя по отношению к какому-нибудь предмету труда, я тем самым косвенно действую и на других людей. Но вот теперь представьте себе, что действие мое, отдельное воздействие невозможно, и опыт подсказывает, что оно неосуществимо, но опыт же подсказывает мне, что, пытаясь действовать, я привлекаю к этому действию других участников трудового процесса, которые и выполняют совместно со мной данное действие. Что же тогда происходит естественно? Тогда естественно происходит следующее: я не произвожу собственно последнего усилия, приводящего мое движение в рабочее движение, а ограничиваюсь только тем, что сохраняю ту часть его, то содержание его, какое воспринимается другим человеком. Я сохраняю все свои движения, но не произвожу действия. Получается, что мои движения отделяются от действия. А что такое движение, отделенное от действия? Это жест. Как можно определить жест? Жест и нельзя, конечно, иначе определить, как движение, которое отделено от реального, вносящего реальные изменения в предмет действия. Жест есть движение отдельное, отчужденное от действия. Когда я произвожу это действие со стаканом, то я произвожу собственно не действие, а жест, т. е. я организую свое действие так, что оно приобретает какое-то содержание действия бросания стакана на пол, но на самом деле стакан не брошен, действие не произведено, я произвел только жест. Когда я не знаю языка, на котором вы говорите, но хочу вам показать, что нужно бросить, то я и поступаю таким образом: я изображаю действие, но не произвожу его. Жест угрозы, жест привлечения к себе —

словом, вся система таких естественных, не символических, не переработанных техни-чески жестов и представляет собой до сих пор не что иное, как движение, какие-то действия, отделенные от самого действия. Поэтому первая ступень в развитии собственно человеческой речи, впервые выделившаяся из реальных производственных трудовых действий, и представляет собой не что иное, как речь кинетиче-скую, или, как ее иногда еще называют, линейную, т. е. это есть речь с помощью жестов. Правда, по-видимому (такое предполо-жение может быть сделано с современной научной точки зрения), эта речь связана и с некоторым звуковым сопровождением. Но что решающую роль выполняет на первых ступенях развития речи? жест, движение. Чем же характеризуется сознание на этой ступени комплексной кинетической речи? что оформляется в жесте и выступает для нашего сознания как объективное, не связанное с нашим собственным субъективным состоянием? Выделяется прежде всего природа, в которой выделяются еще только некоторые основные свойства и предметы, удовлетворяю-щие потребности человека в пище и т. д. С одной стороны выделяется природа, а на другом полюсе выделяется что? Субъектом здесь является не человек, а человеческое общество. Мы – действующие люди, человеческий коллектив и она – природа. Вот первое разделение в сознании человека которое связано с зарождением труда и речи.

1940 г.

РАЗДЕЛ II

РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ

(ФРАГМЕНТЫ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ)

I. ИНСТИНКТЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ В ПОВЕДЕНИИ ЖИВОТНЫХ

Зоопсихологию пытаются иногда представить в качестве вполне самостоятельной дисциплины, имеющей свою особую проблематику, свой особый подход и свой собственный круг понятий, якобы не зависящих от понятий общепсихологических. Это, однако, не мешает авторам, стоящим в зоопсихологии на такой по существу сепаратистской позиции, все же фактически исходить из тех или иных, обычно плохо проанализированных теоретических взглядов на психику, с другой стороны, это не мешает им претендовать на широчайшие психологические выводы. Отношение между зоопсихологией и общей психологией понима-ется при этом крайне односторонне, как отношение двух принципиально равноправных разделов знаний, которые соприка-саются лишь по восходящей генетической линии и лишь в меру допускаемой близости, существующей между понятиями чисто эмпирически предметами их изучения – животным и человеком, с точки зрения противоположного взгляда, психологическое изучение деятельности животных представляет собой раздел знаний, входящий в единую систему психологической науки. Зоопсихология должна, следовательно, отражать в своей специ-фической проблематике проблематику общепсихологическую, ее метод не может не стоять в зависимости от того, как решается принципиальный вопрос о методе психологического исследования вообще» ее понятия должны быть связаны с понятиями общей психологии. С этой точки зрения связь зоопсихологии и психоло-гии является связью двусторонней; данные зоопсихологических исследований, как и данные других специальных разделов психологической науки, обобщаются в понятиях общей или теоретической психологии; эти последние в свою очередь проника-ют в зоопсихологию при нисходящем генетическом рассмотрении фактов. Примером первого подхода, первого пути могут служить работы Ж. Леба, приложившего идеи фитофизиолога И+ Закса к изучению поведения животных. Примером второго подхода – зоопсихологические исследования представителей гештальтпсихо-логки.

Этот двоякий подход к изучению деятельности животных в значительной степени отразился и на общем состоянии современных зоопсихологических знаний. С одной стороны, огромный, почти необозримый фактический материал, накоплен-ный в экспериментальных исследованиях, нередко остается почти

67

без всякого анализа с точки зрения общепсихологических проблем. С другой стороны, концепции поведения животных, выдвигаемые авторами, исходящими из широких психологических оснований, по необходимости опираются лишь на небольшое количество специально добытых фактов; чтобы восполнить недостающие звенья, они эклектически включают в себя обобще-ния зоопсихологов-эмпириков, не осмеливаясь посягнуть на их мнимую незыблемость.

Особенно резко это положение в зоопсихологии сказывается на состоянии проблемы развития психики животных. Поэтому и в этой проблеме, как и в проблеме возникновения психики, мы не можем воспользоваться никаким готовым решением и вынуждены начинать с критического анализа наиболее известных

взглядов.

Если отбросить многочисленные виталистические и грубомеха-нистические воззрения на развитие психики в животном мире, то остается всего лишь одна группа весьма близких между собой теорий, наиболее ясным представителем которой является широко известная у нас и в Западной Европе теория К* Бюлера. Действительно, большинство взглядов, которые высказываются в современной общепсихологической литературе, хотя в большей или меньшей степени и отличаются со своей фактической стороны от взглядов Бюлера, но в принципиальном отношении они все же остаются весьма близкими к ним. Сущность теории К- Бюлера (если ее можно назвать теорией) состоит в том, что она исходит из принципа разделения всего процесса развития психики в животном мире на отдельные ступени в зависимости от различных механизмов поведения.

Соответственно этому Бюлер выделяет три основные ступени развития психики. Во-первых, ступень врожденного, инстинктивного поведения, затем – ступень дрессуры, или навыков, и, наконец – ступень интеллекта.

Рассмотрим прежде всего вопрос о соответствии этих выделяемых Бюлером генетических ступеней фактическим научным данным, характеризующим последовательное развитие поведения животных.

Комментируя знаменитые опыты Ф.Дофлейна (Doflein, 1916) с муравьиным львом, Бюлер подчеркивает, что эта личинка «держит себя совершенно как автомат, внешне законченный при выходе из яйца и не изменяющийся заметно в продолжение своей жизни». Именно это и является основным свойством поведения, свойственного животным, стоящим на первой ступени развития – на ступени инстинкта. Инстинктивные действия, говорит далее Бюлер, – «с самого начала, то есть без предварительных упражнений, выполняются с большим совершенством, они приспособлены к вполне определенным жизненным условиям и только к ним одним, они повторяются одинаково у всех индивидов одного рода и т. д.; одним словом, они представляют собой наследственные, готовые к употреблению, способы действия, требующие

–
68

лишь определенного, предусмотренного в мировом плане, проявления».

«Инстинкты чрезвычайно консервативны; они функционируют с удивительной точностью и верностью, когда все идет по-старому, но отказываются служить, когда индивид попадает в новые жизненные условия». Бюлер, как и другие авторы, стоящие на тех же принципиальных позициях, конечно, не считает, что инстинкты вообще не способны изменяться, они могут изменяться, но лишь в длительном процессе видоизменения, то есть лишь «за счет многих поколений».

Итак, Бюлер выделяет следующие признаки инстинктивного поведения: 1) оно сформировано с самого начала и не нуждается в предварительном упражнении, 2) оно всегда протекает одинаково, раз навсегда зафиксированным образом, т. е. является стереотипным и 3) оно не способно видоизменяться под влиянием индивидуального опыта животного.

Очевидно, что понятие инстинктивного поведения является для Бюлера понятием весьма широким; оно охватывает не только простейшее поведение типа тропизмов, но, судя по приведенным им примерам, также и поведение более сложное. Поэтому мы должны будем выделить для рассмотрения два вопроса: 1) вопрос о соответствии вышеуказанных признаков фактам, характеризующим поведение простейших, и 2) вопрос об их соответствии фактам поведения более сложно организованных животных.

Обратимся прежде к первому вопросу.

Специальной теорией, отвечающей представлению о врожденном, строго предопределенном и стереотипном характере поведения у низших животных, является теория тропизмов Леба, теория, которую сам автор называет «теорией принудительного движения». Поэтому, ограничивая, в соответствии с современным

состоянием взглядов на эту теорию, сферу ее приложения и заранее отказываясь от ее крайностей, рассмотрим из числа многочисленных фактических данных, на которые она опирается, лишь кажущиеся наиболее бесспорными^{2*}

Классическим фактом стереотипного, строго предрешенного врожденной физической организацией поведения животного является так называемый фототропизм дафний.

Действительно, наблюдения показывают, что большинство дафний обнаруживают положительно выраженный фототропизм, то есть, что дафнии всегда движутся навстречу распространяющемуся световому лучу, причем эта реакция становится особенно ясной при условии, когда в воду приливается некоторое количество угольной кислоты.

Если в рассматриваемом случае поведение дафний истощив-

4 Buhler K- Die geistige Entwicklung. Zweite Auflage, 1921, S. 4.
2 См.: Леб Ж. динамика живого вещества. 1910; значение тропизмов для психологии // Новые идеи в философии, 1914. Вынужденные движения и тропизмы, 1924; Организм как целое, 1926.

69

уже характеризуется данными, приводящими нас к представлению о тропизме как о действительно вполне стереотипной реакции, то мы можем допустить ее изменение лишь в том случае, если при этом что-то существенно изменяется или во внешних условиях, или в анатомо-физиологическом механизме самого поведения животного.

Подтверждается ли это, однако, фактами? (...)

В нашу задачу не входит сколько-нибудь детальное изложение критики, которой подверглась теория тропизмов. Мы ограничимся поэтому только некоторыми предварительными выводами, которые могут быть сделаны на основании основных фактов и аргументов, выдвигаемых против этой теории.

Очевидно, что большинство явлений, описанных Лебом, имеют характер артефакта, полученного в результате грубого лабораторного воздействия на организм животного. Таковы явления гальванотропизма, о котором даже сам автор вынужден говорить как о чистом продукте лаборатории, таковы некоторые явления фототропизма, которые могут быть вызваны только в специальных лабораторных условиях и т. д. То, что эти явления возникают в определенных случаях, – несомненно; но ведь и лошади в случае, когда пожар охватывает конюшню, бросаются в огонь, замечает один из критиков Леба – Шнейдер.

Очевидно далее, что тропизмы в действительности широко модифицируются в зависимости от условий существования животного и от динамики их «физиологического состояния» (Дженнингс), или «конstellаций» (Кёлер). Поэтому, как указывает В. Вагнер, достаточно перенести исследование из комнаты в сад, чтобы увидеть, что теория Леба, годная для объяснения лабораторного опыта, не годится, однако, для объяснения явлений в условиях нормальной жизни животного.

Значит ли это, однако, что теория тропизмов вообще лишена оснований, что само понятие тропизма должно быть полностью отвергнуто? Мы думаем, что нет. Не нужно только смешивать между собой тропизм как своеобразный механизм, посредством которого осуществляется деятельность низших животных, и тропизм, понимаемый как форма деятельности, полностью исчерпывающая ее характеристику. Мы, конечно, можем изолировать в лаборатории действие данного механизма и тогда неизбежно обнаружится стереотипность его действия и «вынужденность» соответствующего процесса. Но это свидетельствует о стереотипности поведения животного в обычных условиях реакции не более, чем, например, стереотипность мускульной реакции в ответ на электрическое раздражение свидетельствует о стереотипности движения мускула при обычных условиях его иннервации. В реальных биологических условиях поведение даже низших животных весьма мало похоже на поведение искусственного животного-машины, в свое время построенного Наттопсром для демонстрации автоматического, вынужденного характера всякой деятельности. Тропизм – это не элемент механического поведе-

70

ния, но, скорее, механизмы отдельных элементов всегда интегрированного поведения.

«Не существует основания (indication) к тому, что действие стимула является в тропизме более прямым, чем в других видах реакций» – этот последний вывод, который делает Дженнингс, кажется нам выражающим суть дела, иначе, хотя и в другой форме, это же показывает в опытах с геотропизмом и Пьерон: он

видит главную ошибку Леба и его последователей в неразличении рецепции и реакции*.

Итак, теория тропизмов и те факты, на которые она опирается, не могут быть привлечены для доказательства того тезиса, что поведение низших животных сформировано с самого начала, что оно является стереотипным и не способным изменяться.

Не иначе обстоит дело и с той концепцией поведения животных на низших ступенях биологической эволюции, которая, отказываясь от понятия тропизма, склонна заменять его понятием строго фиксированного рефлекса. Проблема здесь не в допускаемой степени сложности физиологического состояния животного, а в признании наличия интеграции отдельных актов в соответствии с биологической ситуацией» – иначе говоря, в признании возможности индивидуального приспособления.

. Оставим пока в стороне споры между представителями различных специальных теорий поведения низших животных и попытаемся рассмотреть факты независимо.

Мы уже видели наличие пластичности и приспособляемости поведения у дафний. Дафнии принадлежат, однако, к числу относительно сложно организованных животных. Поэтому они, возможно, представляют уже некоторую более высокую степень развития поведения. Чтобы исключить соображения этого рода, нам остается обратиться к жизни простейших, к жизни «в состоянии ее обнаженности» (К* Бернар). (...)

Достаточно многосторонние факты, установленные у одноклеточных различными исследователями, не дают никаких оснований приписывать их поведению характер с самого начала готовых, стереотипных реакций не способных изменяться иначе, как в процессе смены многих поколений. Факты говорят, следовательно, против признания того, что особенностью начальной ступени развития поведения является невозможность индивидуального приспособления животных к изменению внешних условий – факты говорят, наоборот, за то, что уже на начальных ступенях развития жизни даже у одноклеточных существуют известные формы индивидуального приспособления и что, действительно, «индивидуальное приспособление существует на протяжении животного мира» (И. П. Павлов).

3 Jennings I. S. Tropisms. Доклад на VI Международном психологическом конгрессе, 1909.

4 Piéron H. Journal de Psychologie 1929. № 9–10,

71

Значит ли, однако, это, что мы считаем» вслед за некоторыми исследователями, что уже у инфузории следует говорить о навыках или об условных рефлексах в собственном смысле, что у них уже существуют специализированные механизмы приобретения индивидуального опыта? Нет, мы думаем совершенно иначе.

Мы думаем, что говорить о врожденном или, наоборот, об индивидуально приобретаемом поведении по отношению к низшим животным вообще нельзя. На низших ступенях развития поведения животных невозможно доказать существование особых механизмов видového опыта и особых механизмов приобретения опыта индивидуального; иначе говоря, на низших ступенях развития не существует ни строго predeterminedного, слепого поведения, ни индивидуально приобретенного поведения в собственном смысле этого слова. По отношению к низшим животным мы можем говорить лишь о видовом поведении, которое является, однако, достаточно пластичным, то есть которое в известных пределах способно изменяться под влиянием внешних условий.

Мы думаем далее, что только на более высоких ступенях развития, на основе дальнейшего усложнения строения животных мы можем достаточно четко различить акты поведения, которое является результатом морфологически фиксированного видového опыта и, наоборот, поведение, которое является в точном смысле этого слова поведением приобретаемым (собственно навыки, условные рефлексы), то есть которое является функцией специальных механизмов формирования индивидуального опыта.

Как мы увидим ниже, фактический ход развития ясно показывает, что оба этих вида поведения возникают одновременно, путем разделения простейшего пластичного поведения, о котором, в сущности, мы не можем сказать, является ли оно врожденным или индивидуально формирующимся, потому что это такое поведение, которое, с одной стороны, является видовым, но которое совсем не является таким стереотипным и изначально заложенным в организации животного в совершенно готовом виде, как об этом можно было бы думать на основании некоторых искусственных лабораторных фактов, приводимых по преимуществу представителями физиологического и физико-химического направления в зоопсихологии, – направления, которое особенно пышно расцвело в начале XX века и которое теперь все более и более уступает свое место направлению биологическому.

Выше в связи с анализом взглядов Бюлера на особенности первой ступени в развитии животных мы разделили проблему существования врожденного, не способного к индивидуальному приспособлению, поведения, на две части: на вопрос о соответствии указываемых Бюлером признаков врожденного (инстинктивного, по терминологии автора) поведения фактам поведения простейших и на вопрос об их соответствии поведению более высокоорганизованных животных. До сих пор мы имели дело с кругом явлений, относящихся преимущественно к первому

72

вопросу. Теперь перед нами стоит задача специально остановиться на втором вопросе.

Одно из оснований к тому, чтобы этот вопрос был рассмотрен особо, заключается в том, что, как мы уже говорили, в результате происходящей дифференциации и специализации животных на известном этапе эволюции достаточно ясно выделяются, с одной стороны, механизмы видového поведения, а с другой стороны, механизмы поведения, индивидуально приобретаемого.

При этом у некоторых животных, например у насекомых, видовое поведение выступает особенно отчетливо и ему иногда безоговорочно приписываются именно те черты, которые Бюлер распространил на всю первую ступень развития. Оправдывается ли, однако, приписывание этих черт видовому поведению более высокоорганизованных животных фактическими данными и является ли законным обычное для старых зоопсихологических работ противопоставление видового поведения «навыковой», то есть условно-рефлекторной деятельности?

Как и в проблеме тропизмов у простейших, мы попытаемся и в этой проблеме по возможности обойти надоевшие теоретические дискуссии о сущности инстинкта. (...)

Три основных позитивных тезиса могут быть в настоящее время выдвинуты в связи с проблемой инстинктов.

Первый из этих тезисов состоит в том, что видовое поведение лишь кажется безусловно индивидуально неизменяющимся, ригидным, идущим по готовому шаблону: при более же внимательном изучении оно обнаруживает известную пластичность, приспособляемость к обстоятельствам, (..)

Факты, свидетельствующие об этом, могут быть указаны в большом количестве. Впрочем, могут быть указаны также и некоторые противоположные факты, свидетельствующие, наоборот, о случаях стереотипности, неподвижности инстинктов. Ибо инстинкты действительно неподвижны, одинаковы, если их наблюдать у одинаковых насекомых, в одинаковых обстоятельствах. Однако сопоставление фактов в данном контексте бесполезно. Ведь обсуждаемый нами вопрос состоит не в том, может ли видовое поведение протекать стереотипно, а в том, должно ли оно всегда и необходимо быть стереотипным. Для ответа же на этот последний вопрос достаточно уже имеющихся данных: ясно, что догма о совершенстве и индивидуальной неизменяемости инстинктивного поведения должна быть отброшена, что инстинкты обладают известной пластичностью, способностью адаптироваться к внешним условиям.

Второй тезис, который в настоящее время может быть выдвинут в связи с проблемой инстинктов, заключается в том, что видовое поведение не состоит с самого начала из вполне «готовых к употреблению» способов деятельности, но формируется онтогенетически, то есть в ходе индивидуального развития животного.

«)

Детальное экспериментальное исследование онтогенетического

73

развития в постнатальный период (в период после рождения) показывает, что 1) видовое инстинктивное поведение не является изначально готовым, полностью predetermined врожденной организацией животного и что 2) наблюдаемые на протяжении индивидуального развития изменения видовой инстинктивной деятельности совершаются под влиянием упражнения, т. е. в зависимости от внешних условий жизни животного и следовательно, не могут быть сведены к действию спонтанно происходящего вызревания.

Представление о том, что в инстинктах мы имеем дело с простым автоматическим выявлением с самого начала строго специализированных актов, стоит в противоречии и с современными данными об эмбриональном развитии. Исследования Миньков-ского, Когхилла и особенно Зинг Ян Куо5 показали, что эмбриональное развитие вовсе не сводится к простому вырастанию готовых нервных механизмов, но что специализация нервных путей у зародыша происходит раньше под влиянием метаболических градиентов в организме, а затем, на более высоких ступенях, — под влиянием самого процесса проведения импульсов («функциональное приобзрение», по Когхиллу) и что, следовательно, двигательные связи в эмбриогенезе не проявляются загадочным образом, но вырабатываются в связи с определенными внешними условиями и ранее произведенными изменениями зародыша (куо). Поэтому у новорожденного животного не может быть поведения, с самого начала полностью адаптированного к внешней среде, в связи с которой он впервые вступает

Таким образом, мы можем дополнить наш тезис об онтогенетическом развитии видового поведения третьим положением, а именно, что и собственно врожденные акты поведения не преформированы изначально, но являются результатом реального процесса развития, происходящего в пренатальном периоде.

Наконец» третий важнейший тезис, который в настоящее время может быть выдвинут в связи с проблемой инстинктов, непосредственно вытекает из первых двух и поэтому не требует специально-го обоснования. Он заключается в том, что всякое развитое инстинктивное поведение нуждается не только в начальном толчке — внешнем или внутреннем стимуле, приводящем в действие далее автоматически развертывающийся сложный цепной процесс, но обязательно предполагает непрерывно происходящую афферентацию со стороны внешней среды.

Инстинктивное поведение всегда, следовательно, осуществляется по той схеме, которую Жане называет схемой «продолженного» акта (acte suspensif).

5 См.: Когхилл Д. < Анатомия и проблема поведения, 1934; Zing Yang Kuo. Ontogeny of embryonic behavior in apes/III. The structural and environmental factors in embryonic behavior // The Journ of Compar. Psychology, 1932, XIII» p. 245; IV, The Influence of Embryonic Movements upon the Behavior after // IbrdL VoJ. XIV. P. 109; Minkowski M. L'elabortion du systcme nerveux // Encyclopedie Franchise. T. VIII La vie mentale. Paris, 1938 (общая сводка работ).

74

«Нельзя, – замечает Жане, – укунуть добычу в ответ на до-несшийся запах; нужно активно поддержать, усилить его действие – двигаться по направлению его распространения, нужно далее заметить добычу, потом войти в непосредственное соприкосновение с ней – получив тактильное ощущение; лишь затем можно начать ее поедание»б. Даже самое простое, на первый взгляд, поведение животного требует этой непрерывной внешней афферентации и менее всего похоже на «поведение общепринятое в действительности заводной игрушки. Как бы ни были устойчивы и сходны общие очертания процесса, его отдельные двигательные звенья всегда изменчивы и различны.

«Присмотритесь, – говорит Войтендейк,[™] к летающей летним вечером ласточке. Быстры и точны извивы ее непрерывного полета, в котором она настигает одно насекомое за другим. Никогда воспринимаемая ситуация не остается дважды одной и той же, никогда движения не повторяются, если присмотреться к их деталям». В жизни животных, волнующей своей простотой и вместе с тем своим сложным характером, не бывает механического повторения, и мы имеем возвращение лишь аналогичных, однородных явлений, лишь сходных между собою тем... Заметьте» как действие животных направляется никогда не разрушающимся единством перцепции и движения и как создается это взаимообразное круговое движение... Все, что осуществляется в действительности, является одновременно достоянием отражения в психике»7.

В этом, действительно, лежит ядро всей проблемы. Поэтому мы и назвали наш последний – третий – тезис важнейшим. Но об этом мы еще будем говорить специально.

Приведенный обзор главнейших данных, относящихся к ха-рактеристике как самого примитивного, так и более сложного поведения животных, показывает, что представление о начальной ступени развития как о ступени строго фиксированного, стерео-типного поведения, не способного адаптироваться к индивидуальным условиям, стоит в противоречии с точными фактами. Даже простейшая простейшая животных обладает пластичностью и не может быть сведена к механической сумме тропизмов, если последние понимать как вынужденные, автоматические движения, полностью обусловленные неодинаковостью физико-химических процессов на периферии организма, создаваемой односторонним действием раздражителя, в отношении этих животных, как мы уже отмечали, вообще трудно говорить о наследственно-фиксированном и индивидуально-приобретенном поведении. Оно более всего напоминает поведение на ранних ступенях онтогенеза, так как его описывают современные эмбриологи; представляя собой систему достаточно диффузных реакций, оно скорее позволяет говорить об их поляризованности и общей направленности, чем о специализированных и устойчивых e Janet P. Le debuts de i'mteuigence. Paris, 1935. P. 51–52. 7 Buytendijk F. Vue sur la psychologic animale, 1931.

дифференцированных физиологических связях, лежащих в их основе. Уже самый анатомио-физиологический тип этих до-нервных связей исключает возможность приписать им полную оформлен-ность и устойчивость.

Итак, строго фиксированное, лишённое всякой пластичности, стереотипное поведение вовсе не составляет самой ранней, начальной ступени в развитии деятельности животных.

Более сложным становится вопрос, когда мы переходим к таким животным, как насекомые.

У этих относительно высокоорганизованных животных уже ясно выделяются, с одной стороны, процессы видового поведения – поведения, которое мы постоянно встречаем у представителей одного и того же вида и которое, очевидно, обязано своим происхождением отложившемуся филогенетическому опыту, а с другой стороны – процессы поведения, которые формируются под исключительным влиянием индивидуального опыта – на еще более высоких ступенях развития могут быть дифференцированы также и анатомио-физиологические механизмы обеих этих форм поведения.

Таким образом, решение вопроса переносится на более высокую эволюционную

ступень, Однако и здесь он должен быть решен отрицательно: инстинктивного поведения, обладающего теми признаками, которые приписываются ему Бюлером и большинством писателей-популяризаторов, попросту не существует.

Значит ли это, что мы склонны вовсе отрицать своеобразие видового поведения, как это делают некоторые современные авторы?* Мы думаем несколько иначе. Мы думаем, что конкретное рассмотрение фактов поведения животных подсказывает другое решение: врожденное видовое поведение, несомненно, может быть выделено и рассмотрено как особая форма поведения, по крайней мере, у животных, стоящих на относительно более высоких ступенях биологической эволюции; оно, однако, отнюдь не должно противопоставляться поведению, индивидуально формирующемуся.

Мы думаем, что это противопоставление, возникшее, с одной стороны, из чисто идеалистического понимания инстинктов (каким оно остается и у Бюлера), а с другой стороны – из механистических попыток свести деятельность животных к осуществляющим ее физиологическим механизмам, является несостоятельным по следующим главным основаниям.

Во-первых, врожденные процессы поведения и процессы, индивидуально приобретенные, всегда реально даны в неразложимом, например, прямо указывает, что понятие инстинкта должно быть полностью отброшено, так же, как и различие между «научаемой* и «ненаучаемой» деятельностью, между врожденными и приобретенными реакциями (How are our Instincts Acquired // Psych. Rev. Т 1922. Р. 344 и др. работы этого автора). На точке зрения отрицания научного значения понятия инстинкта стоит также В. Боровский (*Об инстинкте». Известия Крымского педагогического института. Т. XI. 1941),

76

мом единстве. Выше мы видели, что уже первоначальное включение видового поведения, осуществляющегося на основе врожденных механизмов, происходит в форме своеобразного научения; таким образом, известная пластичность, приспособляемость является необходимым условием реализации врожденных актов, В сущности представление о неадаптированном к индивидуальным условиям чисто врожденном поведении не соответствует никакой конкретной реальности. Даже пресловутое «зарывание» молодой белкой орехов в ковер, устилающий пол комнаты, не может, конечно, происходить иначе, как при условии известного приспособления ее поведения к тем необычным условиям, в которых она теперь осуществляется.

Поэтому там, где мы можем выделить у животного достаточно ярко выраженное врожденное видовое поведение, там мы можем выделить и процессы научения, приспособления. И наоборот: подобно тому как не существует поведения, осуществляющегося исключительно врожденными, стереотипными движениями, не способными адаптироваться к индивидуальным условиям жизни животных, так не существует у животных и таких навыков, которые образуются вне зависимости от их видового поведения.

Биологический подход к поведению животных позволяет обнаружить интимнейшую зависимость процессов научения от образа жизни вида. Так, изучая формирование навыков у жаб, Бойтендейк (1930) в одной из серий своих экспериментов давал этим животным таких насекомых, которые вызывали у них резко отрицательную реакцию. Достаточно было одного единственного опыта, чтобы жаба в течение многих часов после этого отказывалась от попыток съесть муравья или даже другое насекомое, напоминающее его своим видом. В других же экспериментах он отгораживал от жабы добычу (дождевого червя) стеклом; при этих условиях, несмотря на то что она всякий раз наталкивается на стекло, жаба, наоборот, обнаруживает большое упорство: она делает множество попыток, прежде чем ее реакция затормозится. Даже усиление момента «наказания» не вызывает прекращения движений. В опытах Аббо (Abbott) лягушка продолжала набрасываться на добычу, окруженную иглами, в продолжение 72 часов, пока кожа ее верхней челюсти не была полностью изодрана. Биологическое значение различия в скорости образования связей того и другого рода совершенно понятно, если принять во внимание условия жизни вида: «Если» – говорит Бойтендейк, – жаба во время своей вечерней охоты приблизится к муравейнику и схватит муравья, то быстрое образование связи предохранит ее от поглощения других таких же насекомых, вредных благодаря кислоте, которой они обладают. Наоборот, когда жаба пытается схватить дождевого червя, но это ей не удастся, то повторение попыток в обычных условиях может помочь ей все же завладеть пищей»⁹.

* Buytendijk F. J. Psychologie des animaux, 1928. Р. 209; Id: Vue sur la psychologie animal, 1930.

У собаки, принадлежащей к числу «охотников-преследователей», иная способность научения, чем у кошки, которая является «охотником-тщедушником»; у рыб, ведущих надонный образ жизни, опять-таки иная способность научения, чем у рыб, питающихся у поверхности воды; даже

лягушки-поджидатели отличаются в этом отношении от ж а б-преследователей. Поэтому-то общее правило, что индивидуальное приспособление происходит в меру инстинкта, так же верно, как и обратное правило, что проявление инстинкта происходит в меру индивидуального приспособления.

Во-вторых, основание, которое заставляет отказаться от противопоставления врожденного инстинктивного поведения поведению, индивидуально приобретаемому, заключается в том, что оно несостоятельно с генетической точки зрения, то есть якобы отражающее последовательную смену форм деятельности: прежде деятельности полностью врожденной, потом – формирующейся в индивидуальном опыте.

Верно, конечно, что чем выше поднимаемся мы по лестнице биологического развития, тем – в общем – все более сложные формы принимает приспособление животных к среде, тем все более «научаемым» делается их поведение* Но может ли быть этот процесс адекватно представлен как результат перехода от неизменяющегося, целиком врожденного поведения к поведению, индивидуально формирующемуся? Если даже мы внесем в это положение известное ограничение, если мы будем говорить только о преимущественной роли тех или других процессов, оно все же несостоятельно. Ибо наиболее яркое и логичное выражение преимущественно видового поведения мы находим, бесспорно, у насекомых, то есть у такого зоологического типа животных, через который как раз не проходит основная линия биологической эволюции и который принадлежит, наоборот, одной из побочных ее ветвей, представляя как бы тупик развития. С другой стороны, разве насекомые обладают меньшей способностью к научению, чем, например, черви или даже низшие хордовые? Факты показывают обратное¹⁰. Но ведь именно так должно было бы быть, если бы преобладание преимущественно видового поведения обозначало собой вместе с тем и более низкую ступень развития способности к научению. Достаточно одного этого примера, чтобы понять, что подобное генетическое противопоставление стоит в вопиющем противоречии с реальным положением вещей и может быть допущено только при условии полного игнорирования конкретных зоопсихологических данных о действительном ходе развития поведения в животном мире.

Это противопоставление в такой же мере противоречит и современной эволюционной физиологии. Мы не можем удовлет-
¹⁰ достаточно сравнить, например, между собой „данные опытов Йерк- (1.1л Хнка с научением земляного червя в Т-образном лабиринте и данные опытов Бете или Шнейрлн с научением насекомых. .
 7ft

ворительно представить себе физиологически образование врожденных схем или координации движений иначе, чем допустив существование генетически первичной диффузности и пластичности реакций. «И в филогенетически древних отделах ц. н. см например, в спинном мозге, мы когда-то имели диффузную волевою реакцию всей мозговой массы на раздражение и в результате недифференцированные суммарные реакции всего мышечно-го прибора». «Готовые координационные отношения, с которыми мы родимся, образовались в течение тысячелетий по тем же основным законам, по которым образуются новые условный-координационные отношения в течение недель, а иногда и дней, и часов в нашей индивидуальной жизни», – пишет Л. А. Орбели¹¹, И так, ступени инстинктов, то есть ступени поведения, полностью наследственно предопределенного, стереотипного и не способного адаптироваться, как начальной ступени развития не существует, не существует поведения, не способного индивидуально (онтогенетически) изменяться под влиянием воздействия внешних условий и на более высоких ступенях биологической эволюции. Врожденное поведение не может противопоставляться поведению, индивидуально (онтогенетически) адаптирующемуся. Понятие инстинкта в том его содержании, которое вкладывается в него Бюлером и другими сторонниками выражаемых им взглядов, не соответствует никакой реальности. Понятие инстинкта нельзя связывать с представлением об онтогенетической неизменяемости поведения.

Мы подробно остановились на проблеме врожденного неизменяющегося поведения как начальной ступени развития в связи с тем, что от того или иного ее решения зависит и решение вопроса о характеристике следующей, более высокой, по Бюлеру, ступени поведения – ступени индивидуально изменяющегося поведения, ступени дрессуры.

Отрицая существование индивидуально изменяющегося поведения на начальной ступени развития, мы тем самым отвергаем, разумеется, и возможность признать факт индивидуального научения в качестве признака, специфического для следующей, более высокой, ступени эволюции. Мы хотим, однако, подойти к вопросу со всей осторожностью. Может быть понятие навыка, дрессуры ограничивается и уточняется теорией «трех ступеней» так, что при более пристальном рассмотрении оно оказывается прямо не совпадающим с широко понимаемым научением? Может быть, речь идет не о всяком научении, но о

некой специальной его форме, о научении, стоящем в особом отношении к видовому поведению? Некоторые данные для такого понимания можно найти у отдельных авторов, трактующих проблему навыка, в частности у Е. Торндайка; никакие, однако, генетические выводы
[1] \юели JL А Об эволюционном принципе в физиологии // Природа, 1933. С. 80.

7ft

из этих данных обычно не делаются, и бюлеровская интерпретация развития остается непоколебленной.

Иллюстрируя образование навыков фактами индивидуального изменения поведения в общеизвестных опытах с обходом препятствия у рыб, выбором зерен курицей, дрессировкой собак и проч., Бюлер рассматривает этот процесс как «смягчение косности инстинкта». Его главным положением остается все то же противопоставление: косность, неизменяемость – лабильность, индивидуальная приспособляемость. «Щенок родился с ин* стинктом охоты, но ни в коем случае не с таким, как, например, паук, который раз навсегда прикован к одному неизменяющемуся способу охоты... Его инстинкт действует только тогда, когда все идет в предусмотренном порядке. Собака же наоборот научаема... Дрессура работает над капиталом ее инстинктивных способов, подавляя одно, развивая другое и создавая новые сочетания»¹².

Чтобы оправдать идею дрессуры как прогрессивной и прогресс-сирующей способности животных, Бюлер продолжает отвлекаться от реального соотношения фактов и выстраивает мнимую лестницу все более легкого научения. Так, самую низкую ступеньку на этой лестнице занимают, по мнению Бюлера, насекомые, ступенькой выше стоят рыбы, еще выше – амфибии и т. д.¹³ Мы не сочувствуем идее чисто количественного сравнения, но если все же последовать в этом за Бюлером и встать на точку зрения оценки уровня развития поведения животных по большей или меньшей способности их к дрессировке, то оказыва-ется, что лестница, выстроенная им в соответствии с упрощенными школьными представлениями о ходе эволюции животных, опроки-дывается при первом же соприкосновении с фактами.

Приведем только некоторые данные. Так, насекомые (*Foronica incerta*) научаются проходить сложный лабиринт с 7 возможно-стями выбора (тупики) после 30 опытов (Schneirlat 1933); более же легко, согласно мнению Бюлера, обучаемые рыбы (золотой карп) примерно в тех же условиях – в лабиринте Иеркса – не снижают ошибок даже после 360 опытов (Кашкаров, 1928).

Ракообразные (*Cambarus affinis*) в лабиринте с одной возможно-стью выбора научаются после 60 опытов (Yerkes and Guggins, 1903), для научения же амфибий (лягушка) в лабиринте, представляющем также всего одну возможность выбора, требу* ется 100–120 опытов, то есть процесс идет у них почти в два раза медленнее. На основании сравнения данных эксперимента с рыба-ми, амфибиями и птицами Бойтендейк приходит к следующему парадоксальному выводу: вопреки обычному мнению, в филогене-тическом ряду поступенного развития способности научения не существует¹⁴.

¹ Вшег К. Die geistige Erttwicklung/Zweite Auflage, 192L S. 5. 1A Buhter K указ. соч. С. 6.

м Доклад на 3-м годовичном собрании нидерландских физиологов, Амстер дам, 1917 // Arch. Neerl., 1920. P. 149.

80

Со столь крайним выводом согласиться, разумеется, невозмож-но. Дело не в том, что способность научения в процессе биологиче-ского развития не прогрессирует, но в том, что при сопоставлении между собой экспериментальных данных, полученных у ныне существующих животных, мы сравниваем между собой конечные члены эволюционных рядов, эволюционировавшие независимо друг от друга, а не последовательные члены одного и того же филогенетического ряда (А. *Н, Северцев) и отвлекаемся от «застойности», характерной именно для конечных членов эволю-ции¹⁵. Этого, конечно, не может не учитывать Бойтендейк, и поэтому мы склонны отнести вывод, к которому он приходит, главным образом, за счет его общетеоретических позиций, решительно чуждых тем идеям, которые лежат в основе нашей работы. При чисто физическом подходе к научению имеющийся здесь действительный прогресс естественно маскируется. Поэтому экспериментальные данные, собранные в большом количестве представителями физиологического направления в зоопсихологии, показывают, наоборот, что на более высоких ступенях эволюции межвидовое сравнение протекания процесса научения не дает почти никаких формальных различий: кривые, полученные в соответственно уравненных условиях, даже у весьма различных видов легко налагаются одна на другую. В результате некоторые авторы пришли к идее взаимного сведения кривых научения, полученных не только у высших животных, но также у животных и человека¹⁶. Это, конечно, совершенно искусственные попытки. Они, однако, характерны для

той линии изучения навыков, которая до последнего времени господствовала в зоопсихологии. Пытаясь разработать вопрос об образовании навыков в точных экспериментах, большинство исследователей трактовали их физиологически, тщательно изолируя исследуемый процесс от якобы затемняющих его влияний биологических и психобиологических факторов. Таким образом, проблема навыка превращалась все более в проблему лабораторной аналитической физиологии, в проблему «механизмов», в то время как та биологическая деятельность, которая осуществляется этими механизмами, естественно, оставалась в тени. Это приводило к двоякому результату: с одной стороны, к новому искусственному противопоставлению научения так наз. высшим процессам, то есть интеллекту, а вместе с тем – совершенно парадоксально – к почти безграничному расширению понятия навыка. К последнему мы должны будем еще возвратиться; поэтому сейчас мы подчеркнем только первый момент, послуживший одним из оснований для выделения третьей ступени в развитии поведения животных – ступени интеллекта. Проблема интеллекта как определенной ступени развития

15 Северцев А И, Эволюция и психика, 1922.

16 Hicks K, Сагг И. Human Reaction in a Maze // Journ. of Animal Behavior, 1920. Цит. по: Кшоф J. K A survey of Science of Psychology, 1933. P. 27К

81

поведения стоит совершенно особо, При переходе к интеллекту животных Бюлер, как и другие авторы, примыкающие к тем же взглядам, изменяют первоначально избранному ими пути: объ-ективный поведенческий анализ неожиданно уступает место рассмотрению поедения с точки зрения внутренних психических процессов. Здесь, в интеллекте, говорит Бюлер, – «основное – то, что трудность, представляемая новым положением, преодолевается не внешними приемами, не разнообразными попытками, но, очевидно, внутренним {психофизическим} процессом». Итак, теперь выступают на сцену новые понятия – переживание, представление, Бюлер спешит оговориться: при переходе к ступени интеллекта все же нет никакого разрыва с прежним. Только «маленький прогресс в жизни представлений – вот и все, что отличает эту ступень от предшествующей»¹⁷. Если это так, то тем яснее тогда выступает разрыв в самом подходе автора к фактам и тем менее он оправдан: ведь до сих пор ни о какой «жизни представлений (vorstellungsleben) не было и речи, все рассмат-ривалось лишь под углом зрения механизмов поведения.

Эта непоследовательность в анализе – введение нового, субь-ективно психологического критерия – определяется исторически: она отражает собой столкновение двух подходов, двух путей в зоопсихологии – пути «снизу» – пути бихевиоризма и пути «сверху» – от общепсихологических проблем, по которому шло исследование Кёлера, послужившее главным основанием для окончательного выделения ступени интеллекта.

Старые антропоморфические толкования по самой своей сущности исключали возможность плодотворного сравнительного анализа психики животного и человека; наделяя человеческими чертами психику животных, они тем самым закрывали перед собой возможность исследования развития, сводя его к количе-ственным изменениям и несущественным для понимания природы человеческой психики трансформациям. Поэтому бихевиористиче-ские воззрения в зоопсихологии явились большим шагом вперед; они принесли за собой традицию строго научного исследования. Им, однако, недоставало подлинно психологического понимания, подлинно психологической апперцепции фактов, для них был закрыт путь нисхождения вниз от человека, без которого невозможен и процесс восхождения от психической деятельности животных к психике человека. До последнего времени все попытки бихевиористов перейти к человеку ограничивались простым толкованием психологических фактов на основе чисто гипотетиче-ского допущения принципиальной сводимости психических про-цессов к основным физиологическим механизмам поведения высших животных, что приводило наиболее последовательных из них к совершенно парадоксальным с точки зрения психологии выводам. Даже у наиболее серьезных авторов проблемы психоло-

17 Вухтер К. Указ, соч. С. 33. 82

гии человека были совершенно безнадежно поставленными; достаточно* например, вспомнить о классификации Уотсона, согласно которой процессы мышления попадают в ту же рубрику, относятся к тому же классу явлений, что и условные слюнные рефлексы|а.

В противоположность обоим этим направлениям совершенно новые перспективы генетического психологического исследования открыли работы В. Кёлера¹⁹ и последовавших за ним авторов.

Нередко главную заслугу В. Кёлера в исследовании интеллек-та человекоподобных обезьян видят в том, что он впервые научно показал наличие у этих животных таких форм поведения, которые не могут быть непосредственно

сведены к действию примитивных физиологических механизмов – образованию условных рефлексов или навыков. Действительно, попытки интерпретации фактов, полученных Кёлером, с точки зрения «навыковой» теории представляются весьма сомнительными; обычно такие интерпретации удаются только ценой явных погрешностей против самой той теории, с точки зрения которой дается объяснение. Впрочем, та утомительная и часто плоская полемика, которая до сравнительно недавнего еще времени велась с этой стороны вокруг исследований Кёлера, в сущности, уже утратила свое значение, с одной стороны, под влиянием тех сдвигов, которые мы можем констатировать в позициях бихевиоризма, а с другой стороны, – под влиянием все возрастающего потока зоопсихологических данных, значительно подкрепивших первоначально добытые Кёлером экспериментальные факты, (.,.) Эти факты, и прежде всего факты, установленные самим В. Кёлером, были добыты с целью выделить интеллектуальные процессы в возможно более чистом виде, тщательно изолировав их от процессов образования двигательных навыков, в известной степени это, несомненно, удалось сделать. Но это не решило проблему, а только поставило ее.

Центральную трудность представило здесь определение интеллекта и, следовательно, вопрос о его критерии. Поэтому первоначально главная аргументация своеобразия интеллектуального поведения человекоподобных обезьян лежала в описании фактов, а не в их теоретическом анализе. Кёлер указывал, как известно, следующие моменты, специфические для интеллекта: 1) способность действия осуществляться в соответствии с объективной структурой ситуации внезапно, без предварительного процесса «проб и ошибок» и вне зависимости от опыта, то есть автономно, 2) запоминание возникшего решения раз и навсегда и 3) его способность воспроизводиться, соответственно модифицируясь, в любой другой ситуации, сходной, но не тождественной с той ситуацией, в которой оно первоначально возникло (перенос найденного решения).

18 Watson J. A Psychology from the standpoint of a Behaviorist. 1919,

19 Kohler W. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. 1921.

83

Выделение этих моментов в качестве признаков интеллекта, несомненно, оправдано экспериментальными фактами, полученными Кёлером. Достаточно, однако, выйти за пределы этих фактов и поставить проблему генетически, чтобы они оказались поколебленными, поколебленными именно в качестве критерия ступени интеллекта в развитии поведения животных. При этом особенно ясно обнаруживает свою несостоятельность та теоретическая интерпретация, которую дает нам Кёлер.

Для того чтобы выяснить главные противоречия, с которыми сталкивается понимание интеллекта, выдвинутое Кёлером, достаточно хотя бы бегло проследить дальнейшее развитие теоретических и экспериментальных исследований по двум линиям – по линии разработки проблем, поставленных изучением интеллекта, и по линии разработки проблемы навыков.

Обратимся прежде к основному теоретическому положению Кёлера. Впечатление разумности, интеллектуальности поведения мы получаем вследствие его осмысленности; ко осмысленности поведения есть не что иное, как его структурность, т. е. его соответствие структуре объективной ситуации. Таким образом, для Кёлера самая общая характеристика интеллектуального поведения обезьян заключается в структурном его характере. Структурность остается вместе с тем и единственным теоретическим объяснением особенностей поведения антропоидов 2\ Одна-ко, как об этом писал в свое время Л. С. Выготский³¹, против объяснения поведения его структурностью говорит целый ряд соображений. Важнейшее из них заключается в том, что этот принцип сделался универсальным для гештальтпсихологии и с одинаковыми основаниями привлекается ею как для объяснения интеллектуальной деятельности, так и для объяснения навыков и даже врожденного видового поведения животных.

Очевидно, что тем самым принцип этот оказывается решительно негодным для раскрытия того особенного, что характеризует данную ступень развития²². Отсюда непосредственно вытекает также неудовлетворительность определения переноса (транспозиции), как «осмысленного применения структурного принципа», ибо при этом остается нераскрытым главное: что же именно лежит в основе этой осмысленности применения и как возникает соответствующее восприятие вещи, определяющее возможность переноса. Этот значение для понимания особенностей интеллектуального поведения принципа структурности специально подчеркивалось при обсуждении опытов с употреблением орудий М. Эглингером {Eglinger M. B., über Werkzeuggebrauch bei Tieren // Bericht über den VIII Kongress für experimentelle Psychol. 1924, Bd. 1&7),

'Предисловие к русскому изданию книги В. Кёлера «Исследование интеллекта человекообразных обезьян». М., 1930.

К. Коффка, обсуждая эту проблему, прямо говорит: «Инстинкт, дрессура и интеллект не суть три различных принципа, но во всех них мы находим один и тот же принцип, различно выраженный* (Основы психического развития. Русск. пер. С. 149).

F'

84

процесс в опытах с употреблением палки для доставания плода описывается Кёлером следующим образом. В результате напряжения происходит изменение в поле зрения животного; продолговатые предметы «начинают обладать вектором», причем это становление предмета орудием является функцией «геометрической констелляции». Таким образом, Кёлер, с одной стороны, энергично подчеркивает первичность воспринимаемого «организованного единства» (объективной структуры ситуации) по отношению к усматриваемому животным функциональному значению предмета, а с другой стороны, отвечая на вопрос о механизме самого интеллектуального «усмотрения», он прямо указывает на его автохтонность, и этим завершает логический круг, возвращаясь к исходному для него понятию структурности, выступающему теперь уже как имманентный закон самой психики.

Итак, если в основе «интеллектуальности» лежит структурность, присущая всякому поведению, то весь вопрос заключается лишь в степени структурности; но когда полностью стирается всякая принципиальная граница между стадией дрессуры и стадией интеллекта, тогда становится невозможным никакое действительное развитие и весь процесс эволюции сводится к чисто количественным изменениям. Поэтому работы Кёлера хоть и имеют огромное значение для генетической психологии, но таково лишь их объективное значение. Его теоретическая полемика с Торндайком, которую многие восприняли как утверждение качества своеобразия поведения высших животных, как защиту идеи его несводимости к поведению животных, более низкоорганизованных, в действительности имела совершенно другой смысл. Это был спор об общих подходах, о принципах, равно претендовавших на универсальное значение, и если Торндайк пытался представить поведение на всех ступенях его развития подчиненным одним и тем же законам, двигаясь снизу, то послекелеровские исследования сделали то же самое, двигаясь сверху. Различие заключалось лишь в самих провозглашаемых законах: у Торндайка это были законы «коннекции у Кёлера – «структурирования». Не иначе обстоит дело и с оценкой значения работ Кёлера в связи с проблемой перехода от животного к человеку, проблемой, которая, собственно, и сообщает настоящий интерес зоопсихологическому исследованию антропоидов. Работы Кёлера, посвященные интеллекту обезьян, казались перебрасывающими мост через пропасть, отделяющую психику человека от психики животного и позволяющими понять переход между ними. Но это также оказалось иллюзией. В действительности переход через эту пропасть найден не был; скорее, была сделана попытка сомкнуть ее края и снять самую проблему, – так же точно, как это было сделано Торндайком, хотя и с совершенно других, разумеется, позиций. И в этой проблеме спор шел в действительности только об объяснительном принципе.

Таким образом, основывающееся на концепции Кёлера

85

генетическое противопоставление интеллектуальных процессов процессам коннекциональным является теоретическим *pop-sens'om*. Этот теоретический *pop-sens'om* мы и находим в генетической схеме Бюлера, несмотря на то, что к келеровским интерпретациям фактов поведения человекоподобных обезьян он пытается внести некоторые существенные поправки.

То, что с полной ясностью выступает в анализе теоретической стороны вопроса, легко показать и с чисто фактической его стороны.

При описании интеллектуального поведения обезьян Кёлером «выдвигался на первый план факт внезапности появления правильного решения задачи; дальнейший же процесс переноса найденного решения в сходные условия рассматривался им без всяких на то оснований, как факт производный, вытекающий из первого факта. Однако последующий анализ и, главное, дальнейшее развитие исследований, приводит нас к прямо противоположной мысли: как указывает уже Бюлер, сама возможность внезапного решения животным задачи есть не что иное, как результат переноса в условия данной экспериментальной ситуации соответственно модифицирующегося поведения, которое сформировалось в естественных условиях жизни обезьян. Авряд ли нам покажется удивительным, что животное умеет целесообразно употреблять ветки, что оно их наклоняет, чтобы достать до висящего на конце плода, или обламывает их, дерется ими и т. п., так как все это объясняется инстинктом и дрессировкой. Во всяком случае жителю на деревьях должна быть хорошо

знакома связь ветки с плодом. Когда же животное сидит в помещении, за решеткой, где снаружи лежит плод без ветки, а внутри ветка без плода, то с психологической точки зрения главным фактором является то, что оно, так сказать, связывает их вместе в своем представлении, – все остальное понятно само собой. То же можно сказать и о ящике. Когда в лесу обезьяна замечает плод высоко на дереве, то совершенно естественно, что она высматривает тот ствол, по которому ей надо влезть, чтобы достать до плода; в помещении дерева нет, но в поле зрения есть ящик и ее психическая деятельность состоит в том, что она в своем представлении ставит ящик на соответствующее место»²³н

С еще большей определенностью эта мысль выражена Бойтендейком. Сравнивая возможности интеллектуального поведения у низших приматов и у антропоидов, он обращает внимание на то, что различие в их поведении обнаруживается в разной степени, в зависимости от предлагаемой задачи. Так, например, Сим, мартышка (*Cercopithecus callirichus*), с которой экспериментировал сам Бойтендейк, решала трудную задачу развертывания цепи, образующей несколько оборотов вокруг вертикально укрепленной опоры («wound chain situation* – по Йерксу), но не

™ V'uhier К. Указ, соч. С 22. 86

справлялась, как и резус Хобхауза, с решением отнюдь не более трудной для высших обезьян задачи привлечения плода при помощи палки³⁴, Вывод Бойтендейка звучит несколько пара-доксально: объяснение этого факта следует искать в различии веса животных. Дело в том, что в то время как низшие обезьяны, обладающие небольшим весом, обычно захватывают плод прямо рукой, большие и тяжелые антропоиды не могут достичь конечностей ветвей, на которых располагаются плоды; они должны поэтому срывать ветви вместе с плодами. При этом легко может случиться и так, что срываемая ветка заденет соседний плод и заставит его упасть. Для антропоидов экспериментальная задача на доставание плода палкой воспроизводит, следовательно, то, что в естественных условиях для них создается случай

Итак, факт внезапности решения, которому не только сам Кёлер, но также и Бюлер (выдвинувший в связи с этим понятие «ага-переживания») придавал центральное значение все более, раскрывал себя в дальнейших исследованиях как факт вторичный, производный. Зато второй капитальный факт, описанный Кёлером, – факт воспроизведения ранее найденного решения в новой ситуации, выступил, наоборот, на первый план. С этой точки зрения, интеллектуальное «открытие», то есть первое решение экспериментальной проблемной ситуации, отличается от последующих модификаций его только тем, что оно есть результат гораздо более широкого и обычно скрытого от наблюдателя переноса поведения, сформировавшегося в прежнем опыте животного, – безразлично, индивидуальном или видовом – в новые условия, требующие весьма значительного его изменения и поэтому могущего произойти лишь при максимально благоприятном сочетании внешних и внутренних условий. Противопоставление интеллектуального поведения поведению, основанному на опыте и научении, таким образом, постепенно утратило свой первоначальный смысл.

Чем дальше шло развитие зоопсихологических исследований с позиций гештальтпсихологии, тем более утверждалась та мысль, что структурность поведения, наличие «реакции на отношения» может быть показана у нижестоящих животных ничуть не в меньшей степени, чем у человекоподобных обезьян и у человека. То же самое и с транспозицией; все различие заключается лишь в границах переноса и в степени возможной адаптации поведения при переходах к новым ситуациям.

С другой стороны, более пристальное рассмотрение фактов поведения низших млекопитающих, изученных бихевиористами, 21 см.; t/obhause L. Mind in evolution, 1915; Yerkes Д. The mind of a gorilla, P. II // Psychol. Monographs, 1927. II, 2. P. 443; Кёлер В. Исследован не и кто.» лекта человекоподобных обезьян, русс к, пер. 1930. С. 89 и след.

i= Buytendyk F. Consideration de psychologic comparee a propos d'experiences faites-avec le singe cercopithecus // Arch. Neerl T. V. 1920. P. 64.

87

показывает, что и с этой стороны острота противопоставления навыков интеллекту все более сглаживалась, {-.)

Если, с одной стороны, генетически нисходящие исследования, начатые под влиянием работ Кёлера, во многом стерли границу между признаками стадии интеллекта и доинтеллектуального поведения, то с другой стороны, развитие «шавыковых» исследований привело к тому же самому результату. В теоретической области это нашло свое выражение в постепенном смыкании позиций современного необихевиоризма (Тольман) с американской (Левкин)

гештальтпсихологией 56.

В системе идей буржуазной зоопсихологии проблема развития психики оказалась неразрешимой. Появление теорий, то распро-страняющих понятие навыка на все ступени развития животного мира, то видящих проявление интеллекта уже у моллюсков, (Верлен) не случайно. Не случайно и сомнение, возникающее даже у наиболее проникательных ученых в том, возникают ли вообще в ходе развития истинно новые черты поведения или же все сводится только к изменению конкретных форм проявления одних и тех же немногих, изначально данных способностей животных – к изменению немногих функциональных мелодий, исполняемых в различных обстоятельствах на соответственно различных инструментах (Бойтендейк). Обветшалое представле-ние о стереотипных инстинктах, безмерно расширившееся понятие навыка и, наконец, понятие интеллекта, до сих пор не нашедшее своего сколько-нибудь удовлетворительного определения, не укладываются ни в какую генетическую схему, способную охватить действительное соотношение конкретных зоопсихологи-ческих фактов. Поэтому естественно, что теория «трех ступеней» К> Бюлера оказывается в вопиющем противоречии с реальными данными, Это понимает и сам ее -автор, вносящий в свое изложение целый ряд поправок; эти поправки, однако, только подчеркивают непоследовательность его теории. Мы избрали для своего анализа именно теорию Бюлера не потому, что она лучше или хуже других, но потому, что она выражает наиболее широко распространенные взгляды на разви-тие психики животных. Как и эти взгляды, она не имеет за собой достаточного фактического основания. Наоборот, с каждым годом, с каждым шагом в развитии зоогтсихологических исследо-ваний эта теория оказывается все более и более поколебленной.

Несоответствие этой теории фактам сигнализирует нам о том, что, очевидно, и со своей принципиальной стороны она является несостоятельной. Как мы уже указывали, основной дефект этой теории заключается в том, что в ее основе лежит признак различия тех механизмов, которые осуществляют деятельность, а не различия в самой деятельности. Этот признак является несостоятельным потому, что, конечно, не из различия механизмов
 111 См.: Рубинштейн С. Л. Необихевиоризм Тельмана // Уч, зап. Ленннгр. пед. нн-та им. Герцена. Т+ XVIII. 1939. С. 115.

88

деятельности мы можем вывести и понять различие ее содержа-ния, но как раз наоборот, – только из понимания различий в содержании деятельности на различных ступенях ее развития мы можем раскрыть и различие тех механизмов, жггорые ее осуществляют.

Между механизмом и строением деятельности так же не существует неподвижного, раз навсегда фиксированного, не-изменного отношения, как не существует неизменного отношения и между органом и функцией. Конечно, всякая деятельность предполагает и определенный осуществляющий ее механизм. В этом смысле между ними существует единство, но единство – это отнюдь не тождество и не неподвижная механическая связь. Поэтому из изучения самих по себе механизмов деятельности нельзя понять, нельзя раскрыть самой деятельности.

Тщательное исследование физиологических механизмов и ор-ганов, т. е. той естественной техники, или «естественной технологии (Энгельс)/ с помощью которой осуществляется деятельность, имеет, конечно, огромное, иногда буквально решаю-щее значение для психологии животных. Нужно, однако, всегда помнить, что содержание какого бы то ни было процесса никогда вообще не может быть непосредственно выведено из его техники, ибо определяющим, основным в единстве обоих этих моментов является именно содержание процесса,

Рассматривая изменение только самих механизмов, т, е. только той физиологической «техники», которая осуществляет различные формы психологической деятельности, а тем более отождествляя их между собой, как это фактически делает Бюлер, мы, конечно, полностью закрываем перед собой возможность вскрыть истинные движущие силы ее развития– Поэтому Бюлер, всячески настаивая на существовании трех особых ступеней развития психики, однако, полностью остается на позициях вульгарного эволюцио-низма и дает процессу развития грубомеханистическое и вместе с тем теологическое объяснение.

Итак, мы вынуждены с самого начала отказаться от теории «трех ступеней». Мы не можем принять и никакую другую «одноступенную» концепцию (Бойтендейк), ибо это значило бы вовсе отказаться от идеи развития. Перед нами открывается только один единственно возможный путь – путь самостоятель-ного, независимого анализа фактов.

II. О ПРЕДМЕТЕ ЗООПСИХОЛОГИИ

Поверхностный взгляд привык недооценивать всю трудность проблемы психологии животных. Продолжающееся быстрое накопление зоопсихологических фактов

нередко заслоняет собой принципиально методологические вопросы; их острота – плжется смягченной успехами конкретных исследований. Однако всякая попытка обобщения добытого в зоопсихологии фактического материала с новой силой ставит нас перед этими нерешенными

89

еще вопросами. Главнейшим из них гто–прежнему остается вопрос о предмете зоопсихологии.

Охотнее всего предметом зоопсихологии признается поведение животных в его классическом бихевиористском понимании. Из правильного положения о невозможности проникнуть в субь–ективный мир животных поспешно делается неправильный вывод о невозможности прямого изучения их психики, В результате позиции бихевиоризма, принципиально отвергаемые большин–ством исследователей для психологии, тем не менее – по непонятной непоследовательности мысли – безоговорочно ггри–нимаются ими для зоопсихологии – иногда даже теми, кто далек от мысли отрицать существование психики у животных или теоретически отвергать возможность ее научного познания.

Другое, отнюдь не более счастливое, решение этой проблемы состоит в том, что «за отсутствием надежных критериев психики животных довольствуются простым методом аналогии; при этом все отличие научных психологических данных от наивных толкований в духе старого антропоморфизма видят в опоре выдвигаемых аналогий на точные анатомические и физиологиче–ские данные, которые и объявляются «источником» психологиче–ских знаний 1.

Таким образом, современное состояние проблемы исследова–ния психики животных почти совершенно точно воспроизводит собой состояние проблемы исследования ее генезиса. Мы поэтому не будем повторять здесь анализа тех исходных философских позиций, которые в обеих этих проблемах одинаково приводят к сознанию их кажущейся принципиальной неразрешимости. Мы не будем повторять здесь и нашей попытки теоретически обосновать необходимость иного, нового пути исследования. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы сделать дальнейший шаг к конкретизации некоторых предварительно уже очерченных положений.

Исходя из представлений о психике как о свойстве, выражаю–щемся в способности отражения материальным субъектом окружа–ющей его объективной действительности, мы поставили вопрос об исследовании того процесса, который создает необходимость психического отражения. Мы нашли, что этот процесс есть процесс жизни. В своей гипотезе о генезисе психики мы исходили из того, что именно усложнение жизни, связанное с усложнением ее объективных условий, приводит к такому изменению физическо–го строения и функций организма, которое делает возможным возникновение и дальнейшее развитие той особой формы отраже–ния – отражения воздействующих свойств действительности в их связях и отношениях, – которую мы называем отражением психическим и которая первоначально обнаруживает себя в виде простейшей чувствительности.

1 t.ncu.K F \i<hologie der niedersten Tiere. 1905. s. 90

Психическое отражение вовсе не есть результат пассивного процесса, которому подвергается субъект со стороны внешней, воздействующей на него среды. Для того чтобы это отражение возникло, нужно, чтобы существовал процесс, реально связываю–щий между собой отражающего субъекта с отражаемой им действительностью, процесс, который был бы подчинен ее объективным свойствам или существенно определялся бы ими. Но таким процессом не может быть никакой другой процесс, кроме деятельности самого субъекта. Поэтому взятая вне деятельности субъекта, вне его активных отношений к отражаемой им действительности и порождающих их условий, то есть вне жизни, психика превращается в таинственную способность, которая не может быть научно раскрыта. Вне рассмотрения этих отношений не может быть понято главное: правильность, адекватность психического отражения объективного мира. Все, что остается в этом случае на долю исследователя, – это – либо отказаться от взгляда на психику как на отражение, либо признать существование чудесным образом предустановленной гармонии органов отражения и их функций и свойства внешней действитель–ности. Ибо именно процессы, осуществляющие жизнь субъекта, то есть его деятельность, являются тем, что реально связывает его с окружающим миром и что поэтому единственно может создать необходимость правильности отражения этого мира в его психике. Однако задача психологического исследования не может состоять в том, чтобы чисто внешним образом сопоставлять особенности психики субъекта с его жизнью, с его деятельностью. Тем более эта задача не может состоять в том, чтобы рассматри–вать его жизнь, деятельность как внешнее выражение его психики, действительная задача психологического исследования заключа–ется в том, чтобы проникнуть в самую деятельность субъекта и в ней увидеть необходимость тех или иных особенностей его

психики. Но что значит проникнуть исследованием в деятельность? Жизнь, деятельность субъекта может выступить перед исследованием различно. Она может выступить как система физиологических процессов, совершающихся в организме. С этой ли, прежде всего, стороны должна ее изучать психология? Нет, с этой стороны ее изучает физиология, задача же психологии состоит по отношению к изучению этой ее стороны в том, чтобы использовать данные физиологии для раскрытия того, как именно и с помощью каких органов возможно существование тех или иных процессов деятельности субъекта и возникающих у него внутренних состояний. Из законов физиологии нельзя непосредственно вывести особенности субъекта и его психики, но не зная этих законов, невозможно понять, как осуществляется его деятельность и как возможна у него та или иная форма психического отражения. Значит, то содержание, которое составляет предмет изучения физиологии, и то содержание, которое составляет предмет изучения психологии, не просто, не прямо совпадают

91

между собой. Это – разные формы движения материи, одна из которых «возвышается», переходит через свой результат в другую. Ясно далее, что психологическое исследование деятельности не может заключаться в том, чтобы рассматривать ее как систему внешних или внутренних движений, как поведение, состоящее из реакций на раздражения, т. е. так, как подходит к изучению деятельности классический бихевиоризм (strict behaviorism), выросший на развалинах параллелистической психологии XIX столетия. При таком подходе к деятельности хотя и удается связать ее изучение с данными физиологии, но зато сама деятельность, будучи отделена от своего объективного предмета и от специфических психических состояний субъекта (которые рассматриваются как не подлежащие исследованию эпифеномены), неизбежно выступает в извращенном виде.

Задача психологического изучения деятельности, наоборот, состоит как раз в том, чтобы научно раскрыть ее существенную зависимость от объективного предмета, на который она направлена, и ее внутреннюю связь с психическим состоянием. Истинным предметом всякого психологического исследования являются, следовательно, не внутренние психологические состояния в их отделенности от деятельности субъекта, но и не деятельность субъекта, взятая вне зависимости ее от ее предмета, и вне связи ее с психическими состояниями или только в качестве «выражения» последних. Истинным предметом всякого психологического исследования является действительное единство-внутренних психологических состояний субъекта и его деятельности – их взаимопреходы и взаимопревращения. Так как основным, ведущим в этом единстве является процесс деятельности субъекта в определенных объективных условиях, которым он подчиняется, а, наоборот, вторичным, производным являются те внутренние его состояния, которые суть отражения этих объективных условий, то ясно, что психологическое исследование должно исходить не из внутренних психических состояний субъекта, но из его деятельности. А для этого нужно исследовать ее существенное строение, существенные виды и формы ее, их возникновение, развитие и смену одних другими – отмирание старых форм и появление новых.

Мы уже отмечали в связи с проблемой генезиса чувствительности ту главную особенность строения деятельности, которая необходимо связана с явлением элементарной чувствительности: она отвечает такому внешнему воздействию (мы назвали его воздействием типа а), которое значимо для жизни животного не само по себе (или не только само по себе), но, прежде всего, в силу своей объективной устойчивой связи с другими воздействиями (типа а), способными уже непосредственно определять его жизнь. Теперь нам надлежит подвергнуть эту деятельность и связанные с ней специфические состояния более детальному анализу. В связи с этим нам придется уточнить некоторые понятия, которыми мы уже пользовались, а также ввести

92

некоторые новые понятия в их первоначальном и поэтому, разумеется, еще неполном определении, Мы воспользуемся для нашего анализа примерами деятельности животных, имеющей достаточно простое строение. Один из них мы заимствуем из исследований Э. Эриксона (1906) и Е/Рабо (1922), посвященных поведению пауков*.

Известно, что как только насекомое попадает в паутину, паук немедленно направляется к нему со свойственными ему характерными остановками и, наконец, приблизившись, начинает опутывать жертву своей нитью. Какое воздействие вызывает эту деятельность паука и на что она направлена? Для ответа здесь необходим точный эксперимент, исключаящий один за другим различные моменты, которые, возможно, воздействуют на паука. Такой эксперимент и был проделан автором цитируемого исследования, который в

целом ряде очень тонко поставленных опытов выяснил, что то, на что направлена деятельность паука, есть не что иное, как вибрация, производимая крыльями насекомого. Как только прекращается вибрация крыльев, паук оставляет свою жертву и возвращается на свое обычное место. Достаточно, чтобы насекомое опять начало вибрировать, как паук вновь устремляется к нему, вновь опутывает его паутиной, кусает и вновь отходит. Действительно ли, однако, то, на что направлена эта деятельность паука, есть сама по себе вибрация, независимо от того, что ее вызывает? Следующий опыт это ясно показывает.

К паутине прикасаются звучащим камертоном определенной частоты (100–512 колебаний), как же ведет себя при этом паук? Он устремляется к камертону, взбирается на его ножки, опутывает их паутиной и хватает (petine) их, пока вибрация не затухает, после чего паук снова отходит к центру паутины. Значит, дело здесь не в каких-нибудь других воздействующих свойствах (и, по-видимому, вовсе не в «структуре целого»), но именно в факте вибрации; ведь кроме способности вибрировать между камертоном и мухой нет решительно ничего общего.

Почему же деятельность паука оказывается связанной именно с воздействием вибрации? Конечно, не потому, что сама по себе вибрация имеет отношение к функции питания, но потому, что в обычных условиях жизни паука она стоит в определенном объективном и устойчивом отношении к питательному для паука веществу насекомых. Мы наблюдали, следовательно, в этом случае, деятельность, направленную на жизненно нейтральное воздействие (вибрация), деятельность, опосредствующую благо-даря чувствительности животного к данному воздействию, основной биологический процесс – процесс питания. Такого рода деятельность, необходимо связанную с чувствительностью животного, то есть с простейшей формой психического отражения, мы и называем психической деятельностью (не вкладывая, г Эриксон Э. О психика паукообразных животных // Вопросы философии и психологии– 1906. Т. 83; Rabuit E. // Анпее psychologique, 1922. V+ XXII понимает, в этот термин никакого другого более широкого значения, кроме только что указанного).

Что же представляет собой этот процесс?

Для уяснения этого попытаемся раньше отграничить понятие деятельности от таких понятий, как рефлекс или тропизм, Отчасти мы это уже сделали в предшествующем изложении; нам остается поэтому только несколько уточнить сказанное.

И. С Беритов определяет рефлекс как «реакцию одного органа или системы органов, произведенную центральной нервной системой в ответ на внешние или внутренние раздражения». Если подойти с точки зрения этого совершенно бесспорного определения рефлекса к описанному выше процессу, то мы найдем, что он представляет собой объединение многих рефлексов. Эти рефлексы осуществляют, координируют весь процесс – от начала до конца. Они взаимосвязаны отнюдь не механически, но образуют сложные иерархические системы, или уровни». Они динамичны; даже врожденные рефлексы не являются стереотипными, но при определенных физиологических условиях они так же изменчивы, как и рефлексы индивидуально-приобретенные*.

Может ли, однако, характеристика рассматриваемого процесса быть сведена к характеристике протекания этих рефлексов, их взаимосвязей и взаимозависимости? Очевидно – нет.

Для того чтобы увидеть это, достаточно изменить условия протекания процесса. Поместим паука в другую исходную позицию, заменим, например, как это было сделано в опытах Рабо, вибрирующее насекомое каким-нибудь другим вибрирующим телом; внесем, наконец, изменения в органы движения самого паука, например лишим его одной из конечностей. Осуществляющие данный процесс рефлексы при этом соответственно изменятся. Вместе с тем этот процесс, рассматриваемый как деятельность, может оставаться тем же самым. Что же сохраняется в этом процессе? Сохраняется его общая направленность. Значит, характерным для деятельности является не то, каковы механизмы, посредством которых она осуществляется, а прежде всего то, на что она объективно направлена.

То, на что направлена деятельность, иногда обозначается термином «цель» (Келер, Тольман и др. у нас – Беритов). По ряду чисто теоретических соображений мы, однако, предпочитаем обойтись здесь без этого термина и заменить его другим, а именно, термином «предмет деятельности». Таким образом, предметом деятельности мы будем называть то объективное, на что она – положительно или отрицательно -- направлена.

Этот термин – предмет деятельности – однако тоже имеет свои отрицательные стороны, благодаря которым он может

* См Гнетов И. С, Рефлекс и поведение // Труды биологического сектора АН СССР. Грузинское отделение. 1934, Т. I

н См.; Беритов И. С. Индивидуально-приобретенная деятельность ЦНС Тнф-лис, 1932, С. 16+

94

породить недоразумения. Одну из этих отрицательных сторон мы оговорим заранее. Она заключается в том, что, как мы уже имели случай отметить, термин предмет – двух с мыслен: в обычном словоупотреблении он обозначает всегда нечто положительное и вещное. Здесь же мы употребляем этот термин в его более общем, философском значении, {Например, отношение как предмет мысли; музыка как предмет музыкального чувства и т. п.}; таким образом, говоря, например, о предмете деятельно-сти читающего человека, мы будем подразумевать, конечно, не книгу как вещь, а постигаемое содержание ее и т.

д,

Итак, деятельность существенно характеризуется через свой предмет и не может быть сведена к осуществляющим ее физиологическим (рефлекторным и иным) процессам, Это, конечно, отнюдь не значит, что существуют еще какие-то особые «чисто психические* механизмы или функции, которые ее осуществляют. Хотя деятельность и не есть физиологическая категория, однако, она, конечно, осуществляется физиологически и иначе осуществляться не может. Поэтому она. необходимо предполагает наличие известной морфофизиологической органи-зации, а если, с одной стороны, она ею лимитируется, то, с другой стороны – – что еще важнее, – изменяясь и усложняясь под влиянием внешних условий, она сама создает необходимость дальнейшего развития органов и функций животных, происходя-щего в ходе естественного отбора по общим законам биологиче-ской эволюции⁵.

Мы должны сделать здесь еще одно предварительное замеча-ние. Оно относится к разграничению понятий деятельности и поведения. Бихевиористы, введшие в психологию понятие поведения, также отличают, поведение от осуществляющих его процессов. Они, однако, рассматривают их различие как различие целого и части; рефлекс – часть; реакция, поведение – целое. Эта точка зрения сохраняется в бихевиоризме и до сих пор. Изменилось лишь понимание характера отношения целого и ча-сти. Прежние атомистические («молекулярные») взгляды на поведение уступили свое место геории его целостности («шол яр не-сти»), что, конечно, не могло изменить основного: общего объективистского и феноменалистического подхода к поведению. Не могло изменить этого подхода и приписывание поведению целенаправленности, так как сама цель {purpose} выступила в качестве имманентной его детерминации {immanent determi-nant} и иначе с позиций бихевиористского «антиментализма» выступить не могла. Поэтому понятие «поведение» в сущности сохранило свое первоначальное значение как понятие един-ственной психологической реальности: в пределах психологическо-го анализа нет пути, нет перехода ни к поведению, ни от Дарвин Ч. Сочинения; Тимирязев К- Исторический метод в биологин. М., 1922; его же. Чарльз Дарвин и его учение, 12-е изд. М., 1935; Северцев А. И. Глав-ные направления эволюционного процесса. М., 1934+

95

поведения. Что бы ни атрибутировалось поведению, оно остается так же безнадежно замкнутым в себе, как на противоположном полюсе субъективной психологии остается замкнутым в себе сознание . Поэтому поведение, как и интроспективное изучение «чистых фактов сознания», в действительности есть лишь первоначальное установление явлений, которые еще не нашли своего раскрытия. И поэтому, хотя мы и сохраняем понятие поведение», но мы сохраняем его лишь на правах чисто описательного.

Переходя к вопросу о психологических особенностях деятель-ности, мы прежде всего должны выяснить особенности ее предмета* Но мы уже знаем, в чем око заключается: то конкретное свойство, на которое направлена деятельность, не совпадает с тем, что непосредственно отвечает биологической необходимости, необходимости сохранения и развития жизни животного. То, что существенно характеризует предмет психической деятельности, есть, следовательно, не сами по себе воздействующие физические или химические свойства, но эти свойства в их отношении к другим, объективно связанным с ними свойствам, непосред-ственно существенным биологически.

Как же обозначить это отношение, характеризующее предмет деятельности животного? Этот вопрос оказался терминологически самым трудным. Все же его необходимо было решить. Не находя другого, более адекватного термина, мы назвали это отношение термином «смысл», хотя против этого термина и существует целый ряд возражений, аргументированных, главным образом, историче-ски тем, что этот термин употребляется в идеалистической философии в совершенно другом его понимании. Однако за этот термин говорит целый ряд чисто фактических, исходящих из сути дела, соображений, Итак, что же представляет собой то отношение, которое мы назвали термином «смысл»? Это и есть то отношение объективных воздействующих свойств,

которому подчиняется деятельность субъекта. Значит, то отношение, которое мы обозначили термином «смыслу существует только там, где существует реальный деятельный субъект. Это очень важно подчеркнуть, потому что если мы абстрагируемся от этого, то мы немедленно утратим материалистическое понимание термина «смысла»

Признание существования смысла чисто объективных отношений потому и является идеалистическим, что в нем необходимо содержится скрытое признание существования субъекта. Признается, например, смысл процесса эволюции жизни, но так как в самом понятии смысла уже содержится представление о субъекте, то, естественно, что это признание далее ведет за собой

96

признание и некоего деятельного жизненного начала – «жизненного духа», витальной силы – «гормеа», «мирового разума» и т. д. Таким образом, понятие смысла приобретает то извращенное значение, которое исторически его скомпрометировало, Тем не менее мы не можем отказаться от этого понятия. Выбрасывая его из психологии, мы неизбежно оставляем эту науку системой знаний, не способных обобщить наиболее существенные для нее факты.

Итак, мы еще раз подчеркиваем, что смысл отнюдь не есть для нас нечто взятое абстрактно от реального субъекта, но это не есть для нас и категория чисто субъективная, то есть категория, относящаяся к субъекту, рассматриваемому в абстракции, в его замкнутости и отдаленности от окружающего мира. Смысл в нашем понимании есть всегда смысл чего-то и для кого-то, смысл определенных воздействий, фактов, явлений объективной действительности для конкретного, живущего в этой действительности субъекта.

Вводя понятие смысла в зоопсихологию, мы, естественно, должны его ограничить. Поэтому применительно к животным мы будем употреблять термин «инстинктивный смысл», имея в виду в дальнейшем противопоставить ему понятие сознательного смысла,

Является ли то отношение, которое мы назвали инстинктивным смыслом предмета деятельности, отношением постоянным? Разумеется, нет. Поскольку это есть отношение того воздействия или ряда воздействий, то есть вообще предмета, на который направлена деятельность животного к свойствам, отвечающим определенной биологической необходимости, то достаточно, чтобы изменилась эта необходимость (например, чтобы соответствующая потребность была удовлетворена), как произойдет изменение и этого отношения, т. е. того смысла, который имел для животного данный предмет.

Очень яркие примеры изменения инстинктивного смысла мы находим в работе Икскуля* Он описывает поведение рака-отшельника, известного своим симбиозом с актинией. Оказывается, однако, что актиния выступает для одного и того же рака совершенно по-разному, в зависимости от его основной, наличной в данный момент, потребности. Когда рак-отшельник живет в раковине, то при встрече с актинией он, как обычно, водружает ее на раковину и пользуется ее стрекательным аппаратом. Если же рака лишит его раковины, то теперь он использует актинию, как он обычно использует раковину, то есть для прикрытия незащищенной хвостовой части своего тела. Наконец, если того же рака держать достаточно долгое время без пищи, то смысл, который имела для него актиния, меняется еще раз, и он попросту съедает ее.

Приведем из той же работы еще один пример динамики смысла, на этот раз в связи с изменением субъективных отношений.

97

Если голодную жабу начать кормить червями, а потом положить перед ней обыкновенную спичку, то она немедленно набрасывается на нее, как на пищу. Если, однако, мы будем кормить жабу не червями, а пауками, то в этом случае смысл пищи приобретают для нее предметы, имеющие совсем иную форму; жаба не реагирует на спичку, зато набрасывается, например, на кусочки мха, В работе Опфингера (Opfinger, 1931) с пчелами мы находим пример экспериментально создаваемых смыслов поверхностей различного цвета: цвета, имеющего смысл места прилета (arrival color), цвета, имеющего смысл пищи (feeding color), и цвета отлета (departure color}8.

Более специальный пример выделения специального смыслового признака, его дифференциации из комплексного воздействия дает исследование, поставленное на бойцовых рыбках М. Всп-пипс'ом (1933). Этот автор в одном случае помещал пинцет с зажатой в нем пищей перед вращающимся диском с секциями, окрашенными в различные цвета (например, синий – желтый, красный – зеленый, черный – белый); в этом случае, когда рыбка приближалась к пинцету, ей наносился пинцетом удар, В другом случае, когда секции диска были окрашены

одним и тем же цветом, рыбка получала пищу. В результате для испытуемых животных двуцветность диска сообщала данному комплексу смысл угрозы, а одноцветность его – смысл пищи.

В других опытах того же автора подобная дифференциация была воспитана на первое и последующее предъявления пинцета с пищей. Существенно при этом отметить, что убежание рыбок в этих опытах сохранило характер отступления во время боя, то есть реакции на угрожающего противника 9.

С подобными изменениями инстинктивных смыслов мы встречаемся в мире животных постоянно. Часто их пытаются описывать в терминах, например, образования условных связей и это правильно, когда имеют в виду описать формальную сторону поведения, осуществляющие его физиологические механизмы. Но ведь задача психологического анализа заключается как раз в том, чтобы дать содержательную характеристику фактов, а для этого физиологические объяснения являются недостаточными.

Еще анализ исследований И. В. Павлова показывает, что за физиологической динамикой процессов дифференцировки внешних воздействий и образования условкорекфлекторных связей скрывается то или иное биологическое отношение, отношение данного воздействия к жизни животного, к его потребностям.

7 UexkütL Uniweit und Innenwelt der Tiers. 1909; UexkütL, Kriszat G, "SLreizuge durch die Umwellen von Tieren und Menschen, 1934, S. 55, 83,

И Maiert Schnerla. Principles of animal psychology, 1935. P- 158,

э~В?гсЯГ/1с AL Bedeutungswechsel der Dinge in der Umwelt der Kampfischer Betta splenderis Kogan // Zeitschrift fur vergleichende Physiologic XVIII. S. 48.

98

И. П. Павлов называет «общим законом» тот факт, что все, сохраняет, обеспечивает целость животного организма, вызывает положительную реакцию, движение по направлению к этому, захватывание этого; всё, что, наоборот, мешает, угрожает жизненному процессу», вызывает к себе отрицательную реакцию, отрицательное движение. Поэтому любой условиорефлекторный процесс поведения получает свою биологически содержательную характеристику только через отношение данного раздражителя к определенному «центру потребностей таким образом, например, электрическая лампочка, становясь для собаки условным пищевым раздражителем, начинает играть определенную роль во всем ее поведении; у собаки не только выделяется слюна в ответ на действие лампочки, но она также тянется к лампочке, лижет ее. То же самое в отрицательных и более сложных случаях; например, . «когда к условному кислотному раздражителю присоединяется в качестве условного тормоза сгибание ноги и при этом кислота не вливается, пассивное движение является сигналом устранения вредного агента и вместе как бы верным средством борьбы с ним и, естественно, постоянно повторяется животным даже при встрече с другими вредностями*

Из приведенных положений ясно, как нам кажется, вытекает, что существует особый процессу в силу которого данный агент как данный условиорефлекторный акт поведения «естественно» отно-сится к тому или иному содержанию.

Пользуясь термином Э. Тор-ндайка, его можно было бы обозначить как процесс установления связи по закону «сопринадлежности, но, желая подчеркнуть то обстоятельство, что речь здесь идет не об особом законе, а об особом процессе, мы говорим здесь о процессе возникновения смысловых связей, смыслов.

Это, действительно, особый процесс, хотя он осуществляется теми же органами и по тем же общим законам нервных связей, как и процесс образования любого условного рефлекса, Однако эти общие законы проявляются в этом процессе особенным образом.

Для того чтобы показать это, достаточно сравнить между собой изменения поведения, имеющие различный характер. С одной стороны, нужно взять такие случаи, когда наблюдаемое изменение поведения наступает под влиянием изменения самого отношения а:а, т. е. когда меняется инстинктивный смысл предмета, а с другой стороны, когда поведение меняется под влиянием изменения лишь условий протекания данного процесса. Тогда несовпадения деятельности, осуществляющей данное отношение, и ее механизмов выступают перед нами как фактическое несовпадение динамики формально одинаковых процессов.

10 Павлов И. П. Физиологический механизм так называемых произвольных движений // Двадцатилетний опыт, 1936. С. 703–705. Курсив мой – А, Л, 99

В несколько иной связи мы уже описывали факты, показываю-щие такое несовпадение. Таковы, например, данные Бойтендейка и Аббо о протекании

процесса торможения пищевого поведения у амфибий. В том случае когда животное обнаруживает, что оно преследовало несъедобную бумажку или непригодного в пищу муравья, то есть когда данное воздействие утрачивает для него свой первоначальный смысл, то процесс угасания попыток протекает весьма быстро; обычно для этого достаточно всего 1–2 сочетания. Другое дело, когда отношение воздействия (вид добычи), на которое направлена деятельность животного с устойчиво связанным с ним биологически важным свойством (воздействием типа а), не меняется, но в силу изменения условий процесс осуществиться не может, так что соответствующая связь, так же, как и в первом случае, не подкрепляется или подкрепляется отрицательно (удар о стекло, ранение челюсти иглами); в этом случае, как мы видели, угасание попыток происходит, наоборот, крайне медленно.

Не менее выразительны и опыты Ф. Даля (F. Dahl) с прыгающими пауками (*Atius Areuatus*). Эти пауки бросаются на насекомых, не пользуясь паутиной. Кормя этих пауков обычно мухами, автор давал им в своем эксперименте муху, смоченную скипидаром; животное бросалось на нее, но тотчас ее выбрасывало. Оказалось, что достаточно всего 1–2 таких попыток, чтобы паук вовсе перестал схватывать мух, продолжая, однако, охотиться за другими насекомыми. Напомним аналогичные же факты, сообщаемые Морганом, о научении двухдневных цыплят водяной курочки не клевать кусочков апельсиновой корки и гусениц (*Euschelia jacobiae*) уже после однократной пробы¹¹.

Наконец, в качестве примера исследования более сложных проявлений интересующего нас отношения укажем на работу Бойтендейка с обучением амфибий в лабиринте. Самое важное, на наш взгляд, в этой работе заключается в том, что ее автору удалось показать несовпадение динамики общего процесса поведения животного в лабиринте и образования собственно сенсомоторных связей (фиксация неправильных движений)¹².

Уже приведенные примеры специфичности процесса функционального изменения инстинктивного смысла воздействия указывают на то место, которое может занять это понятие в зоопсихологии. Многие факты, с трудом интерпретируемые с точки зрения общих соображений о роли инстинкта в явлениях изменчивости поведения или объяснимые путем привлечения нераскрываемого достаточно понятия интеллекта, находят, как нам кажется, в этом понятии свое адекватное научное обобщение.

Задача генетического исследования, собственно, и заключается в том, чтобы установить, как и почему происходит изменение инстинкта.
¹¹ Морган Л. Привычка и инстинкт. Русск. пер., 1989, с. 38–39 (L. Habit and-Instinct. 1989).

¹² Bityh'rtdijk F. Instinct et j! imputation ei [l'experience chcz les cnipsu Psychologic des animaux. P. 205 и лед

100

ется в том, чтобы показать развитие отношений, осуществляемых этим чрезвычайным процессом. Иначе говоря, она состоит в том, чтобы показать развитие и трансформацию смысла деятельности.

На низших ступенях развития психики животных это – всегда смысл отдельных воздействующих свойств, у более развитых животных это, как мы увидим ниже, – смысл отдельных предметов; на еще более высокой генетической стадии это – смысл определенных межпредметных связей, смысл ситуаций. Наконец, содержание того особого отношения, которое мы обозначили термином «смысл», становится принципиально иным, как только мы переходим к человеку: биологический, инстинктивный смысл превращается в смысл сознательный, в основе которого лежат уже общественные по своей природе отношения. Смысловые связи это – те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею. Процесс их образования и есть тот чрезвычайный процесс, в результате которого возникает психологическое содержание поведения и которое выражает особый принцип приспособления к среде – принцип приспособления организмов, обладающих психикой.

Его физиологическому выделению препятствовало то обстоятельство, что осуществляющие его аппараты развиваются как аппараты координации жизни организма в целом и, следовательно, неизбежно охватывают широчайшую сферу физиологических отношений включая и всю вегетатику.

Поэтому он должен быть раньше выделен чисто функционально, что, впрочем, тоже не лишено некоторых трудностей. Дело в том, что по разным генетическим линиям, на разных ступенях развития и в разных конкретных условиях этот чрезвычайный процесс выступает совершенно различно: то в форме «пробуждения инстинкта», то в форме явления sudden drop; то – на высших ступенях развития животных – в форме явления insights, или образования ассоциации «после единственного сочетания*».

Перейдем теперь к анализу другого момента, составляющего условие психической деятельности, а именно к анализу состояний самого субъекта.

Что же специфического мы находим в состояниях субъекта психической деятельности? Прежде всего мы находим, что ему свойственны не только такие

состояния, которые могут быть обозначены – как, например, состояние голодания, состояние насыщения, состояние развивающейся жизни, состояние угасающей жизни, скрытой жизни (К* Бернар) и т. п. – т. е., которые могут быть выражены непосредственно в терминах организма, в терминах, относящихся к самому субъекту. Мы находим также и такие своеобразные состояния субъекта, которые, наоборот, не могут быть выражены в терминах, включающих в себя указание на воздействующие на организм извне свойства, т. е. в терминах, так сказать, «объектных, характеризующих объект..

101

Действительно, воздействия типа #альфа» по нашей условной схеме, хотя и не способны сами по себе изменить такие состояния организма, как, например, степень его насыщения, но все же вызывают, конечно, какие-то изменения в его внутренних состояниях. Что же в таком случае это за состояния и как выразить их существенные особенности?

Вспомним приведенные опыты Рабо с пауком. Как обозначить, как характеризовать то состояние паука, с которым связана система его движений? Для этого существует только одна-единственная возможность, – выразить это состояние через определяющее его объективное воздействие; паук чувствует вибрацию.

Состояния этого рода, которые, как мы уже видели, всегда представляют собой более или менее точное отражение воздействующего свойства объективной действительности, мы обычно и выражаем в терминах самих этих свойств; так, например* мы говорим об ощущениях красного, твердого, тяжелого и т. д.. Наиболее примитивная форма этих специфических состояний – состояний чувствительности – конечно, далека от формы дифференцированных ощущений высших животных. На первых ступенях развития это еще примитивная, неточная чувствительность. Только в ходе развития происходит постепенное ее усложнение и дифференцирование.

Необходимость такой дифференциации заключается в том факте, что деятельность по отношению к тому или иному воздействующему свойству действительности обусловлена определенной связью данного воздействующего свойства со свойствами среды, необходимыми для поддержания жизни организма, то есть биологическим смыслом данного воздействия. Но действительность многообразна и изменчива, а воздействующие свойства – признаки являются объективно тонко дифференцированными. Поэтому необходимо происходит дифференциация и органов чувств, и самих ощущений. Вот почему, как мы уже подчеркивали, известный психологический принцип, называемый принципом «специфической энергии органов чувств» должен быть в генетическом аспекте заменен принципом приспособления органов чувств к специфичности реально воздействующих на организм «энергий»,

В связи с вопросом о развитии органов чувств и дифференциации ощущений мы должны уже сейчас обратить внимание на два следующих обстоятельства, которые нам важно будет иметь в виду в дальнейшем.

Первое из них заключается в том, что состояния, процессы, совершающиеся в органах-преобразователях внешних воздействий, и собственно двигательные процессы представляют собой на низших ступенях развития не разные, отграниченные друг от друга процессы, но являются как бы слитными между собой. Само строение зачаточной нервной*системы ясно показывает на эту сенсорномоторную слитность. Значит, дело происходит не так, что раньше возникает, оформляется ощущение, восприятие,

102

а затем начинается ответное действие. На низших ступенях развития оба этих момента как бы сливаются друг с другом, одно непосредственно переходит здесь в другое.

Разрушается ли, однако, эта взаимосвязь, это взаимопроникновение чувствительности и двигательных процессов на высших ступенях развития жизни? Обычно принято говорить о «сенсомоторном единстве» лишь как о начальной ступени развития. Выходит так, что как будто в дальнейшем сенсорные и двигательные процессы отделяются один от другого. Это, конечно, неправильно. Данные современной морфологии и физиологии заставляют нас говорить не только о наличии афферентации двигательных процессов, но и о наличии афферентации процессов чувствительности. Значит, речь должна идти не о разрушении, не о распаде или «разрыве сенсомоторного единства, а об изменении и о развитии конкретных форм этого единства.

Второе обстоятельство, которое здесь уместно отметить, заключается в том, что нам необходимо с самого начала ясно различить между собой, с одной стороны, наличие морфофизиологической возможности ощущения {так называемой «латентной» чувствительности, по терминологии Г. Бона), а с другой стороны – наличие самого факта ощущения. Так, у собаки некоторые запахи (например, запах цветов) обычно не могут вызвать никакой реакции и обычно никак не ориентируют это животное, хотя по отношению к другим запахам собака

обладает поистине поразительной чувствительностью, например запах некоторых кислот различается ею уже в растворе одной десятиллионной (!) части (Хеннинг. Бойтендейк); при известных условиях, однако, собака может ощущать и эти, прежде ею не ощущавшиеся запахи¹³. «Латентная» чувствительность к этим запахам превращается у нее в чувствительность актуальную (мы бы сказали: собака раздражена, но не чувствительна к ряду запахов; на этой основе можно сделать ее чувствительной к ним; для этого необходимо и достаточно, чтобы соответствующие запахи приобрели для нее определенный биологический инстинктивный смысл). В числе других "многочисленных" примеров подобного несовпадения между наличием органа-преобразователя определенных воздействий и способностью ощущения можно было бы указать на опыты Макса Мейера, у рыб, прежде не реагировавших на определенный звуковой раздражитель» удается воспитать чувствительность к нему путем сообщения данному звуку определенного биологического смысла¹⁴. Сходные опыты с различением рыбами были проведены Р. Маесом и у нас

¹³ Проблема различения собаками запаха растений была поставлена опытами Binet u Passy. См.; Menning N. Geruchsversuche am Hund // Zeitschnft fir Biologie/ V. 70. S. I-8; VtiyendLjk F. L'odorat du chien // Arch. NeerL de Physiologie, 1921. v. 14 по gohn G,t p. 63.

103

в последнее время А. В. Запорожцем и И. Г. Диманштейн¹⁵. По-видимому, известная возможность такого «функционально-го» развития чувствительности является существенным условием приспособления организмов к изменяющейся среде, и поэтому ход естественного отбора необходимо приводит к указанному несовпадению. Суть этого несовпадения очень ясно выражена В. М. Боровским, который пишет: «Мы можем сказать, что физиологически адекватный раздражитель не всегда будет биологически адекватным»¹⁶. Г. Элтрингем (H. Eltringham), цитируя данные К. Г. Тэрнера (Turner, 1910, 1911), говорит, что отсутствие реакции на стимул не значит непременно, что стимул не замечается, но просто не получил значения |7. К этому следует только прибавить: не может его получить.

В каком же отношении друг к другу находятся, с одной стороны, те специфические состояния субъекта, которые представляют собой формы отражения действительности и, с другой стороны, сама действительность субъекта, т. е. тот конкретный процесс, который связывает субъекта с воздействующей на него объективной действительностью? Психическое отражение и деятельность образуют единство. Это, конечно, совершенно бесспорное положение. Конечно, не существует и не может существовать никакого внутреннего субъективного состояния в форме ощущения, предствления и т. д. там, где нет материального субъекта и при этом субъекта, активно действующего по отношению к объективной действительности. Конечно, верно также и то, что не существует и не может существовать таких высших форм деятельности, которые не были бы связаны с психическим отражением действительности. Если, однако, мы оставим это совершенно бесспорное положение без дальнейшего конкретного раскрытия, то мы встанем перед серьезной опасностью подменить категорию единства категорией сосуществования, потому что одно только утверждение, что там, где мы находим деятельность, а следовательно, и соответствующий анатомо-физиологический субстрат этого процесса, там существует и отражение действительности, остается утверждением чисто параллелистическим и, следовательно, глубоко метафизическим и идеалистическим. Категория единства, как и вообще любая философская категория, требует, конечно, всякий раз своего конкретного раскрытия, применительно к данному отношению или процессу.

В понятии того отношения, которое мы называем отношением единства, содержится утверждение различия и противоположно-|:" Maes R. La vision des formes chez les poissons, no Verlaine L. La psychologic animal en Belgique; Запорожец А. В., Диманштейн И. Г. Развитие восприятия у животных. Наукова сессия Харьковского держав, педагог, ннстит, Харьков, 1940, С. 39.

¹⁶ Боровский В. М. «Психическая деятельность животных». М., 1936. С. 49. Eltringham И. The senses of insects. Русск. пер., М.т 1934. С 46,

104

сти тех сторон, тех моментов, которые образуют это отношение. Более того, понятие единства содержит в себе утверждение взаимного проникновения, взаимоперехода его сторон1 его моментов, превращения одного в другое. Понятие единства, следовательно, обозначает не мертвенное сосуществование различных и противоположных вещей, пп предполагает наличие связывающего их процесса, в результате которого эти противоположности могут, выражаясь

философским , языком, «становиться тождественными», чтобы затем вновь обнаружить свою противоположность, Значит, существует и суще-ственно «не только единство противоположностей, но «переходы КАЖДОГО определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое»¹⁸.

Итак* если психическое отражение и деятельность субъекта составляют единство, то значит существует и переход между ними. В чем же заключается и как, конкретно, обнаруживает себя тот внутренний процесс перехода, который соединяет» между собой оба этих противоположных полюса, образующих единство жизни в ее высшей форме – в форме одушевленной, то есть психической жизни? Первое положение, которое мы должны отметить в связи с этим вопросом, заключается в том, что то внутреннее субъ-ективное состояние, которое является психическим отражением, возникает и развивается в результате процесса, осуществляюще-гося между субъектом к отражаемым данным его состоянием предметом» то есть в деятельности субъекта и что иначе оно возникнуть и развиваться вообще не может.

Это ясно вытекает уже из тех немногих наблюдений и опытов, которые мы приводим выше. С еще большей ясностью это вытекает из тех фактов, с которыми нам еще предстоит встретиться-ся в дальнейшем изложении. Наконец, это может быть специально показано в эксперименте.

Собаку (терьера) помещают в клетку, которая запирается изнутри рычажным затвором. Естественно, что она тотчас же начинает делать попытки выбраться из нее, – скребет лапами по клетке и т. п. Попадая случайно на рычаг, собака отпирает дверцу-и выходит из клетки, В результате нескольких повторений опытов животное» после того, как оно введено в клетку, сразу же ударяет лапой по рычагу и освобождается.

Воспринимает ли собака рычаг? Ответ на этот вопрос дает следующий опыт: собаку вновь помещают в клетку, но открываю-щаяся дверца с рычагом помещается теперь на другой стороне клетки. Как будет действовать собака? По отношению к рычагу, который, конечно, проецируется на сетчатку ее глаз, или по отношению к чему-нибудь другому? Оказывается, что собака остается как бы слепой к рычагу и требуется новый период

18 Лекин В. И, философские тетради, 1934. С. 212.

105

тренировки для того, чтобы она вновь научилась открывать клетку. Как объяснить этот факт? Дело в том, что рычаг не был выделен в самой деятельности собаки, т. е. ее деятельность была направлена не на рычаг, но, по-видимому, руководилась чисто пространственными соотношениями. Изменим несколько условия опыта. Систематически перемещая расположение рычага, сделаем предметом деятельности собаки теперь именно рычаг. В результате собака выделяет, воспринимает рычаг; она руководствуется в дальнейшем поведении именно видом рычага^{1*3}. Подобные же данные мы находим и в других исследованиях.

Конечно, для правильного анализа подобных опытов, хотя они и являются иногда очень выразительными, необходимо всякий раз считаться с тем, на какой ступени стоит данное животное и каков обычный образ его жизни. В зависимости от этого конкретный процесс деятельности животного по отношению к тому или иному предмету (свойству, вещи, ситуации) и его субъективный результат (ощущение, образ) будут, разумеется, различ* ными.

Особенно усложняется и затемняется процесс формирования образов в деятельности человека. Это зависит от того, что, с одной стороны, у человека мы наблюдаем особую, специфическую форму деятельности-деятельность внутреннюю, теоретическую, а с другой стороны, вследствие изменения у человека самих его чувств, которые, по выражению Маркса, становятся сами «теоретиками».

Хотя это и нарушает ход нашего изложения, мы все же приведем некоторые относящиеся сюда факты, полученные на человеке.

Если закрыть испытуемому глаза (практически это заменяется установкой специального экрана-ширмы) и предьявить ему одну за другой простых контурных фигур, выпиленных из дерева или из металла, и попросить его каждый раз, после того как он обведет пальцем одну из фигур, нарисовать на бумаге то, что ему удалось воспринять, то оказывается, что в результате у него складывается достаточно правильный образ предьявленных форм.

Изменим теперь условия опыта. Возьмем новую серию фигур и предложим испытуемому положить палец на край фигуры, возможно более ослабивши мышцы руки. После этого положим свою руку поверх его руки и поведем его палец по контуру фигуры, как это он делал прежде сам. Оказывается, что при этих условиях восприятие формы резко дезорганизуется. Но, может быть, это объясняется различием в самом пути, который проделывает

19 Эти данные, полученные Э. Торндайком, были затем воспроизведены в исследовании Бойтендейка (Vue sur la psychologie ammalт 193L).

ощупываемый палец? Введя в эту новую серию несколько фигур из первой серии, в отношении которых движение испытуемого было прежде точно зарегистрировано, воспроизведем теперь его же собственное движение. Оказывается, что и при этих условиях, несмотря на повторность опыта, правильный образ формы у испытуемого все же не возникает. По-видимому, различие, которое мы здесь наблюдаем, отно сится за счет того, что в первом случае испытуемый активно действует, а во втором случае лишь «подвергается воздействию». Может быть, однако, дело не в этом, а в различии самих воздействий (лишнее ощущение ведущей руки экспериментатора) и в том, что, ведя руку испытуемого, мы выключаем у него нормальные мускульные ощущения?

Чтобы зыясчить это, продолжим опыт несколько дальше. Проведем новую серию экспериментов, в которых снова попросим самого испытуемого обводить пальцем фигуры, однако теперь он должен будет делать это не самостоятельно, а по указаниям, «по команде» экспериментатора. Конечно, в эту новую серию фигур мы опять введем те, путь по. которым, приводящий к успешному их восприятию, был зарегистрирован, и опять, командуя движениями испытуемого, возможно более точно воспроизведем этот путь. При этих условиях действующим является экспериментатор, испытуе-мый же только осуществляет движения. Результаты снова отрицательные. Следовательно; дело не в движении как таковом, а в действии, которое этими движениями осуществляется.

Чтобы проверить это, изменим еще один раз условия опыта. Организуем следующую, четвертую, серию экспериментов так же, как была организована вторая серия, то есть будем двигать сами рукой испытуемого. Пусть, однако, нашими движениями «ко-мандует» теперь сам испытуемый. В этом случае действующим лицом снова становится сам испытуемый, экспериментатор же выполняет по отношению к его руке лишь функцию своеобразного двигательного аппарата. Результаты, разумеется, положительные. Достоин внимания и еще один факт: если во второй, «пассивной» серии испытуемый повторяет левой рукой движения своей правой" руки, которую ведет экспериментатор, то интеграция ощущений происходит; характерно, что этот прием был найден в исследова-нии самими испытуемыми (Котлярова, 1940).

Итак, из сопоставления приведенных фактов следует, что необходимым условием возникновения образа, формирующегося на основе тактильных и кинетических ощущений, является соответствующее активное действие испытуемого. Мы полагаем, что не иначе обстоит дело и при зрительном восприятии с той, однако, разницей, что в этом случае самый процесс действия является гораздо менее ясно выраженным,

Приведенные экспериментальные данные азаты из диссертационной рабо-ты Л. И. Котляровой {Кафедра психологии Харьковского педагогического института) и из наших собственных опытов.

а отчасти и вовсе скрытым от непосредственного наблюдения. «Идет ли речь о контурах и величине или об удалении и относи-тельном расположении предметов, двигательные реакции глаз при смотреии и рук при ощупывании равнозначны по смыслу», – писал в свое время И. Сеченов²¹, Его идея глаза как «щупала» представляется нам идеей, которая еще недостаточно оценена. Многие из того, что кажется в восприятии симультанным, несомненно, раскроет себя как сукцессивньж процесс.

Даже слуховые образы, опирающиеся на работы кажется самого «неподвижного» из рецепторов – уха, возникают лишь в результате известного активного процесса; Б. М. Теплов, автор выдающегося исследования в области психологии музыки, назы-вает этот процесс процессом активного представления²³. Бесспорным свидетельством зависимости образа от активных формирующих его процессов являются некоторые современные патопсихологические данные; мы имеем в виду случаи лобных, то есть двигательных по своей основе агнозий²⁴, Процесс формирования- образа, разумеется, нельзя безогово-рочно сблизать с формированием простейших ощущений. На высших ступенях развития, когда ощущения выступают лишь как элементы образного восприятия, оба этих процесса скорее могут быть в данном отношении противопоставлены друг другу. Иначе в условиях генетического сравнения: в том случае, когда ощущение выступает не как элемент более высокого сенсорного образования, но как самостоятельная и единственная форма восприятия действительности, оно, конечно, формируется по тому же общему принципу; словом, соотношения здесь такие же, как и соотношения, например, в принципах работы мозговой коры и нижележащих центров при изолированном рассмотрении их у высших животных и у животных, не обладающих корой.

Итак, состояния субъекта, представляющие собой отражения воздействующей на него действительности, формируются именно в процессе его деятельности, так что можно сказать, что именно деятельность «переводит» в эти состояния

воздействия объективной действительности.

Поставим теперь тот же вопрос с другой, противоположной стороны: возможна ли, деятельность в той форме, о которой идет речь, без этих специфических состояний – состояний, представляющих собой психическое отражение предмета деятельности, то есть того, на что она направлена? Очевидно, нет. Эти состояния не только формируются в деятельности, но и осуществляются в ней; можно сказать, что они переходят в деятельность.

11 см.,: Сеченов И. Физиологические очерки, ч* II. 1893+ с- 262,

В настоящее время В. И. Дробанцевой закончено специальное экспериментальное исследование движения взора, дающее нам основание особенно настойчиво выдвигать это положение.

См.: Теплое Б. М. Психология музыкальных способностей, 1940. Гл. IX (рукопись).

См.: Лурптут А, Р. Нарушение восприятия при любых поражениях. Ш9.

Здесь необходимо оговориться. Традиционный взгляд, воспитанный на чисто аналитическом рассмотрении развитой психики, привык отделять ощущения, образы восприятия и проч. как чисто познавательные элементы от того, что обозначается терминами интенция, внутренняя поза {innere Haltungen – Цутта), установка. Собственно, последнее и есть, с этой точки зрения, именно то, чему соответствует «психический эквивалент поведения», что признается переходящим в деятельность, осуществляющимся в ней. Наоборот, познавательные элементы выступают при последовательном развитии этого взгляда лишь как несущие инструментальную функцию и как таковые, в сущности, не являются непосредственным предметом психологического изучения. Однако сам этот взгляд, разделяющий психическое на якобы принципиально различные сферы, является в любом из своих вариантов лажным. Это особенно ясно при генетическом рассмотрении вопроса: всякая попытка отделить восприятие, отражающее действительность, от так называемой установки, немедленно же вступает в противоречие с фактами.

В противоположность буржуазно-психологическим теориям установки, Д. Н.

Узнадзе, критикуя теорию, развиваемую Марбе, выдвигает тот тезис, что установка, то есть то, что находит свое осуществление в деятельности, есть не что иное, как объективная действительность, «переместившаяся» в субъект, преломившаяся в его состояниях. Установка, в понимании Узнадзе, представляет собой модификацию живого существа, соответствующую объективной действительности, отражение последней в субъекте. Очевидно, что при таком раскрытии понятия установки познавательные элементы не могут быть отделены от нее и ей противопоставлены. Другой вопрос, целесообразно ли исходить именно из этого понятия. По ряду соображений нам кажется необходимым обернуть здесь отношение к прямо говорить о таких состояниях субъекта, о таких его «модификациях», которые прежде всего представляют собой психическое отражение действительности, отражение, способное переходить в деятельность. Последнее отнюдь не является результатом некоего другого, особого состояния субъекта, результатом, который лишь условно приписывается состоянию самого отражения; давно известные в психологии простые факты показывают, наоборот, скорее условность, отведения этого свойства от познавательных состояний.

Итак, можно сказать, что деятельность и отражение переходят друг в друга.

Психическое отражение формируется в процессе активной деятельности субъекта или, что то же самое, – деятельность как бы «кристаллизуется» на полюсе субъекта в виде его специфических состояний – состояний психического отражения той действительности, с которой она его реально связывает. И наоборот, психическое отражение переходит в деятельность,

См.: Узнадзе Д. И, Проблема установки. Рукопись перевода.

109

осуществляется в ней и через нее в ее предмете. Эти переходы из «формы деятельности в форму бытия» (Маркс) совершаются постоянно и на обоих полюсах процесса. Ибо субъект, воздействуя на внешний, сопротивляющийся ему предмет, не только подчиняет ему свою деятельность, но, испытывая воздействия с его стороны, неизбежно изменяется и сам.

Попытаемся подвести некоторые итоги, к которым нас приводит наш теоретический анализ. Мы начали с выделения предмета деятельности. Однако предмет, взятый как предмет деятельности субъекта, выступил перед нами своеобразно: он выступил как имеющий смысл для субъекта, то есть как нечто, зависящее в своем отражении от деятельности* субъекта. Мы сделали еще один шаг в анализе, поставив вопрос об отношении деятельности к ее субъекту. Здесь мы должны были признать, что деятельность определяется тем специфическим состоянием субъекта, которое есть отражение свойств самого предмета, на который она направлена.

Может показаться, что этим мы замкнули круг и остались в пределах чистой субъективности, что мы возвратились к тому, что мы принципиально отрицали и

от чего мы отталкивались. Это, однако, только грубая иллюзия поверхностного взгляда. То, что при плоском изображении кажется здесь движением по кругу, в своем действительном рельефе является, скорее, движением по спирали, движением, восходящим ко все более и более правильно-му и полному, все более точному и адекватному психическому отражению субъектом окружающей его объективной действительности.

Эта иллюзия «круга» падает под ударом нашего главного положения: деятельность направляется на объективный предмет в той мере, в какой он имеет биологический смысл для субъекта; однако деятельность осуществляется, реально сталкиваясь с этим предметом в его независимых от субъекта, объективных и устойчивых свойствах и иначе осуществиться не может. Следовательно, осуществляясь, деятельность не-остается сама собой, но изменяется в соответствии с реальным предметом, подчиняясь ему; а это изменение деятельности, порожденное ее встречей с объективным предметом, в свою очередь, неизбежно ведет к изменению и обогащению связанного с ней внутреннего, отражающего предмет состояния субъекта. Теперь предмет выступает для субъекта иначе, более адекватно. То, чем он стал для субъекта, сблизилось в результате этого процесса с тем, что он есть в действительности, объективно. Процесс снова может продолжаться, но теперь он начнется уже с новой, более высокой точки того пути, который в конечной своей перспективе ведет к полному и адекватному отражению мира.

Выразим все это еще раз, иначе и грубее, воспользовавшись простейшим стримером.

Когда я протягиваю руку к предмету, то мое действие внутренне опосредствовано, определено моим представлением об

по

относительном местоположении данного предмета, о его размере, весе и т. д. Так, например, если этот предмет окажется более тяжелым, чем он представляется в моем сознании, то при первой попытке я вовсе не смогу его поднять. Однако мое действие в результате соприкосновения с предметом изменится. Посылается более сильный нервный импульс, рука сжимает этот предмет сильнее. Теперь действие осуществляется. Вместе с тем и представление о весе этой вещи перестраивается в моем сознании в соответствии с ее объективным весом²⁶.

Итак, в этом простом факте обнаруживает себя двойное противоречие. Во-первых, обусловленное изменчивостью и многообразием свойств внешней действительности противоречие между субъективным отражением объективных предметов и их реальными свойствами. Это, однако, внешнее противоречие. Его констатация не ведет нас дальше выдвинутого Спенсером понимания развития как процесса «приспособления внутренних отношений к внешним». Во-вторых, в этом же факте это внешнее противоречие обнаруживает себя и как противоречие внутреннее – противоречие между обеими сторонами рассматриваемого нами единства психического отражения и деятельности субъекта. Дело в том, что деятельность вступает в соприкосновение не с отражением предмета, а с реальным предметом. Пусть в моем представлении данный предмет весит всего несколько граммов, в то время, как в действительности он в десять раз тяжелее; тогда мое реальное действие по отношению к этому предмету, неправильно ориентированное моим представлением, должно будет для своего осуществления перестроиться соответственно объективным его свойствам, в результате чего возникнет несовпадение между моим, теперь реально осуществляющимся действием и моим представлением, так что последнее должно будет перестроиться, измениться. Не следует, однако, думать, что такое изменение образа, представления, вообще отражения в сознании совершается плавно, тотчас же вслед за изменением деятельности, что субъективные состояния, отражающие действительность, лишены всякой инерции. Эти состояния, наоборот, обнаруживают – и необходимо должны обнаруживать – известную устойчивость, так что их перестройка как бы отстает от пластически изменяющейся действительности, а затем происходит скачкообразно. Этот момент и есть момент нового совпадения обеих сторон, приводящий к преобразованию самой деятельности, которая далее – а теперь уже на этом новом уровне – вновь и вновь изменяется, подчиняясь «сопротивляющейся» ей действительности. Чтобы выразить эти отношения, мы начали с анализа простейшей психической деятельности. Именно поэтому они выступили в своей весьма общей и абстрактной форме. В этой общей форме они сохраняются на всем протяжении развития, хотя

*6 Сложные отношения, которые при этом возникают, детально выясняет в специальных экспериментах А. В. Запорожец, и принимают на различных его ступенях качественно своеобразное выражение. Для того чтобы конкретизировать теперь эти отношения, конечно, недостаточно

простых иллюстраций, но нужно исследовать процесс реального развития деятельности, развитие ее строения.

С другой стороны, только при этом условии раскроется и то, еще более общее соотношение, которое создает истинное внутреннее противоречие процесса развития, противоречие, которое лишь воспроизводится в отношениях, найденных нами пока только в отдельных актах, в отдельных «клеточках» психической деятельности. Это более общее соотношение и есть соотношение между отдельными актами деятельности и осуществляющими их механизмами – психофизиологическими функциями организма, с одной стороны, и типом строения деятельности в целом и соответствующим ему типом психики – с другой.

111 РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ В ЖИВОТНОМ МИРЕ

Два главных вопроса, нуждающихся в предварительном решении, неизбежно встают перед исследователем, подходящим к проблеме развития психики животных.

Первый, самый важный из них, это – вопрос о критерии, пригодном для оценки уровня психического развития. С точки зрения, свободной от сложившихся в зоопсихологических исследованиях традиций, решение этого вопроса; – кажется самоочевидным: если речь идет о развитии психики – спеша, выражающегося в способности отражения, то, следовательно таким критерием и должно быть не что иное, как развитие самого этого свойства, то есть форм самого психического отражения. Кажется очевидным, что существенные изменения и не могут состоять здесь ни в чем другом, кроме как в переходе от более элементарных форм психического отражения к формам более сложным и более совершенным. С этой независимой, пусть наивной, но зато, несомненно, верной точки зрения весьма парадоксально должна выглядеть всякая теория, говорящая о развитии психики и вместе с тем выделяющая стадии этого развития по признаку, например, врожденности или индивидуальной изменчивости поведения, не связывая с данными признаками никакой конкретной характеристики тех внутренних состояний субъекта, которые представляют собой состояния, отражающие внешний мир. В современной научной зоопсихологии вопрос о том, какова же собственно психика, какова высшая форма психического отражения, свойственная данной ступени развития, звучит как вопрос почти неуместный. Разве недостаточно для научной характеристики психики различных животных огромного количества точно установленных фактов, указывающих на некоторые закономерности поведения той или иной группы исследуемых животных? Мы думаем, что недостаточно, что вопрос о психическом отражении все же остается для зоопсихологии основным вопросом, а то, что

112

делает его неуместным, заключается вовсе не в том, что он является излишним, а в том, что с теоретических позиций современной зоопсихологии на него нельзя ответить. С этих позиций нельзя перейти от характеристики поведения к характеристике собственно психики животного, нельзя вскрыть необходимую связь между тем и другим. Ведь метод (а это именно вопрос метода) лишь отражает движение, найденное в самом содержании; поэтому если с самого начала мыслить мир поведения замкнутым в самом себе (а значит, с другой стороны, мыслить замкнутым в самом себе и субъективно психический мир), то в дальнейшем анализе невозможно найти никакого перехода между ними.

Таким образом, в проблеме развития психики полностью воспроизводит себя то положение вещей, с которым мы уже встретились в проблеме ее возникновения. Очевидно, и принципиальный путь преодоления этого положения остается одинаковым здесь и там – Мы не будем поэтому снова повторять нашего анализа. Достаточно указать на конечный вывод, к которому мы пришли: состояния субъекта, представляющие собой определенную форму психического отражения внешней объективной действительности, связаны внутренне-закономерно и, следовательно, необходимо – с определенным же строением деятельности. И наоборот, определенное строение деятельности необходимо связано, необходимо порождает определенную форму психического отражения. Поэтому исследование развития строения деятельности может служить прямым и адекватным методом исследования развития форм психического отражения действительности. Итак, мы можем не обходить проблемы и поставить вопрос о развитии психики животных прямо, то есть именно как вопрос о процессе развития психического отражения мира, выражающегося в переходе ко все более сложным и совершенным его формам. Соответственно основанием для различения отдельных стадий развития психики будет служить для нас то, какова форма психического отражения, которая на данной стадии является высшей,

Второй большой вопрос, который нуждается в предварительном решении, это – вопрос о связи развития психики с общим ходом биологического развития

животных.

Упрощенное, школьное и по существу своему неверное представление об эволюции рисует этот процесс как процесс линейный, в котором отдельные зоологические виды надстраиваются один над другим, как последовательные геологические пласты. Это неверное и никем не защищаемое представление, однако, необъяснимым образом проникло в большинство зоопсихологических теорий. Именно этому представлению мы во многом обязаны и выделению в качестве особой генетической стадии, пресловутой стадии инстинкта, существование которой доказывается фактами, привлекаемыми почти исключительно из наблюдений над насекомыми, пауками и, реже, — птицами. При этом

113

игнорируется самое важное, — а именно, что ни одно из этих животных не представляет основной линии эволюции, ведущей к высшим ступеням зоологического развития — к приматам и человеку; что, наоборот, эти животные не только представляют собой особые зоологические типы в обычном смысле этого слова, но что им свойственны и особые типы приспособления к среде, глубоко своеобразные и заметным образом прогрессирующие; что никакой реальной генетической связи, например, между насекомыми и млекопитающими вообще не существует, а вопрос о том, стоят ли они «ниже» или «выше», например, первичных хордовых, биологически неправилен, ибо любой ответ будет здесь иметь совершенно условный смысл. Что представляет собой более высокий уровень биологического развития — покрытосеменные растения или инфузория? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы его нелепость сразу же бросилась бы в глаза: прежде всего это представители качественно различных типов приспособления, различных типов жизни — жизни растительной и жизни животной; можно вести сравнение внутри этих типов, можно сравнивать сами эти типы жизни, но невозможно сравнивать между собой отдельных конкретных представителей этих различных типов. То, что выступает здесь в своем грубом

и обнаженном виде, принципиально сохраняется при любом «прямолинейном» сопоставлении, игнорирующем реальные генетические связи, реальную генетическую преемственность видов.

Именно в зоопсихологии это особенно важно подчеркнуть, потому что, если сравнительно-анатомическая или сравнительно-физиологическая точка зрения вносит с собой достаточную определенность и этим исключает ложные сближения, то, наоборот, традиционный для зоопсихологии способ рассмотрения фактов неизбежно провоцирует ошибки. Слепое следование за генетико-морфологическим или генетико-физиологическим классификацией, вытекающей из идеи «структурных» или «функциональных (то есть физиологических) критериев психики, здесь еще недостаточно, ибо, как мы уже много раз подчеркивали, прямого совпадения типа строения деятельности и морфологического или физиологического типа не существует.

Именно отсюда рождается так-называемый психологический «парадокс» простейших¹. В чем собственно состоит этот мнимый парадокс? Его основу составляет следующее противоречие: морфологический признак, признак одноклеточности, объединяет соответствующие виды в единый зоологический тип, который действительно является именно как морфологический тип более простым, чем тип многоклеточных; с другой стороны, деятельность, возникающая в развитии этого простейшего типа, является относительно сложной. Конечно» в действительности никакого

¹ Ruyer R. Le paradoxe de Гартше // Journal de psychologie, 1938. P. 472; Crow #. The Protista as the Primitive Forms of Life // Scientia, 1933. V, LIV.

114

разрыва между деятельностью и ее анатомической основой и здесь нет, потому что внутри данного простейшего общего морфологического типа мы наблюдаем огромное, хотя и весьма своеобразное, усложнение анатомического строения. С каждым новым шагом в развитии исследований морфологии одноклеточных принцип «малое — простое» все более и более обнаруживает свою несостоятельность, как и лежащие в его научной основе теоретические попытки обосновать физическую невозможность сложного строения микроскопических животных (А. Томпсон), попытки, порочность которых состоит уже в том, что 'все рассуждение ведется с точки зрения интермолекулярных процессов и отношений, в то время как в действительности мы имеем в этом случае дело с процессами, и отношениями также и интрамолекулярными. Насколько можно об этом судить по первоначально полученным данным, развитие новой техники электронной микроскопии еще более усложнит наши представления о строении одноклеточных. «В термине «простейшие», — писал лет двадцать тому назад В. Вагнер, — заключено больше иронии, чем правды», В наше время еще легче понять всю справедливость этого вывода.

Путь развития, отделяющий гипотетических первобытных монер или даже первичных броненосцев от ресничных инфузорий, конечно, огромен и нет ничего парадоксального в том, что у этих высших представителей своего типа мы уже наблюдаем весьма сложную деятельность, осуществляющую по-видимому опосредствованные отношения к витально значимым свойствам среды, деятельность, необходимо предполагающую, следовательно, наличие внутренних состояний, отражающих воздействующие свойства в их связях, то есть согласно нашей гипотезе, наличие состояний чувствительности. Нет ничего, конечно, парадоксального и в том, что, переходя к многоклеточным животным, более высоким по общему типу своей организации, мы наблюдаем на низших ступенях развития этого типа, наоборот, более простую «до-психическую» жизнь, более простую по своему строению деятельность. Чтобы сделать это очевидным, достаточно указать, например, на тип губок, у которых, кстати говоря, ясно выражена и главная особенность примитивного типа деятельности низших многоклеточных, а именно – подчеркнутая автономия отдельных реакций². Мы подробно остановились на этом сложном соотношении, так как мы встречаемся с ним на всем протяжении развития, причем его игнорирование неизбежно ведет к ошибочным умозаключениям. Конечно, мы не сможем вовсе отказаться от сближений, выходящих за пределы реальной генетической преемственности видов, хотя бы уже потому, что в изучении деятельности палеонтологический метод вовсе не применим и мы должны будем

2 McNair G. T. Motor Reactions of the Fresh-water Sponge Ephydatia flivialis // Вн. Bulletin, 1923, 44. P. 153.

п5

иметь дело только с современными видами животных; но в этом и нет никакой необходимости – достаточно избежать прямых генетических сближений да)...-тх, относящихся к представителям таких зоологических типов, которые представляют различные, далеко расходящиеся между собой линии эволюции.

Мы должны, наконец, сделать и еще одно, последнее предварительное замечание.

Подходя к изучению процесса развития психики животных с точки зрения задачи наметить главнейшие этапы предыстории психики человека, мы естественно ограничиваем себя рассмотрением лишь основных генетических стадий, или формаций, характеризующихся различием общей формы психического отражения; поэтому наш очерк развития далеко не охватывает ни всех типов, ни всех ступеней внутри каждой данной его стадии.

Мы видели, что возникновение чувствительности живых организмов связано с усложнением их жизнедеятельности. Это усложнение заключается в том, что выделяются процессы внешней деятельности, опосредствующие отношения организма к свойствам среды, от которых непосредственно зависит сохранение и развитие его жизни. Именно с появлением раздражимости к этим, опосредствующим основным витальным свойствам организма, воздействиям связано появление и тех специфических внутренних состояний организма – состояний чувствительности, ощущений, функция которых заключается в том, что они с большей или меньшей точностью отражают объективные свойства среды в их связях.

Итак, главная особенность деятельности, связанной с чувствительностью организма» заключается, как мы уже знаем, в том, что она направлена на то или иное воздействующее на животное свойство, которое, однако, не совпадает с теми свойствами, от которых непосредственно зависит жизнь данного животного. Она определяется, следовательно, не отдельно взятыми или совместно воздействующими свойствами среды, но их отношением.

Мы называли такое отражаемое животным отношением воздействующего свойства к свойству, удовлетворяющему одну из его биологических потребностей, инстинктивным смыслом того воздействия, на которое направлена деятельность, то есть инстинктивным смыслом предмета.

Что же представляет собой такая деятельность в своей простейшей форме, и на каком конкретном этапе развития жизни она возникает?

Исследуя условия перехода от явления простой раздражимости к явлениям чувствительности, то есть к способности ощущения, мы вынуждены были рассматривать простейшую жизнь в ее весьма абстрактной форме. Попытаемся теперь несколько конкретизировать наши представления.

116

Обычное наиболее часто приводимое гипотетическое изображение первоначального развития жизни дается примерно в такой схеме (по М.

Ферворну, упрощено):

Рис. 6

]

Таким образом, уже на низших ступенях развития жизни мы встречаемся с ее разделением на два главных общих ее типа: на жизнь растительную и жизнь животную. Это и рождает первую специальную проблему, с которой мы сталкиваемся: проблему чувствительности растений.

Существуют ли ощущения у растений? Этот вопрос, часто отвергаемый, и отвергаемый без всяких, в сущности, оснований, является с нашей точки зрения совершенно правомерным. Современное состояние фактических знаний о жизни растительных организмов позволяет полностью перенести этот вопрос из области фехнеровских фантазий о «роскошно развитой психической жизни растений» на почву точного конкретно-научного исследования.

Мы, однако, не имеем в виду специально заниматься здесь этой проблемой; ее постановка имеет для нас прежде всего лишь то значение, что, рассматривая ее с точки зрения нашей основной гипотезы о генезисе чувствительности, мы получаем возможность несколько уточнить и развить эту гипотезу. При этом мы должны раньше всего поставить вопрос о раздражимости растений, так как только на высших ступенях развития раздражимости возможен переход к той ее форме, которую мы называем чувствительностью.

Два основных факта, важных в этом отношении, можно считать установленными* Первый из них – это факт раздражимости, т. е. по крайней мере высших, растений по отношению к достаточно многочисленным воздействиям, общим с теми воздействия-

117

ми, которые способны вызвать реакцию также и у большинства животных: это температурные изменения, изменения влажности, воздействие света, гравитация, раздражимость по отношению к газам, к некоторым питательным веществам» наркотикам и, наконец, к механическим раздражениям. Как и у животных, реакции растений на эти воздействия могут быть положительными или негативными. В некоторых случаях пороги раздражимости растений значительно ниже порогов, установленных у животных; например, Х. Фулер (1934) приводит величину давления, достаточную для того, чтобы вызвать реакцию растения, равную 0,0025 м,г.

Другой основной факт заключается в том, что, хотя чаще всего раздражимость растений является диффузной, в некоторых случаях мы все же можем уверенно выделить специализированные зоны и даже органы раздражимости, а также зоны специальной реакции. Значит существуют и процессы передачи возбуждения от одних зон к другим. (...)

Уже в прошлом столетии был поставлен вопрос о приложимости к растениям закона Вебера (М. Массар, 1888), дальнейшее развитие исследования подкрепило возможность выразить отношение между силой раздражения (степень концентрации вещества в растворе, сила света) и реакцией растения (П. Парр, 1913, П. Старк, 1920)3.

Если к этим данным присоединить тот, уже указанный нами выше факт, что жизнедеятельность высших растений осуществляется в условиях одновременного.. "действия многих внешних факторов, вызывающих соответствующую сложную реакцию, то принципиально можно допустить также и наличие у них раздражимости по отношению к воздействиям, выполняющим функцию соотнесения организма с другими воздействующими свойствами, то есть наличие опосредствованной деятельности, а следовательно, и чувствительности. (...)

Итак, с точки зрения разрабатываемой нами гипотезы о генезисе чувствительности наличие чувствительности, в смысле способности собственно ощущения, у растений допущено быть не может. Вместе с тем, некоторые растения, по-видимому, все же обладают некой особой формой раздражимости, отличной от ее простейших форм. Это – раздражимость по отношению к таким воздействиям, реакция на которые посредствует основные витальные процессы растительного организма. Своеобразие этих отношений у растений, по сравнению с подобными же отношениями у животных, состоит, однако, в том, что в то время как у последних эти отношения и связанные с ними состояния способны к изменению и развитию,

Литература вопроса по фитопсихологии весьма велика, даже если отбросить собственно физиологические исследования реакций, как, например, цитированные выше исследования Г. Молиша и др., Франса указывает на Марциуса и на первых авторов, поставивших проблему фитопсихологов.

Последующие исследования принадлежат М. Массару (1888)» Т. Ноллю (1896), Г. Гоберланд-ту (1901). Более новую литературу см.: Fuller H. I. Plant behavior // The journal of general psychology. 1934. V. XI. № 2, P. 379.

118

в результате чего они выделяются и начинают подчиняться новым специфическим закономерностям,— у растений эти отношения хотя и возникают, но не способны к развитию и дифференциации; разделение воздействующих свойств, обозначенных нами символами* a и at возможно и у растения, но их несовпадение, несоответствие не разрешается в его деятельности, и эти отношения не могут стать отношениями, порождающими развитие соответствующих им внутренних состояний.

Из этого вытекают два вывода. Во-первых, тот вывод, который мы можем сделать в связи с самой проблемой чувствительности у растений. Очевидно, мы не можем говорить о чувствительности растений, но лишь как о чувствительности совершенно особого типа, столь же отличающегося от собственной чувствительности, то есть от чувствительности животных, сколь и сама их жизнедеятельность отличается по своему типу от жизнедеятельности животных. Это, конечно, не исключает необходимости все же различать у растений явления чувствительности и явления раздражимости; наоборот, нам кажется» что применительно к высшим растениям это различие сохраняет некоторое значение и может быть еще сыграть в дальнейшем свою роль в проблеме воспитания их функциональных способностей.

Второй вывод, который может быть сделан из рассмотрения проблемы чувствительности растений, относится к чувствительности животных и той деятельности, в которой она формируется. Своеобразие фиточувствительности объясните как мы это пытались показать, особым характером жизнедеятельности растений. Чем же отличается от нее с точки зрения рассматриваемой проблемы деятельность животного? Мы видим ее специфическое отличие в том, что животное способно к активным, отвечающим его потребностям движениям— движениям, описанным нами как движения «пробующие» или поисковые», то есть к такой деятельности, в которой и происходит соотношение между собой воздействующих на организм свойств действительности. Только такая деятельность может быть подлинно направленной, активно находящей свой предмет. Движение зеленого растения к свету также, разумеется, направлено, однако никогда растение не изгибает своего стебля то в одну, то в другую сторону до тех пор, пока оно наконец не окажется в лучах солнца; но даже инфузория, испытывая недостаток в пищевом веществе, ускоряет свое движение и меняет его направление, а гусеница, уничтожившая последний лист на ветке дерева, прекращает свое «фототропическое» восхождение, спускается вниз и принимается за поиск нового растения, который кончается иногда далеко за пределами данного участка сада. Не всегда, конечно, это — движение перемещения; иногда это только движение органа — антенны, щупальца; впоследствии — это почти незаметное внешне движение.

С точки зрения выдвигаемого нами критерия наличие простейших ощущений может быть признано у тех животных, деятельность которых: 1) может быть вызвана воздействием того

119

типа, который мы символически обозначим буквой a ; 2) направлена на это воздействие и 3) способна изменяться в зависимости от изменения отношения $a:a$.

Обращаясь к фактическим данным, мы имеем все основания предполагать, что этими признаками обладает уже деятельность высших одноклеточных животных (ресничные инфузории). Впрочем, для того, чтобы судить об этом с полкой основательностью, были бы необходимы данные специальных экспериментальных исследований, которыми мы располагаем. (...)

Впрочем, нас интересует сейчас не столько вопрос о том, у каких именно животных из числа существующих ныне видов мы впервые находим наличие чувствительности, сколько вопрос о том, что представляет собой ее простейшая форма и какова та деятельность, с которой она внутренне связана.

На низших ступенях развития животного мира мы вправе предполагать существование лишь немногих, весьма мало дифференцированных органов чувствительности, а соответственно и существование лишь весьма диффузных ощущений, по-видимому, возникающих не одновременно, но сменяющих одно другое, так что их деятельность в каждый данный момент определяется всегда одним каким-нибудь воздействием. Отсюда и возникает впечатление машинообразности их поведения. Присмотримся, например, к известным фактам поведения планарии по отношению к свету. Как только планария оказывается под давлением воздействия света, она начинает двигаться параллельно распространяющимся лучам; изменим направление света, и ее путь тотчас же изменится; но мы можем повторить этот опыт еще и еще раз, движение планарии будет столь же послушно следовать за направлением лучей*. Геометрическая точность, кажущаяся машинообразность подобного поведения не должна вводить нас в заблуждение. Она объясняется именно элементарностью чувствительности

животного, а отнюдь не автономностью и автоматичностью его двигательных реакций. Движения выступают и здесь как подчиненные элементы единой простой деятельности, определяющейся в своем целом тем предметом, по отношению к которому она направлена, то есть биологическим инстинктивным смыслом для животного соответствующего воздействия. Выше мы пытались показать это экспериментально установленными фактами изменчивости, при-способляемости деятельности животных, принадлежащих к данному зоологическому типу. Теперь мы можем присоединить к этому некоторые физиологические основания. Так, О. Ольмтедом (1922) и К* Левецовым (1936) было показано, что у червей существует сложная иерархизация двигательных реакций⁵. По-следний из указанных авторов описывает у лентопланн и других

4 Опыты Кппп'а, по: Нерпетрнann. Tierpsychologie, 1926r. s, 146.

1 Ottntead O. M. The Role of the Nervous System in the Locomotion of certain Marine Polychads // Journal of Experimental Zoology, 1922, v. 36, P, 57; wn Levalzow K. G. Beitrage zur Reiphysiologie der Polychaden Strudewarmer // Zeitschrift Jiir vergleichende Physiologic XXIU, 5, 1936, s, 721, 120

Polychadae три уровня движений: уровень цилиарных движений (Bewegung durch alien), прямо не зависящих от каких бы то ни было центров иннервации, далее – уровень движений мускульных, иннервируемых нервными узлами, и, наконец, – уровень движений, которые автор называет Ориентированными, поляризованными и спонтанными (orientiert, polarisiert, spontan); послед-ние зависят от цереброидных центров, координирующих поведение в целом. Таким образом, у этих представителей червей принцип общей координированное™ деятельности выступает как уже ясно оформленный анатомически; очевидно, он сохраняется и у более примитивных животных, принадлежащих к данному зоологическому типу. Важнейший же факт состоит здесь в том, что процессы на этом высшем для данного вида уровне имеют простейший тип афферентации, и при этом чем ниже опускаемся мы по лестнице развития, тем непосредственнее, тем ближе связь координирующе-го центра с соответствующим «командующим» органом чувствительности. Л. Бианки, опираясь на данные Пуши и Энгельмана, указывает, что у планарий группы клеток, которые можно рассматривать как рудиментарный мозг, одновременно являются и органом светочувствительности⁶. Таким образом, эти данные, еще раз и с другой стороны подтверждают то положение, что деятельность низших животных координируется в целом и при этом координируется на основе элементарной (здесь – в смысле «элементной») чувствительности.

Резюмируя, мы можем прийти, следовательно, к тому выводу, что деятельность животных на низших ступенях развития характеризуется тем, что она отвечает отдельному воздействующему свойству (или – в более сложных случаях –г совокупности отдельных свойств) в силу существующего отношения данного свойства к тем воздействиям, от которых зависит осуществление основных биологических функций животного. Соответственно психическое отражение действительности, связанное с таким строением деятельности, имеет форму чувствительности к отдельным воздействующим свойствам (или совокупности свойств) форму элементарного ощущения. Эту первую стадию в развитии психики мы будем называть поэтому стадией элементарной сенсорной психики.

Стадия элементарной сенсорной психики охватывает собой длинный ряд животных до некоторых видов позвоночных включительно. Понятно, что в пределах этой стадии также происходит известное дальнейшее развитие деятельности и психики животные, подготавливающее переход к следующей, новой, более высокой стадии.

Тот общий путь изменений, которые наблюдаются внутри стадии элементарной сенсорной психики (мы называем такие изменения «внутристадиальными»), прежде всего заключается в том, что органы чувствительности животных, стоящих на этой стадии развития психики, все более дифференцируются и их число

6 Bianchi L. Le mecanique du cerveau. Paris, 1921. увеличивается; соответственно дифференцируются и ощущения. Так, например, у низших животных клетки, возбуждаемые по отношению к свету, рассеяны по всей поверхности тела и, следовательно, эти животные могут обладать лишь весьма диффузной светочувствительностью. Затем, впервые у червей, светочувствительные клетки стягиваются к головному концу тела и, концентрируясь, приобретают форму пластинок; эти органы дают возможность уже достаточно точной ориентации в направлении к свету. Наконец, на еще более высокой ступени развития в результате выгибания этих пластинок возникает внутренняя сферическая светочувствительная полость, действующая как «камера-люцида», которая позволяет воспринимать движения предметов. Развиваются и органы движения, органы внешней деятельности животных. Их развитие происходит особенно заметно в связи с двумя следующими главными

изменениями: с одной стороны, в связи с переходом к жизни в условиях наземной среды, а с другой стороны, – у гидробионтов, – в связи с переходом от простого поиска к преследованию добычи. Вместе с развитием органов чувствительности и органов движения развиваются также и органы соотнесения, связи и координации – нервная система. (...) Изменение деятельности, наблюдаемое по всем этим линиям эволюции внутри данной стадии развития психики, заключается в своем общем виде во все большем усложнении ее состава, происходящем вместе с развитием органов восприятия, действия и нервной системы животных. Однако, как общее строение деятельности, так и общий тип отражения действительности остается на этой стадии, как мы увидим, тем же самым. Деятельность побуждается и регулируется отражением отдельных свойств или ряда отдельных свойств; отражение действительности никогда, следовательно, не является отражением целостных вещей. При этом у более низкоорганизованных животных (например, у червей) деятельность побуждается всегда одним каким-нибудь свойством, так что» например, характерной особенностью поисков пищи является у них, по свидетельству В. Вагнера, то; что их поиск всегда производится «при посредстве какого-либо одного органа чувств, без содействия других органов чувств: осязания, режес обоняния и зрения, но всегда только одного из них»⁷. То усложнение деятельности, которое мы здесь наблюдаем, наиболее ярко выражено по линии эволюции, ведущей к паукообразным и насекомым. Оно проявляется в том, что деятельность этих животных приобретает характер иногда весьма длинных цепей, состоящих из большого числа реакций, отвечающих на отдельные последовательные воздействия. Ярким примером такой деятельности у насекомых может служить, например, постоянно приводимое в литературе описание поведения муравьиного льва, которое мы здесь ввиду его общеизвестности не воспроизводим.

Хотя против выводов, которые делаются в связи с этнаблюдением Дофлейна, существует ряд возражений, основные факты «элементарности поведения этой личинки остаются непоколебленными. Более тщательные новые исследования полностью подтверждают то положение, что и у пауков и у насекомых мы имеем ориентировку на последовательно действующие отдельные раздражители, в отношении насекомых мы уже приводили ряд подтверждающих это фактов; ограничимся поэтому только иллюстрацией. Так, *Microplectron fascipennis* откладывает свои яйца в коконы *Diprion'a*; это – весьма сложный процесс, предполагающий участие многих органов чувств. Однако, как показывают специальные опыты G. Ulyett'a, поставленные с фальшивыми коконами, что позволило экспериментально выделить различные воздействия, процесс этот протекает так: ранее, направляясь к кокону, насекомое руководствуется обонянием; далее, после того как насекомое достигло кокона, то отвергнет ли оно его или нет, зависит уже от его формы, воспринимаемой зрительно; наконец, самый акт откладывания яиц решается в зависимости от того, подвижна ли личинка в коконе.

Очень ясно выступает тот же самый характер сложных процессов деятельности у пауков. Если Рабо экспериментально показал, что тем, на что направлена деятельность пауков до момента умерщвления добычи, является вибрация и ничего больше, то последующие исследования позволяют проследить другие ее звенья, афферентируемые уже иначе. Так, М. Тома, возражая против того мнения, что у пауков зрение вообще не играет никакой роли (И. Денис), указывает, что место прокуса жертвы выбирается зрительно. Нагель подверг сомнению существование у пауков вкусовой чувствительности; однако в ответ на это Милло в экспериментах с кормлением пауков мухами, импрегнированными различными веществами (хинин и проч.), показал роль вкусовых ощущений в акте поглощения ими пищи и описал специальный орган вкуса в виде клеток бутылочной формы, находящихся в *pharynx*, По-видимому, многие из подобных кажущихся противоречий в данных об ощущениях пауков и насекомых легко разрешаются, если принять во внимание строгую сменность тех воздействий, которые определяют их весьма своеобразную, комплексную, но вместе с тем весьма простую по своей структуре деятельность; ведь вся трудность анализа заключается здесь именно в том, что, например, добыча с самого начала может быть обнаружена пауком – не только посредством вибрационного чувства, но

6 Thomas M. La yue et la sensibilité tactile chez les Araignées // Bulletin de Société Entomologique; 1936, PXL. P. 95; Mittot J. Lessens, du goût chez les Araignées // Bulletin de la Société zoologique de France. LXL G. 1936. P. 27.

123

и зрительно, однако его деятельность направляется только вибрацией, так что

зрения у него как бы не существует; в другом звене его поведения главная роль переходит, наоборот, к зрительным ощущениям и т. д.

Своеобразное усложнение деятельности, близкое по своему типу к вышеописанному, представляет собой поведение головоногих моллюсков. Особенно характерным в этом отношении является поведение осьминога. Внешне оно во многом напоминает поведение высших хищных животных: та же настойчивость в преследовании жертвы, та же стремительность нападения и активность борьбы.

Глаза осьминога также очень близки по своему строению к глазам высших животных. Хотя они имеют другое происхождение, а именно – являются дальнейшим усовершенствованием периферических органов светочувствительности, они, однако, обладают подвижностью и, главное, снабжены преломляющим хрусталиком, благодаря чему возможна достаточно совершенная проекция формы предметов на чувствительные клетки их внутренней поверхности.

Таким образом, можно было бы предположить, что осьминог стоит на более высокой ступени развития психики и обладает способностью отражения вещей. Анализ его деятельности показывает, однако, что мы имеем здесь дело с тем же самым типом отражения, выражающимся в способности элементарной чувствительности, то есть чувствительности к отдельным воздействиям. Когда рыба или какая-нибудь другая добыча движется мимо осьминога, то в результате испытываемого им светового воздействия он стремительно бросается за ней в точном соответствии с направлением и скоростью ее движения. На этом и прекращается участие в его поведении зрительного аппарата, функция которого заключается, таким образом, лишь в ориентации по отношению к движущемуся объекту. Вместе с тем заканчивается и первое звено его поведения, так как к охватыванию добычи данное воздействие привести уже не может. Для этого необходимо, чтобы его щупальцы коснулись добычи; только при этом условии, то есть в результате прямого прикосновения, разворачивается следующее, второе, звено его деятельности – охватывание жертвы и, наконец, последнее – ее пожирание.

Как и деятельность насекомых и пауков, эта также достаточно сложная и внешне совершенная, но вместе с тем имеющая весьма примитивную внутреннюю структуру деятельность не имеет своего дальнейшего развития, приходящего к переходу на новую стадию. Моллюски, как и насекомые, представляют собой одну из не прогрессирующих далее многочисленных ветвей, по которым шла эволюция животных.

Другое направление в усложнении деятельности и чувствительности, является, наоборот, прогрессирующим. Оно необходимо приводит к изменению самого строения деятельности, а на этой основе и к возникновению новой ведущей формы отражения

124

действительности, характеризующей уже более высокую, вторую стадию развития психики животных – стадию перцептивной психики. Это прогрессирующее направление в усложнении деятельности связано с прогрессирующей же в дальнейшем линией эволюции: от полимерных червеобразных к первичным хордовым и далее – к позвоночным животным.

Усложнение деятельности и чувствительности животных выражается по этой линии эволюции в том, что их поведение координируется сочетанием ряда отдельных воздействий. Примером такого поведения может служить поведение рыб. Именно у этих животных можно с особенной отчетливостью наблюдать резкое противоречие между уже относительно сложным содержанием процессов деятельности и высоким развитием отдельных функций, с одной стороны, и еще по-прежнему примитивным общим строением – с другой.

Этот тезис нуждается в более детальном обсуждении. Обратимся прежде всего к экспериментальным данным. В исследовании Е. П. Черчилля (1916) у рыб вырабатывалось умение проходить через отверстия, сделанные в двух поставленных одна за другой перегородках. На 50–60-м опыте это умение у рыб вырабатывалось, давая «нормальную» кривую образования навыка в условиях лабиринта. При этом Черчилль для трех различных экспериментальных групп животных создавал различные ориентирующие признаки. В одном случае (незамечаемые рыбами на расстоянии стеклянные перегородки) рыбы могли ориентироваться на преграду только тактильно, в другом – к тактильной ориентировке присоединялся локальный зрительный стимул (черная рамка вокруг отверстия), наконец, в третьем случае преграда выделялась полностью оптически (деревянная перегородка}. Полученные сравнительные данные, являются чрезвычайно важными; главное в них отводится следующим двум фактам: во-первых, оказалось, что введение дополнительно оптического стимула вносит определенное изменение, но изменение парадоксальное – начальное время, требуемое для прохождения через препятствие, возрастает почти в четыре раза (110–405); во-вторых, как показали последующие

эксперименты, дальнейший процесс образования умения находить отверстия был связан в обоих случаях с переходом на кинестетическую афферентацию движений, причем указанное начальное различие к концу опытов сглаживалось, – уже на 5-м опыте время в первом случае падало всего в $2\frac{1}{j}$ раза, в то время как во втором случае оно падало почти в 6 [км9].

Клк мы увидим из сопоставления с результатами других исследований, полученные в этих экспериментах данные отнюдь не являются случайными, но выражают действительную особенность психической деятельности рыб.

О чем собственно говорят эти данные? С одной стороны, мы
" СЫПШ Е> Р. The Learning of a Me by Goldfish // Journal of animal behavior, 1916. V. 6, N 3. P. 247,
125

видим, что у рыб, как и у нижестоящих животных, сохраняется ориентировка только на одно воздействие – тактильное, и поэто-му введение дополнительного признака не упрощает для них ситуации* Кроме того, ситуация этим явно усложняется. Чем это объясняется? Очевидно, рыбы не просто не замечают оптического стимула, но происходит нечто совсем другое: они вступают к нему в новое отношение; только по мере того как соответствующая реакция угасает, процесс научения в основной деятельности начинает идти нормально, и кривая времени стремительно падает. Таким образом, присоединяемый оптический стимул не интегриру-ется> но ломает процесс, побуждая ориентировочную реакцию, то есть вызывая новое отношение. Объяснение, которое мы даем, оправдывается дальнейшим сопоставлением фактов. Прежде всего обратимся к данным того же исследования, полученным э опытах с третьей эксперименталь-ной группой животных. Оказывается, что в этом случае врзраста-ние времени, по сравнению с первой группой, значительно меньше (по-277), зато дальнейшее падение его идет гораздо медленнее (на 5 пробе в первой группе – 42, в третьей– 101). Это понятно: в то время как черные полосы рамки выступают как локальный выделяющий стимул, сплошная перегородка выступает прежде всего как тормозящий фон, то есть только отрицательно; именно поэтому его «сбивающая» роль меньше, но зато преодоле-ние его тормозящего значения,, естественно, происходит лишь постепенно.

Насколько, однако, правомерно то основное допущение, на котором основываются наши объяснения, а именно, что животное не интегрирует дополнительный стимул-признак в единый «образ-пути», но отвечает на него как на воздействие, имеющее другой инстинктивный смысл, то есть как на предмет, побуждающий вообще иную деятельность? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, необходим опыт, где таким дополнительным признаком был бы стимул, вызывающий не только ориентировку или малоопределенную, диффузную реакцию, но которой имел бы для животного вполне определенный инстинктивный смысл; тогда само поведение животного покажет нам, имеем ли мы действи-тельно в подобной ситуации дело с логикой начавшегося процесса и с возникновением новой деятельности. Требуемый опыт мы находим, но лишь в одной из работ с амфибиями; однако сближение фактов является здесь, как мы это увидим ниже, совершенно правомерным.

Работая с жабами в лабиринте, состоящем из двух перегородо-док с проходами, то есть в условиях, аналогичных* условиям опытов Черчилля, Бойтендейк в качестве дополнительного ориентирующего стимула ввел также черную полосу, наклеенную на одну из перегородок. Так как для этих животных она выступила в смысле укрытия, то вместо попыток прохождения через лабиринт у них возникла новая тенденция – тенденция сближения с черной полосой, и образование навыка затормозилось10.

126 |и vuutendijk F. Psychologic des anjmaux. P. 207.

Итак, переходя к низшим позвоночным животным мы находим в деятельности некоторое время содержание, которое отчетливо может быть выделено и которое в приведенных примерах выступает как обходное движение, имеющее свою особую афферентацию и определяемое объективно иным воздействием, чем то, которое определяет деятельность в целом. Объективное различие между этими воздействиями состоит в том, что, в то время как воздействие со стороны предмета деятельности является побуждающим еет воздействие второго рода, то есть воздействие со стороны условий, в которых дан данный предмет деятельности, само по себе может не вызвать у животного никакой активности. Тем не менее мы склонны выдвигать здесь тот тезис, что, несмотря на это усложнение деятельности со стороны ее содержания, само строение ее, как и связанная с ней форма психического отражения, остаются теми же, что и у животных нижестоящих по основной линии эволюции или у таких животных, как, например, насекомые. Этим и объясняются наблюдаемые своеобразные черты поведения данных животных, качественно отличающие его от поведения животных, еще более высокооргани-зованных, даже в том случае, когда оно внешне выступает как

более простое.

Чтобы показать это, нам придется обратиться к специально поставленным опытам (А. В. Запорожец и И. Г. Диманштейн, 1939).

В отдельном аквариуме, в котором живут два молодых американских сомика, устанавливается поперечная перегородка, не доходящая до одной из его стенок, так что между ее концом и этой стенкой остается свободный проход. Перегородка сделана из белой марли, натянутой на рамку.

Когда рыбы, обычно держащиеся вместе, находились в определенной, всегда одной и той же стороне аквариума, то с противоположной его стороны на дно бросали кусочки мяса. Побуждаемые распространяющимся запахом мяса рыбы, скользя у самого дна, направлялись прямо к нему. При этом они наталкивались на марлевую перегородку; приблизившись к ней на расстояние нескольких миллиметров, они на мгновение останавливались и далее плыли вдоль перегородки, поворачивая то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, случайно не оказывались перед боковым проходом, через который они и проникали дальше, в ту часть аквариума, где находилось мясо.

Наблюдаемая деятельность рыб протекает, таким образом, в связи с двумя основными воздействиями — Она побуждается запахом мяса и развращается в направлении этого главного* доминирующего воздействия; с другой стороны, рыбы замечают преграду, в результате чего их движение в направлении распространяющегося запаха приобретает сложный, зигзагообразный характер. Здесь нет, однако, простой цепи движения: раньше реакция на натянутую марлю; потом реакция на запах; нет и простого сложения влияний обоих этих воздействий

127

и движения по равнодействующей. Это — сложно координированная деятельность, в которой объективно можно действительно ясно выделить двойное содержание. Во-первых, определенную направленность деятельности, приводящую к соответствующему результату; это содержание возникает под влиянием запаха, имеющего для животного инстинктивный смысл. Во-вторых, собственно обходные движения. Это содержание деятельности также связано с определенным воздействием (преграда), но данное воздействие отлично от воздействия запаха пищи: оно не может самостоятельно побудить деятельность животного, сама по себе марля, конечно, не вызывает у рыб никакой реакции. Следовательно» это второе воздействие связано не с предметом, который побуждает деятельность и на который она направлена, но с теми условиями, в которых дан этот предмет. Такого объективного различия обоих этих воздействий, их объективное соотношение. Соответствует ли, однако, этому соотношению отражение этими животными данной ситуации? Выступает ли он и для животного также раздельно, — одно, как связанное с предметом, как то, что побуждает, второе — как относящееся к условиям деятельности, вообще — как другое?

Чтобы ответить на этот вопрос, продолжим эксперимент.

По мере повторения опытов с кормлением рыб в условиях преграды на их пути к пище происходит как бы постепенное «обтаивание» лишних движений, так что в конце концов они с самого начала направляются прямо к проходу между марлевой перегородкой и стенкой аквариума, а затем — непосредственно к пище.

Перейдем теперь ко второй части эксперимента. Для этого перед кормлением рыб снимем перегородку. Хотя перегородка стояла достаточно близко от начального пункта движения рыб, так что они не могли не заметить ее отсутствия, рыбы тем не менее полностью повторяют обходный путь, то есть движутся так, как это требовалось бы, если бы перегородка была на своем месте. В дальнейшем путь рыб, конечно, постепенно спрямляется.

Итак, воздействие, определявшее обходное движение, прочно связывается у исследованных рыб с воздействием самой пищи, с ее запахом. Значит, оно уже с самого начала воспринималось рыбами наряду с запахом пищи, а не как входящее в другой комплекс, в другой «узел» взаимосвязанных свойств, то есть как относящееся к другой материальной вещи.

Таким образом, в результате постепенного усложнения деятельности и чувствительности животных мы наблюдаем возникновение ясно развернутого несоответствия, противоречия в их поведении, в деятельности низших позвоночных — животных уже выделяется такое содержание, которое объективно отвечает воздействию условиям, субъективно же это содержание связывается с теми воздействиями, по отношению к которым направлена их деятельность в целом. Иначе говоря, деятельность животных фактически определяется воздействием уже со стороны

128

отдельных вещей (пища, преграда), в то время как психическое отражение действительности остается у них отражением связей отдельных свойств,

отражением элементарно-сенсорным.

В ходе дальнейшей эволюции это несоответствие разрешается путем изменения ведущей формы отражения и дальнейшей качественной перестройки общего типа деятельности животных; совершается переход к новой, второй стадии развития психики.

Стадия элементарной сенсорной психики охватывает собой огромное число зоологических видов. Из этого, однако, не следует, что деятельность и чувствительность у всех этих животных одинакова или что между ними существуют только количественные различия. С одной стороны, при рассмотрении разных линий эволюции отчетливо намечаются различные типы деятельности и соответственно чувствительности животных {например, своеобразный зщепной тип деятельности и чувствительности насекомых и пауков с преобладающей ролью видового опыта), с другой стороны, по восходящей эволюционной линии столь же ясно намечаются различные ступени внутростадиального развития, так что при переходе к позвоночным наблюдается уже значительное усложнение поведения животных, происходящее вместе с усвершенствованием их анатомической организации – сливанием нервных стволиков в спинной мозг, сближением чувствительных ганглиев и формированием переднего мозга; к этому моменту развития устанавливаются и основные нервные физиологические процессы. Таким образом, дальнейшее развитие анатомического субстрата психической деятельности может быть адекватно представлено уже как развитие структуры собственно мозга животных.

Одну из предпосылок возникновения новой высшей стадии в развитии психики и составляют отмеченные нами анатомо-физиологические особенности позвоночных; другой основной предпосылкой этого является происходящее при переходе позвоночных к чисто наземному существованию все большее усложнение внешней среды – внешних условий их жизни. Это, однако, не более чем предпосылки поэтому понять необходимость возникновения качественно новой формы психики мы можем только, исходя из найденного нами внутреннего несоответствия, внутреннего противоречия, которое и находит свое разрешение в происходящем скачке развития. („„)

Изменение в строении деятельности животных, которое следует отметить при переходе к млекопитающим, заключается в том, что уже наметившееся раньше содержание ее, объективно относящееся не к самому предмету, на который направлена деятельность животного, но к тем условиям, в которых этот предмет дан, теперь выделяется. Оно уже не связывается для животного с тем, что побуждает его деятельность в целом, но отвечает специальным

5-1704

(29

воздействиям. Иначе говоря, в деятельности млекопитающих, как и в описанном выше поведении рыбы в условиях перегороженного аквариума, мы можем выделить некоторое содержание, объективно определяемое не пищей, на которую она направлена, но перегородкой; однако, в то время, как у рыб при последующем убиении перегородки это содержание деятельности (обходные движения) сохраняется и исчезает лишь постепенно, млекопитающие сообразуют свое поведение с изменившимися условиями. Значит, воздействие, на которое направлена деятельность этих животных, уже не связывается у них непосредственно с воздействием этих животных со стороны преграды; то и другое выступает для них раздельно; от воздействия со стороны предмета зависит направление деятельности, а от воздействия со стороны условий – то, как она осуществляется, т. е. способ ее осуществления, например обход препятствия. Это особое содержание деятельности, определяемое условиями, в которых дан ее предмет, и выражающиеся в способе ее осуществления, мы будем называть операцией.

Выделение операции является, с нашей точки зрения, фактом капитального значения, ибо он указывает на то, что воздействующие на животное свойства внешней действительности начинают разделяться и далее связываться между собой теперь уже не в простые комплексы или цели, но в сложные интегрированные единства.

Это основное изменение, происходящее при переходе к млекопитающим животным, может быть схематически выражено следующим образом.

Первоначально, то есть на стадии элементарной сенсорной психики, деятельность животного определяется основным воздействием на него свойством а (отношением а:д); данное свойство, однако, не является, конечно, единственным воздействием ем, испытываемым животным. С одной стороны, сам предмет его деятельности воздействует на животное – по крайней мере на более высоких ступенях этой стадии – также и еще целым рядом своих свойств: а₅, а_г > а_з, . . . , то есть выступает для животного не только, например, обонятельно, но и зрительно, и своими вкусовыми свойствами. С другой стороны, предмет деятельности животного неизбежно дан в тех или иных

условиях, которые в свою очередь воздействуют на животное; обозначим эти воздействия буквами p_1, p_2, \dots, p_n и T_1, T_2, \dots, T_n и V_1, V_2, \dots, V_n и т. д., в каких же взаимосвязях и отношениях отражаются животными все эти многочисленные воздействия? Это видно из того, как строится по отношению к ним деятельность животного, то есть как она афферентирована, а об этом особенно ясно можно судить по ее динамике.

Обратимся раньше к тому, как строится деятельность беспозвоночных и низших позвоночных животных в отношении.....1

к побуждающим ее воздействиям типа a . Приведенные нами данные ясно показывают, что среди этих воздействующих свойств всегда выделяется какое-нибудь одно свойство, на которое

130

и направляется деятельность животного; в некоторых случаях это ведущее (в прямом смысле слова) воздействие меняется в ходе процесса; деятельность приобретает тогда сложный, «цепной» характер. Какую же роль выполняют при этом остальные воздействия? Принципиальная роль их, очевидно, совершенно одинакова: они обеспечивают «прилаживание» к внешнему пространству, то есть осуществление функции, которая у высших животных выполняется striatum'ом (первый подуровень уровня «пространственного поля» по Н. А. Бернштейну) и. Таким образом, все они равноправны, соположены и одинаково подчинены ведущему, например, обонятельному воздействию; они образуют как бы его фон, фон иногда достаточно пестрый, но всегда единый, сплошной.

Иначе афферентирована деятельность высших позвоночных животных. Как мы видели, прежде рядоположенные воздействия теперь разделяются: часть элементов, прежде входивших в общий «фон», выступает теперь как не принадлежащие ведущему воздействию; они определяют не направление, но способ деятельности. Во внешней среде для животного выделяется, следовательно, нечто, что не есть предмет ее деятельности. Но это значит, что выделяются и те воздействующие свойства, которые образуют другой полюс — полюс предмета деятельности; происходит, следовательно, их отделение от остальных «фонов» воздействий и объединение вокруг ведущего воздействия. Если на предшествующей стадии развития соотношение различных воздействий, по их объективной роли в построении деятельности животного могло быть передано в схеме:

Рис. 7 то на этой новой стадии оно должно быть изображено так:

Рис. 8

Что же выражает собой это основное изменение, совершающееся при переходе к высшим позвоночным с точки зрения развития отражения, то есть, если мы будем рассматривать соответствующие сенсорные явления в отношении к вызывающей их объ-

'' См.: Бернштейн И. Л. О построении движений и их систематизации по неврофизиологическому признаку, 1939 (рукопись).

ективной действительности? Оно, конечно, выражает собой не что иное, как переход от отдельных ощущений к восприятию целостных вещей,

Этот переход связан с фундаментальным морфологическим изменением. Оно состоит в начинающемся быстром развитии переднего мозга и дифференциации мозговой коры с образованием сенсорных зон, которым присуща именно интегративная функция; возникает новый, кортикальный уровень построения движений.

Итак, на этой новой стадии развития для животного выступают, с одной стороны, взаимосвязанные свойства, характеризующие предмет, на который направлена его деятельность, а с другой стороны — свойства предметов, определяющие способ деятельности, операцию. Если на стадии элементарно-сенсорной психики дифференциация воздействующих свойств была связана с простой их координацией вокруг доминирующего воздействия, то теперь, в соответствии с этим новым типом строения деятельности, впервые возникают процессы предметной интеграции воздействующих свойств, то есть их объединение как свойств одной и той же вещи. Эта новая стадия развития характеризуется, следовательно, способностью отражения внешней объективной действительности уже не в форме отдельных ощущений или их совокупности, но в форме образов вещей, составляющих среду животного. Мы называем эту стадию стадией перцептивной психики.

Переход к стадии перцептивной психики/то есть выделение в деятельности животных нового специфического содержания — операции и перестройки восприятия, которое становится теперь образным, может быть адекватно выражен как изменение предмета деятельности. Теперь предметом деятельности животного впервые может стать целостная вещь; соответственно целостные

вещи, а не отдельные воздействия, приобретают для животного инстинктивный смысл. Не вибрация, не распространяющийся запах и т. п. побуждают, направляют, ведут его деятельность; ее побуждает и ведет именно целостная вещь, могущая воздействовать на животное то одним, то другим своим свойством.

Паук замечает добычу по вибрации, по вибрации он выделяет и самку (Хольцапфель, 1935)¹²; достаточно снять возможность ощущения вибрации, чтобы соответствующая деятельность паука сделалась невозможной – иначе у млекопитающих животных. Для них вещи тоже выступают в определенных доминирующих своих свойствах; однако для собаки имеют одинаковый инстинктивный смысл и раздавшееся завывание волка, и запах его следов, и показавшийся с подветренной стороны силуэт зверя. У млекопитающих объединение воздействующих свойств одной и той же вещи происходит иначе, чем ассоциация свойств, не связанных

Hotzapfel M. Experimentelle Untersuchung über das Zusammenfinden der Geschlechter bei der Trichterspinnne *Agelena labyrinthica* // Zeitschrift für vergleichende Physiologie, XXII, 5, 1935. S. 656, 132

между собой в конкретное материальное единство. Это не требует новых доказательств: достаточно вспомнить общеизвестное различие в протекании у высших позвоночных процесса образования связей в случае так называемых «натуральных» и «искусственных» условных рефлексов. Так, например, нейтральный запах, примешиваемый непосредственно к самой вливаемой кислоте, может стать условным раздражителем даже после одного сочетания; тот же запах, подаваемый отдельно, с помощью особого прибора, вступает в условную связь с кислотой лишь после 10–20 сочетаний (опыты Нарбутович, по Павлову). Еще резче это различие выступает при сравнении образования условных рефлексов на искусственные комплексные раздражители {например, звук 4" мелькающий свет – форма} с образованием реакции животного на натуральный предмет, одновременно выступающий перед животным многими своими сторонами. Переход к стадии перцептивной психики, как и вообще всякий межстадиальный переход, конечно, нельзя представить себе как простую смену структуры деятельности и формы психического отражения животными окружающей их внешней деятельности. С одной стороны, прежние формы удерживаются, хотя перестают быть единственными и подчиняются новым высшим формам; все же при известных условиях они могут быть отчетливо обнаружены. Например, в классических опытах с образованием у собаки условных рефлексов именно изолированный раздражитель становится тем, на что направлена ее деятельность в целом. Происходит, по выражению И. П. Павлова, «чистая замена» этим раздражителем соответствующих воздействий со стороны предмета; животное в этом случае «может лизать вспыхивающую лампу, может как бы хватать ртом, есть сам звук, при этом облизываться, щелкать зубами, как бы имея дело с самой пищей. Таким образом, собака обнаруживает здесь отношение, характерное для элементарно-сенсорной стадии; но этим, конечно, мы обязаны особым условиям эксперимента.

С другой стороны, новообразования этой новой стадии также и не исчезают вовсе в ходе последующего развития; например, операций, как и образное восприятие, конечно, сохраняются на всем протяжении дальнейшей эволюции, хотя и вступают в более сложное строение деятельности и в более высокоразвитые формы психического отражения действительности. Поэтому, переходя к рассмотрению некоторых специальных вопросов, возникающих в связи с характеристикой перцептивной психики, мы будем в некоторых случаях привлекать данные исследования также и таких животных, которых мы склонны рассматривать как стоящих на следующей, еще более высокой стадии развития. Первая специальная проблема, с которой мы сталкиваемся, рассматривая факты поведения животных на стадии перцептивной психики, – это проблема навыков. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт. 5-е изд. 1932. С. 463.

133

Выделение операции, характеризующее эту стадию, дает начало развитию новой формы закрепления опыта животных, – закреплению в форме двигательных навыков в собственном, узком значении этого термина.

Нередко навыком называют любую двигательную связь, возникшую в процессе индивидуального опыта. Однако при таком расширенном понимании навыка это понятие становится крайне расплывчатым, охватывающим огромный круг совершенно различных процессов, начиная от изменения реакции у инфузорий и кончая сложными действиями человека. В противоположность такому, ничем научно не оправданному расширению понятия навыка, мы называем навыками только закрепленные* фиксированные операции.

Это определение навыка совпадает с пониманием навыков, выдвигаемых у нас В. П. Протопоповым¹³ который экспериментально показал, что двигательные навыки у животных формируются из двигательных элементов преодоления

воспринимаемой преграды и что содержание навыков определяется характером самой преграды, стимул же (т. е, основное побуждающее воздействие) влияет на навык только динамически (на быстроту и прочность закрепления навыка), но на его содержании (форме) не отражается¹⁴.

Двигательные элементы, входящие в состав навыков жи-вотных, могут иметь различный характер: это могут быть как движения прежде приобретенные, так и движения, впервые в данной ситуации формирующиеся; наконец, это могут быть движения нижележащих уровней, которые участвуют в процессе осуществления закрепляющейся операции в качестве ее компо-нент.

Ясно выраженные навыки в собственном смысле наблюдаются впервые лишь у жеотных, имеющих кору головного мозга. Поэтому анатомической основой образования навыков следует, по-видимому, считать механизм образования именно кортикаль-ных нервных связей.

Собственно навыки (*skilled movements, handfertigkeiten*) – это не только сложившиеся, но и закрепленные операции, в чем же заключается самый процесс их закрепления? Он представляет собой не что иное, как процесс автоматизации, возникающий в результате передачи движений, их *retombement* (Бианки) на нижележащий неврологический уровень и, следовательно, необходимо связан с изменением их коррекционных механизмов – ведущей афферентации и эффекторных аппаратов. Этот ниже-жащий уровень должен обладать следующими чертами: во-первых, иметь хотя и иную, но также обязательно внешне-обращенную, с участием дистантных рецепторов афферентацию, и, во-вторых, быть непосредственно независимым от общей ин-

Протопопов В. П. Условия образования моторных навыков и их физиологи-ческая характеристика. Изд. УИЭМ, 1935.

134

стинктивно-биологической направленности деятельности животно* го, сохраняя иерархическую подчиненность ей лкшь через свою связь с высшим ведущим уровнем.

Как указывает в своем специальном исследовании Н. А. Берн-штейн, автоматизация движений «предметного» уровня происхо-дит путем их передачи на уровень «пространственного поля», то есть навык реализуется либо премоторными полями коры, либо яг другом подуровне – *striatum*'ом, т. е. в обоих случаях на основе афферентации со стороны воздействия внешней ситуации. (Хотя на более низких ступенях эволюции позвоночных анатоми-ческая локализация этих уровней, благодаря перемещению функций в процессе прогрессивной перебрацииз\ неизбежно будет иной, однако общая их характеристика, конечно, будет той же,) Это полностью согласуется с нашим положением» что навыки представляют собой одно из новообразований именно данной стадии развития. Действительно, у беспозвоночных и у низших позвоночных животных тот уровень, который Н. А. Бернштейн называет уровнем «пространственного поля», является, как мы видели, не только высшим, но и единственным дистантно афферентированным уровнем построения движений, ибо ниже-жащий уровень является у них уже уровнем проприомоторики, уровнем синергии (соответствующим уровню паллидарных движе-ний у человека); поэтому единственно возможная у них автоматизация движений (образование квази-нвыка) заключае-тся в передаче их на проприоцепцию, что блестяще подтвержда-ется всей совокупностью известных нам экспериментальных фактов; достаточно вспомнить, например, насекомых» для которых научиться возвратному пути и значит научиться проделывать его, образно говоря, «вслепую» (опыты Бэте, Вагнера и др.).

Вторая выдвигаемая нами особенность навыков в собственном смысле, отграничивающая их от других динамических образов а* ний,– приобретаемая независимость от основного направления деятельности в целом – также находит свое подтверждение в неврофизиологических и невропатологических данных. Так, например, при деменции, шизофрении, поражении передних лобных долей, при идеаторной апраксии навыки, как известно, сохраняются. Характеризуя навыки по неврофизиологическим признакам, Н. А. Бернштейн прямо указывает, что сами они не включают в себя никакую определяющую смысловую компоненту, что в содержащихся в них уровнях построения движений и их ведущих афферентациях нет мотивов, т. е. воздействий, побужда-ющих деятельность. Таким образом, данные нашего генетического зоопсихологического исследования и в этом отношении полностью согласуются с современными научными физиологическими пред-ставлениями.

Итак, рассматривая навык как специфическое новообразова-ние второй выбленкой нами стадии развития – стадии перцеп-тивной психикиГмы как бы возвращаемся к отвергнутой нами попытке видеть в способности образования навыков, в дрессуре

135

(Бголер) признак определенного генетического этапа. В действи-тельности мы, конечно, полностью сохраняем свои первоначаль-ные позиции: понятие навыка как формы, или механизма, любого изменения поведения под влиянием индивидуального опыта не имеет с развиваемым нами положением решительно ничего общего; это – одно из тех понятий, традиционное, чрезмерно широкое значение которых должно быть, с нашей точки зрения, вообще отброшено. В предшествующем изложении мы имели возможность отгра-ничить истинные процессы образования истинного навыка с двоя* кой стороны: от процесса образования и изменения связей типа а – а и от образования проприомоторных связей типа «patterns. Нам остается выделить еще один род связей, которые отличаются от навыков тем, что они фиксируются не в результате автоматиза-ции, то есть перехода движения на нижележащий уровень из уровня ведущей афферентации, но с самого начала формируются на этом низшем уровне. Мы снова воспользуемся для этого данными исследования воспитания двигательных навыков у человека со всеми теми, разумеется, оговорками, которые при этом надлежит сделать.

В опытах В. И. Ленина (1939) испытуемые ставились перед задачей образовать навык последовательных движений на многоклавишном аппарате, для чего первоначально испытуемый должен был руководствоваться последовательно зажигающимися у каждого из клавишей лампочками; эти «обучающие» сигналы подавались автоматически и всегда в одном и том же порядке; в контрольных опытах сигнализация, конечно, выключалась. Однако с обычной инструкцией эти опыты проводились только с одной группой испытуемых. Другая же группа испытуемых ставилась перед задачей (в тех же объективных условиях) в ответ на вспыхивание лампочки нажимать возможно скорее на соответствующий клавиш. Таким образом, в первом случае последовательность движения входила в стоящую перед испытуе-мым задачу в качестве условия, во втором же случае она лишь фактически наличествовала в движении, но не составляла условия задачи. Соответственно в первом случае последовательность воспринималась испытуемым, и лишь затем движение начинало подчиняться ей автоматически, в то время как во втором случае последовательность с самого начала служила лишь «фоновым» компонентом движения и не участвовала в ведущей его аффе-рентации. В результате повторения опытов требуемые двигатель-ные связи образовались у обеих групп испытуемых, так что движение в целом могло быть воспроизведено ими и при условии выключения лампочек, то есть «наизусть». Однако даже самый поверхностный анализ показывает полную несхожесть между собой тех процессов, которые сформировались в условиях эксперимента с первой и со второй группой испытуе-мых. В первом случае, то есть в случае образования собственно навыка, требовалось всего 10–25 повторений, во втором же

136

случае – иногда до 400 и даже до 500 повторений. В первом случае сформировавшийся навык обнаруживал при переучива-нии (введение новых элементов, устранение некоторых прежних) обычную лабильность, во втором случае зафиксировавшиеся связи обладали крайней инертностью, ригидностью, они. почти н& поддавались видоизменению; обладающие этими свойствами двигательные связи, очевидно, вообще не могут иметь никакого значения в осуществлении поведения, протекающего в есте-ственных и, следовательно, всегда изменчивых условиях¹⁵. Таким образом, мы можем дать характеристику навыка, как и самой операции, еще в одной, новой форме, которая была нам подсказана данными только что цитированного исследования: это – процессы, всегда отвечающие задаче, то есть направленные на воспринимаемые условия, в которых дан предмет деятельности и которые определяют ее способ. Наоборот, процессы, не отвечающие никакой задаче, не суть навыки и не могут служить ни их генетическим, ни их функциональным эквивалентом. {.,,)

Вместе с изменением строения деятельности животных и со-ответствующим изменением формы отражения ими действительно-сти происходит перестройка также и их мнемической функции. Прежде, на стадии элементарной сенсорной психики, она выражалась в моторной сфере животных в форме изменения под влиянием внешних воздействий движений, связанных с побуждаю-щим животное воздействием, а в сенсорной сфере в закреплении и связи отдельных ощущений. Теперь на этой более высокой стадии развития мнемическая функция выступает в моторной сфере в форме двигательных навыков, а в сенсорной сфере – в форме примитивной образной памяти.

Еще большие изменения претерпевают при переходе к перцеп-тивной психике процессы дифференциации и обобщения впечатле-ний воздействующей на животных внешней среды.

Уже на первых ступенях развития психики можно наблюдать процессы дифференциации и объединения животными отдельных воздействий. Если, например, животное, прежде одинаково реагировавшее на различные звуки,

поставить в такие условия, что только один из них будет связан с тем или иным биологически важным воздействием, то другой постепенно перестанет вызывать у него какую бы то ни было реакцию. Происходит дифференциация этих звуков между собой; животное реагирует теперь избирательно. Наоборот, если с одним и тем же биологически важным воздействием связать целый ряд разных звуков, то животное будет одинаково отзываться на любой из них; они приобретут для него одинаковый биологический, инстинктивный смысл. Происходит их генерализация, примитивное их обобщение.

'5 леши, В. //, «Своєр|дн|сть рухових навнчок залежно В|д умов їх утвореня*. Науч. зап. Харьк» пед. ин-та. Кафедра психологии, 1939, с- 37 (Укр.; на русск.: Ленин В. И. Своеобразие двигательных навыков в зависимости от условий их образования).

137

Таким образом, в пределах стадии элементарной, сенсорной психики наблюдаются процессы как дифференциации, так и обобщения животными отдельных воздействий, отдельных воздействующих свойств. При этом можно заметить, что эти процессы определяются не абстрактно взятым соотношением воздействий, но зависят и от самой деятельности животного. Поэтому то, будучи ли животные легко дифференцировать между собой данные, объективно различные воздействия или нет, произойдет и как скоро произойдет их генерализация, зависит не только от степени и характера их абстрактно взятого объективного сходства, но прежде всего от их конкретной биологической роли. Так, например, как известно, пчелы достаточно легко дифференцируют сложные формы, близкие к формам цветка, но гораздо хуже выделяют даже ясно различающиеся отвлеченные формы. Поэтому абстрактное изучение так называемой «эквивалентности» стимулов, предложенное Клувером (1933), не представляет, с нашей точки зрения, сколько-нибудь серьезного психологического интереса; в его теоретической основе лежит ложное представление о том, что процессы генерализации или дифференциации впечатлений прежде всего зависят от неких имманентных самому восприятию животного особенностей¹⁶.

Главное изменение в процессе дифференциации и обобщения при переходе к перцептивной психике, выражается в том, что у животных возникает дифференциация и обобщение образов вещей.

Проблема возникновения и развития обобщенного отражения вещей представляет собой уже гораздо более сложный вопрос, на котором необходимо остановиться специально.

Образ вещи отнюдь не является простой суммой отдельных ощущений, механическим продуктом многих одновременно воздействующих свойств, принадлежащих объективно разным вещам А и В:

Рис. 9

Для возникновения образа необходимо, чтобы воздействующие свойства а, б, в, г, ,, at et с, d~. выступили именно как образующие два различных единства (Л и В), т. е, необходимо, чтобы произошла дифференциация между ними именно в этом отношении. Это значит также, что при повторении данных воздействий в ряду других прежде выделенное единство их должно быть воспринято как та же самая вещь. Однако при неизбежной изменчивости

Klittver и. Behavior mechanisms in monkeys, 1933. 138

среды и условий самого восприятия это возможно лишь в том случае, если возникающий образ вещи является обобщенным.

Как мы уже видели, собака, действующая по отношению к рычагу, запирающему выход из клетки, при известных условиях выделяет его. Если перенести теперь рычаг в другую обстановку (ситуацию), тоже требующую преодоления преграды, то животное находит рычаг и осуществляет соответствующую операцию» то есть ударяет по нему лапой (Протопопов, опыты Хильченко, Харьков, 1931).

В опытах А. В. Запорожца (1939) с молодым котом на высокой, стоящей посередине комнаты, деревянной подставке помещалась приманка; к одной из ее сторон пододвигался стул. Животное безуспешно пробовало влезть на подставку прямо по ее вертикальной стенке, как бы не замечая стоящего вблизи стула. Этот предмет не выделен для нее. После этого стул пододвигался вплотную к окну и животное приучалось влезать по нему на подоконник/Спустя некоторое время, первый опыт снова повторяется; теперь животное для того чтобы достать с подставки приманку, безошибочно пользуется стоящим рядом с ним стулом¹⁷.

В описанных случаях мы наблюдаем двоякие взаимосвязанные процессы: процесс переноса операции из одной конкретной ситуации в другую, объективно сходную с ней, и процесс выделения, формирования обобщенного образа вещи. Возникая вместе с формированием операции по отношению к данной вещи и на ее основе (ср, эксперимент с собакой, выделяющей рычаг), обобщенный образ этой вещи позволяет в дальнейшем осуществиться переносу операции в новую ситуацию; в

этом процессе, благодаря изменению объективно-предметных условий деятельности, прежняя операция вступает в некоторое несоответствие, противоречие с ними и поэтому необходимо видоизменяется, перестраивается.

Соответственно перестраивается, уточняется

и вбирает в себя новое содержание также и обобщенный образ данной вещи, что в свою очередь приводит в дальнейшем к возможности переноса операции в новые предметные условия, требующие еще более точного и правильного их отражения в психике животного, и т. д.

Таким образом, восприятие здесь еще полностью включено во внешние двигательные операции животного, в которых оно вступает в непосредственный контакт с вещами. Обобщение и дифференциация, синтез и анализ происходят при этом в одном и том же едином процессе, осуществляющем приспособление животного к сложной и изменчивой вещевой среде.

Развитие двигательных операций и восприятия вещной среды, окружающей животное, характеризующее стадию перцептивной психики, внутренне связано с возникновением на этой стадии

Запорожец А, В, Уч, зап. Харьк. лсд. ин-та. 1040.

Г 39

развития одного весьма своеобразного вида деятельности, а именно – игры. В чем же заключается значение игры, впервые появляющейся на этой стадии развития психики? При каких условиях она возникает, чем она отличается от неигровой деятельности и почему ее появление связано именно с данной стадией развития? Если не ограничиваться рассмотрением домашних животных, но присмотреться к животным, живущим в естественных природных условиях, то нужно отметить прежде всего, что игра имеет место только у молодых животных. Что же представляет собой эта форма деятельности? Эта форма деятельности замечательна тем, что она не приводит к удовлетворению той или другой конкретной биологической потребности. Предмет, на который направлена игра, не является тем, что удовлетворяет потребности животного, например его потребности в пище. В то же время по своему содержанию эта деятельность включает в себя такие черты, которые типичны для деятельности взрослых животных, направленной именно на удовлетворение той или иной потребности. Молодое животное осуществляет движения преследования, но при этом не преследует никакой реальной добычи, осуществляет движения нападения и борьбы, но при этом никакого реального нападения не происходит. Мы в таких случаях говорим: животное не вступает в борьбу, но играет. Не ловит другое животное, но играет с этим животным, и т. д. Значит, в игре происходит своеобразное отделение процесса от обычных его результатов. Что же составляет содержание игровой деятельности животных, что побуждает и направляет ее? Оказывается, что игровая деятельность отвечает совершенно реальным условиям, воздействующим на животное, и имеет в себе нечто, совпадающее с тем, что мы наблюдаем в неигровой деятельности того же самого рода. Эта та

система операций, навыков, которые очень близки друг к другу и в игровой, и в неигровой деятельности животного. Значит, в игре операция отделяется от деятельности и приобретает самостоятельный характер; Вот почему игра может впервые возникнуть только у тех животных, деятельность которых включает в себя операции, то есть только у животных, стоящих на стадии перцептивной психики; у нижестоящих животных никакой игры не существует.

В силу чего может возникнуть игровая деятельность? Она возникает в силу того, что молодые млекопитающие животные развиваются в условиях, при которых их естественные потребности удовлетворяются безотносительно к успешности действия самого животного. Молодое животное накормлено животным-матерью и не нуждается в том, чтобы с первых дней своей жизни самостоятельно разыскивать, преследовать, схватывать и убивать добычу, Молодое животное защищено сильным старым животным и не испытывает необходимости в том, чтобы вступать в реальную борьбу с противником. Вмешательство в приспособительную деятельность молодых животных взрослого животного приводит к тому, что она развивается вне связи с ее

непосредственными

140
результатами, то есть именно со стороны формирования тех операций и навыков, которые лишь затем выступят как способы биологически необходимой, определяемой ее реальным предметом, деятельности. В естественных условиях, вырастая, животное перестает играть. «Взрослые животные, – замечает Бойтендейк (1933), – воспринимают и делают только то, что необходимо, что определено жизненной необходимостью»¹⁸.

Мы специально отмечаем момент возникновения игры у животных, стоящих на стадии перцептивной психики, так как происходящее в игре отделение операции от деятельности, направленной на предмет, отвечающей определенной конкретной биологической потребности, является одной из важнейших

предпосылок для перехода к новой, высшей стадии.

IV, ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ ЖИВОТНЫХ

Большинство млекопитающих животных остаются, по-видимому, на стадии перцептивной психики, однако наиболее высокоорганизованные из них поднимаются еще на одну ступень развития. Эту новую высшую ступень мы будем называть, вслед за другими авторами, стадией интеллекта.

В основе перехода к этой стадии лежит развитие главных особенностей, присущих животным, стоящим на стадии перцептивной психики. Вместе с совершающимся в ходе эволюции морфофизиологическим прогрессом наблюдается огромное усложнение и количественное развитие операций, приводящее ко все более полному и расчлененному восприятию животными окружающей их среды, — внешняя ситуация, в которой действует животное, все более и более заполняется для него выделяющимися в процессе его деятельности вещами.

Возникающая при переходе к стадии перцептивной психики интеграция воздействующих на животное свойств действительно-сти, первоначально приводящая к возникновению лишь немногих образов отдельных вещей, образующих воспринимаемую животным предметную ситуацию, постепенно создает все более «многообразное» ее отражение. (. . .) Иначе говоря, деятельность животного протекает теперь не только по отношению к вещи, воспринимаемой в ее целостности, но и среди воспринимаемых им вещей, объективные отношения которых составляют данную ситуацию; вместе с тем сама деятельность животного продолжает по-прежнему определяться не этими отношениями, не ситуацией, но той или иной отдельной вещью, которая и выступает в качестве ее предмета, так что она полностью сохраняет свое прежнее принципиальное строение. Операция, как и раньше, не может отделиться в обычных случаях от той деятельности, в которой она сформировалась, и не может

Buytendiik F. Wesen imd Sinn des Spiels. 1933. S, 53.

141

быть перенесена в другую деятельность — по отношению к предмету, имеющему для животного другой инстинктивный смысл. Поэтому там, где объективные условия требуют такого переноса, животное обнаруживает иногда поразительную, на первый взгляд, «недогадливость».

Таким образом, на границе этой новой стадии¹ так же, как и на границе стадии элементарно-сенсорной психики, мы наблюдаем появление известного несоответствия, известного противоречия между еще оставшимся относительно простым строением деятельности в целом, с одной стороны, и весьма усложнившимися, весьма развитыми процессами, составляющими ее внутренние компоненты, — с другой. И здесь, так же, как при переходе к стадии перцептивной психики, это несоответствие разрешается путем качественного изменения деятельности и связанной с ней формы психического отражения окружающей деятельности.

В чем же состоит это качественное изменение строения деятельности при переходе к стадии интеллекта? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся вновь к фактическим данным исследований.

Напомним один из наиболее сложных опытов, поставленных Келлером с шимпанзе.

В вольере, где жили обезьяны, ставился ящик, который с одной стороны представлял собой решетчатую клетку, а с другой стороны имел узкую продольную щель. У задней стенки этого ящика клался плод, ясно видимый и через решетку передней его стенки, и через щель сзади. Расстояние приманки от решетки было таким, что со стороны решетки рука обезьяны непосредственно дотянуться до нее не могла. Со стороны же задней стенки, то есть через щель, приманку также нельзя было достать, так как рука обезьяны равным образом не дотягивалась до плода. Вблизи задней стенки клетки в землю вбивался прочный кол, к которому с помощью не очень длинной цепи прикреплялась палка.

Единственная возможность решить эту задачу заключается в том, чтобы просунуть палку сквозь щель задней стенки ящика и оттолкнуть от него плод к передней решетке, через которую он может быть потом взят уже просто рукой. Животное, приблизившись к клетке и заметив плод, раньше пыталось достать его через решетку. Затем оно обходило ящик и пыталось вынуть плод через щель. Следующей попыткой было достать плод через щель с помощью палки.

Наконец, животное

с помощью палки просунутой в щель, отталкивало плод от себя и делало обходное движение, чтобы взять его со стороны решетки¹.

О чем же свидетельствует возможность решения человекоподобными обезьянами задач этого типа?

Я. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян

142

Келер и идущие за ним авторы считают, что в его основе лежит сочетание обоих моментов: <ктогадки> животного и переноса найденного прежде решения. Таким образом, этот факт обычно рассматривается как не имеющий принципиального значения. С этой точки зрения для того чтобы понять все своеобразие интеллектуальной деятельности обезьян, достаточно объяснить главный факт: факт внезапного нахождения животным способа решения задачи. В ходе дальнейших исследований эта проблема была перевернута. Была выдвинута другая и в известном смысле противоположная точка зрения на значение обоих выделенных Келером основных фактов, С этой точки зрения обезьяна не потому способна легко переносить в другие условия раз найденное решение, что она находит его внезапно, как бы по догадке, по «усмотрению», но наоборот: ее поведение потому и имеет иногда вид как бы руководимого внезапной догадкой, что обезьяна способна широко переносить свои видовые или индивидуально приобретенные способы деятельности в изменившиеся условия. Именно потому, что эти новые условия в опытах значительно отличаются от естественных условий, перенос способа действия обычно достаточно затруднителен для обезьян и нужны особо благоприятные условия (например, нахождение плода и палки в едином поле зрения животного), чтобы он мог произойти. Однако, раз совершившись, он обогащает соответствующее обобщение у животного и в дальнейшем перенос данной операции совершается уже гораздо легче. Значит, интеллектуальное «решение» представляет собой не что иное, как применение в измененных условиях прежде выработанного способа действия. Такой перенос способа действия отличается, следовательно, от обычного переноса операций у многих животных только тем, что он происходит в очень широких границах. Более пристальное наблюдение поведения животных в опытах Келера подтверждает это объяснение, Так, например, оказывается, что обезьяна, впервые употребляющая палку для доставания плода, вовсе не с самого начала заводит палку за плод, но ограничивается простым приближением палки к плоду, как бы воспроизводя обычную связь ветки и плода. Остальное определяется случайным успехом движения при повторении этой попытки. Лишь впоследствии обезьяна переходит к уверенным движениям заведения палки за плод, то есть действительно научается употреблять палку как нечто, несвязанное механически с плодом. Другие факты еще более выразительно указывают на этот же самый момент. Так, если обезьяна располагает двумя или тремя палками, но каждая из них недостаточно длинна для того, чтобы достать плод, то животное поступает следующим образом: она толкает сначала одну палку к дели, а затем вторую, пытаясь осуществить зрительно воспринимаемую связь между плодом и своей рукой.

из

На основании этих фактов было высказано множество соображений, сводившихся к тому, что обезьяна вообще руководствуется в своем поведении зрительными связями, а не механическими отношениями². Это положение хотя и отражает действительные факты, но, однако, не вскрывает в сущности самого процесса и отнюдь не противоречит приведенному выше объяснению. Итак, согласно этому пониманию интеллектуального поведения обезьян, главные его признаки выделенные Келером, должны быть соотношены друг с другом в "обратном порядке. Не факт переноса найденного решения следует объяснять особым его характером (внезапность), но, наоборот, сам факт внезапного решения экспериментальной задачи нужно понять как результат способности этих животных к широкому переносу операций. Такое понимание интеллектуального поведения обезьяны хорошо согласуется с некоторыми фактами и обладает достоинством, что оно не противопоставляет интеллект животного его индивидуальному или видовому опыту, не отделяет интеллект от навыка. Однако это понимание интеллектуального поведения встречается и с серьезными затруднениями. Прежде всего ясно, что ни формирование операции, ни ее перенос не могут служить отличительными признаками поведения высших обезьян, так как оба этих момента свойственны также животным, стоящим на предшествующей стадии развития. Оба этих момента мы наблюдаем, хотя в менее яркой форме, и у низших млекопитающих животных, и у птиц. Получается, что различия в деятельности и психике между этими животными и человекоподобными обезьянами сводится к чисто количественному различию: более медленное или более быстрое формирование операции, более узкие или более широкие переносы; но ведь поведение человекоподобных обезьян особенно резко отличается от поведения низших млекопитающих именно в качественном отношении. Наконец, приведенное выше понимание интеллекта животных оставляет нераскрытым самое главное, а именно, что же представляет собой наблюдаемый у обезьян «широкий» перенос и в чем заключается его психологическое объяснение.

Итак, и эта концепция интеллекта не в состоянии удовлетворительно ответить

на основные вопросы, поставленные изучением высших животных. Самое же важное заключается в том, что сблизив интеллектуальное поведение антропоидов с поведением нижестоящих животных, она, с другой стороны, вновь «де-интеллектуализировала» его, т. е. затушевала его качественное своеобразие и вырыла этим новую пропасть: пропасть между интеллектом животного и мышлением человека.

Положение это было выражено Кёлером, Липманом и др. неточно: имелась в виду, очевидно, возможность обезьяны руководствоваться только такими механическими отношениями, которые могут быть адекватно восприняты непосредственно зрительно.

144

Новое, третье решение проблемы интеллекта животных (мы отвлекаемся сейчас от других, мало отличающихся от первых двух или явно научно несостоятельных концепций) вытекает из анализ соответствующих фактов с позиций развиваемой нами общей* концепции развития психики.

С точки зрения этой концепции, для того чтобы решить проблему интеллекта, необходимо еще раз поменять местами указанные Кёлером особенности интеллектуального поведения животных и сделать исходным для анализа третий характерный факт, не имеющий, по мнению Кёлера, принципиального значения, — способность обезьян решать двухфазные задачи.

В двухфазных задачах с особой силой обнаруживается двухфазность и самой деятельности животного. Нужно раньше достать палку, потом достать плод, нужно раньше оттолкнуть плод от себя, а затем обойти клетку и достать его с противоположной стороны. Само по себе доставание палки приводит к овладению палкой, а не привлекающим животное плодом.

Это — первая фаза. Вне связи со следующей фазой она лишена какого бы то ни было биологического смысла. Это есть фаза приготовления. Вторая фаза — употребление палки — является уже фазой осуществления деятельности, направленной в целом на удовлетворение той или иной биологической потребности животного. Но если с этой точки зрения подойти к решению обезьянами любой из тех задач, которые давал им Кёлер, то оказывается, что каждая из них требует также двухфазной деятельности. Взять палку — и приблизить к себе плод, отойти от приманки — овладеть приманкой, пододвинуть ящик — достать плод и т. д. Это, конечно, не просто механически соединенные между собой процессы: первый из них подготавливает возможность осуществления второго.

Каково же содержание обеих этих фаз деятельности обезьяны? Первая, подготовительная фаза, внутренне связана, очевидно, не с самим тем предметом, на который она направлена, например не с самой палкой. Если обезьяна увидит палку в ситуации, которая требует не употребления палки, но, скажем, обходного пути, то она, конечно, не будет пытаться взять ее. Значит, эта фаза деятельности не есть обычная, формирующаяся в данной деятельности, операция: она связана не с палкой, но с объективным отношением палки к плоду. Реакция на это отношение и есть не что иное, как приготовление дальнейшей, второй фазы деятельности — фазы осуществления.

Что же представляет собой эта вторая фаза? Она направлена уже на предмет, непосредственно побуждающий животное, и строится в зависимости от определенных объективно-предметных условий. Она включает, следовательно* в себя ту или иную операцию и поэтому может иметь и нередко действительно имеет форму простого навыка.

Таким образом, при переходе к третьей, высшей стадии развития животных, наблюдается новое усложнение в строении

145

деятельности. Прежде слитая в единый процесс деятельность раскалывается теперь на две фазы: фазу приготовления и фазу осуществления. Наличие фазы приготовления и составляет характерную черту интеллектуальной деятельности. Интеллект возникает, следовательно, впервые там, где возникает процесс приготовления возможности осуществить ту или иную операцию или навык (Леонтьев, Запорржец, 1938),

Таково в самом общем, разумеется, своем виде выдвигаемое нами гипотетическое решение проблемы. Наша ближайшая задача состоит в том, чтобы, отложив пока обсуждение вопроса о конкретном этапе эволюции животных, на котором впервые возникает интеллектуальная деятельность» попытаться развить эту гипотезу и вместе с тем подвергнуть ее возможно более разносторонней проверке.

Раскол деятельности на две взаимосвязанные, переходящие одна в другую, но, с другой стороны, не сливающиеся друг с другом фазы прежде всего обозначает собой возможность выделения операции, сформировавшейся в одной деятельности и переноса ее в другую деятельность, протекающую совсем в иных условиях.

Такого рода перенос отличается от переноса операции, наблюдаемого у низших млекопитающих, не только своей «широтой», не только количественно, но и качественно; назовем его интеллектуальным переносом.

Нетрудно увидеть, что описываемые исследователями антропоидных обезьян случаи решения задач хотя и опираются на их прежний опыт, на уже прежде сформированные операции или навыки, как это правильно отмечают большинство современных авторов, однако самый характер использования обезьяной ее прежнего опыта заключает в себе нечто совершенно особенное* Это впечатление и создается благодаря действительно свое-образию интеллектуального переноса у обезьян прежде сформированных операций и навыков; способные теперь выделиться в деятельности, они сохраняют, как и прежде, свою зависимость от ее предмета, но не от задачи. Поэтому общность задачи, то есть не только предмета деятельности, а также и тех условий, в которых он дан, уже не является необходимым для возможности осуществления переноса. Любимый пример, взятый из классических опытов с обезьянами, может об этом свидетельствовать. Особенно же ясно это видно в тех случаях, когда животное как раз не в состоянии решить задачу, когда никакой перенос не удается и вся его деятельность сводится к безуспешным провам.

Обратимся к классическому сравнению в такой сверхтрудной ситуации обезьяны и курицы. Нет надобности повторять обще-известное описание поведения последней; это – поведение по методу «trial and error», состоящее из ряда отдельных движений, переходящих одно в другое и постепенно возвращающихся, пока, наконец, они не угасают вовсе. Совершенно иначе ведет себя в подобной ситуации обезьяна. Она тоже делает пробы, но это не пробы различных движений, а прежде всего пробы различных

146

операций, способов деятельности, Так, имея дело с запертым ящиком, обезьяна раньше пробует привычную операцию нажатия на рычаг; когда это ей не удается, она пытается грызть угол ящика; потом применяется новый способ: проникнуть

в ящик через щель дверцы, затем следует попытка отгрызть рычаг* которая сменяется попыткой выдернуть его рукой; наконец, когда и это не удается, она применяет последний метод: пробует перевернуть ящик Эта особенность поведения обезьян, которая заключается в том, что они способны решать одну и ту же задачу многими способами, особенно специально подчеркиваемая Бой-тендейком, представляется нам важнейшим доказательством того, что у них, как и у других животных, стоящих на этой же стадии развития, операция перестает быть неподвижно, связанной с деятельностью, отвечающей определенной задаче, и для своего переноса не требует, чтобы новая задача была сходна с прежней.

Новое отношение, устанавливающееся у высших млекопитающих между операцией, задачей и предметом, не менее ясно обнаруживает себя также в весьма остроумных сравнительных экспериментах В. Фишеля (1935).

Работая с рептилиями (*Chelydra serpentina*) и высшими млекопитающими (собака), этот автор пользовался установкой, сконструированной по типу проблемного ящика с возможностью двойного решения, причем каждое из них, требовавшее достаточно сложной операции, приводило к различному результату (различная приманка). Если дверца ящика открывалась толканием от себя, то в этом случае открывалась приманка *b* другая же приманка, скрываясь за поднимающейся дверцей, становилась недоступной; если же дверца открывалась вбок, то тогда, наоборот, обнаруживалась приманка *a*, приманка же *b* отодвигалась за пределы досягаемости животного. И у рептилии, и у собаки вырабатывались оба требуемых навыка. При этом только один из навыков (способов) приводил к предпочитаемой пище. Проблема, поставленная исследованием, и заключалась в том, чтобы выяснить, может ли животное подчинить операцию пище, то есть предмету, на который направлена его деятельность, а не задаче в целом, которая оставалась в этих опытах, конечно, всегда одинаковой.

Как и следовало ожидать, данные этих опытов показывают, что в то время как собака избирает операцию в соответствии с предпочитаемой ею пищей, рептилия не в состоянии этого сделать, то есть ее навыки не отделяются от задачи и, следовательно, при возможности употребить любой из них, применение того или другого зависит от случайных обстоятельств

4

l thijffeiulijk F. Consideration de psychologic comparer- // Arch.

Neerlandaises de Physiologie. 1920. T. V. P. 82.

4 Fischel W, Experiments with two goals and two possibilities of action // Journal of Comparative Psychology. 1935. XIX, N 3, P. 333.

147

Попытаемся рассмотреть теперь интеллектуальную деятельность со стороны особенностей отражения внешней действительности в психике животных.

В своем внешнем выражении первая, основная, фаза интеллектуальной деятельности направлена на подготовку второй ее фазы, то есть объективно определяется последующей деятельностью самого животного. Значит ли это, однако, что животное и имеет в виду свою последующую операцию, что, следовательно, животное способно отобразить, представить ее себе? Такое предположение является ничем не обоснованным. Первая фаза отвечает объективному отношению между вещами. Это — то отношение вещей и должно быть отражено, обобщено животными. Значит, переход к стадии интеллекта форма психического отражения животными окружающей действительности изменяется в том смысле, что возникает отражение не только отдельных вещей, но и их отношений. {...) —

Соответственно с этим меняется и характер обобщений животных. Животное обобщает теперь отношения и связи вещей. Эти обобщения животных формируются, конечно, так же, как и обобщенное отражение ими отдельных вещей, то есть в самом процессе переноса.

Появление на стадии интеллекта возможности восприятия к обобщения отношений может в свою очередь не внести новые черты в деятельность животного в ее целом: это и находит свое выражение в развитии у обезьян так называемой «ориентировочно-исследовательской деятельности» (Н, Ю, Войтонис). {...) Рассматривая интеллектуальную деятельность, мы отвлеклись от вопроса о том, у каких животных может быть впервые обнаружен интеллект. Теперь нам надлежит специально рассмотреть этот вопрос.

Нельзя, разумеется, ожидать, что переход к стадии интеллекта совершается как переход к двухфазной деятельности, которая сразу же становится доминирующей в поведении животного. Скорее, наоборот, можно думать, что интеллектуальная деятельность первоначально обнаруживается у животных далеко не во всех тех случаях, когда она объективно возможна; наличие интеллекта у животного вовсе не исключает преобладания у него поведения, остающегося на стадии перцептивной психики⁵, (...),

Экспериментальные данные... — позволяют говорить о том, что нижние ступени стадии интеллекта ограничиваются по одной линии низшими обезьянами, а по другой — собакообразными и кошкообразными; что же касается линии эволюции копытных животных, то недостаточность данных по большинству видов делает какое бы то ни было суждение о них пока весьма затруднительным.

⁶ Мысль о том, что обычно животное не использует наивысших своих возможностей, в силу чего мы недооцениваем его интеллект (гипотеза о «запасном уме»), была высказана А. Н. Северцевым (Эволюция и психика. М. Ф. 1922. С. 44),

148

Внутри этой высшей третьей стадии — стадии интеллекта, как и внутри предшествующих стадий, мы равным образом должны констатировать наличие известного развития интеллектуальной деятельности и существование различных ее типов.

Если ограничиться рассмотрением внутретадиального развития лишь по основной эволюционной линии (приматы), то главнейшие изменения, которые могут быть здесь отмечены, заключаются, с одной стороны, во все большем усложнении операций, составляющих фазу приготовления, а с другой стороны — в появлении полифазности, то есть такой деятельности, в которой фаза приготовления может сама состоять из двух, а может быть и более, фаз. Таковы, например, решаемые антропоидами трехфазные задачи, построенные по схеме: достать короткую палку (1), с помощью ее достать более длинную палку (2), а этой более длинной палкой достать плод (3).

Разумеется, описанные изменения не захватывают, однако, ни принципиального строения деятельности животных, ни соответствующей этому строению формы психического отражения. Деятельность даже высших, наиболее развитых представителей приматов, как и свойственная им форма психического отражения внешней действительности, остается глубоко ограниченными. «Раскол» деятельности, который мы констатируем у животных, стоящих на верхних ступенях биологической эволюции, приводит к выделению «фазы приготовления», но выделение этой фазы никогда не превращается в пределах животного мира в отделение ее от дальнейшего процесса, который представляет собой «фазу осуществления». Только в играх молодых обезьян или обезьян, содержащихся в неволе, можно иногда наблюдать операции приготовления, не отвечающие никакой непосредственно данной возможности осуществить в дальнейшем деятельность по отношению к предмету, удовлетворяющему ту или иную биологическую потребность животного, то есть имеющему для него тот или иной биологический смысл, — так же точно, как только в играх мы наблюдаем впервые отделение операции от задачи. Это, по-видимому, имеет, как мы уже отмечали, определенное прогенетическое значение, но, конечно, ничего еще не меняет в пределах

данной стадии развития; и на этой высшей стадии деятельность животных

остается по-прежнему связанной инстинктивным смыслом своего предмета. Ограниченность интеллектуальной деятельности животных находит свое отражение и в содержании их адаптивных процессов. Именно потому, что фаза подготовления подчиняется вместе с деятельностью в целом, в которую она входит как ее неотделимая часть, инстинктивному смыслу, она не может иметь своим содержанием задачу, лежащую в самих условиях; приспособляясь к сложным предметным (вещным) ситуациям и используя наличные предметные условия, животные, однако, не способны активно изменять их. Это объясняет целый ряд экспериментальных фактов, указывающих на парадоксальную, на первый взгляд,

149

трудность, которую представляют для обезьян некоторые относительно простые задачи. (...)

Каков же предельно доступный животным уровень развития их интеллекта и не появляются ли при переходе к человекоподобным обезьянам качественно новые особенности интеллектуальной деятельности? Нет, разумеется, никакого сомнения в том, что именно у человекоподобных мы встречаем самую высокую степень развития психики* но эта ступень, вопреки часто высказываемому мнению, все же остается в пределах описанной нами стадии. Внимательный анализ весьма многочисленных теперь данных о поведении этих наиболее высокоорганизованных животных показывает, что принципиальное строение их деятельности, как и свойственная им форма отражения внешней действительности, сохраняются теми же, что и у остальных приматов, хотя и усложняются чрезвычайно.

Иногда качественное отличие поведения антропоидов от низших обезьян пытаются увидеть в способности употребления последними так называемых орудий», что якобы сближает их деятельность скорее с человеческой деятельностью, чем с деятельностью настоящих животных. Это – глубокое заблуждение. В его основе лежат, насколько мы могли это установить, судя по приводимым аргументам, три главных момента.

Первый из них составляет фактически неточное указание на то, что употребление «орудий» свойственно исключительно антропоидам. Как показано И. Биеренс-де-Хааном (1931) и Г. Клувером (1933), а у нас – В. П. Протопоповым (1935) и Р. С. Рогинским (1939), использование, например, палки у низших обезьян лишь затруднено! но отнюдь не невозможно, о том, что эта деятельность действительно свойственна им, а не является для них случайной, искусственно построенной в эксперименте – подозрение, которое не лишено оснований, если присмотреться к деталям опытов, – совершенно категорически подтверждено исследованием Клувера (1937), в цитируемом исследовании различные опыты, приведенные прежде с низшими обезьянами, были затем повторены с ними через большой промежуток времени (2–3 года), на протяжении которого животные вовсе не упражнялись в решении соответствующих задач. Полученные данные показали, что, в то время как некоторые приобретенные прежде навыки у них утратились, операция доставания плода с помощью палки осуществлялась сразу же, не требуя восстановительного периода \ Этот факт запоминания «раз к навсегда» употребления палки

6 Bierens de Haan 5. Werkzeuggebrauch imd Werkzeugherstellung bei einem niederen Affen // Zeitschrift für vergleichende Physiologie, 1931. V. 13. 5, 639; Kluver N. Behavior mechanism in monkeys. Chicago, 1933; Протопопов В. П. Условия образования моторных навыков, 1935; Рогинский Р. «Образование навыков у низших обезьян. Труды гос-лн-та по изучению мозга им* В. М. Бех-терева. Л., 1939. Т. IX, С. 155.

7 Kluver И. Re-examination of implemēt behavior in a Celus monkey after an interval of three years // Ada Psychologica / ed. by G. Revesz. Hague, 1937, P. 347,

150

с совершенной очевидностью показывает, что оно не является у этих животных результатом образования простого навыка, но что оно формируется у них так же, как у антропоидных обезьян.

Второй момент, на который опирается идея общности «орудийного» {в действительности – квазиорудийного) поведения антропоидов и человеческого, подлинно орудийной деятельности, это – описанные у антропоидов факты изготовления орудий». Знаменитое определение человека как «tool-making animal», данное Франклином, укрепляет в нашем сознании значение этих фактов. Однако именно эти факты являются наименее неясными. Для доказательства того, что обезьяны действительно изготавливают свои «орудия», охотнее всего поверхностно цитируют данные Келера; однако при этом отвлекаются от целого ряда весьма важных обстоятельств, которые резко ограничивают этот вывод. Сам Келер действительно рассматривал процессы изготовления орудий как процессы того же рода и вида, что и другие изучавшиеся у обезьян интеллектуальные

процессы, но при этом термин «изготовление орудий» (werkzeugherstellung) употреблялся им весьма широко, что он специально и оговаривает. Если же принять этот термин в его более точном и узком значении, то оказывается, что те факты, к которым он может быть отнесен в этом случае (например, составление длинной палки из более коротких), как раз свидетельствуют о совершенно своеобразном протекании процесса изготовления «орудий», совсем ином, чем доставание плода палкой и т. п. Приведем точное описание опыта с Султаном: 1) животное начинает с «плохих» ошибок, пробуя доставать ящиком; 2) пытается достать приманку одной тростинкой, далее подталкивает ее второй тростинкой, причем это повторяется много раз; 3) наблюдатель оказывает помощь животному, вдвигая на глазах последнего указательный палец в отверстие одной из тростинок; 4) животное теперь небрежно играет тростинками, не обращая более внимания на приманку; «при этом случайно получается, что оно держит перед собой в каждой руке по тростинке и именно так, что они лежат на одной линии»; 5) животное, наконец, соединяет тростинки и начинает действовать ими по отношению к приманке; 6) на следующий день он снова начинает с подталкивания одной тростинки с помощью другой, как во втором случае; 7) наконец, воспроизводит правильное решение. Совершенно очевидно, что процесс этот идет существенно иначе, чем, например, нахождение обходного пути или простое употребление палки. Он гораздо больше зависит от случайности, главное же – процесс первого складывания тростинок происходит, как это ясно указывает и сам автор, вне всякого отношения к дальнейшей деятельности и, следовательно, не возникает в качестве одной из ее фаз («фазы подготовления»). Поэтому мы отнюдь не склонны переоценивать значение этих фактов, а тем более видеть в них доказательство качественного своеобразия поведения антропоидов; пристальный анализ этих фактов говорит о том, что так называемый процесс «изготовления

151

орудий» обнаруживает черты, которые, наоборот, сближают его с протеканием сложной приспособительной деятельности у более низкостоящих животных. Наконец, третья и, пожалуй, самая главная причина, ведущая к чрезмерному и поэтому должному сближению «орудийной» деятельности антропоидов с человеческой деятельностью, заключается в недостаточном учете специфики последней. В частности, и сами человеческие орудия являются принципиально иными, чем квазиорудия животных.

Различие между ними состоит вовсе не только в том, что животные употребляют свои «орудия» в более редких случаях, чем первобытные люди. Их различие тем не менее может быть сведено к различиям в их материальной форме. Наконец, различие между «орудиями» животных и орудиями человека не может заключаться и в психологических предпосылках самого процесса их употребления; ведь в обоих случаях отношение употребляемого средства к предмету деятельности должно быть как-то обнаружено и отражено в психике субъекта.

Гораздо более существенное отличие внешних средств, употребляемых животными, по сравнению с орудиями человека, заключается в том, что они лишены устойчивого, фиксированного за ними значения, в то время как человеческие орудия имеют всегда определенную функцию; что поэтому животные не изготавливают заранее и не хранят своих «орудий», словом, не делают их предметом своего отношения, в то время как человек вступает в отношение к орудию именно как к таковому, что доказывается тем простым фактом, что он начинает их производить. Однако и эти различия, взятые сами по себе, ничего еще не в состоянии нам объяснить и, наоборот, в свою очередь нуждаются в объяснении.

Действительно, отличие человеческих орудий от квазиорудий животных мы можем вскрыть, лишь обратившись к объективному рассмотрению самой той деятельности, в которую они включены.

Как бы ни была сложна орудийная деятельность животного, она никогда не имеет характера общественного процесса, она не совершается коллективно и не определяет собой отношения* общения осуществляющих ее индивидов. Как бы, с другой стороны, ни было сложно инстинктивное общение между собой индивидов, составляющих данное животное сообщество, оно никогда не строится на основе их «производительной» деятельности, не зависит от нее, ею не опосредствовано. Поэтому только в человеческом труде возможно истинное орудие. Орудие и есть предмет, особенность которого заключается в том, что посредством его осуществляются трудовые действия, трудовые операции. В этом и состоит главное отличие настоящего, человеческого орудия от квазиорудий животных. Палка, с помощью которой действует обезьяна, и палка в руках человека, осуществляющего процесс труда, это – глубоко различные по

своей природе вещи. Орудие человека есть не только предмет, имеющий определенную

152

форму и обладающий определенными свойствами. Это также предмет, имеющий определенный способ употребления, который выработан общественно, выработан в процессе труда и который закреплен за ним. Поэтому, например, топор, когда мы рассматриваем его как орудие, а не просто как физическое тело, это не только две соединенные между собой части – та часть, которую мы называем топором, и часть, которая является собственно топором. Это, кроме того, тот общественно выработанный способ действия, те операции, которые материально оформлены, как бы кристаллизованы в нем. Поэтому овладеть орудием вовсе не значит обладать им, но это значит, овладеть тем способом действия, развитие которого его породило и средством осуществлению которого оно является.

«Орудия» животных тоже осуществляют известный способ действия, однако этот способ не закрепляется, не фиксируется за ними* В этот самый момент, когда палка выполнила в руках обезьяны свою функцию, она снова превращается для нее в безразличный предмет. Она не становится носителем данной функции, данной операции. Вот почему животные не хранят своих орудий и заранее не изготавливают их. Наоборот, человеческое орудие – это то, что специально изготавливается или отыскивается, что хранится человеком и само хранит в себе осуществимый им способ действия, который вырабатывается общественно, в совместной трудовой деятельности людей.

Таким образом, только рассматривая орудия человека в специфике его деятельности, мы открываем их действительное отличие от квазиорудий животных. Животные действуют «орудием», осуществляя свои инстинктивные, биологические отношения к предметам их непосредственных потребностей; человек употребляет орудие для достижения сознательной цели, что и определяет самый способ его употребления. У животного его «орудие» подчиняется инстинктивным способам действия; в нем животное находит только физическую возможность осуществления своей инстинктивной деятельности, как, например, притягивание к себе плода. Поэтому даже искусственным специализированным человеческим орудием обезьяна действует лишь в ограниченных пределах способов своей инстинктивной деятельности. Наоборот, в руках человека нередко простейший природный предмет становится настоящим орудием, то есть осуществляет подлинно орудийную операцию.

У животных орудие» не содержит никакой новой деятельности, никаких новых операций, оно подчиняется их естественным движениям, в систему которых оно включено; у человека происходит обратное: сама его рука включается в общественно выработанную и фиксированную в орудии систему операций и ей подчиняется. Вот почему, если применительно к обезьяне можно

11 см.: Гальперин /7+ Я. Психологическое различие орудий у человека и вспомогательных средств у животных и его значение. Диссертация. Харьков»

1936.

153

сказать, что естественное развитие ее руки определило собой возможность употребления ею палки в качестве средства, то в отношении человека можно утверждать, что сама его орудийная деятельность создала специфические особенности его руки.

Мы готовы полностью согласиться с теми, кто видит истинный пафос исследования антропоидных обезьян в раскрываемой ими истории приготовления человеческой, общественной по своей природе, деятельности. Вместе с ними мы готовы настаивать на генетической преемственности, существующей между психикой этих ближайших к человеку животных и психикой человека. Мы, однако, не можем не видеть и того, что переход к человеку обозначил собой основной переломный пункт развития, – скачок, противопоставивший человеческую жизнь и человеческое сознание жизни и психике животных. Это и определяет собой наши позиции в конкретном сравнительном анализе психологических особенностей высших животных и человека.

Мы особенно подчеркиваем эту сторону потому, что вопрос о верхней границе развития психики животных нередко затемняется благодаря наличию в современной зоопсихологии неправомерных тенденций, теоретическую основу которых составляет именно недооценка специфически человеческого в самом человеке и объективных условиях его жизни.

Хотя эти тенденции имеют одну и ту же сторону, они выражаются весьма различным образом*

В свое время Кёлер предупреждал будущих исследователей психики человекоподобных обезьян против чрезмерного усложнения эксперимента. Это понятно. Усложняя экспериментальную ситуацию путем введения в нее человеческих предметов и, что еще важнее, человеческих отношений, легко создать ряд эффективных

артефактов, которые могут дезориентировать исследователя и еще более – читателя. („,„).

Благодаря огромной трудности предварительного анализа экспериментальной ситуации и в особенности анализа роли в ней самого экспериментатора, едва ли вообще можно вовсе избежать в зоопсихологическом исследовании высших животных психологи-ческих артефактов. Все дело в том» чтобы их увидеть и отделить то, что только вызвано к жизни экспериментом, от того, что им искусственно создано. При этом условия построение экспери-ментального артефакта может приобрести и положительное значение в качестве метода исследования возможностей животно-го; не следует только преувеличивать роль этого метода. Эксперимент, даже систематически повторяющийся, не в состоя-нии вызвать действительного сдвига в развитии; его результаты можно скорее сравнить с влиянием дрессировки и приручения, чем с влиянием процесса одомашнения, подлинно преобразующего животное.

Психология домашних животных – это важнейшая, но еще не написанная глава зоопсихологии. Поэтому сейчас мы можем понять содержание процесса одомашнивания только в самом

154

общем его виде, По замечательной мысли Л. Фейербаха, он состоит в том, что «нечто человеческое становится предметом для животного»- Или, иначе говоря, человеческое приобретает смысл для животного. Именно это – стойкость сдвига инстинктивных смыслов, а вовсе не приобретаемые новые навыки и не простое развитие тех или иных функций и даже не изменение строения Деятельности в целом, существенно отличает одомашненное животное.

Неверно думать, что, например, деятельность собаки во время охоты состоит в постоянно прерываемом и поэтому всегда безуспешном добывании пищи; если это было бы так, то эта деятельность угасла бы у нее вовсе, В действительности на охоте ее деятельность направлена к хозяину, а не на дичь; дичь для нее – условие, определяющее задачу, а ее преследование – операция, отвечающая этому условию. Грубо говоря, она охотится не ради дичи, а ради хозяина; вспомним, что большинство охотничьих собак не едят дичи, а знаменитый «кусочек», порой получаемый из рук хозяина в награду во время охоты, обычно съедается ею из простой «вежливости». Поэтому, вопреки всем физиологическим правилам, перед охотой собака должна быть хорошо накормлена; с голодными животными работают только укротители и плохие дрессировщики. Домашнее животное беспомощно без человека вовсе не потому, что оно физически слабее, чем его дикие сородичи или что его органы чувств притупились, но потому, что многие предметы природной среды перестали для него существовать; их заменил человек и созданный им мир человеческих предметов. (...)

Высшие животные обладают интеллектом. Это значит, что им свойственна способность психического отражения внешних связей и отношений тех объективных вещей, среди которых они живут, примитивное обобщение и анализ этих отношений, потому что такова их деятельность, осуществляющая их жизнь*

Это значит, далее, что н сама деятельность высших животных способна подчиниться во внешним связям и отношениям субъ-ективных вещей, способна строиться в соответствии с этими связями и отношениями, раскалываясь и обращаясь одной из своих фаз на лишенную для животного побудительности вещь именно в силу воспринимаемой связи ее с другой вещью¹ потому что такова свойственная им форма психического отражения внешней, окружающей их объективной действительности.

Выделение в деятельности фазы приготовления и составляет существенную характеристику этой высшей стадии развития психики в животном мире – стадии интеллекта.

Интеллект животных принципиально отличается от мышления человека.

Перефразируя классический тезис Кёлера, можно сказать, что разумное поведение, которое мы находим у животных, не того же самого рода, что у человека. И все же в интеллекте животных лежат корни человеческого разума. Разве не является мыслительная деятельность человека лишь грандиозной, беско-

155

нечно усложненной внутренними теоретическими операциями «фазой приготовления, способной отделяться от фазы осуще-ствления, которая становится теперь фазой ее практической проверки?

Эта стадия – стадия интеллекта – завершает собой развитие психики в животном мире. („,„)

Если окинуть единым взглядом путь, который проходит это развитие, то отчетливо выступает закономерная зависимость психики животных от типа их деятельности. При этом развитие психического отражения животными окружающей их внешней действительности как бы отстает от развития их деятельности.

Так, простейшая деятельность, определяемая объективными связями воздействующих свойств действительности и соотносящая животное со сложной вещно-оформленной средой, обуславливает развитие элементарных ощущений, которые отражают лишь отдельные воздействия. Более сложная деятельность позвоночных, определяемая вещными соотношениями, вещными ситуациями, связана с отражением отдельных вещей. Наконец, когда на стадии интеллекта в деятельности животных выделяется «фаза подготавливания», объективно определяемая возможностью дальнейшей деятельности самого животного, то форма психики характеризуется отражением вещных соотношений, вещных ситуаций.

Таким образом, развитие формы психического отражения является по отношению к развитию строения деятельности животных как бы сдвинутым на одну ступень вниз, так что между ними никогда не бывает прямого соответствия. Точнее говоря, это соответствие может существовать лишь как момент, обозначающий собой переход развития на следующую, высшую ступень, ибо уничтожение этого несоответствия, этого противоречия путем возникновения новой формы отражения раскрывает новые возможности деятельности, которая благодаря этому перестраивается, в результате чего вновь возникает несоответствие и противоречие между ними.

В основе этого сложного процесса развития лежит формирование «естественных орудий деятельности животных – их органов и присущих им функций. Эволюция органов и функций, осуществляющих процессы, связанные с психическим отражением внешней среды, и составляет содержание тех изменений, которые, происходя внутри каждой данной стадии развития деятельности и психики животных, постепенно подготавливают переход к новой, высшей стадии.

Происходящее при этом переходе изменение самого строения деятельности и психики в свою очередь создает условия для дальнейшей эволюции этих органов и функций животных, теперь обычно идущей в новом направлении.

Так, например, функция памяти формируется на стадии элементарной сенсорной психики, с одной стороны, как функция закрепления связей отдельных воздействующих свойств среды, а с другой стороны – как функция закрепления простейших двигательных связей; эта же функция на стадии перцептивной

психики развивается в форме образной памяти, а с другой стороны – в форме приобретения двигательных навыков; наконец, на стадии интеллекта ее развитие идет еще в одном, новом направлении – в направлении развития памяти на соотношения, на ситуации. Подобные же качественные изменения наблюдаются и в развитии других психофизиологических функций. Рассматривая развитие психики животных, мы подчеркивали прежде всего те различия, которые существуют между отдельными ее формами. Теперь нам необходимо выделить то общее, что характеризует эти различные формы и что делает деятельность животных и их психику качественно отличными от человеческой деятельности и от человеческого сознания.

Первое отличие всякой деятельности животных от деятельности человека состоит в том, что она является деятельностью инстинктивной. Пользуясь этим термином, хотим сказать только то, что деятельность животного может существовать лишь по отношению к предмету жизненной, биологической потребности или, точнее, по отношению к воздействующим свойствам, вещам или их соотношениям (ситуациям), которые для животного приобретают биологический смысл. Поэтому всякое изменение деятельности животных выражает собой лишь изменение фактического воздействия, побуждающего данную деятельность, а не самого отношения животных. Так, например, в обычных опытах с воспитанием условного рефлекса на световой сигнал у собаки, конечно, не возникает никакого нового отношения; у нее вовсе не появляется потребности в свете и если она отвечает теперь на световой сигнал, то лишь в силу того, что этот сигнал приобрел для нее смысл пищи, то есть действует на нее так же, как само пищевое вещество,

Если проанализировать любую из многообразных деятельностей животного, то всегда можно установить определенное инстинктивное отношение, которое она осуществляет и, следовательно, найти лежащую в ее основе биологическую потребность –

Итак, деятельность животных всегда остается в пределах их инстинктивных, биологических отношений к природе. Это –

верховный закон деятельности животных. В связи с этим возможности психологического отражения животными окружающей их действительности также являются принципиально ограниченными. В силу того что животное вступает во взаимодействия с многообразными, воздействующими на него вещами, перенося на них свои биологические отношения, они отражаются в его психике лишь теми своими сторонами и свойствами, которые связаны с осуществлением этих отношений.

Так, например, если для сознания человека треугольник выступает безотносительно к наличному отношению к нему и характеризуется прежде всего объективно – количеством углов и проч., то для животного, способного различать формы, он может выделиться лишь в том случае, если он приобретает для него тот или иной биологический смысл – смысл пищи, угрозы и т. п. При этом эта выделенная из ряда других форма будет отражаться животным неотделимо от соответствующего осуществляющегося биологического отношения и в зависимости от него.

Если у животного не существует инстинктивного отношения к данной вещи или к данному воздействующему свойству, то в этом случае и сама вещь как бы не существует для животного. Оно обнаруживает в своей деятельности безразличие к ней, и хотя она и может быть предметом его восприятия, но, однако, никогда при этих условиях не становится им. Поэтому мир, воспринимаемый даже наиболее высокоразвитыми животными, и по сравнению с миром, воспринимаемым человеком, должен казаться настоящей пустыней.

«Всякая животная жизнь... ограничена и связана с совершенно определенными качествами. Ее круг существования узок, а над ее интересами господствует естественная нужда в пище, половое влечение и т. д.» (Гегель).

У животных не существует деятельности, которая не отвечала бы той или другой прямой биологической потребности, которая не вызывалась бы воздействием, имеющим для животного инстинктивный смысл предмета, удовлетворяющего данную его потребность, и которая не была бы направлена своим последним звеном непосредственно на этот предмет. У животных, следовательно, инстинктивный предмет их деятельности и инстинктивный же мотив всегда слиты, всегда совпадают между собой и ни при каких обстоятельствах не могут быть разделены. Иначе говоря, в деятельности животных то, на что она направлена (предмет деятельности), и то, что извне побуждает данную деятельность, в чем находит себя биологическая потребность животного {мотив ее), всегда совпадают между собой. Именно этим и объясняется ограниченность воспринимаемого животным мира узкими рамками их инстинктивных отношений. Поэтому в противоположность человеку у животных не существует и подлинного объективно-предметного отражения действительности. Можно сказать, что животные существуют в мире инстинктивных предметов.

С другой стороны, если для животного всякое воздействие внешней деятельности всегда выступает неотделимо от его инстинктивной потребности, то понятно, что и само отношение к нему животного, конечно, тоже никогда не выступает для него как таковое, само по себе, в отдельности от своего предмета. Это также составляет противоположность тому, что характеризует сознание человека. Когда человек вступает в то или иное отношение к вещи, то он отличает, осознает в их отдельности, с одной стороны, объективный предмет своего отношения, а с другой – само свое отношение к нему. Такое именно разделение и не существует у животных. «Животное, – говорит Маркс, – не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение не существует как отношение» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. М., 1933. Т. IV. С 21),

158

Поэтому если мы говорим, что всякая вещь выступает для животного как инстинктивный предмет, то можно сказать и наоборот: их инстинкты всегда предметны,

В связи с этой чертой мы должны отметить и еще одну существенную черту психики животных, качественно отличающую ее от человеческого сознания. Эта черта состоит в том, что отношения животных к себе подобным принципиально таковы же, как и их отношения к другим внешним объектам, то есть тоже принадлежат к кругу их инстинктивных биологических отношений. Поэтому в мире животных не существует общества. Мы можем наблюдать деятельность нескольких, иногда многих, животных вместе, но мы никогда не наблюдаем у них деятельности совместной, совместной в том смысле, в каком мы употребляем это слово, говоря о деятельности людей.

Вопреки описанному Крауфордом (1937)⁹ трогательному сотрудничеству молодых шимпанзе, которому они были специально обучены, это ясно видно и у наиболее высокоорганизованных животных. Если сразу перед несколькими обезьянами поставить задачу, требующую положить ящик на ящик для того, чтобы влезть на них и этим способом достать высоко подвешенный банан, то каждая из них действует, не считаясь с другими. Поэтому при таком «совместном» действии нередко возникает борьба за ящик, столкновения и драки между животными, так что в результате «предмет спора» уничтожается, а постройка так и остается невозведенной, несмотря на то* что каждая обезьяна умеет, хотя и не очень ловко, нагромождать один ящик на другой и взбираться по ним вверх.

Вопреки этим фактам нередко указывают на то, что у некоторых животных

наблюдается своеобразное «разделение труда». Такое «разделение труда» известно, например, у пчел, у муравьев и у целого ряда других животных. В действительности, однако, во всех этих случаях вообще не существует какой бы то ни было разделенной деятельности. У названных животных отдельные особи выполняют в сообществе разные функции, но в основе их разделений лежат непосредственно биологические моменты; это доказывается и строго фиксированным характером самих функций (например, «рабочие пчелы строят соты и проч., матка откладывает в них яички»), и строго фиксированным характером их смены (например, последовательная смена функций у «рабочих» пчел). Различие выполняемых животными в сообществе функций определяется, следовательно, биологическими причинами, а не объективными условиями их «производства».

Из того факта, что все виды совместной деятельности животных остаются в пределах их инстинктивных биологических отношений, вытекает, что их взаимоотношения друг с другом не обречены никакого нового качества по сравнению с их отношениями-

Л[. Р., The Cooperative Solving Problems by young Chimpanzees // Compar. Psychol. Monographs, 1937. v. 14.

159

ми к другим природным явлениям. Для животных, строго говоря, не существует себе подобных; для них существует лишь окружающая природа, к которой они относятся в соответствии с наличными у них биологическими потребностями. А так как эти потребности неустойчивы, имеют свои циклы и то вспыхивают на некоторое время с особенной силой, то вновь угасают, то и взаимоотношения животных друг с другом также необыкновенно изменчивы. Достаточно, чтобы произошел сдвиг в цикле внутренних биологических процессов и соответствующих потребностей животного, и его отношение к другим особям может резко измениться.

Ранней весной, в период прилета водоплавающей дичи, утка, увидев издали летящего селезня или услышав характерный свист его крыльев, поспешно выплывает на чистую воду и испускает громкие призывные звуки- Она устремляется навстречу селезню. Но проходит всего несколько дней, и поведение теперь уже оплодотворенной утки резко меняется. При приближении селезня она забивается в заросли и тщательно скрывает свое присутствие. Теперь селезень приобретает для нее новый смысл: это - враг, встречи с которым нужно избегать, от которого нужно прятаться.

Отношения животного не закрепляются и не удерживаются за предметом независимо от актуального состояния его потребностей. У животных есть память, но у них нет памяти на их собственные отношения. В этом смысле правильно указывают, что животные не имеют прошлой жизни и поэтому живут также вне будущего (Келер).

Особенности взаимоотношений животных друг с другом определяют собой и особенности их «речи». Как известно, общение животных выражается нередко в том, что одно животное воздействует на других с помощью звуков голоса. Это и дало основание говорить о речи животных. Указывают, например, на сигналы, подаваемые сторожевыми птицами другим птицам стаи. К журавлям, опустившимся на луг или на болото, трудно подойти именно в силу того, что достаточно крайней птице стаи заметить приближение хищного животного или человека, как она издает пронзительный крик и с шумным хлопаньем крыльев поднимается на воздух, а в ответ на это снимается и вся журавлиная стая.

Имеет ли мы, однако, в этом случае процесс, похожий на речевое общение человека? Некоторое внешнее сходство между ними, несомненно, существует. Внутренне же эти процессы в корне различны. Человек выражает в своей речи некоторое объективное содержание и отвечает на обращенную к нему речь как на звуко сочетание, устойчиво связанное с определенным явлением, подобное, например, треску сучков, предупреждающему путника, идущего по лесной чаще, о приближении крупного животного или другого человека, но именно как на своеобразное отражение некоторой реальности.

Совсем другое дело мы имеем в случае голосового общения животных. Легко показать, что животное, реагирующее на голос

160

другого животного, отвечает не на то, что объективно отражает данный голосовой сигнал, но отвечает на самый этот сигнал, приобретший для него определенный инстинктивно-биологический смысл. Так, в нашем примере крайняя птица стаи замечает реальный предмет, угрожающий ей, и производит ряд движений, в том числе и движения своего голосового аппарата. Остальные птицы реагируют на этот голосовой сигнал как на звук, при-обретший смысл опасности, а вовсе не на само явление, которое объективно лежит за данным

сигналом.

Как показывает внимательный анализ данных специальных исследований (Р. Иеркс и Б- Лернед, 1925, Ф. Бойтендейк и В. Фишель, 1934 и др-)\1(\ принципиально такими же по своему характеру остаются и голосовые проявления даже у наиболее высокоразвитых животных, у собак и человекоподобных обезьян. Новая черта, которая отчетливо проявляется, например, у собак, заключается лишь в том, что воздействующая на животное речь человека меняет свое структурное место в его деятельности; оно может теперь входить в ситуацию как одно из условий задачи.

Итак, общение животных и по своему содержанию, и по характеру осуществляющих его конкретных процессов также полностью остается в пределах их инстинктивной деятельности.

Совсем иную качественно форму психики, характеризующуюся совершенно другими чертами, представляет собой психика человека – человеческое сознание.

Переход к человеческому сознанию, в основе которого лежит переход к человеческим формам жизни, к человеческой, обще* ственной по своей природе, деятельности, связан не только с изменением принципиального строения деятельности и возникновением новой формы отражения действительности. Сознание человека не только освобождается от тех черт, которые общи всем рассмотренным нами стадиям психического развития животных, и не только приобретает новые, невозможные в животном мире черты, но – самое важное – с переходом к человеку меняется и самый тип прогресса дальнейшего развития психики. Если на ,всем протяжении животного мира теми общими законами, которыми определялись законы развития психики, были законы биологической эволюции, то с переходом к человеку развитие психики начинает определяться законами развития общественно-исторического.

Сложная деятельность высших, животных, подчиняющаяся естественным вещным связям и отношениям, превращается у человека в деятельность, подчиняющуюся связям и отношениям изначально общественным. Это и составляет ту причину, благодаря которой возникает специфически человеческая форма психического отражения действительности – сознание человека.

1P Yerkes R. M.. Learned 8. w. Chimpanzee Intelligence and its Vocal Expression. 1925; Buyendijk F., Flschet w. Ober die Reaktkmen des Hundes auf menschliche worter // Arch. Neerland. de Physiol 1934. V, XIV. S. L 161

6- I7U4

* *

Начиная свое исследование, мы аидели одну из его задач в том, чтобы развеять традиционное убеждение в непознаваемости психики животных, составляющей для человека тайну, в которую невозможно проникнуть методами объективного научного исслед-дования. Удалось ли нам приподнять хотя бы только край скрывающей ее завесы?

Разве, могут нас спросить, не упустили мы самого главного: мира субъективных переживаний. И разве, признавая существова-ние у животных внутренних психических состояний, мы не обязаны были раскрыть то, как они выступают для них самих?

Не оказалось ли наше исследование несостоятельным перед этой задачей? Нет, потому что по отношению к животным этой задачи не существует вовсе.

Психическое отражение посредством деятельность животных, но оно не открывается ими самими как содержание их внутреннего» субъективного мира – животным не свойственно сознание и они не способны к самонаблюдению. Москва, декабрь, 1940 г.

РАЗДЕЛ III

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Психология1 имеет своим предметом деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованную отображением этой действительности. Отображение2 субъектом действительности есть то особое его состояние («внутреннее» состояние материи, внутреннее, конечно, не в смысле параллелизма, не в смысле Челпанова – Корнилова. См. об употреблении этого слова Досевт Теор(ня) Отр(ажения). С. 198), которое называется переживанием.

Чувствование, ощущение, мысль суть формы переживаний.

Психология изучает, следовательно, то, как действительность субъекта становится его переживанием и как его переживания становятся действительными. Психологические законы и суть законы переходов одного в другое3.

\j Психологическая действительность есть единство деятель-ности и переживания.

L Подобно тому как мы судим об исторических эпохах не по их сознанию, так мы судим и людей не по их переживаниям, а по их деятельности.

2. В психологии надо начинать от деятельности, а отнюдь не изучать раньше переживания, а потом ставить вопрос об их значении для деятельности. Система психологии должна, следовательно, строиться как история развития форм и видов деятельности,

3. Нужно понять, что переживания не имеют истории, не имеют развития в том смысле, в каком их не имеют и виды общественной идеологии, «утрачивающие видимость самостоятельности» (см. Маркс) из (Гегель).
Немецкая идеология. Собр. соч. М., 1933.) Т. IV. С. 17),

4. Что же такое переживание? философский ответ на этот вопрос:

1. См. с, (Предмет психологии).

2. Там же, л Там же-

163

Ссылка, вместо разъяснений: «Кажущееся есть сущность в одном ее определении, & одной из ее сторон, в одном из ее моментов. Сущность кажется тем-то. Кажимость есть явление сущности в самой себе», {Ленин (В. И.) Философские тетради. М., 1931 } С. 131. «Кажимость (кажущееся) есть отражение сущности в себе (ней) самой» (Там же).

– Переживание не есть кажущееся. «Кажимость есть (1) ничто, несуществующее, которое существует – (2) бытие как момент» (Там же. С. 130). «Таким образом, видимость есть сама сущность, ко сущность в некоторой определенности, притом так, что последняя есть лишь момент сущности...» (Гегель), «Сущность в этом своем самодвижении есть рефлексия. Видимость есть то же, чем является рефлексия». «Становление сущности, ее рефлектирующее движение есть поэтому движение от ничто к ничто и тем самым к себе самому (Гегель)4. NB! [Это все становится ясным, только понимая Учение о сущности. Нужно подробно развить это и изложить.]6

Формы переживаний развиваются. В основе их развития лежит развитие деятельности, Ощущение как «чистое ощущение» не является начальной формой переживания. Ощущение возникает как чувствование, как смутное ощущение – аффект. Его предмет не объективирован, т. е. не существует для субъекта как предмет, вызывающий ощущение, а следовательно), само ощущение не может быть отделено от актуального отношения субъекта к действительности. Только с развитием мыслящего сознания ощущение впервые выделяется как собственно ощущение, аффект – как собственно аффект. Это легко понять: собственно ощущение есть всегда переживание свойства предмета, отнесенное к данному предмету. Чувствование же есть переживание, отнесенное к самому отношению (к «положению» субъекта в отношении к действительности). Первоначально, очевидно, 1 первое не существует вне второго, и наоборот, т(ак) к(ак) 1) не объективирован предмет (=субъект не выделяет себя из действительности} и 2) само отношение, взятое как таковое, есть идеальное и, след(овательно), существует только для мыслящего

д Ленин В. И., философские тетради. М., 1933. С. 131*

5. Переживание есть «мое отношение для меня»? Ведь именно в переживании мне является мое отношение к действительности?

Но исчерпывается ли этим сколько-нибудь сущность этого моего отношения? – конечно, нет? Поэтому объявить переживание единственной психологической реальностью – значит встать на позиции феноменализма к агностицизма! Переживание – явление, но «явление существенное Внутренний мир– мир существенных явлений!

164

сознания. Чистое чувствование есть результат осознания отношения («положения»); его предмет – само сознание, мысль (иногда вместе с предметом мысли). Беспредметная эмоция, как и беспредметное ощущение, в пределах нормальной психики не существуют: «Инстинктивные* эмоции суть собственно не эмоции, а аффективные ощущения. Эти основные формы переживаний в развитом сознании сосуществуют. Они " могут быть сами предметами осознания, обобщения (= осознанное ощущение иное, как и осознанная эмоция, осознанная мысль!)

Переживание лишено собственного движения. Только в единстве деятельности и переживания, а не в переживании как таковом, заключены внутренние движущие силы психологического развития. Переживание есть только форма по отношению к содержательности человеческой деятельности.

Для деятельности (а ' значит, и для психологии) техника {орудие) так же важна, как и физиология. Человеческая психика вне техники, вне промышленности – такая же абстракция, как вне физиологии, вне мозга. Можно сказать, что техника есть внешняя форма физиологии» есть внешняя система искусственных органов деятельности (ср. Маркс о промышленности как о «раскрытой книге» человеческих сущностных сил)6.

Сознание индивида и общественное сознание

Подобно тому как производственная деятельность отдельно-го индивидуума не совпадает (не тождественна) с производительной деятельностью общества, так

и индивидуальное сознание не совпадает с общественным сознанием, но подобно тому как индивид(уальная) производственная) деятельность не суще-ствует вне производящего общества (= вне общественного производства)} так и индивидуальное сознание не существует вне общественного сознания,

л 1

Memorandum)

Обязательно показать в историческом введении две основные и не осуществленные в буржуазной) псих(ологии) тенден-ции: 1) тенденцию к превращению психологии в положитель-ную науку и 2) тенденцию к превращению психологии в науку о живом человеке, в науку «о самом важном» («то, что художники дают в художественных) образах, псих(ология) должна дать в системе научных понятий). Показать, как эти тенденции выступали в форме прямых лозунгов (даже!) и как они казались всегда несоместимы-ми.

(Использовать для этого подобранный к курсу матери-ал.)

См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. М.-Л., 1929. Т. JIL С. 623-629.

165

Очень важно со стороны метода:

В психологии ни объективное (данное объект (ивного) наблюдения)), ни субъективное {интроспекц<ия>) не совпадают с ее действительным предметом.

Бытие психологического заключается в наличии единого и неразложимого одушевленного жизненного процесса.

Значение

Значение предмета⁷ есть то его свойство (или система свойств), в котором данный предмет непосредственно выступает для субъекта. Это есть непосредственное значение предмета (= биологическое, инстинктивное). Понятно, что такое непосред-ственное значение неотделимо от предмета, не существует вне актуального отношения к предмету, вне восприятия – действия с ним, не существует как идея.

Только у человека значение может отделиться от актуального предмета, стать идеей.

Значение становится идеей, отделяясь от предмета в языке. Оно превращается & значение слова. Слово и есть носитель значения. Тогда и только тогда вещь в ее свойствах может быть мысленно представлена, она осознается. Для осознания необхо-дим язык – общение. Предмет приобретает дбщественное значе-ние. Для человека всякий предмет есть, следовательно, обще-ственный предмет. Даже «природные» предметы – пища и т. п.– только для изголодавшегося человека выступают в своем инстинктивном значении (Ср. Маркс. Подготовит (ельные) работы к Св(ятому) Сем{ейству}>, § 2)8Т но тогда они перестают быть человеческими предметами...

Идеальное определение предмета совершается в языке. Язык есть носитель значений. В значениях слов н реализуется для сознания общ(ественное) значение предметов (= значение обще-ственных предметов).

Язык есть носитель значений, однако зидеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезло его своеобразие, а их общественный характер продолжал существовать наряду с ними в языке, подобно тому как цены существуют наряду с товарами. Идеи не существуют оторванно от языка»9. Слово есть знак значения. Как знак оно не безразлично к означаемому.

Система языка соответствует системе значений (не

7 См. с. Значение и смысл).

* Смл Маркс К., Энгельс Ф- Соч. М., 1929. Т, Гл. С. 627-628.

9 Архив Маркса и Энгельса. iYL, 1&35, Т IV* С, 99.

166

совпадая с этой системой). Но и сама система языка создает условия для развития значений, идей.

Предмет выступает в значении лишь в процессе осуществляю-щегося отношения к нему животного. Если животное вступает в развитие отношения к данному предмету {т. е. он дан ему в разных системах актуальных связей, в существенно разных ситуациях), то данный предмет может выступить в разных значениях, как разные предметы, Отделение значения от предмета (общ(ественном) сознании, идее) есть вместе с тем новая форма соединения значения и предмета: предмет выступает теперь в определенном общественном значении или во многих, но всегда определенных общественных значениях, значениях, которые общественно фиксированы за предметом (или – что то же самое – фиксированы за предметом моим общественным сознани-ем). Только теперь, только для человека мир выступает в своей константности. [Мысль, мыслящее сознание всегда омертвляет. Ср. Ленин™]

[Можно сказать, что в значениях слов реализуются для сознания значения предметов. Значение сл(ова) есть форма «идеального присвоения» человеком его, человеческой, действи-тельности. В этом смысле – «язык – реальное сознанием]

Значение и смысл

Инстинктивное значение предмета есть биологический смысл его; то и другое здесь совпадает. Значение не константно, как неконстантен смысл. Смысл принадлежит не предмету, а деятельности. Лишь в деятельности предмет выступает как смысл, [Смысл есть само отношение, осуществляющееся в деятельности,]

Общественное значение предмета (значение слова) определяется общественно-исторически, оно есть общественно-историческое отображение, обобщение действительности. Оно есть мой предмет. Мое отношение к значению (=к предмету, как значению) сообщает ему смысл. В смысле кристаллизуется, следовательно, мое отношение к предмету. В значении кристаллизуется общественно-историческое отношение. Значение поэтому относительно константно (т. е. оно развивается «вертикально»), смысл динамичен. Смысл, следовательно, есть «значение для меня значениях Исторически смысл переходит в значение – может быть (осознание!) значение смысла, смысл смысла.

ш «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, – и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия*. Ленин В. И. Конспект лекций Гегеля по истории философии // Ленинский сборник XI 5-е изд. М.,–Л., 1931. С. 193.

K57

Строение смысла

Смысл имеет строение; строение смысла кристаллизует в себе строение деятельности (именно деятельности – отнош(ения) к действительности, а не операции, не приема)и. Раскрытие строения смысла и раскрытие строения деятельности есть одна и та же единая задача.

– Может быть, перенос смысла раскрывает его строение так же, как перенос значения раскрывает строение этого последнего?

– Может быть, смысл, как и значение, не только раскрывается, но и формируется в переносе? Что такое перенос смысла?

– Может быть, наконец, исследование переноса смысла есть адекватный метод исследования смысла и, след(овательно), исследования строения деятельности?

– Принцип(иальная) методика исслед(ования) см(ысла). Как и при исследовании значений, когда мы начинаем от готового приема, кот(орый) мы даем испытуемому (явление первой задачи»), так и при исслед(овании) смысла следует исходить из некоторого готового смысла – он дан в том факте, что испытуе-мый принял наше задание, Смысл раскроет себя в динамике деятельности –в Ersatz'e. Выделяются существенные образующие деятельности.

Значение, предметная отнесенность и смысл

Следует, очевидно, снять проблему значения и предметной отнесенности (но, конечно, сохранить их различие). Проблема лежит не в отношении значения и предметной отнесенности, а в отношении значения и смысла.

Нужно проверить на клиническом материале (шизофр(ения)) возможность различения смысла и значения (вместо знач(ения) и предм(етной) отнес(енности)).

Переживание никогда не является суммой ощущений; ощущение входит в состав, а не в строение, не в содержание переживания,

Предмет психологии. Порочность этого определения, кажется лежащей в том, что в определение предмета психологии снова вводится в качестве решающего признака отображение, т. е. пси-хика как переживание, как образ. Это ставит нас вновь перед проблемой образа как эпифеномена физиологической деятельности – точка зрения параллелизма вновь вступает в свои права. Возвратимся еще раз к этому определению.

* » • •••• * »«'»(* Исходное: процесс жизни в до-психической ее форме. Его основная и бесспорная характеристика заключается в том, что он полностью сводится к процессам ассимиляции –диссими-ляции.

11 (Это все раскрывается только в анализе процесса обособления личного сознания?)

168

Следовательно, единственное содержание отношения орга-низма к среде составляет сам этот процесс; это отношение и есть само отношение ассимиляции. Среда здесь есть гомогенная среда, есть стихия». Ока и выступает лишь как непосредственно ассимилируемое, только как ассимилируемое. Соответственно и организм выступает здесь только как ассимилирующий (организм здесь = орган ассимиляции; орган ассимиляции =

организм!)).

Первое решающее изменение, наступающее в ходе развития, заключается в том, что поддерживающее жизнь вещество составляет уже не сплошную гомогенную среду – «стихию» {Гегель, Фил(ософия) Природы}, но среду дифференцированную, оформленную. Оформленное вещество (предмет) вступает теперь в жизненный процесс не только своими свойствами прямой полезности, но и другими своими свойствами (или, что то же, через свойства других предметов); дифференцируются органы организма – возникают функции ощущения – движения, т. е. развиваются анимальные формы жизни¹². [Свойства, определяющие полезность вещества, опосредствуются теперь другими свойствами его, через которые оно и вступает в жизненное отношение с организмом. В терминах организма это значит: орган поглощения определяется к деятельности через органы ощущения и движения, т. е. его деятельность опосредствована деятельностью этих последних.] Это есть первое разделение жизненного процесса: разделение вегетативной и анимальной форм жизни, Выразим теперь это в терминах отношения субъекта и его предмета:

Для субъекта предмет выступает теперь впервые в его самобытности, как вещь, имеющая свойства, а не как само свойство-полезность. {Как простая полезность выступает, например, для наивного сознания воздух. При такого рода отношении не нужно никакого специального органа: легкие одновременно – орган поглощения кислорода и только в меру этого орган чувства;+ недостаток кислорода – удушье; «легко дышать» при большом содержании кислорода; впрочем, может быть), и это – вторичное.]

Ощущение есть продукт деятельности органов чувств, есть прежде всего физиологическое, Оно – само по себе – еще не психика. Оно становится моментом психологическим, только выступая в деятельности по отношению к действительности, т(о) е(сть) в меру того} в меру чего оно является посредствующим осуществление этого отношения. Ощущение, след(овательно), необходимо наличествует всюду, где мы имеем психическую деятельность, и наоборот. Это ясно из определения психологической деятельности:

13 Растительная жизнь снимается; она приспособляется к обслуживанию новой формы жизни – анимальной?

169

1. Психологическая деятельность есть деятельность, определяемая свойствами действительности, не стоящими к организму в прямом отношении полезности или вредности. Оно, следовательно, предполагает наличие органов восприятия этих, непосредственно не полезных свойств. Опосредствованное отношение к «полезности» есть объективное отображение среды как вещной действительности) т. е. связей ее {связей свойств), Свойство еще не вещь, связь свойств = вещь. Отсюда следует и различие между до-психическим и психическим отображением. Первое не соотносит обнаруживающихся свойств, не отражает их связей; второе – отражает,

2. Психологическая деятельность есть деятельность» подчиненная объективным связям действительности, связям ее свойств, имеющим жизненный смысл, биологически обязательный для субъекта. Отношение полезности предмета к другому его свойству (их связь), осуществляемое через организм, и есть смысл, = отношение смысла. Все это остается справедливым и в том случае, когда мы имеем и соответствующее отношение между предметами, (Например), в опытах с собакой отношение «лампочка – пища»; здесь лампочка приобретает смысл пищи, предмета, связанного с пищей).

Изменение смысла вещи есть всегда изменение субъекта, потому что отношение смысла устанавливается через субъекта и осуществляется его деятельностью. Изменение субъекта здесь, это изменение – 1) либо его органов, его организма (морфологическое изменение), а значит, изменение видовое, например), развитие или изменение органа восприятия, либо 2) изменение состояния – общего – или, на более высоких ступенях развития – состояния органов чувств и мозга = ощущений. Как состояние организма оно есть, конечно, только физиологическое. Оно выступает как психологическое только в меру того, в меру чего оно входит в деятельность. Однако дело здесь не в переходе ощущения в действие, в деятельность, ибо это есть лишь специальный случай осуществления в продукте субъекта вообще, а значит, и его ощущения, и его сознания?..

Значит психическая жизнь субъекта внутренне определена. Очень важно использовать для выяснения различий между органом чувств и «рецептором» анализ обнаруженных Габерландтом среди эпидермиса листьев чечевицы: образных клеток, собирающих свет и дающих его протоплазме, прилегающих к нижней клеточной стенке. Эти клетки Габерландтом были названы органами светового ощущения! См. Костичев. Физиология) растений. 1933 – с.

300 и след.

170

предметом, в то время как органическая жизнь определена им внешне?
Ощущение: лишь в том случае, когда через ощущение устанавливается отношение к предмету, это отношение становится фактом восприятия – психологическим фактом. (Сравни возбуждающее действие красного цвета; как возбуждающий цвет он может не восприниматься. Он воспринимается как красный.)

Отношение субъекта к действительности имеет измерение; оно совершается во времени, ибо оно есть деятельность. Нельзя поэтому ставить вопрос в плане анализа самого «отношения», ведь оно есть совершением...

Человек вступает в отношение к действительности не только во всей своей телесности, в том смысле, что он вступает в это отношение как имеющий органы и физиологические механизмы действия, но также к в том смысле, что он имеет навыки, ощущения – память, переживания etc, etc, т. е. он вступает в это отношение и как субъект «особого состояния – психики.

Над человеком всегда довлеет в какой-то мере его биография! Вопреки традиционным представлениям, т(ак) наз(ываемая) гедоническая» психика возникает позже «предвидящей»; она есть результат дальнейшей дифференциации органов чувств (органы поглощения малочувствительные структуры!)¹³.

Процесс в схеме может быть представлен так¹⁴:

1. Органы поглощения; их специализация – дифференциация.

2. Одни из них в связи с переходом на другие источники питания перестают выполнять свою прежнюю функцию и превращаются в соотносящие с непосредственно бесполезными свойствами и

3. Специализируются в смысле органов внутренних) ощущение-ний. Это возможно благодаря тому, что орг(ан) ощущения и орган поглощения первоначально совпадают?

Вся эта схема нуждается, однако, в проверке на фактиче-ском) материале!

Все это необходимо проверить и разработать на фактическом } мат(ериале)*

NVf Ощущение, значит и внутренне-органическое ощущение тоже, становится психологическим фактом только в том случае, когда через него устанавливается отношение к некоторой действительности, говорим мы (с. { 20}, здесь).

Это прекрасно видно из анализа наблюдения, приводимого

13 Так ли?

14 Так ли?

171

Саппоп'ом в его работе (докл(ад) межд(ународному) съезду; об эмоциях). Испытуемый ощущает целую гамму внутренне-органических изменений, но это «как если бы ему было страшно». Эмоции нет, чтобы она была, нужно, чтобы эти ощущения были соотнесены с предметом, с действительностью (нужен, стало быть, «мед-ведь»). Любопытно, что у других испытуемых все же возникала эмоция страха – именно тогда, когда «уже было плохое настроением (или что-то в этом роде), 'т. е. когда испытуемые могли соотнести эти ощущения с какой-то действительностью!

Отсюда следует сделать попытку понять эстетич(ескую) эмоцию в связи с условностью ее предмета, NV!

Глоттогоническая проблема

(из доклада в М--Л. Университете))

- ///. Специфика человеческого сознания и язык

6, Проблема возникновения человеческого предметного сознания теснейшим образом связана с проблемой возникновения языка. «Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей и тем самым существующее для меня самого действительное сознание» (М(аркс) и Э(нгельс). Соч, Т. IV. С, 20), Сознание человека есть мыслящее сознание, но именно «непосредственная действительность мысли это – языка 1М(аркс) и Э(нгельс). Соч. Т. IV. С, 434).

7, Однако одно только признание того факта, что субстратом сознания является язык, недостаточно для научного, последовательного материалистического раскрытия природы человеческого сознания. Именно ограничившись этим признанием, классическая лингвистика в лице Гумбольдта (выдвинувшего в свете своего учения об антиномиях объективности и субъективности, индивидуального и общественного, частного и общего положение о том, что речь связывает личные ощущения с общей природой человечества и что «язык усваивает человеку мир#) пришла к идеалистическому тезису о том, что развитие человеческого сознания может быть понято из развития языка и что «язык есть орган, образующий мысль».

////. Человеческое сознание не может быть объяснено из развития языка.

8, чтобы объяснить человеческое развитие из развития языка, нужно понять возможность возникновения человеческой речи в условиях инстинктивного отношения к природе [= инстинктивно-го типа деятельности]; эта возможность на первый взгляд открывается фактом наличия речи у животных. Такие принципиально ложные попытки объяснения действительно делались как в лингвистике эволюционистскими теориями экспрессивного происхождения речи (Богданов, Презент), так и в естествознании

172

(Ламарк. Философия зоология). Т. I С 277–8; Дарвин. Происхождение человека. С. 57–61. Изд. Пом.)^{15*}

9. Речь человека качественно отличается от речи животного. «Слово» животного { – «звуковой сигнал») является экспрессивным (выражающим инстинктивное эмоциональное отношение); оно служит общению в его животной, инстинктивной форме. Слово человеческой речи есть знак; оно предметно отнесено и является не только фактом индивидуального сознания, но и социальным, объективным – надстроечным – явлением; оно является средством общения в его человеческих формах.

10. Анализ речи животных показывает, что: а) она служит сигналом для животного и что б) выражая эмоции, она тем самым объективно выражает и отношение животного к предметам внешней действительности, которое в животном мире есть отношение инстинктивное и непосредственное (и следовательно), «несуществующее для сознания субъекта и неопределяемое». Именно поэтому «словом животного выражает это отношение как субъективное. Оно принадлежит животному сознанию, превращение такого слова в слово человеческой речи не может быть объяснено из развития новых человеческих форм общения (в узком смысле, в смысле «духовных сношений»), так как сами эти новые человеческие формы общения предполагают возникновение предметного, означающего слова, принадлежащего человеческому сознанию. Таким образом, возникает порочный круг: возникновение человеческого сознания предполагает предметно-отнесенное слово} предметно-отнесенное слово предполагает человеческое объективирующее сознание¹⁶.

10а. Невозможность преодолеть с метафизических позиций этот порочный круг обнаруживает себя особенно ясно в буржуазной лингвистике. В XVIII веке и теория развития языка из развития мышления лишь воспроизводили в различных вариациях этот круг (ведь сама возможность договора предполагает общение в речи, а возможность мышления предполагает общение в речи слова-знака} и в своем дальнейшем развитии привели вновь к отрицавшейся ими теории «божественного откровения», которая выступила теперь в более или менее замаскированном виде (например, у Беккера в форме «органической» теории, выводившей необходимость речи из идеи, осуществляющей себя в функциях организма, а у К* Аксакова в откровенной форме признания настоящим «того языка, которым Адам в раю назвал весь мир» и чистота которого была затем утрачена человечеством).

Новые попытки решения глоттогонической проблемы в 19 столетии

(ономатопэтическая теория Штейнталя, связывающая

нельзя переходить непосредственно по функциям! См+ далее с+ { 32}.

развитие речи с эмоциональным заражением и образным мышлением, «интерреакционная* теория, выводившая речь из непроизвольных выкриков и др.) не увенчались успехом и привели буржуазную лингвистику в лице крупнейшего ее представителя – Ф. де Соссюра – к отказу от этой проблемы¹⁷.

В буржуазной психологии эта проблема, как и проблема происхождения первых слов в онтогенезе, также не разрешена до настоящего времени удовлетворительным образом.

IV. Труд – истинный источник человеческой речи и человеческого сознания и. Действительное решение глоттогонической проблемы заключается в признании того, что возникновение труда приводит к коренному (= есть) изменению отношения индивида к природе, которое превращается в отношение опосредствованное {опосредствованное прежде всего в орудии труда), [предметное] и «существующее для сознания. Слово, выражавшее прежде непосредственное отношение, становится теперь выражающим предметное (опредмеченное) отношение, т. е, получает предметную отнесенность, становится означающим предмет, знаком-носителем общения- Вместе с тем возникает и новая форма общения, способная ответить потребности в новой форме общения – общения на основе означающего, сообщающего слова, которое выступает теперь в своем объективном, как надстроечное явление, бытии. [Следует при этом принять во внимание, что и сама деятельность как трудовая осуществляет теперь себя в предмете, как в своем материальном продукте.]

Таким образом, превращение «лова» животного в слово человеческой речи (безразлично линейной или звуковой) должно быть понято не из эволюции его самого и не из общения рассматриваемых изолированно и абстрактно, но из изменения отношения человека к природе, из возникновения и развития труда и общественных отношений, которые составляют внутреннюю, а не внешнюю необходимость этого процесса.

12. Следует особенно подчеркнуть, что решение глоттогониче-ской проблемы в марксизме не имеет ничего общего с теорией происхождения языка из речевого общения, как процесса «духовных сношений людей». Упрощенная схема: труд создал общение, затем общение создало язык – неправильно. «Объяснение развития языка из процесса труда и вместе с ним является единственно верным» {Энг(ельс). Роль труда <в про-цессе превращения обезьяны в человека>. Соч. Т. XIV. С. 455}1в. «Язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми» {Энë{ельс}* Л<юдвиг>) Ф<ейербах и конец классической немецкой философии>. Соч. IV. С, 20–21)19, но язык, как и речь, разумеется, еще не есть само это общение. Нельзя перейти по прямой линии функции? 18 Маркс К., Энгельс Ф, Соч. М.–Л., 1931, Т. XIV. |п Маркс /С, Энгельс Ф. Соч. М., 1933. Т. IV.

[74

или, иначе говоря, общение прежде всего как процесс материаль-ных сношений людей между собой не сводится к их речевому общению. Язык есть «только проявление действительной жизни» (М{аркс), Э(нгельс), Св(ятое) сем<ейство>. Соч. Т. IV, М., 1933, С. 435).

Язык возникает в связи с появившейся потребностью людей что-то сказать друг другу»20. Это что-то должно быть выделено и обобщено. («Язык выражает в сущности лишь всеобщее* «Мысль и слово показывают общее» (Ленинский сборник, XII. 2-е изд. М.–Л., 193 К С. 223, 219).] Ср. положение яфетидологии о том, что «для того чтобы то или другое явление нашло

отражение в языке, недостаточно, чтобы оно было воспринято, необходимо, чтобы оно было осознано (Абаев, Сб. «Яз<ык> и мысл(ение)». Т. II, С. 35). Выделение предмета для сознания происходит в процессе труда. Орудие и есть первое предметное, практическое обобщение и первая настоящая абстракция. –«Орудия производства на начальных этапах мышления и языка были общие с производ-ством, и до выработки из них специального инструмента для языка, до разлучения их с орудиями самого материального производства не могло быть никакой самостоятельной речи; не было отрешенного мышления, не было языка вне производства» (Март, К сем ант < и чес кой) палеонтологии а языках неяфетических систем).

V. Развитие языка в процессе труда

13, Производство языка и сознания (общественного) языка и общ(ественного) сознания) «первоначально непосред-ственно вплетено в материальную деятельность и в матери-альные общения людей» (М(аркс}лэ{нгельс). Соч. М., 1933. Т. IV. С. 16). «Нет ни единого слова, которое вошло бы в сознание на этапах возникновения, сложения и дальнейшего развития речи, не пройдя функции производственной значимости, какое бы, каза-лось, совершенно отвлеченное и общее первично-магическое значение оно ни получало {Март, Соч. Т. III. С. 111).

Сама членораздельность речи, т(о) е(сть) артикуляция «есть уже результат осмысленного воздействия и никоим образом не может быть отнесена к числу явлений чисто биологических (Мещанинов. Яз(ык) и мысл(ение). Т II. С. 20).

14. Общую схему развития языка по данным яфетидологии можно выразить следующим образом:

а" Маркс К-, Энгельс Ф. Соч. М.–Л., 1931. Т. XIV. С. 455.

175

форма речи

1- Комплексная ки-нетическая речь Характеристика

Недифференци-рованные) жесты,

действия и выра-жения Эпоха

Гейдельбергский человек

2. Кинетическая речь

Специализация жеста, жест-фраза Неандертальский человек

3. Звуковая речь,

аморфно-синтетиче-ский строй Сигналы связыва-ются в систему.

Возникновение де-терминативов Верхний палео-лит. Расчлене-ние

производства

4. Аглютинативный строй, выделение местоимений Выделение числа, выделение место-имений Появление част-ной собственно-сти

5. Развитие высших языковых строев (аффиксирующих, флексирующих и аналитических язы-ков) «Технизация язы-ка»

Рис. 10

«ФУНКЦИИ»

-

Память

Классическая точка зрения на память заключается в том, что память рассматривалась как способность, или, что безразлично, как функция, в основе которой лежит способность мозга или «психологического субъекта» к образованию, сохранению и вое* производству следов воздействий. Если память есть функция чего-то, значит, память определяется этим «что-то», лежащим в субъекте (мозг, «психика»). В процессе своего функционирования эта способность может упражняться, т. е. изменяться в определенных пределах: в пределах возможности реального функционирующего органа памяти («что-то»). Итак, с одной стороны – способность памяти, с другой – условия ее проявления. Определенные условия могут изолировать, видоизменять ее проявления, другие – гасить, подавлять.

176

Такое понимание памяти оправдано лишь в пределах узкофизиологической концепции. В этом случае мы действительно имеем реальный орган – мозг, одной из функций которого является физиологическая функция закрепления, воспроизведения. Эта реальная физиологическая функция реального органа может и должна подвергаться дальнейшему физиологическому изучению – должны быть раскрыты реальные мозговые процессы, реальная физиология и морфология органов памяти,

Ложное понимание памяти физиологической психологией прошлого столетия заключалось в отождествлении физиологического и психологического понимания памяти. В этих условиях особенно оказалось подчеркнутой эпифеноменалистичность психики.

Первая задача психологии памяти есть по-прежнему задача различения физиологического и психологического в памяти.

Два понятия: 1) память, как действительная функция органической материи, как, например), и чувствительность и 2) память как собирательное для конкретных «теоретических» процессов – запоминания, припоминания.

Задача в изучении памяти

I. Найти специфическое содержание деятельности запоминания, т. е. найти, в чем именно состоит действие запоминания (его структура).

II Это и должно привести к пониманию того, что именно составляет условие появления различных форм, видов памяти (как должна, например, изменяться структура действия, какая

должна стать возможная форма действия для того, чтобы стало возможным появление данного вида памяти. Нужно, наконец, понять, в чем необходимость возникновения данного вида памяти. Т(аким) обр (азом), это все позволит «выводить» данную «функцию» из общего типа жизнедеятельности etc.)

III- М(ожет) б(ыть), путь здесь в сравнении «запоминаемости» предметов различного вида действий с ними, т. е. путь через изучение произвольного (resp. не «специализированного» запоминания). Тогда проблема произвольного запоминания становится основной проблемой²¹.

IV. Гипотеза: типической для запоминания деятельностью является деятельность, соотносящая известную сторону, момент, содержание к некоторому другому моменту. Это не только сравнение, не только теоретический процесс вообще. Генетически исходной формой такого соотношения является практическое отнесение. Ср. Кёлер, запоминаемость интеллектуального) решения у обезьян²⁵.

a) Произвольное, волевое вообще, – это не побочное. У человека все не побочное – волевое.

*2 А что такое отнесение, например, у крыс поза, как условие запоминания? Не отнесение ли раздражителя к своему телу – поза?

V. Тогда только, т. е. через исследование произвольного запоминания (III), можно поставить и проблему произвольного запоминания. Нужно раньше открыть, что нужно сделать, чтобы удержать в памяти, в чем может состоять это действие, хотя бы это открытие у запоминающего человека и не было осознанным. Нам, исследователям, нужно открыть это сознательно!

б, По-видимому, приемы произвольного запоминания, как они выступают на практике в своем типическом виде, согласуются с гипотезой «отнесения» (см. IV)].

Восприятие

Л, И. Котлярова показала, что образ знакомых предметов (предметов, с которыми человек сталкивается ежедневно) определяется тем, в какие отношения вступает с ним человек [Методика – рисование по памяти и с натуры предметов обстановки].

В опытах с ощупыванием ею же установлено, что образ прямо зависит от содержания процесса ощупывания. Если менять содержание этого процесса, то

соответственно меняется и образ.

Генеральная серия (мое предложение)

Ощупывание контурных (площади) рельефных фигур:

А. Испыт(уемый) активно обводит фигуру пальцем. Регистрируется путь.

Образ+-

Б. То же, но рукой испыт(уемого) движет экспериментатор, ориентируясь по прежней записи. Образа - ,

В. (Контроль). Рукой испытуемого) движет эксперимента-тор), но командует испытуемый. Образ=-{--

Г. Испыт(уемый) сам движет рукой, но командует экспери-ментатор. Образ= - . Проблема апперцепции

Не может стоять как проблема апперцепции вообще. Нужно говорить об апперцепции в запомин(ании), в мышлении, в восприятии (в воспринимающих). Подход к определению) апгтерцепции;=Соединение с тем, что существует в возможности, с тем, что было действительным!

Процессуальное и «пристрастность* процесса воспринимания. Образ всегда действителен в том смысле, что он несет в себе отношение, процесс действия. Это не просто «представление» на ассоциативистский лад! Образ, поэтому= единица апперцепции.

Образ (апперцепция, как образ) зависит от опыта, но она зависит и от ситуации. Их соотношение есть соотношение как бы одной из разных сторон прошлого опыта с одной из разных сторон самого предмета. Значит, между ними (между образом апперцепции и предметом) стоит нечто, что позволяет им соединиться. Это

178

«сечтоа принадлежит образу, с одной стороны, и самому пред-мету – с другой. Отсюда вытекает экспериментальный прием: разведение при-знака образа апперцепции и признака самого предмета.

Проблема апперцепции в воспринимающих есть психологическая проблема выразительности (вырази-тельного признака для меня).

Выразительный признак предмета воспринимания есть то, что составляет общее соответствующего теоретического действия (т. е, самого воспринимания), которое кристаллизуется в образе.

*

ЭМОЦИЯ (первоначальные, ИСХОДНЫЕ данные)

1*. «Сфера эмоциональных состояний» – чувства, эмоции, аффекты – составляют особый класс псих (эмоциональных) состояний. [Contra соположений – эмоц(ия) = функция, как и запоми-нание.]

2. Витальное значение эмоций {их роль в жизни, их необходи-мость} (витальная функция их?),

3- изучение эмоций началось с изучения физиологии эмоцио-нальных процессов.

Периферическая} теория Джемса – Ланге связывается с теорией Дарвина.

Дарвин-

Выводы: идеал-бесчувствие (эмоц(ии) – «Умиряющее племя», «Цыгане» нашей психики – Рибо).

Задача Дж(емса)-Ланге – найти источник живучести эмоций! Они прикрепили их к анатомии.

Идеализм Бергсона сочетается с физиологизмом взглядов Ланге.

Джемс – выделяет высшие эмоции: у них другая, дух(овная) природа .

4, Опровержение теории Джемса-Ланге: (Кеннон, Дан, Марон и друг<ие>).

- Так создавался натуралистический подход к поним(анию) эмоций! Весь бихевиоризм содержится в этом (Л. С. Выготский),

Ср. Watson, The way of behaviorism, «Поведение кошек».

Натурализм у Дарвина: важно было подчеркнуть общность выражения эм<оций> у жиб<отных> и у людей. Показать, что чувства человека, кот<орые> считались «святой святых» чело(веческой) души, имеют животное происхождение.

Это встретили положительно теологически мыслящие психологи: земные страсти – животное начало, «зверь»*.

2-е важное у Дарвина: связь эмоц<ий> с инстинктами. Спенсер, Рибо: продолжение «рудиментарной» и ретроспективной теории эмоций:

выразительные) движения = рудименты биолог<ической> реакции.

Страх-заторможенное бегство; гнев – заторможенное нападение, драка.

179

(Кеннон. Завидовский принял его книгу за обоснование теории Дж<емса>-Лан<ге>!) Кеннон под давлением Дана и др. прихо-дит к отрицанию теории Джемса-Ланге.

Тезисы к критике теории Джемса-Ланге:

1. Полное отделение висцеральной системы от центральной) не нарушает эмоционального) поведения у животного,

2. Одинаковые висцеральные изменения происходят при самых различных эмоциональных состояниях и даже неземональ-ных) состояниях (тепло, холод, работа) (= Значит, не из комбинации симпт(омов) объясняется разнообразие эмоций}.

3. Висцеральные органы являются малочувств(ительными) структурами (сенсорных пучков в них только 1/10 против 9/10 двигательных),

4. Висцеральные изменения много медленнее других реакций (скорость их 0,25–0,85" против 0,10" для муск<ульных) реакций).

Мы сначала пугаемся, потом бледнеем?

5. Искусств(енное) вызывание висц<еральных) изменений не вызывает соответствующих) эмоций. (Опыты Дана: после инъекции адреналина испыт(уемый) говорит: «Я чувствую, как если бы я был непуган»). Иногда, а именно, когда эмоция подготовлена, она может быть вызвана инъекцией, но только при этом условии),

6. Эмоц(иональное) выражение возникает из деятельности субкортикальных центров (Thalamus)24.

7. Гедоническое сознание– функция субкорт(икальных) цен<тров.

Выводы из данных Cannon'a и других:

Положение Дж(емса)–Ланге о том, что не существует спец(иальных) центров эмоций, должно быть отвергнуто. Эмоции не экстрацеребральные, а церебральные по своей локализации образования.

Эмоц(ии) протекают по такой схеме: 1) внешний момент – 2) рецепция – возбуждение) коры – 3) определенная ас<социативная) деятельность коры: устанавлив(ается) известное функциональное) структ<урное) состояние – 4) это функциональное) состояние вызывает соответственное ему возбуждение в Thalamus'e, «всегда готовом к разряду».

Здесь (в Thalamus'e) прибавляются, присоединяются возбуж<дения, приводящие к висц(еральным) изменениям – 5) наступают периферические изменения25.

1А фармакологическ(ое): при анестезии коры и возбуждении субкорт(икаль<ных) центров возник(ают) ярк(ие) эмоциональные) явления»

Патол(огия): при потере мимики лица мускулы, не подчиняющиеся) волевым иип<ульсам)Р сокращаются) под влиянием эмоц(иональных) пе<реживаний)р но об этом больной не знает.

2& Т<аким) обр(азом), центр перемещен работами Кеннона и других от дернф(ерии) к центру (скор ко в о<подкорковая локализация»).

Биологическая трактовка Кеннона: эмоция не конец, а начало, подготовка к последующему продолжению биологической) реакции. Органические эмоциональные) состояния существенны для того, что наступит после эмоциональной) ситуации, а не для данного момента. Они готовят мышечную работу – убежание и т. д. Это доказывается тем, что сама усиленная мышечная работа создает ту же картину, что и эмоциональная) ситуация26.

Органические изменения у человека не спутник эмоциональных моментов, но инстинктивное приложение к ним – их «хвост»27.

НОВЫЕ ПСИХОЛ(ОГИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИЙ

Фрейд: «Я не знаю ничего более безразличного для определе<ния психологической) природы страха, чем знание тех органиче<ских изменений, которыми он сопровождается.

Фрейд: 1) указал динамику аффектов – смещения аффекта – амбивалентность [т, к, «смещается» смысл]28.

2) показал, что эмоции) не являются господством в государстве но могут быть поняты лишь в динамике всей жизни человека,

Адлер: подчеркнул связь с характером, структурой личности. Двойная связь: характер определяет) эмоции, эмоц(ии) обл(адают) характерогенной силой. Особенное значение работы Бюлера: Сдвиги эмоций в ходе псих(ического) развития ребенка.

1) Цель– конечное удов (ольствие)	2) Процесс– функц(иональное) удов (ольствие)	3) Предвосхищение действия – ага– переживание3
---	--	--

1 Значит, отмирает не эмоция, а ее инстинктивное приложение, хвост ее.

Отсюда путь к пониманию теснейшей зависимости между развитием эмоций и рлзимтием других сфер психики. Отсюда путь к пониманию их связи с высш(ими) псих(ическими) процессами и к пониманию их положительного развития. s* Понятно, что разные эм<оции) имеют то же самое органнч(еское) сопровождение) (тезис 2).

*

27

2а Смещ(ение) аффектов при патол(огии) (шизофр(ения))?

29 Запахи; это знаки, "по которым восст(анавливаются) (припомни(аются))

аффекты, Обоняние сохраняет архаич(еский) тип и здесь.
30 Это NB! Отсюда-к действительному анализу- Смещение мотива; ожидаемый результат и действительный) рез(ультат) – их отношение, IS1

Клапаред: эмоции и чувства. Их различие, (Когда животное испугано и убегает, то это одно (эмоция), а когда непугано и не может бежать – Другое (чувство). Эксперименты Клапареда.

К- Левин: 1) замещение эмоционального) состояния;
2) переход из структуры) в структуру и 3) «эмоц-ия» есть своеобразный результат данной стр<укту)ры псих(ического) процессам, а не самост(оятельное) образование}31.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЛИ И ПРОИЗВОЛЬНОСТИ

I, Волевое действие [в общем смысле] это вовсе не обязатель-но действие, сопровождаемое колебанием, связанное с выбором, характеризующееся усилием. Волевой характер действий – специфическая черта деятельности человека. *= их свобода. Значит, нужно конкретизировать проблему.

П. Волевое усилие возникает там, где усложненная структура деятельности, делает возможным соподчинение целей (мотив – Цель? }
Промежуточная цель, вступающая как мотив в противоречие с конечной целью, требует усилия. Оно и заключается в смещении мотива на конечную цель. Поэтому достаточ(ная) ясность к(онечной) цели, аффективная сила ее есть необходимое условие волевого усилия,
Напр<имер), мне нужно добраться до <пункта> N, но на пути – отпугивающее препятствие.

Зерно истины в Спинозовском «воля и разум есть одна и та же самая вещь»!
III. Ситуация принуждения – отриц(ательный) мотив. Ситуа-ция выбора есть ситуация, требующая волевого усилия только в том случае, если конкурирующие цели опосредствованы теми же отношениями, что и в случае (II) «Трудно решиться», [Значит, в основе отнюдь не «привычкам.] <сне буриданов осел, а to to vedo!
«ПОСТУПОК»

Действие, судьба которого определяется не из наличной ситуации. Значит, такое действие входит в двоякую структуру.

Пример: вопрос о том, нужно ли будет сдавать экзамен. Я отвечаю: да, потому что я так предполагаю. Это не поступок. Я отвечаю: да, потому что это целесообразно с точки зрения организационно-педагогической тактики. Это поступок, потому что существует и еще одно отношение, в которое данное действие входит.

Значит, поступок может сопровождаться усилием, может и не сопровождаться (II).

NB1 3-е и есть верное, при верном раскрытии «структуры*! 182

К ГЕНЕЗИСУ ЧЕЛ(ОВЕЧЕСКОГО) СОЗНАНИЯ

Афоризмы:

1 Изменение отношений связано с изменением соотнося-щихся вещей и без этого невозможно».

2. Орудие разделяет, но не только разделяет, а и связывает человека со средой, но делает это иначе.

3. Другое отделение наступает с отделением (части <ая> собственности)) орудий от человека.

4+ Для человека снова все становится средой (?) 5- Маркс о естественной технологии животных,

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ –ДЕЙСТВИЕ-ОПЕРАЦИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Деятельность есть система процессов, осуществляющих отно-шение субъекта к действительности. Это – самое общее, аб-страктное определение .
Действие есть «единица» деятельности; оно несет в себе все моменты деятельности.

[Первоначально то и другое совпадает; лишь на относи-тельно поздних этапах действие и деятельность могут и должны различаться]33.

*- I

Признак, отличающий действие от деятельности34, заключается в том, что мотив действия лежит вне его самого. Значит, мы всегда можем точно сказать, имеем ли мы дело с деятельностью или с действием; для этого нужно понять внешний, более общий мотив. Например, я читаю книгу; что это – действие или деятельность? Выясняется, что экзамен, к которому я готовлюсь, я не должен сдавать. Я прекращаю чтение. Значит – это действие. Я продолжаю чтение. Значит – это деятельность,

В действии можно различать еще и акты действия.

Действия – происходят из деятельностей. Деятельности, утра-тившие свою самостоятельность, суть действия. Действия сли-ваются в деятельность. Стало быть, независимые деятельности связались в це-пи. (.,.) Утратившие

свой самодовлеющий характер деятельности и суть действия.

[Личность развивается подобно обществу.] Первоначально личность есть совокупность отдельных отношений – деятельностей. На своем высшем уровне это есть «цельная» личность, деятельность которой есть единая система иерархизированных действий; это – целеустремленная личность, это личность, всякий акт которой может быть понят из единой общей цели, подчиняющей себе всю жизнь человека.

У ребенка раннего возраста легко проследить не связанность, независимость, т. е. «самодовлеющий» характер многих деятель-

32 Следует различать: деятельности конкретные (по предмету) и типы деятельности, напр(имер): игра, труд etc. (Это общее понятие! Типы деятельностей отвечают основным формам отношений человека к действительности,)

33 Практическое в детстве =* конкретно –действенное».

ЪА Психические процессы=деятельность)т действие, операция, функция.

183

ностей. Разрушение одной из них не затрагивает другие. Это – «натуральные хозяйства», не нуждающиеся одно в другом. (Конечно, это не буквально, не точно так. Ведь субъект здесь не дискретен, а един. Значит, фактическая связь их всегда налицо. Если ребенок не будет питаться, он не сможет (фактически!) и играть!) Иное дело, «мировое хозяйство развитой личности. Даже самые элементарные действия, направленные на осуществление элементарнейших отношений, могут быть подчинены вне их лежащим мотивам. Даже питаться я могу лишь для того, чтобы осуществлять какую-то жизненную цель. Когда ее осуществление становится невозможным, сама жизнь становится ненужной, она лишается мотива, становится обременительной; от такой жизни может

отказаться человек, может прекратить ее,

И у животного в отдельные моменты его жизни может любой акт быть подчинен определенному доминирующему моменту – доминирующей цели.

Но это – решительно иное, когда эта всегда непосредственно актуальная цель достигнута или оказывается недостижимой, возникает новая деятельность.

Здесь, значит, отдельные акты просто входят в состав то одной, то другой сменяющейся деятельности. И только.

Деятельность имеет строение. Это строение и есть ее содержание как предмета психологии.

Мы выделяем следующие моменты деятельности («образующие» ее):

Прежде всего: субъект – предмет. Их особое отношение и есть психологическое отношение³⁵.

Далее:

Продукт – конкретный объективный результат деятельности, то, к чему объективно приводит деятельность (а не то, к чему стремится субъект!)

Мотив – то, что побуждает к деятельности, вещь, побуждающая к деятельности.

Средство – вещное или идеальное (прием) посредствующее звено.

Задача – объективное содержание деятельности.

Их соотношение, когда мы рассматриваем его объективно, не совпадает с их действительным соотношением. Напр(имер): дети перевозят на тачке землю для огорода по указанию воспитателя, обещавшего за это награду. Здесь внешние отношения такие: цель – грядка, которая является результатом данной деятельно-сти.

Мотив – награда, которая обещана.

Средство – тачка.

Но совершенно ясно, что конкретно-психологически эти отношения могут быть совершенно иными:

*5 Точнее: и может стать (бывает) психологическим отношением! 184

Напр(имер), мотив может лежать не в награде, но совпадать с целью или даже с задачей. Т. е, конкретно-психологически эта деятельность может иметь совершенно другое строение. Оно может быть и действием, т. е. его мотив может лежать вне его самого.

Очевидно, основное отношение здесь есть отношение мотива к цели. Его объективное отношение, т. е. объективное совпадение их или разведение (напр(имер), заработная плата и продукт производства) характеризует ту или иную общ(ественную) формацию.

Значит, каждая из основных общ(ественных) формаций делает необходимым и опред(еленный) тип строения деятельно-сти.

Выше мы, упрощая, пытались выразить все отношения в объективной, по сути не психологической терминологии. Ясно, что указанные основные образующие должны быть разделены (содержание – форма, объективное – субъективное).

Так, то, что выступает как продукт, есть цель; тому, что выступает как мотив, соответствует потребность; то, что есть задача, оформляется как

намерение (или план). Самый предмет выступает для меня как смысл. Средство (способ действия) – как значение.

Деятельность уничтожает односторонность и субъективности и объективности: ср. Ленин: «Очень хорош § 225 энциклопедии, где опознание» («теоретическое») и «воля», «практическая деятельность» изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения «односторонности# и субъективности и объективности* (Ленинск(ий) сб(орник>1 IX. (М.-Л., 1929). С. 251)-

Идеальная (идеологическая) деятельность есть лишь особая форма деятельности. (Ср, М{аркс) и Э{нгельс). Соч. <М,-Л., 1929), т. III. С 622!
36

Вышеизложенное есть одна плоскость анализа. Но существует и другая плоскость рассмотрения. Мы можем различать: 1) тип деятельности – биологический и общественно-исторический (со-ответственно типу отношения); 2) форму деятельности или действия – вещного и материального (практического) и «идеаль-ного» (теоретического действия (деятельности, акта)): 3) вид деятельности или действия – по признаку различия задачи («функциям»).

Действие может быть специализированное или неспециализи-рованное, отделенное или не отделенное; например)т непро-извольное запоминание есть действие неспециализированное. Интеллектуальный процесс в практическом действии есть не отделенный идеальный акт.

Различение: специализированное – неспециализированное действие – по признаку наличия или отсутствия специального намерения (задачи). ав «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д.– это только особенные формы производства, подчиняющиеся его всеобщему закону»,

185

Отделенное или не отделенное – по признаку наличия или отсутствия самостоятельной цели.

Третья плоскость анализа есть разложение деятельности на непсихологические ее образующие.

Это – разложение на операции. Операция может быть или а) физиологическим процессом– напр<имер>, навык (отношение органов к средству или предмету), или в) технологическим – отношение средства к предмету. У животного то и другое совпадает; у животного – «естественная технология».

Конечно, техническое отношение может быть и идеальным} например) операция логическая.

Деятельность есть не техническая категория, хотя в нее входят технические приемы.

В целесообразную деятельность (= в деятельность =) входят субъект и его предмет, входят все моменты, опосредствующие этот процесс; соединение субъекта и предмета в деятельности, т, е. «тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные»37... формации деятельности.

В основе всякой деятельности лежит «производство и воспро-изводство непосредственной жизни». т «Оно,., двоякого рода. С одной стороны – производство средств существования, предме-тов питания, одежды, жилища... С другой – производство самого человека, продолжение рода»38.

Различные формации деятельности отличаются одна от другой тем, как осуществляется жизнь индивида,

(Нужно помнить, что технология деятельности неразрывно связана со строением самой деятельности!)

Подобно тому как и законы общественного развития существу-ют только в форме конкретных специфических закономерностей, так и законы деятельности существуют только как законы отдельных формаций ее. Это не значит, конечно, что мы отрицаем общие законы; это значит только, что мы стоим на точке зрения историчности законов.

И подобно тому как общественные отношения делятся на материальные и идеологические, так и отношения индивида делятся на материальные и идеологические, которые представля-ют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его суще-ствования, [Независимость обществ (енного) бытия от сознания не означает, что «общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо – от существования сознательных существ».]

«Скачок в царство свободы;» – новое отношение сознания к деятельности?

Понятие формации деятельности – решающее понятие; фор*

37 Маркс К~т Энгельс Ф. Соч, М., 1933. Т. XVIII. С. 36–37, и Маркс К, Энгельс Ф. Соч. М., 1937. Т. XVI, ч. I С, 7.

186

мации до-общественные (зоо) – формации доклассовые – формации бесклассовые? Или типы? – Тогда формации – внутритиповые\ это – правильное. Нужно дать очерк развития формации для онтогенеза, Собственно исторические формации (фило) – задача исторической психологии, кот(орая) и оформляется как самостоятельный раздел психологической науки.

«Перенос» 39

1. Обобщение возникает не в процессе созерцания, но в процессе действия. Обобщение не продукт <воздействия на субъекта, кот(орый) остается пассивным.
2. Обобщение относится к действию не как «переправный пункт» между восприятием и действием. Оно не в восприятии.
3. Обобщение – ступень отношения («кристалл») – опыта, но опыта не в вульгарном смысле.
4. Оно интенционально в своем развитии – ибо интенционально-но действие!
5. Оно конкретно: оно конкретно, ибо конкретно действие.
6. Оно вбирает в себя многообразие действий, которые неповторимы, даже когда они выполняют общую им функцию – воспроизводят сами себя.
7. Законы обобщения нужно искать в законах действия. Что есть познание? – действие. NB!

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Деятельность

1) Формой существования всякого живого тела вообще является процесс его жизнедеятельности. Это самое общее понятие.

На известной ступени развития возникает особая, высшая форма жизнедеятельности – психическая деятельность. Мы называем ее просто деятельностью. Ее особенность в том, что она внутренне опосредствована (внутренне связана) с отражением организмом (субъектом деятельности) предметной действительности.

Примечание Б: психическая деятельность есть форма осуществления жизни – биологической у животного, общественной – у человека.

Г) Перенос есть конкретное выражение «опережения» деятельностью переживания и превращения одного в другое*

187

2°: психическая деятельность обнаруживает свои особенности как психическая деятельность в том случае, когда мы рассматриваем ее в ее собственном содержании, т. е. со стороны того внутреннего ее отношения, которое составляет ее специфику: отношение отражающей действительности состояний -- переживаний к самим процессам деятельности (к бытию), которые порождают переживание, которые суть условия того, что действительность отражается в психических состояниях и которые в свою очередь определяются через эти состояния.

Взятая в ее внешних отношениях, т. е. по отношению, напр(имер), к своим объективным следствиям, по отношению к общественным) целям и проч.* и т. п.+1 деятельность, конечно, перестает быть предметом психологии, (Жизнь барана перестает быть предметом биологии, когда мы, напр(имер), рассматриваем ее в ее отношении к человеческим потребностям или, например), как «имеющую цену», .как стоимость, как капитал..,}

2) В деятельности осуществляется отношение субъекта к действительности, к предмету его жизненной потребности – потребности биологической у животного, к человеческим, историческим по своей природе, потребностям у человека,

3) Деятельность стремится к некоторому) предмету, который есть мотив, т. е. то объективное, что побуждает к этой деятельности.

Мотив, предмет и цель здесь всегда совпадают, если деятельность есть простая, т. е. такая деятельность, которая не распадается на действия. Деятельность осуществляется в определенных условиях. Цель, взятая в этих определенных условиях, есть задача деятельности,

ДЕЙСТВИЕ

1) Действие отличается от деятельности тем, что цель, к которой оно объективно стремится (ожидаемый результат), не совпадает с тем, что побуждает к действию, т. е. с мотивом. Тот что есть цель действия, входит в задачу деятельности, цель которой служит мотивом действия.

2) Действия есть продукт усложнения деятельности, ее «распада». Но действие, получая в себе мотив, развивается в деятельность.

3) Развитие действия в деятельность, обусловленное превращением цели в мотив, возможно только в человеческой деятельности. Это порождается общественными условиями деятельности человека – отношением человека к человеку, разделением труда,

4) Деятельности, развившиеся из действия, суть специфически человеческие исторические деятельности. Они в иерархии деятельностей становятся господствующими.

Необходимость общественная, необходимость для других становится «верховным законом».

Личность, как она выражается в общественном, – психоло-

188

гия. Как общественное выражается в личном и меняет свое выражение в зависимости от личного – история, пробл(ема) личности.

ОПЕРАЦИЯ

1) Операция есть то содержание действия, которое определено его условиями. Это есть необходимое, данное в объективных условиях, в их усложнении.

2) Развитие (возникновение, дифферент (нация)) действия проходит через эту внешнюю необходимость. Оно есть генетически операция по отношению к деятельности.

Само действие способно родиться из операции действия же,

3) NB! Рождение действия из операции есть процесс отражения отношений предметов, составляющих ситуацию» и, следовательно), звеньев самой операции,

Поэтому дифференциация) деятельности на действия возникает как переход ко 2-му диалектическому сдвигу*

MEMORANDUM

Отношения, вышеприведенные, могут быть представлены в категориях смысл – значение (общественный) смысл и «техническая катег(ория)» – снова смысл, теперь смысл для общественного) человека,

i

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ (К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕНОСА)

1. Движение интеллектуального действия.

Обобщение позволяет установить сходство ситуаций. Проба действия в условиях измененной ситуации меняет само действие, т(ак) к(ак) действие встречает «сопротивление вещей». Изменение действия есть обогащение обобщения, кристаллизующего действие; восприятие в этом действии обогащает обобщение, как образ,

Это и есть процесс переноса; это есть индуктиано-дедукт(ивный) процесс.

Как строится обобщение, почему единичное входит в то или другое обобщение, в разные обобщения?

Потому что то или другое действие осуществляет либо то же самое, либо разное отношение (оно «интенционально»; смысл = интенция действия).

Поэтому здесь нужно говорить не о действии, а об операции.

Значит, обобщение = изменение способа действия,

У животного перенос в другое действие невозможен, у человека – возможен.

Где граница интеллекта?

– Contra японинтеллектуализм» Коффи, Бойтендейка, отождествляющий интеллект и смысл,

189

Не всякое действие интеллектуально.

Там, где действие определяется связью, соотношением свойств предмета действия, там нет и дифференцированной операции.

Там, где действие имеет дело с отношениями межпредметными, оно определяется ими, а не только целью. Выделяется задача – операция; появляется интеллект, появляется отражение связей и отношений предметов друг к другу, появляется «испытание предмета предметом» (у жив(отных) только зачатки).

Этот переход диалектичен.

Операция там, где интеллектуальное) действие.

Разводится предмет действия и предмет, к которому направлено движение – (загородка, хозяин).

Раскрывается не отношение предмета (или свойства) к субъекту (смысл?), но внутри этого и отношение предмета к предмету.

В результате возникает разумный смысл (!)

У человека интеллект специфичен, благодаря «разделению» себя и предмета, объективизации этих отношений.

Отсюда общая диалектика развития форм психики;

1. Отношение животного опосредствовано через свойства [сенсорная психика].

2. Отношение животного опосредствовано через предмет, но это происходит благодаря тому, что это отношение объективно дано как опосредствованное и т(аким) образом к этому нужно только приспособиться. Иначе говоря, использовать готовые связи предметов (это – разумная психика). [Это интеллект сенсорный], т. к. он состоит в усмотрении того, что уже есть.

3. Отношение человека к предмету.

Оно активно опосредствуется в промышленности. Это интел-лект не сенсорный. Он имеет дело не с тем, что есть, а с тем, что может быть. Он имеет дело с идеальным, а не реально данным.

Смысл и значение совпадают на заре развития человеке-ского сознания, когда нет «я», когда личность и коллектив совпадают, как, след(овательно), совпадают и инди-видуальное) сознание с общественным, т. е. до выделе-ния местоим(ений), до появления частной собственности?

Значит: биол(огический) смысл –) в общественное) значение (общ(ественное) сознание, слово). Сначала простое превра-щение, потом раздвоение. Это происходит в силу разделения, дифференциации) самих отношений людей, в силу разделения труда, ибо когда нет общ(ественной) дифф(еренцацки), то общ(ественный) смысл не может не совпадать со смыслом для меня.

Общ(ественная) дифференциация) создает разделение смыс-ла и значения и классовую дифф(еренциацию) смыслов.

Потом {комм(унизм)) они снова воссоединяются, но уже не просто, не прямо совпадают между й

190

То же в более общем виде (т. е. не как клеточки сознания, а как сознание). Здесь – отношение индивидуального и общественного) сознания.

И личности: (личности и общества)

1) «Я» – «мы». 2) «Я» – <йон#, здесь даже антагонизм между ними; оно-выглядит как надчеловеческое, мне противо-стоящее.

3) «Я*» внутри общ(ественного) (т. е. сохраняется различие, но уничтожается антагонизм, противопоставление).

Ступени развития познания: (Энгельс)

1. Механизм. 2. Сложные процессы природы. 3. «В сфере общественных явлений отражение еще более трудное (из подготовительных) работ к Анти-Дюрингу) {Соч. М.– JNL 1931. Т. XIV. С. 378}.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО) МЫШЛЕНИЯ

Как разумное содержание (действие в отношениях пред-метных) приводит к возникновению интеллект(уального) дей-ствия?

Действие отделяется от субъекта как вещь, как орудие или понятие.

Разделяется собственно подготовка действия и само действие. Подготовка = приведение ситуации в соответствие со способом действия – орудием, понятием. Это – теорет(ический) интеллектуальный) акт, который, становясь особым действием (разд(еление) труда), становится теоретическим мышлением. Значит, первоначально в социальном своем значении это – функция организаторов. Это–NB!

РЕЗЮМЕ (ИНТЕЛЛЕКТ)

–

1. Интеллектуальная) деятельность есть деятельность, опосредствованная) особой формой отр(ажения) действитель-ности),

а) ее особенность в том, что это есть отражение (и обобще-ние) межпредметных связей и отношений, хотя и не всегда (животные) обьективированных для субъекта («не выделенных, не отделенных»);

в) собственная особенность деятельности заключается в том, что она включает в себя операцию, т. е. некое содержание, кот(орое) определено не целью только деятельности, но и условиями, в которых эта цель дана (т. е. задачей).

Значит, интеллектуальная) деятельность всегда предпо-лагает:

1) задачу. 2) Соответствующую) ей операцию (а не просто затруднение, преграду; это = научно-бессодержат(ельные) поня-тия),

2- Деят(ельность) интел(лекта) посредствована обобщением

191

межпредметных отношений, которые обобщаются. Отсюда центра-льная проблема: как происходит это обобщение?

1) не путем восприятия (созерцания) и абстракции (отвлече-ния). Оно не в восприятии; не перегнанный пункт между восприя-тием и действием (не «переработка сознанием»);

2) но путем ПЕРЕНОСА действия» которое встречает сопро-тивление вещей, приспособляется к ним путем их испытания. Оно, следовательно), вбираете себя конкр(етное) многообразие действий (ибо действие неповторимо, даже когда оно воспроизво-дит самое себя40;

3) оно «интенцнсшлы-ю», т. е. не автоматически, не слепо, а направлено, как напр(авлено) само действие.

Этим решается загадка винтенциональности» мышления/ (Вюрцбург!)*';

4) оно осуществляет разумный смысл, т. е. отношение предмета к предмету (у жив<отных> внутри, в зависимости от их отношения к субъекту, т. е. ограниченно, не свободно)*

опыты

В них раскрыт индуктивно-дедуктивный характер процесса.

«Новая, единственно положительная философия есть отрицание всякой школьной философии», – говорит Фейербах. «Новая» единственно научная психология есть отрицание всякой школьной (читай – буржуазной, мистифицированной) психологии», – скажем мы»

Отказ от решения психологических задач есть своеобразная теория психологического самотека; есть выражение того взгляда, что сознание человека «образуется» само собой! Это – преклонение перед стихийностью психологических сдвигов.

Точка зрения психологии есть точка зрения жизни, и психология не смеет ее покидать.

О ФОРМАЛИЗМЕ

Всякий формализм покоится на работе со значениями, а не со смыслами (в значениях). Эйнштейн; для него не существует смысла – Все живет для него значениями. Каламбур (искусство Эйнштейна) – искусство каламбура; он превосходный, гениальный каламбурщик) основан на связи знака и значения, а не на

ii} Здесь очень важно развить учение о двойственной характеристике обобщения; 1) кристаллизация действия (строение); 2) образ, кристаллизация впечатлений (чувственное) созерцание); 1-е определяет развитие, содержание 2-го, 2-е позволяет включиться к-му.

41 Двигается операция в пределах действия (цели, единого отношения). У живых никогда не переходит за эти пределы, ибо не бывает никогда сама предметом, не выделяется в действие, не может отделиться от материальной деятельности. (Это проверить экспериментально,)

192

связи значения и смысла. Каламбур только кажется игрой смыслов: он есть игра значений.

Каламбуры Эйнштейна: «Моя дача – cent soussis,* «я хочу сделать у себя в саду такую же курвуя*»

В первом случае – фонетически тождественный знак выступает как носитель двух значений.

Во втором случае – знак перенесен в другой языковой контекст и меняет поэтому значение.

Но ни там, ни здесь значение не меняет своего основного смысла, не «вбирает его из контекста.», я А членам ЦИК можно?:»

«КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК*»

1. Общая (теоретическая) и специальная (частная) психология,

2. (По нисходящему) ряду: психофизиология).

3. Био-(зоо)-и гомо-психология,

4. Психология ясельного детства, дошкольного детства, школьного детства, взрослого,

5. (По области, типу деятельности – виду общей деятельности?): = По восходящему ряду:

педагогическая

профессиональной деятельности (а, б, с, d)

искусства (а, б, с, d).

Психология –целая область, система специ(иальных) дисциплин; они не принадлежат ни биологии, ни физиологии, ни педагогическим наукам.

психология и социология

Можно ли говорить о психологии общества, общественных классов? В смысле науки психологии – нет. Можно говорить лишь о психологии определенного индивида, живущего в определенной историческую эпоху.

Об этом ясно и прямо говорят Маркс и Энгельс\ в Нем(ецкой) идеологии (Соч. Т. IV. С. 225–226).

ЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ

Ф, Н. Шемякин («О взаимоотношении понятия и представления». Фронт Науки) и Техники), 1937. №2.) дает такое решение вопроса:

«Логика имеет дело с истинностью понятия, соответствием мышления действительности.

Психология же мышления исследует, как понятие, будучи отображением действительности, реально существует в голове человека» (С. 53).

Здесь неверны обе части: это-то и нужно доказать! А именно: 1) дать подробное определение логики, логического;

7-1704

193

2) поставить вопрос о реальности логического процесса, т. е. о том, что он

совершается в головах отдельных людей.

После этого—дать понятие психологического в мышлении и показать связь одного и другого («как логическое становится психологическим, т. е. как оно входит в предмет психологии, в каком новом, ином отношении оно берется!

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

В ходе развития той или иной эпохи, как и в ходе развития одного человека, бывает период, когда дело идет главным образом о приобретении и отстаивании принципа во всей его неразвитой напряженности. Но более высокое требование состоит в том, чтобы этот принцип развился в науку.

Гегель. Наука логики. Тт I Пред. к 1-му изданию 1С ').

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

Г

(ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ)

Что такое личность? В обычном, житейском понимании это – то, что управляет отдельными процессами деятельности, поведения. Это – #хозяин» процессов. Фейербах: мыслит не мышление, мыслит человек, Полицер: трудится не мускул, трудится человек.

Джемс: (письмо к Штумпфу?) психологические процессы имеют одного хозяина.

I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема личности есть проблема единства, взаимосвязи отдельных деятельностей: Решети, Рибо {----) Штерн, Маркс\

Она возникает как проблема специфического единства из различия понятий «индивид» и «личность»

Отличие «индивида» {простого, естественно-органически неде-лимого) и личности идеализм искал, выводил из факта самосозна-ния, воли etc.42 Это принципиально неправильно, Самосознание, воля etc, есть результат становления личности, а не причина ее становления и развития43.

См.; В. Штерн, Принцип «психофизической нейтральности*»; первично не пси-хическое, не физическое. Первично лнцо (Person) или личность (Persoenlichkeit). Сущность личности характеризуется: индивидуальностью, субстанциональностью и целеняпрзйленностью.

Объяснительное пояснение-понятие энтелехии – «тенденции или способности лица реализовать само себя, т. е. систему собственных целей». Задатки или способности (диспозиции) –проявления энтелехии,

«По каким принципам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей». Ленин В. И. Соч. 2-е изд. Л., 1926, т. 1С. 279–280.

194

Личность не есть простое, биологическое единство, это есть высшее единство, историческое (общественное) по своей природе.

Это единство – личность – не дано изначально. Человек не рождается в качестве личности:

1. Личность человека возникает в ходе развития его жизни.

2. Личность развивается; существуют качественно особые, своеобразные стадии развития личности [и 1° и 2° справедливо и фило- и онтогенетич(ески)].

3. Личность, как и индивид, имеет строение. Личность, как и индивид, и есть само это строение. Личность есть строение особого порядка.

Проблема личности как специфического единства представ* ляется, таким образом, как проблема особенности строения личности по сравнению со строением индивидуума – био-логической особи,

Традиционная) психология постулирует взаимосвязи дея-тельствностей, мы делаем их взаимосвязи проблемой.

п. индивид и личность

А. ИНДИВИД

Индивид есть связь естественных органов и их функций, есть продукт коррелятивного (Плате) приспособления (= «внутренней корреляции» – Осборн). [Индивид возникает, следовательно, на основе дифференци-ции и одновременно интеграции функций и структуры живых тел, в результате чего создается их неделимость.]

Эта связь выступает как связь естественных потребностей, определяющая связь, деятельности и их естественную иерархию (напр(имер), деятельность направленная на сохранение и про-должение жизни вида, может доминировать над деятельностью, направленной на поддержание собственного существования животного, половой инстинкт может господствовать над пище-вым) .

Связь и соподчинение деятельностей индивида не остаются постоянными, но изменяются, Изменяются биологические «доми-нанты»44.

Характеристика индивидуальности животного не сводится к характеристике)

отдельных функции, деятельности, но
 44 Собственно подлинной иерархии деятельности у животных не существует* В отдельные моменты жизни любой акт животного может быть подчинен

доминирующей биологической цели, но: 1) это – всегда непосредственная цель и 2) когда данная цель достигнута = соответствующая ей потребность удовлетворена, то данная деятельность сменяется другой доминантной деятельностью* У животного отдельные акты входят в состав то одной, то другой доминирующей деятельности, но деятельности не являются собственно иерархизирующимися, изменяющими свою иерархию.

195

включает в себя указание на связи и иерархии деятельности (злое животное, страстный охотник, жадное животное и т. д.).

Б. (личность)

Личность есть связь и иерархия деятельности, определяемых не биологически, но исторически.

Эта связь и иерархия являются результатом процесса дифференциации деятельности и их переподчинения. Возникающие связи суть вторичные и высшие (в смысле верховные, т. е. господствующие) связи. Доминирующие, ведущие деятельности не определяются уже естественно-биологически, но выделяются и определяются общественно-исторически.

Contra теорий органической инстинктивной основы личности, contra McDougall) и проч. Порочность анализа по типу срывания листов капустного кочана; – в итоге – кочерыжка!

Личность {психологическая} есть система связей деятельности индивида, порожденных не биологическими, но теми общественными отношениями, в которые вступает данный индивид.

Иначе: «личность есть совокупность⁴⁵ связей и отношений деятельности человеческого индивида, осуществляющих его – общественные отношения к действительности;*».

Маркс: сущность личности – «совокупность общественных отношений» .

III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Внутренние связи, определяющие строение личности, не накладываются механически извне. Они возникают в ходе развития жизни.

Можно сказать, что индивид превращается в личность в ходе своего развития, в ходе своей биографии. В этом смысле личность и есть «сгусток» биографии = продукт, результат ее кристаллизации.

А. ФИЛОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ

В условиях общественного способа жизни деятельность впервые раскалывается на действия (генетически возникающие из операций). Действия приобретают общественный мотив в своей – общественной) цели. Они, следовательно, вновь превращаются в деятельности, но деятельности человеческие,

4* Позднее над этим едцом написано «продукт», – Р Маркс #., Энгельс Ф, Соч. М., 1933. Т. IV. С 590.

196

отвечающие теперь уже историческим, общественным потребностям. Эти (деятельности), созданные общественной необходимостью – необходимостью общественной, коллективной жизни человека, – становятся господствующими в иерархии деятельностей. Ибо именно необходимость общественная становится верховным законом жизни человека⁴⁷.

Вместе с дифференциацией происходит и интеграция. Разрушаются естественные связи деятельности, возникают общественные по своей природе связи.

Отдельные деятельности человека все более связываются между собой вторичными, т. е. не биологическими зависимостями, но зависимостями обусловленными общественно-исторически. Они все более перестают быть самостоятельными, осуществляющими отдельные отношения субъекта к действительности. Поэтому у современного человека его деятельности уже утратили по существу свою самостоятельность.

В ходе исторического развития личности следует специально выделить следующие моменты:

1. Первоначально возникающая личность есть, конечно, единичная» личность, но еще не индивидуальная личность. Люди при первобытно-родовом обществе «совсем не отличаются друг от друга, не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытного общества» {Маркс К Энгельс Ф. Соч. М.} 1937. Т. XVI. Часть 1. С. 78р,

2. Индивидуальная личность формируется на основе развития (частноличностных) отношений Она возникает и развивается неодинаково на обоих общественных полюсах. Раб не только собственность, не только не личность юридически (Римский закон рассматривает рабов как вещи; это отражение их действительного отношения, положения)⁴⁹,

3. В мире частноличностных отношений личность на обоих полюсах

ограничивается, становится односторонней, но односторонней различно.

4. Ликвидация, уничтожение частной собственности создает впервые условия для всестороннего развития личности.

Б. ОНТОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ

У ребенка раннего возраста «самодовлеющий» характер его деятельностей; они не связаны, не соотнесены между собой, не соподчинены друг другу.

Разрушение одной из деятельностей не затрагивает другие.

и делаю из себя, я делаю из себя для общества». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.; Л., 1929, т. 3. С. 624. 4* Очень важно исторически!

Индивид всегда индивидуален; но человек как личность сначала индивидуален в своей индивидуальности, но как личность – не имеет еще индивидуальных особенностей (первобытное общество),

:4Э Ведь рабом распоряжаются; он только «осуществлением

197

Ребенок легко (т. е. «независимо») утешается, «независимо» огорчается. Это – «натуральное хозяйство» деятельностей, не связанных друг с другом.

Правда, фактическая связь, связь первичная между ними всегда существует (если ребенок не будет есть, он не будет в состоянии и играть!).

Отсутствуют высшие, вторичные связи и соотношения,

В дальнейшем ходе развития происходит дифференциация деятельностей + осознание целей и соподчинение действий + смещение мотивов. Деятельности подчиняются вне их лежащим мотивам и иерархизируются. Высшее становится господствующим. От «действовать, чтобы удовлетворить свои естественные потребности и влечения» к «удовлетворять свои потребности, чтобы действовать, делать дело своей жизни, осуществлять свою жизненную человеческую цель» – такова общая формула развития личности!

Когда осуществление жизненной цели становится невозможным, когда цель оказывается иллюзией, тогда сама жизнь становится бессмысленной, она лишается мотива, превращается в бремя. Такую жизнь человек может прекратить, может отказаться от нее...

-

Г

IV. ЛИЧНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ⁵⁰

Самосознание возникает в результате соподчинения и иерархизации деятельностей. Это – самый общий и главный тезис. Это надлежит разработать специально.

Здесь необходимо различать: сознание «я», в его несовпадении с коллективом и собственно самосознание – сознание себя как личности.

Эту проблему тоже следует выделить и рассмотреть специально.

Проблема сознания «я» самосознания есть вместе с тем проблема идеалов: задача здесь не только быт, чтобы показать необходимость возникновения самосознания, идеалов etc и процесс возникновения этого, но это есть вместе с тем задача раскрытия обратного движения, т. е. роли самосознания, сознания в формировании жизни личности⁵¹.

V. УСЛОВИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Л «Задатки» – исходные, анатомо-физиологические особенности; = физическая организация человека, ее индивидуальные особенности.

1 Здесь, как и всегда в буржуазной психологии; основное положение оказывается перевернутым: стоящим на голове – вверх ногами,

⁵¹ Но и здесь первая и основная задача – прямое движение. Поэтому мы начинаем с прямого движения и здесь, и здесь мы имеем право ограничить свою задачу изучением прямого движения, если невозможно охватить сразу же

198

(Здесь важно подчеркнуть, что не только тип нервной системы, темперамент etc.)^{s*4}

[В связи с этим, в частности, проблема темпераментов (нейрогуморальных особенностей? или нейрогуморальных особенностей, переломленных в жизни?)

Сводка В. Штерна в дифференциальной психологии. (Stern W. Die differentielle Psychologie in ihren methodischen Grundlagen. 3 Aufl Leipzig; Barth, 1921. Anhang 1. S. 48) Schemata der Temperaments.

Но и задатки не суть нечто неподвижное: они меняются и не могут не изменяться в ходе жизни. Простой факт существования эндокринных сдвигов служит достаточной иллюстрацией этого. Значит, о задатках как об исходных анатомо-физиологических особенностях следует говорить как об исходных по отношению к рассматриваемому отрезку жизни.

Итак, прежде всего в качестве условий развития личности мы находим анатомо-физиологические особенности человека – играют ли роль в формировании личности, влияют ли на формирование личности человека его

анатомио-физиологические особенности? Они, несомненно, влияют на формирование личности, но они не являются тем, что определяет личность человека.

Способности – результат развития на основе (субстрат!) задатков; создаются в деятельности,

[Одаренность – исторический смысл этого понятия. Маркс: «всестороннее развитие всех своих способностей».]

2. ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ, ВНЕШНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Та или другая сторона личного развития индивидов всегда порождена тем, что Маркс и Энгельс называют «эмпирическими условиями жизни индивидов» (Соч. JVLt 1933. Т. IV, С. 226).

Конкретно это есть прежде всего историческая эпоха = «срез» процесса исторического развития общества.

Это, далее, есть то место, «обусловленное особыми условиями развития и разделением труда», которое выпадает на долю данного индивида (Там же).

Развивается ли, напр(имер), данное влечение личности или нет, это зависит от того, позволяют ли материальные обстоя-тельства... внешние условия,., удовлетворять это влечение и, с другой стороны, развивать целую совокупность влечений. А это последнее зависит, в свою очередь, от того, живем ли мы в таких обстоятельствах, которые допускают всестороннюю деятельность и тем самым развитие всех наших задатков» (Там же. С. 235), Это есть, наконец, совокупность частных обстоятельств, – частных внешних условий–естественных и общественных.

Конечно, и эти внешние условия не суть нечто неподвижное.

52 Сравни отношение к физ(ическим) играм, спорту etc, слабого физически ребенка и ребенка, физически сильного, и проистекающе из этого личност-ные черты.,.

199

Внешние условия т(аким) обр(азом) влияют на формирование личности, но:

– Можно ли, однако, сказать, что именно эти внешние условия во всей совокупности определяют психологическую характеристику личности человека? Нет> здесь приходится говорить то же, что мы раньше говорили применительно к внутренним условиям, к задаткам:

Они, несомненно, влияют на формирование личности, но они не являются тем, что непосредственно определяет личность человека.

Их влияние столь же не,фатально, как не фатально и влияние внутренних предпосылок развития человеческой личности.

3, ЧТО ЖЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Мы видели: не внутренние условия, взятые сами по себе, как и не внешние условия, как и не просто совокупность тех и других.

Личность определяется тем процессом, который «соедините их между собой, тем содержательным процессом.

– внутри которого эти условия – внутренние и внешние – только и выступают как условия,

– в котором они преломляются я таким образом выступают уже не в качестве внешних факторов, внешних сил, движущих процессом развития личности, но в качестве внутреннего, заключенного в самом процессе развития личности соотношения,

– Но этот процесс и есть процесс жизни человека!

Итак, совсем кратко: личность определяется жизнью. Она и есть нечто иное, как сгусток жизни, продукт ее кристал-лизации в форме субъекта – субъекта, всегда несущего в себе свою историю, свою реальную биографию.

Здесь должно заметить: не всякий, однако, процесс, происхо-дящий между субъектом и действительностью, составляющий внешнее условие его жизни, «личностей:», т. е. переходит, кристаллизуется б личности (и ею определяется).

Не «личностным» в этом смысле является все то содержание жизнедеятельности индивидов, которое мы называем операциями. Они – условие деятельности, действий, формирующих личность, но они не способны сами непосредственно определять ее.

То, что человек выучивается бухгалтерии, владеет техникой бухгалтерского учета еще ничего не определяет в его личности. Для личности его важно не то, что он овладевает техникой учета, а то, что он становится бухгалтером. Первое же есть только условие второго.

VI ХАРАКТЕР

Два смысла этого слова: I) характер в широком смысле слова, так, как определяет его, например, Полин: «Под характером

200

человека мы разумеем все, что его характеризует, что не позволяет смешивать

его с другим человеком, т. е. свойства, присущие его духу, особая форма его духовной деятельности. Характер, личность, индивидуальность – эти три слова выражают одно и то же понятие...» (Психология) характ(ера). С. 1).

2) Характер в узком смысле. Только такое употребление термина «характера в психологии является оправданным.

VII. ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Складывающиеся различные психологические типы личности определяются содержанием деятельности, содержанием реальных отношений субъекта к миру, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА)

Маркс: если... страсть принимает абстрактный, обособленный характер, если она противостоит мне как чуждая сила.» etc. то это «зависит не от сознания, а от бытия, не от мышления, а от жизни, это зависит от эмпирического развития и проявления жизни индивидов, зависящих, в свою очередь, от внешних сношений».

– Что же характеризует складывающиеся жизненные отношения человека и, следовательно) f его личность?

1° Богатство, многообразие действительных отношений субъекта, составляющих его жизнь* Это и есть основание, реальный базис личности. Оно определяется объективными условиями жизни человека – исторической эпохой, классовой принадлежностью, – конкретным местом, которое занимает человек в данном обществе), в данную конкретно-историческую эпоху. Оно зависит, наконец, от степени развития его физических и умственных сил. Поэтому «основание» личности будет различным у человека, живущего в условиях, напр(имер), родового общества, и у человека, живущего в феодальном обществе, у крепостного крестьянина и у индустриального рабочего, у буржуа и у феодала. Оно будет, разумеется, различным у ребенка и у взрослого,

Но не всякая фактически осуществляющаяся деятельность человека есть действительно часть его жизни. При известных исторических условиях отдельные жизненные отношения могут отчуждаться от человека.

«Труд – это жизненная деятельность самого рабочего, проявление его собственной жизни. И эту-то жизненную деятельность он продает другому, чтобы обеспечить себе необходимые средства к жизни⁵³. . . . Труд не является для него частью его жизни.

63 Это есть средство жить, а не сама жизнь/

201

Наоборот, трудиться – значит для него жертвовать жизнью... жизнь для него начинается тогда, когда его деятельность прекращается, – за обеденным столом, на трактирной скамье, в постели». (Маркс /С, Энгельс Ф. Соч. М.; Л., 1929. Т. 5. С. 422).

Здесь–2 замечания: 1) Отчужденная от человека деятельность – это деятельность, объективное и субъективное содержание которой– (ее обществ(енный) (объективный)) смысл и смысл для субъекта) не совпадают между собой: «... труд не имеет для него (для рабочего.– А, Л.) никакого смысла как тканье, пряденье, сверление и т. д. –Он имеет для него значение заработка, дающего ему возможность поесть, пойти в трактир, лечь в постель» (там же).

Для рабочего это – только операции, способы (значение/), которые приводят к удовлетворению потребности в ином [они включены в действие, в деятельность, направленную на поддержание физ(ической) жизни– (смысл!)]**.

2) замечание: #Отчужденное от меня» – это, конечно, значит не просто «для меня не существующее. Оно входит в мою жизнь и положительно и отрицательно, но только не в качестве своего собственного содержания. Подневольный труд–это вовсе не «несуществующее для меня». Он отнимает у меня часть моей жизни; он обогащает ее – правда, только как система операций, которыми я овладеваю – или – что важнее – как условие складывающихся отношений к другим людям – покупающим мой труд, с одной стороны, участникам по труду («чувство коллективности»– Маркс. Т. III)–с другой. В последнем различие, напр(имер), значения труда в формировании личности ману-фактурного рабочего и рабочего фабричного⁵⁵.

2° Степень развития <с вторичных>, высших связей действий (мотивов) между собой – их иерархизации, (Это именно степень развития личности. Это прежде всего, поэтому, линия генетической характеристики.)⁵⁶.

SH NB! Здесь очень важно: Ий/ употребление Марксом понятий «смысл», «значение»: 2°/ открывающееся структурное отношение: операция может вступить в иное действие. Она м(ожет) б(ыть) чуждой смыслу данной деятельности. Это необходимо точно и детально разработать.

К 1} –разделение труда – сужение личности, счастливын человек*. Акакий Акакиевич («Шинель*): Придя со службы переписывание дома <для собственного удовольствия>: «Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра?»

Частная собственность) и обмен ~– отчуждение жизни.

Любимое изречение Маркса: «Ничто человеческое мне не чуждо*».

56 К проблеме «нерархизации»: Дарвин. Автобиография. «До 30 лет и даже немного позднее я очень любил поэзию– еще в школьные годы я с наслаждением зачитывался Шекспиром, особенно его историческими драмами. Я уже говорил, что в молодости любил живопись и музыку. Но... вот уже несколько лет, как я не могу вынести ни одной стихотворной строки: пробовал я читать Шекспира, но он показался мне скучным до тошноты. К живописи и музыке я тоже почти совсем охладел. Музыка вместо того, чтобы доставлять удовольствие, заставляет меня еще лихорадочнее думать о том, чем я в данную минуту занимаюсь*».

202

"\ § ТИП СТ°ения личности (поди вершинный моно-

4° Внутреннее строение личности (гармонии [ная] – конфликтная] личность]).

4 – Конфликтное строение.

– «Поддержание».

– «Компенсирование». Что решает? содержание.

Не всякий мотив, жизненная цель способна стать вершиной – вынести всю нагрузку жизни личности.

1). Психологическая) проблема личности и художественное «портретирование» ее53. Здесь не разные средства, но общность .задачи. Здесь и разные средства, и разные задачи.

В чем различие задач? Не единичное, не портретирование, даже не общее в единичном, а в законе – в понятии – в этой задаче психологии!

NB/ Ракурс – удел литературы!

2). Наши цели – знание законов этих отношений высшего разряда, порядка – личностных отношений.

[Основоположник учения об одаренности – Гальтон («На-следственность таланта, ее законы и последствия») доказывает, что «известные» лица, т. е. люди, обладающие «высокой репутацией» (а это и суть люди, «обладающие высокими способностями»), принадлежат к ограниченному кругу семейств. Для этого Гальтон берет английских судей за известный] период времени, английских пэров и т. п. «...место судьи уже само по себе служит надежным ручательством, что занимающий его наделен исключительными способностями.»] Термин способность: в русском языке обозначает и общепсихологическое и индивидуально-психологическое понятие. Иначе в английском и немецком* В общепсихологическом смысле: faculty или power – Vermoegeru В индивидуально-психологическом смысле: capacity, capability, ability – Faehigkeit, Anlage, Disposition.

Критика понятия способности в общепсихологическом смысле: Локк Кн. 2, гл. 21, 20.

Термины: capacity–врожденные возможности (Спенсер), ability – умение использовать capacity = совокупность , на-выков и умений.

.•* «Эта потеря всех высших эстетических вкусов тем более удивительна, исторические сочинения, биографии, путешествия и всякого рода статьи продолжают интересоваться меня по-прежнему. Ум мой превратился в какой-то механизм, перемалывающий факты в общие законы... Человек с более высокой организацией ума, вероятно, не пострадал бы как я...»].

57 Герцен о Грановском: «Он нашел занятие вполне поглощающее, единое, своеобразнейшее душе и глубоко, отчетливо, прекрасно идет по этой дороге* (Ш, 437).

5* Психологическая) и художественная) литература. Лук Арагон – доклад на конгрессе, 1940.

203

Спирмен: «Умственная одаренность (ability)» – «общий фактор* – физиологически объяснен быть не может, это – количество умственной энергии, энергии не материальной.

ТЕПЛОВ

«Способностями мы будем называть такие, не сводящиеся к знаниям, навыкам и умениям, индивидуально-психологические особенности человека, от качественно-своеобразного сочетания которых зависит возможность успешного выполнения той или другой деятельности»,
Задатками мы будем называть индивидуальные анатомо-физиологические особенности человека, лежащие в основе развития способностей».

«Одаренностью мы будем называть то качественно-своеобразное сочетание способностей, от которого зависит возможность успешного выполнения той или другой деятельности»,

В буржуазной психологии проблема одаренности стоит прежде всего как проблема количественная («уровни»), #Наш подход к проблеме одаренности должен быть прямо противоположен традиционному подходу буржуазной

психологии: проблема одаренности есть проблема прежде всего качественная, а не количественная. Психология должна ставить своей целью дать практике способы анализа одаренности людей в различных областях, а вовсе не приемы измерения этой одаренности⁵⁹.

«Типы личностей» (Материалы)

«Одновершинность» и «двухвершинность» – Танеев и Бородин (у Теплова).

«Скупой рыцарь». Дарвин. Пастор.

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ

Факт: если накладывать на кожу формы небольших размеров, то они не воспринимаются. Достаточно, однако, малейшего движения, чтобы образ возник (Крогиус),

КОНСТАНТНОСТЬ

Гельмгольц: явление константности состоит в бессознательном исправлении (умозаключении).

Геринг: подчеркивал роль конвергенции и аккомодации.

Martius (1889): сравнение палочек, подвешенных на разных расстояниях. –

Отношение видимых величин на разных расстояниях сдвигается сообразно с перспективными отношениями.

:И в этом ли и только ли в этом важнейшее отличие нашего подхода? 204'

Мартиус впервые ввел эксперимент со специальной инструкцией.

Гиллебрандт {E. Hillebrandt}: выходит за пределы установления факта: опыты с разными объектами.

Методика: подравнивание подвижных концов параллельных линий до момента, когда они будут казаться параллельными. (Успешно можно решить задачу только при константности восприятия.)

Roppelreuter (1910; 1911) –

Иенш {1909, 1911}: при сильной конвергенции – создается симультанность – преуменьшение; при слабой конвергенции – ситуация смотра вдаль – создается тенденция к сукцессивности – преувеличение. Иенш исключает вмешательство сознания.

Блюменфельд (1913) снова вводит этот фактор.

E. Schur: объекты, находящиеся наверху, кажутся меньше, чем находящиеся прямо от наблюдателя.

[Это важно сравнить с мыслью Иенша; м [ожет] б[ыть], поднимание глаз фиксирует взор?]

{Константность у животных}.

Келер! Константность у 4-х-летнего шимпанзе,

W. Goüy Experimentelle Untersuchungen zur Problem der Sehegroessenkonstanz.

1926. Константность у кур,

N, Zocke Some factors in size constancy.

Обезьяны, дети и взрослые. = Отсутствие различий между испытуемыми.

Все эти работы сближают константность у животных и у человека.

G. Katona: Experimente ber die Groessenkonstanz, 1925. Основательная критика взгляда, что Wahrnehmungsbild есть сумма раздражений + репродуктивные (мышление) элементы.

При исключении реального видения расстояния константность значительно понижается.

Автор говорит о «наличии в восприятии первичных соотношений величины, к[ото]рые уже с самого начала при сравнении отличаются от раздражителя».

NB. Может быть отсюда – преодоление и асе [оциационизма] и гештальт

[психологии]? Может быть, дело именно в том, что существует двойной процесс; 1) мозаичная раздражимость + 2) активная операция = соотнесение

элементов, как в такт [ильном] восприятии, т. е, 2-я «сигнали-

При сукцессивном восприятии константность выше, чем при симультанном,

Грабке объясняет это тем, что симультанное наблюдение является соотносящим, объединяющим,

Бейрль. {Beur} / \ ueber die Groessenumfassung bei Kindern, 1926); телесные предметы дают большую степень константности, чем плоскостные.

Опыты Климфингера с эллипсами.

Интересы случайные, временные – отчасти это – вопрос «о занимательном». Их формула: это – «позиционные» интересы,

Их возникновение из «позиции», т. е. из отношения, которое существует как отражение.

Пример для анализа: литературный материал – экспозиция (позиция) –

завязка (мотив) – перипетии – развязка.

Резюме: интересы – вторичные явления, познавательная, т. е. ориентировочная сторона (в определении) целей).

Смысл

«За сознанием открывается жизнь» (Л. С. Выготский).

Проблема смысла и есть проблема сознания. Она относится не к области

«арифметикнв психологии, но к области «высшей математики ее. Это последнее

аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии.

Понятие смысла должно вобрать в себя то рациональное, положительное, что в идеалистическом своем извращении развивалось в понятии ценности (Шпрингер и др.)-

Мы называем деятельность, действие осмысленными. Нельзя, действительно, понять до конца деятельность прежде, чем не будет понято, что такое «смысл». Сознание не есть нечто бескачественное. Это не «сцена, на которой разыгрывается драма нашей душевной жизни», не психическое «пространство». Это и не то общее качество, которое присуще психическим процессам человека и которое, именно как

общее их качество, может быть вынесено в психологии человека за скобки. Сознание должно быть раскрыто в своей содержательности. В этом прав Л. С. (Выготский). Иначе говоря, должна быть найдена некая категория сознания, некая «единица», как говорил Л. С. его.

Попытка Л. С. рассматривать в качестве единицы сознания значение несостоятельна, т(ак) к(ак): 1) приводит к решению основного вопроса об индивидуальном и общ(ественном) сознании в духе французского социологизма; 2) в связи с этим сознание выступает как образуемое проекцией в личность идеального продукта общ(ественной) деятельности; это есть высшее и крайнее выражение культурно-исторической точки зрения; 3) проблема сознание – язык решается упрощенно; получается: язык образует сознание (Гумбольдт) т. е. слово выступает не как оформляющее известное содержание (форма здесь существенна?), а как составляющее его; 4) развитие сознания понижается как процесс взаимодействия начальных» и «конечных» форм, т. е. опять-таки на «франц(узско)-социологический» манер.

206

Основное положение, которое должно быть противопоставлено учению Л. С. о значении, это положение о том, что существует не простое «вхождение», переливание обществу обработанных значений в сознание субъекта, но диалектический – в точном, не вульгарно школьном, пошлом, понимании этого слова – переход их. Этот переход содержит в себе два момента: 1) объективное значение обогащается до неповторимо-субъективного и это определено отношением субъекта не к самому значению, а к отражаемой в нем действительности; 2) в том же самом акте совершается и обратный процесс: субъективное, оформляющее себя в значении возвышается до объективного и общественного б|, это и есть диалектика субъективного и объективного в сознании, диалектика индивидуального и общественного. Эту-то диалектику и отражает отношение: " |ачс"ие

Г

Взгляд из лингвистики:	слово	:	смысл	
значе*ше	смысл		предложение	
внешняя речь	внутренняя речь	Швачкин:	значение	:
смысл				

Это = условно, неточно!

Это только выражение в речи основного отношения; оно только отражение. Это отношение в речи обязано своим существованием тому, что в предложении (как и во внутр(енней) речи) проходит реальный процесс конкретизации, индивидуализации, ..]

Смысл = интенция значения.

Проблему смысла надлежит ставить исторически.

Понятие смысла означает отношение, возникающее вместе с возникновением той формы жизни, которая необходимо связана с психическим) отражением действительности, т. е. вместе с психикой. Это и есть специфическое для этой формы жизни отношение. Осмысленная, т+ е. подчиняющаяся этому отношению

со

деятельность и есть деятельность психическая \
Согласно основному общему положению о генезисе и сущности псих(ической) жизни, психической) деятельности, это есть деятельность посредствованная отражением воздействующих

60 Яркое разведение (может) сыть), первое настоящее разведение) смысла и значения в игре: палочка (значение) – по смыслу лошадь.

NB! Действие – смысловое, но операция – осмысленная!

61 Memorandum): проблема символа раскрывается особым отношением операции) – знач(ения) и действия – смысла.

Отсюда и проблема «метафорического пути» в развитии языка. Живая метафора и мертвая (значение, впитавшее новые смыслы, но ведь так-то и строится языкX) В языке обратное, чем в реальном действии: «перенос значения», с т(очки) зр(ения) действительности. – «перенос смысла сточки зрения самого слова*»

NB1 Совпадение смыслов и значений в раннем детстве соответствует совпадению

внутренней) и внешней речи.

б* Смысл существует только там, где существует субъект. [Признание «объективного смысла* есть признание верховного субъекта!] Биологический смысл: это еще не смысл так же, как, например), потребительная) стоимость (благо) не есть еще стоимость...

207

свойств действительности, объективно связанных с теми свойствами-ми действительности, которые непосредственно определяют жизнь, существование. Объект(ивное) отношение этих свойств, под-чиняющее себе, определяющее деятельность субъекта и вместе с тем выступающее и возникающее в ней и есть отношение смысла, есть смысл,-

Смысл есть, следовательно, не категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но и категория чисто субъективная. Это есть субъективно-объективная категория.

Смысл это есть всегда смысл чего-то, что рассматривается в отношении к кому-то, = есть смысл предмета для субъекта.

В павловских опытах метроном объективно связан с пищей. Для собаки он приобретает (именно приобретает, т. е. возникает в деятельности – немислим вне ее) смысл пищи; для экспериментатора – смысл экспериментально взятого агента...63

Это отношение – смысл, как и психика, развивается&4.

Прежде всего мы должны выделить биологический,- или, м(ожет) б(ыть),- инстинктивный смысл, это есть смысл «в себе», «*an sich*»} {м(ожет) б(ыть), здесь слово и не то ...}

Уже в пределах этого существует движение, развитие: от первичных форм этого отношения и его первичной динамики к более развитым формам (в пределах инстинкта же) – до «интеллектуального» смысла (высшие млекопитающие, антропоиды) со сложной его динамикой.

[Разительно: измененность смыслов у одомашненных жи-вотных] .

Главная, весьма общая характеристика инстинктивного смысла – 10: его неконстантность: для пресыщенного животного пища утрачивает смысл глгщи, для животного весной и летом особи противоположного пола имеют различный смысл, ..20: для животного не все имеет смысл [ср. Гельб: «для человека даже бессмысленное имеет смысл – бессмысленного»].

Основное изменение, скачок в развитии есть превращение

[Ван Д1-р Вслдт экспериментально показал возникновение смысла в простейших операциях: по сигналу (напр(имер), бессмысл (енное) слово) выполняется определенное движение. По мере повторения этого движения сигнал приобретает смысл движения – его схемы; движение теперь выполняется в результате действия сигнала, без предварительного сознания инструкции и схемы движения. Это ужасно наивно, но, м(ожет) б(ыть), это подсказывает?

64 ВБИ Опыты со столкновениями, коллизиями, смыслов – «переосмысл-вание»?.. *Смысл» у бурж(уазных) психологов:

Бннэ: зачатки действия {моторная теория смысла}.

Мюллер: зачаток образа, символ (?) его.

Тнтченер: смысл = контекст.

Бартлетт: смысл = контекст, создаваемый единством ситуации.,

208

инстинктивного смысла в сознательный смысл65–превращение инстинктивной деятельности в сознательную деятельность.

Это превращение происходит на основе возникновения обще-ственного (труд) отношения к действительности и в связи с развитием языка – появлением – значений.

Первоначально общественная деятельность выделяет (в пределах существовавших тогда общественных способов и средств воздействия на природу) ряд предметов, служащих удовлетворению потребностей коллектива, которые означаются; <кони, возмож-но, называют эти предметы «благами» или еще как-либо, что обозначает, что они практически употребляют эти продукты, что последние им полезные. {Маркс К*} Энгельс Ф. Соч. М., 1933. Т. XVh С, 461–462). Выделение, указание, придание стоимости – значения (латинский) язык не различает этих слов: *dignitas* = значение, будучи приложено к предмету – стоимость; *dignus* – выделенный; *digitus* – указательный палец). «Стало быть, стоимость и значение и по этимологическому происхождению, и по смыслу тесно друг с другом связаны» – заканчивает Маркс (Там же. С. 472). Значение есть категория общественного сознания, есть категория принципиально-языковая; значение, следовательно, объективно и устойчиво; оно, отражая отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое в предмете и устойчивое в потребности субъекта, теперь человеческой, т. е. общественной его потребности. Субъект здесь = коллектив66.

Смысл выступает теперь как смысл для коллектива и лишь тем самым и для

субъекта: он осознается.

На этой ступени то и другое совпадает; в пределах осознаваемого сознание субъекта совпадает с сознанием коллектива. Это – «тотемическое» в смысле Марра сознание?

Это не значит, что индивидуальная психика в целом совпадает с общественным сознанием. Прямые инстинктивные биологические связи с природой существуют, не могут не сосуществовать некоторый период с отношениями к природе, уже ставшими общественными, сосуществуют инстинктивные смыслы и общественные значения.

Возникновение в ходе развития общ(ественных) отношений сознания «Я# и есть возникновение сознательного смысла. Первичное значение раздваивается: появляется отношение смысл – значение⁶⁷. Смысл и есть #для меня значение!»! Это отношение выступает в патологии в отношении шизофрении – афазия. Так возникает мое общественное сознание, возникает общественный предмет, предмет моего общественного сознания.

ss Сознательный смысл собственно и есть смысл.

беэто – «кпра-значения».

67 «Смысловое поле*»; возникает система «человеческих смыслов».

209

[Так – психологически – раскрывается великое положение Маркса об общественном сознании человека!]

«Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, – замечает Маркс 68+ – Она приобретает для него вновь свой инстинктивный, нечеловеческий, животный смысл!»

– Марксов «торговец минералами – образ ограниченности смысла вещей их меновыми отношениями, = образ потребности накопления, стяжательства.

Сравни вообще классовый смысла

Но смысл может быть вовсе утрачен. Так утрачивается порой смысл слова: это и есть утрата связи его с действительностью, (Ср. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., М., 1933. X IV. С. 437).

Понятие смысла для психологии столь же важно, как и понятие стоимости для политической экономии; говоря о деятельности, рассматривая ее развитие и отдельные ее формы, но не вводя понятие смысла, мы поступили бы так же, как экономист, рассматривающий процесс обмена, его развитие и его формы, но ничего не желающий слышать о стоимости.

Развитие жизни= развитие мотивации= развитие смыс-ла⁶⁹. Жизненный мотив реально и выступает как жизненный смысл, как смысл жизни.

Психология сомкнулась с конкретной историей. Психология стала наукой о личности–личности действительной, действующей, утверждающей свою жизнь. Психология смыкается теперь с проблемами человеческой этики. Она становится наукой о жизни человека. И в этом пафос нашего пути.

Поэтому учение о деятельности есть альфа, учение о смысле – омега психологии!

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

К ПС(ИХОЛОГИЧЕСКОЙ) ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ

В сознании не презентированное содержание переживается по типу «vision nulle», а не «vision poire», т. е. ограниченность «поля» сознания не замечается.

Вообще: не «сознательное» и «бессознательное», а презентированное и не-презентированное в сознании*

К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТИ

Основным псих Дологическим) вопросом остается вопрос Бергсона. М(ожет) б(ыть) память «духа» – смысл, память «тела» – значение?

бй ...См.; Маркс К-, Энгельс Ф> Соч., NL, л., 1929. Т. III. С. 627.

" «Большие* и «малые» смыслы: смысл деятельности, действия, операции.

210

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ

Жизнь= жизнь тела. Выполнение нашей деятельности – мозг.

«Всегда объяснение сводится к показу механизма, с помощью которого реализуется нормальный образец поведения или его извращенный"вариант. Но самый образец предполагается готовым, а его отображение в мозгу – наличным.

физиологическое объяснение объясняет только наступление психических явлений, а не их содержание. Оно объясняет не все психологическое явление, а только его реализацию» («Первое размежевание»).

Например,) у Кёлера (психолог) внимание на содержании решений, на различии типов поведения; у Павл(ова)–на условиях их появления или непоявления («замечает» – «не замечает» etc.).

Это не значит, что физиологии отдается «исконная психологи-ческая область

выполнения поступков».

{Павлов: «пассивная сосредоточенность внимания» Двадцати-летний) опыт). 1938 г. 590–591.)

«Две противоположные иннервации: положительную и отрицательную, движения к предмету и от пред-мета» (526).

т, е., напр(имер), сгибатели – разгибатели, а не возб(ужде ния) – торможения!

ё понятие (категория) противоположения» – одно из основных понятий, делающих возможным мышление (631). Физиологически это – «взаимно индуцирующая па-ра» (632).

Ультра парадоксальная фаза («+» у (слоеный) раздражи-тель) превращается в «-» н v. v.), как объяснение Кречмеровского «рефлект(орного) оборота» (647–9),

Кёлеровская собака (569–70).

:.:v Отображенная в мозгу нормальная схема поведения и ее желание живут в нем не логикой вещей и действий, которые отображены, а логикой процессов ВНД,

«Желание (пснх<ологически>) есть не действующий агент первого механизма, а сопутствующее отражение, и притом отображение неверное, поскольку в нем содержится сознание

211

нашего #я» как причины действия». Учение о ВНД разоблачает эту видимость. Но бесспорно и обратное: что кпонял», «вспомнил», «захотела реально действуют на поведение.

Решающее обстоятельство: человек (жив(отное)) отве-чает не ка среду, а на свое «пониманке#=на окружение, как оно выступает для ч<елове>ка (или жив<отного>).

«Как явления сознания (образы) – пассивные и лживые спутники н<ервной) д(еятельности).

Как участники поведения они действительное, реальное определяющее начало поведения – =форма отношения к миру – как идеальное поведение, превосходящее и намечающее пути реального действия*

«В первом случае животное (или ч(еловек)) выступает как сложный механизм, внутри которого явления сознания л нервные процессы составляют две части (или две «сторонных» одной и той же части) и во взаимосвязи определяют поведение- Во втором случае человек выступает как хозяин организма со всеми его механизмами; он выступает против мира, как целое, и чпр выступает перед ним, как целое; и это двойное отношение осуществляется в двух формах деятельности индивида: он выступает против мира в практической деятельности, мир выступает перед ним в теоретической деятельности, В первом случае субъективные явления представляются частью в организме, во втором – формой отношения целого к среде».

Резюме «положения вещей», вытекающего из первого этапа анализа:

физиологическое) объяснение) псих(ических) явл(ешн)} I) предполагает схемы поведения готовыми* а их отображение в мозге наличным; следовательно), оно объясняет не само поведение, а его реализацию;

2) оно исключает из этого процесса всякое участие субъек-тивных) состояний), показывая этим, что субъективные явления и процессы ВНД имеют разное отношение к поведению.

Анализ это (го) отношения показывает:

а) по отношению к поведению субъект(ивные) состояния образуют механизм (деятельность) планирования.

б)-----#-----&-----к ВНД – реализуемое поведение. [Ста-рая психология исходит из представления о психическом) как о двигателе тела= мозговых процессов,]

Поэтому учение о ВНД, исключаяющее псих(ические) явления из механизма реализации поведения, имеет для психологии «очищающее» значение (конец гл. II).

Таково следствие разграничения псих(ического) и физ(иоло- 212

гического) по линии «содержание – реализующие механизмы».

Но это разграничение само по себе – «никуда не годно»; оно имеет только значение наведения.

«Содержанием психических явлений не содержит, а скрывает в себе предмет психологии, вернее – только указание на него.

Связь ВНД и психики открывается через третье звено – поведение. «Поведение выглядит в своем мозговом отображении совсем иначе, по существу иначе, чем оно отображается в сознании,

– В гтсих(ическом) отр(ажении) поведения на первом плане расчлененное предм(етное) поле и возможные действия в нем (объективизировано, избирательно и оперативно),

– В мозг(овых) схемах поведения действия объединяются между собой по заключенному в них отношению к окружающему (по смыслу), [Обобщение «в сторону»: разных действий по общности их результата (значения его)}. Обобщение «вперед»: действий, имеющих противоположные значения (выражающих противоположные отношения)), – по принципу противоположности, противоречивости («взаимно индуцирующих пар»).

Сознание отражает «злобу дня», мозг – постоянный смысл, устойчивый для общей линии поведения.

«Но и сознание не лишено предчувствия этого общего смысла».

Прим(ечание): Анализ негативизма, контрализма (Павлов); противоположности физиолог(ически) смыкаются, психологиче(ски) противопоставляются.

Противоположности в движении – Шеррингтон – ан-тагонистическая) иннервация. Какое значение имеет «физиологическая) противоположность».

Обобщение по отношению «к» – «от»

«приближение – отталкивание» etc. имеет то значение, что оно лежит в основе, составляет условие обобщений «в сторону» – возможности взаимной замещимости одинаково направленных действий.

Это обобщение отвечает не признакам вещей, а их основным свойствам (в отношении к индивиду, его потребностям). Это – обобщение по смыслу вещей. Понятие смысла у Павлова: Лекции изд(ание) 3. С. 26.

213

– и-----"– с. 45,

20летн(ий) оп(ыт) изд(ание) 6. С. 152. —«,—» с 417

----v j* lfu / *

«-----» с. 636.

Строение обобщения предметов является двустепенным (дву-членным, двусложным): 1) предметное) содержание и 2) смысл, 1-е – расчленяет предмет на части и признаки, действие на элементы; 2-е объединяет их в реальные единицы поведения. «Смыслы образуют синапс каждой лары противоположностей».

Раскрытие и обоснование этого у Павлова: 1) условный кислотный рефлекс, когда сгибание ноги есть сигнал, «го с ним как с кислотой начинается борьба» (20-летн(ий) оп(ыт), изд(ание) 6. С. 337) (Там же, с 704).

Вывод: даже в том случае когда движение воспитывается «механические, оно принимается или отвергается (и заменяется противоположным) в зависимости от соответствия его смысла смыслу наличной обстановки.

«Решает отношение смыслов, а не частная двигательная формула».

[То же показывают американцы:

Lejght & Gantt По: Ed. Girden «Role of the response mechanism in learning and in «excited emotion» // Am. J. of Psych., 1934. 56. N 1. P. 1–20]–

Обучение с перерезкой двигательных) корешков:

= перенос на движение других конечностей по смыслу.

Подлинное содержание смысловой структуры поведения раскрывается в мозговом его отображении. В этом значение для психологии физиологии ВНДя (конец III).

[До сих пор смысловые содержания (= смысловые схемы поведения) предполагались готовыми.]

IV. Как объясняется физиологически формирование смысло-вых схем поведения. (может ли усл(овный) рефл(екс) служить образованию поведения?)

Замыкание ус(ловного) р(ефлекса) объясняет смысловое строение поведения и v.v.?

Этапы образования ус(ловного) р(ефлекса):

1. Ус(ловному) р(ефлексу) всегда предшествует ориентири-вочный рефлекс.

2. После того как ус(ловный) рефл(екс) устанавливается, ориентири-вочный слабеет и исчезает.. (20-л(етний) оп(ыт), 6 (издание), 539–40).

–(–там же, 544–45).

[Описание ориентири(овочного) ус(ловного) р(ефлекса) – там же, 130–131.]

3. Ориентири-вочный) рефлекс однако не является возбуди-лем условного (Там же. 536–545),

4. Ориентири-вочный) рефл(екс) есть именно исследователь-ский.

514

Он 1) приводит к выделению данного раздражителя, 2) отно сит его к безусловному раздражителю, устанавливает подлинную связь между ними.

5. Сие не есть результат или отражение самой возникающей усл(овной) нервной связи (ориенти(ири-вочный) рефл(екс) не идет параллельно условному). Следовательно: ориентири(овочный) рефл(екс), увязывая без-различный) раздражитель) с безусловным, прокладывает путь для дуги условного рефлекса {«[нрзб.] пункт связи»}.

Услов(ный) рефлекс не создает рисунка поведения, а реализует его (закрепляет связь).

Павлов понимал различие между ориентировочной и условно-рефлекторной деятельностью (Лекции, с. 142–143) (о «раздражительном» процессе).

«Изучение анализ, деятельности не полностью ус, р. также будет иметь свой недостаток» (Павлов),

Главная трудность воспитания условных рефлексов – в соотношении безразличного раздражителя с безусловным.

Чем ближе предметно (а не только во времени) безразличный агент к безусловному, тем скорее он становится условным (20-летний опыт). с 71 (изд. 6)).

[Сравни с наблюдением Лешли, Мозг и интеллект), с 135–136 (русского издания)): о дифференциации фигур крысами – методика активного прыжка.]

Опыты с образованием условной связи между нейтральными агентами.

(Нарбутович и Подкопаев. Условный рефлекс как ассоциация. Труды физиологической лаборатории И. П. Павлова), т. VI. В. 2+ 1936. с. 5–25.)

[Такая связь может держаться без подкрепления в течение многих месяцев и даже лет.]

Принципиальное значение этих опытов: здесь отсутствует доминирующий центр безусловной реакции; он, следовательно), и не решает вообще.

Следовательно), эти опыты показывают, что ориентировочный рефлекс сам по себе способен устанавливать связи двух любых раздражителей,

Так выясняется подлинная роль ориентировочного рефлекса != прокладывание линии условно-рефлекторных связей».

Общий вывод: ориентировочная деятельность – «теоретическая з» – 1-я обязательная фаза условно-рефлекторной).

V, Проблема параллелизма на этом этапе анализа.

[Сознание – область миражей!]

Разведение психической и физиологической деятельности выступило в виде несовпадения ориентировочной и условно-рефлекторной деятельности,

215

Но ориентировочный рефлекс сам = нервный процесс, за которым и признается первенство. Отсюда проблема физиологического и психического

воспроизводится, хотя и на новом участке.

«Оборачивание еще р и в отношении ориентировочного поведения ставится вопрос о примате усматриваемой схемы.

Получается круг:

если взять конкретное действие, то оказывается, что его поведенческая формула предшествует физиологическим механизмам; если взять вопрос в целом (поведение в его отношении к физиологической основе), то оказывается, что физиологические механизмы доминируют в порядке причинности, предшествуют поведению. В порядке исполнения – господство нервных механизмов, со стороны строения деятельности – господство образа действия.

[Параллелизм всегда ведет к дискредитации реального значения психики!]

[Параллелизм дискредитирует не только психологию, но и физиологию].

Понять поведение = понять, на что и как оно ориентируется; формально параллелизм допускает и психологическое и физиологическое объяснение ориентации.

Однако между ними фактически существует несовпадение. В чем оно?

Ориентироваться = установить свое положение в обстановке в связи с целями своей деятельности, в этом 2 части: 1) составить правильный ориентирующий образ и 2) определить свое состояние, свои возможности, пути к цели.

Следовательно), ориентировочная деятельность имеет дело А) с

ориентирующим образом и Б) с самой средой, в которой нужно

ориентироваться,

[В ориентирующей деятельности среда подлежит не изменению, а выяснению.]

[Ориентировочная деятельность является подлинной деятельностью.]

Психология и физиология (обычная) в анализе ориентировочной деятельности:

I. С психологической стороны она состоит в активной перестройке

представления о действительности соответственно самой действительности и

заданиям своей деятельности, в активном и целесообразном соединении

прошлого опыта с наличным восприятием.

П. Физиологическая конструкция, подменяющая это понимание, состоит в том, что:

1) внешний мир принимается за сумму раздражителей;

2) 6

2) движение изображается как результат раздражения, преломленного через промежуточные инстанции, как продукт взаимодействия внешних раздражителей и нервных процессов;

3) при этом результат движения есть только результат, не влияющий (ни) на движение, ни на его механизмы (не влияющий ретроактивно);

4) выделение и сохранение успешных движений есть результат

механического) отбора; то) е(сть), ориентируе-ванность поведения есть внешний результат отбора: поведение не ориентируется, но оказывается ориентированным.

Это – механистическая, картезианская концепция! Она осно-вана на признании однотипности объяснений всех биологиче-ских) явлений. Дарвинизм по отношению к особи! = Дарвинизм в поведении! – Но сие – решительно ложно! Дарв(инизм) имеет дело с видом.

ОТБОР И «ОТБОР» ДВИЖЕНИЙ;

При видовом отборе* действует изменчивость в пределах наследственности, при отборе движений в процессе образования нового действия выступает переключаемость в пределах функцио-нальной заменимости. Здесь поднимается вопрос о новом типе индивидуального приспособления к среде.

Вопрос этот конкретизируется так: каким образом результат удачного движения оказывает «ретроактивное действие» на свою причину и удерживает среди массы движений лишь те, что приводят к полезным изменениям?

Бесплодные попытки Торндайка ответить на этот вопрос.

Потребность (безличная, <голая>)

движения

(случайные, любые)

успех, неуспех (гашение воз-буждения = по-требности)

С точки зрения этой схемы результат не может произвести никакого влияния; при любых обстоятельствах будет иметь место только «проторяющее»(?) влияние повторения.

Отсюда «конфигурационный принцип сопринадлежности» у Торндайка.

Иначе и правильно подходит к вопросу Павлов.

У Павлова: 1) с самого начала в основе динамики нервных процессов (лежат) смысловые схемы поведения; 2) с самого начала определяющими принимаются биологические {и социаль-ные) закономерности поведения; 3) потребность не предельно безличное напряжение = возбуждение, но требование недостающего, определенного, направленное на предметный мир («сесть минимум определенности всегда»).

217

(Определенность потребности – в безусловном действии раз-дражит (еля>); «благодаря образованию условных рефлексов, связи потребности с внешним предметом и предметными) действиями становятся все более широкими и определенны-ми» = опредмечивание.

Удовлетворение потребности направлено прежде всего на результат действия, и лишь когда он положителен – на саму технику действия, вторично ее дифференцируя и закрепляя.

T{o) е(сть) градиент падает не от начала к концу, а от конца к началу действия.

Это подтверждается данными Боровского и Хелла, {BorovskL

Experim(entelle) Untersuchungen ueber den Lernprozess // Z. f. vergl(eichende) Physiol(ogie), 1927. Bd. 6. S. 489_529. C L* HutL The goal gradient hypothesis and maze learning. Psychological) Rev<iew>, 1932, 39. P. 25.}

Отображение смысловых схем в мозгу – функция «функцио-нальных нервных центров; см(отри), напр<имер>, Павлов о пищевом центре («20<-летний опыт);»-(С.) 145, 150, 153– t55, 156).

Это– «центры потребности».

«Настоящая физиология головного мозга утверждает смысло-вую организацию поведения и обнаруживает удивительное соответствие основных черт функционального строения мозга со смысловыми отношениями поведения».

Ergo: смысловая структура поведения не есть иллюзия! Она реальна, как реальна высшая нервная) д(еятельность) мозга.

Но здесь снова возникает проблема параллелизма.

«Но последнее слово еще не сказано.»

Мы установили только идентичность основных начал их строения, но еще не выяснили, как выглядит построенное на этом основании поведение и процессы ВНД_ А в этом – все дело, ибо силы параллелизма именно в том, что они признаются «одним и тем же», только каждое в своей области.

«.,. Было бы верхом бессмыслицы, если бы мозг, так ос-мысленно работающий, продуцировал бы без всякого отношения к потребности, т(o) е(сть) совершенно бессмысленно, не какую-нибудь мысль, а целый мир, в котором осмысленность выступает основной чертой».

IV. Задача: сравнить по линии осмысленности элементы ориентировочной деятельности с отвечающими им образованиями ВНД: а) как строится ориентирующий образ и б) как происходит ориентировка с его помощью.

а) как строится образ предмета? (С. 81 рукоп(иси)). Чувственные качества не

первичные самостоятельные единицы восприятия.

Предмет отражается во множестве образов (ракурсы etc). Отсюда:

1) отдельные чувственные образования первично связаны с вещью, а не между собой, и лишь через нее, вторично, они связаны друг с другом.

2) переход от одного чувств(енного) образования к другому связан с изменением реального отношения к вещи, а не к этому чувственному образованию.

Различение: постоянные внутренние соотношения = «собст-венный вид предмета» и образы предмета для «поведения на расстоянии».

2-е связаны с 1-м через вещь же.

Ориентирующий образ = система образов, раскрывающая вещь, и далее с.

* * *

К ПРОБЛЕМЕ МЫШЛЕНИЯ

1. Мышление имеет дело с действительностью, а не с представ-лениями, понятиями. Contra ассоциационистской теории, contra Gestalt'овскоfi теории о феноменальном поле (предмете).

2/Мышление есть процесс, связывающий субъекта с действительностью. Это – деятельность (либо только действие, операция).

3. В мышлении, как деятельности: выделяется (находится) цель.

Данные – условия.

Цель + условия = задача.

Задаче адекватна операция.

Операция осуществляется «аппаратами» – функциями: мыслительной), сенсорной, моторной (пробы). Это ее состав.

* *

4. Мышление – осмысленный и целенаправленный процесс. Мотив: цель = смысл
Смысл = интенция мышления!.

Операция – результат знания; оно существует в форме значений.

5. По-видимому, творческий характер м(ышления) создается особым отношением операции к цели, как в детской игре. (Нужно идти к этому через генезис воображения).

6. Мышление замечательно тем, что это не цепной, линейный процесс. В мышлении дело обстоит так, как при ловле рыбы наметкой: заброс – рыба поймана, натянулась веревка, сетка;

219

но и не поймана еще: ведь нужно завершить («совершить») дело – вытянуть рыбу на берег; только тогда рыба действительно поймана и только тогда видно, что это рыба и какая она {= каков результат процесса).

Дело идет, значит, так:

1) возникает идея; 2) она совершается – превращается из смутной, неуловимой («облако») в ясную идею, в мысль. Логика относится только ко 2-му+

* | *

К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ

Установка == отражение (Узнадзе). Но тогда возникает вопрос: в чем же отличие ее от познавательных переживаний?

1) как поза («роль») отражает временную, условно взятую позицию в общении (общественную) функцию);

2) как установка (уст. позиция) мое факт(ическое) место, общ(ественную) функцию. Следовательно), установка лично-сти) есть а) социальное образование, продукт общения и б) есть внутреннее образование, продукт теоретической) идеальной деятельности. Последнее = ?

* * *

NB: (читая opus о психологических) профилях). Дело, по-видимому, в том, чтобы не просто ввести в психологию «конкрет-ные» и «жизненные» понятия вроде «чувства практической целесообразности». Сделать психологию жизненной – значит не ввести в психологию понятия, взятые из пр акт {и ческой) жизни и худ(ожественной) литературы, а проникнуть системой научных психологических понятий в ту действительность, которая понятия-ми практической) жизни и худ(ожественной) литературы отражена, Т<о) е<сть> не житейское в психологию, а психологию в жизнь! <)

р

Т
(В дороге: Ашхабад – Свердловск) 17 июля 1942.

«К ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ»:

.., Мотивы – чувство, цели – воля, средства – ум, – так мы возвратились к классической триаде, сняв ее как тройкую способность души и раскрыв ее в ее действительном содержании

220

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Ничего нет в жизни более важного и любопытного, чем мотивы человеческих действий,..?»

Горький («Читатель». Т, 2. С. 287).

Разное – «вокруг**

К проблеме значений и смысла

«Человек судит посредством суждений общества» – но он судит по-своему., (Откуда эта цитата?)

Существует, конечно, различие между интеллектом и умом; но еще важнее различие между мыслями и думами. Разве нельзя мыслить, не задумываясь? Часто мысли требуют, чтобы над ними задумался человек. И бывает бездумное мышление, бывают бездумные мысли. Дума – это совсем особенное, это не просто мысль.

Одумайся! – говорят иногда человеку. Значит ли это: пойми? Нет, скорее – оцени, найди смысл. Мы задумываемся, когда ищем смысл мысли.

Нюансы значений вроде «дума» – «мысль», «думать» – «мыслить» тем психологически и интересны, что они отражают разные стороны познающего сознания. Дума бывает горькой, мысль – неверной, ложной.

Великолепно народное: #Это мне думно, т. е. по душе (Даль). Или поговорка: «Долгая дума, лишняя скорбь»

Из «Панфиловцев» Ал. Бека.

«Что такое родина?» (Объяснение красноармейцам) гл. % 3 {Родина это – ты, и ты, и ты; дом, отец, мать, сестра, свой народ..,}

Важно противопоставление: понимание того, что есть родина (газета), и переживание того, что есть родина, смысл этого значения для меня.

. % Изменение смысла,

Панфилов: «Солдат идет в бой не умирать, а жить!»

Борьба за это. (Мотив: не сохранить свою жизнь, а убить).

Отряды, идущие нападать на немцев.

Появление страха («генерал Страх») у немцев.

Ошибка Машиш-улы: немцы в критическом положении ожесточенно сопротивляются, контратакуют.

Один из важнейших моментов воспитания бойца: чтобы жить, нужно убивать.

У Бека очень ясно: путь воспитания воина действительно введение в дело, фактически нужно поставить солдата так, чтобы он погнался врага, увидел его спину.

221

«Чтобы жить, надо иметь прицепку,..а

Чехов. Из «Заметок».

Купец Строганов: «Никакого смысла нет в человеке, который

к делу своему не привержен... (Горький. «Трое». Т. IV. С. 80).

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ

Это NB!

Строение мотивационной сферы:

1. Образ многих прожекторов, освещающих точку – цель.

2. Следовательно, многоосмысленность и «сбавgent».

3. Это происходит вследствие «теорем №: чем дальше мотив, тем слабее; когда м(отив) и ц(ель) «накоротке», то м(отивы) – односмысленны и побудительны. При «отодвигании ее (цели) нужны дополнительные силы; нужны дополнительные «прожекто-ры»: действия других м(отивов) {или сама ц(ель) = м(отив>); вступив в иерархическое подчинение к мотиву, мотиву,

4. В развитии: чтобы вступить в иерархическое подчинение, необходимо, чтобы м(отив) продолжал выполнять ф(ункцию) м(отива) потом эта функция может быть утрачена – тогда м(отив) превращается в ц(ель). Этот генетический принцип можно выразить так:

ГЕНЕЗИС ц(ЕЛИ)

1. Деятельность входит в состав общего отношения – более общей (м(ожет) б(ыть), общей = общественной?) деятельности.

2. М(отив) первой деятельности продолжает некоторое время сохраняться (предмет первой деятельности сохраняет некоторое время свою побудительную силу); потом он может утрачивать ее.

3. Утрачивая свою побудительную силу, предмет первой деятельности превращается только в ц(ель); а сама деятельность становится действием,

Джимми Коллинз. «Летчик-испытатель». М. f 1937.

«Я узнал теперь и некоторые другие вещи, понял их всем своим существом] а не только рассудком, как это было раньше! Понял я и классовую основу моих убеждений».

С. 24.

К дальнейшему анализу:

Очень важно тщательно проследить все, что говорилось об аффектах в связи с инстинктами и особенно с потребностями]

К динамическому соотношению внутренних моментов деятельности.

222

эмоции

1. Эмоция имеет свою функцию. [Особую функцию; не функцию эффективности вообще!]

2. Эта функция состоит в смещении ею мотива на цель. [Иначе: она бессмысленна по отношению к цели].

3. Не «радирует» ли она от мотива + «липнет» к нему? функция аффектно-элементарные 1
* -- высшие (')

ЧУВСТВА

(Чувства это = смысловые обобщения)

Это для смыслов то же, что для значений – понятие,

т. е. понятие = чувство операция действие

Начало анализа:

От отщепления аффекта от чувств (енного) отращения)

(предметного).

Здесь тоже – «раздвоение»

NB! О развитии языка (статья Аганова и Зелинского),

Важная мысль: идеологическое переосмысление значения слов (пример: «свобода»; «демократия») – очень существенно для понимания детали перехода к новой идеологии и усвоения ее.

Это нужно выправить в «Очерке».

К СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЗНАНИЯ

Необходимо ввести различие:

- 1) мотивы –
- 2) мотивы – цели (осознанные мотивы)
- 3) непосредственная цель действия.

ИЗ ЛЕКЦИЙ (ПОЗДНЕЙШАЯ ЗАПИСЬ)

1-я лекция о сознании. 28.XL45: I «Объективированность и презентированность отображаемого».

2-я лекция о сознании. 30.XL45: II. Общественная природа (общественно) вырабатываемая практика преломление отображаемого через призму общественной практики, общественно-го сознания (= языковая природа сознания).

3-я лекция о сознании: III, «Не динамичность, но процессуальность отображения», (Несоздаваемый) образ неустойчив, динамичен, сознательное отражение – процессуально, оно есть переход от смысла к значениям, совершение.)

К ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ (запись до лекции)

Сознание – бескачественно? – Вот качества его:

1. Объективированность сознательного отражения.
2. Презентированность образа (может быть), это – одно и то же?.
3. Структурность сознания (смысловое и языковое (значение) строение сознания; чувственная природа сознания = чувственная ткань его),
4. Ориентация по отношению к целям, т. е. объектам, отношение которых к мотиву не дано, а задано.
5. Наличие внутр(енних) деятельностей, действий, операций,
6. Самонаблюдение (в смысле «мышление может иметь своим предметом мысль»), [а может быть], это «1 Н-2»,

К БЕСЕДЕ С А. Р. <ЛУРИЯ>

Мне думается, что к патологии сознания, возникающей на почве очаговых поражений коры, нужно в экспериментальном исследовании подходить именно как к патологии сознания. Это значит, что нужно попытаться взглянуть на нарушения только как на нарушения сознания, а не психического отражения вообще.

Например, случай AP, с умением (неразб.) прочесть смысл, но не значение («Ленин, когда написано «Сталин»), все агнозии и т. п. Эксперимент здесь – по такой схеме: 1) фактическая возможность (объективно!!) дифференцировать воспринимаемое, как сигнал (условный) рефлекс, вообще опыт, как его ставят с младенцами, животными); 2) изучение, вернее анализ, того, что такое отражение может дать функционально, какую роль и в каком поведении оно может выполнять; сие важно с теоретической точки зрения – с точки зрения утверждения не эпифеноменальности сознания («зачем нужна высшая форма – сознанием); 3) методика «облегчения» сознания – поиска принципиальных условий сознания (= восстановление сознания), т. е. а) какие условия, какое структурное изменение (позиция к материалу) «скрадывают» дефект и б) что может привести к сознанию (обходной путь).

Главное: еще раз: к нарушению сознания нужно подходить не как к нарушению психики, а как к нарушению лишь определенной

224

формы психического отражения. Поэтому вопрос должен всегда ставиться двояко: что может быть отражено и что может быть сознано – что фактически

афферентирует поведение, а что в интроспекции. И что, таким образом, зависит в поведении от факта презентации образа (значения) в сознании? Школьное представление о речевом общении вообще – ложно. Оно логицизирует процесс. В действительности, так же как условием расчленения в восприятии речевого потока является знание значений {«Флюгеране», «Деварадуйся»), так для восприятия чужой речи нужно понимание говоримого. Это, по-видимому, вообще обычный психологический парадокс: чтобы увидеть, нужно видеть!

А письменная, монологическая речь?

Там тоже не логика, а (даже в научном изложении) драма: экспозиция, завязка, перипетии, развязка и за всем этим – ответ на созревший вопрос слушателя, читателя, реализация смысла.

Г 1

О ПЕДАГОГИКЕ

Педагогику (как и психологию!) нельзя строить равнодушно, потому что это – наука о человеке, а человек не прощает равнодушного к себе отношения.

225

РАЗДЕЛ IV

О КНИГЕ С. Л. РУБИНШТЕЙНА «ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ»

{Материалы и дискуссии}

Автор начинает свою книгу с указания на двойную соотносительность психического, «присущего индивиду и отражающего объект» (5)¹. Эта двойная соотносительность образует две черты психического (5), или два аспекта его* В разрезе психофизической проблемы эта двойная «соотносительность», эти две «черты», эти два «асpekта» ставят две задачи: при разрешении психофизической проблемы необходимо вскрыть, с одной стороны, органически-функциональную зависимость психики от мозга, ...с другой... необходимо учесть зависимость ее [психики] от объекта» (19). Таким образом, двойная соотносительность, двоякий аспект психического – это двойная зависимость психического от психофизического.

Как же следует понимать здесь понятие «зависимость»? Какого рода эта зависимость? Эта двойная соотносительность? Эта зависимость есть «детерминирующее соотношение» (20).

Теперь мысль автора уточнена. Психика детерминируется двояко: 1) она «детерминируется (т. е, определяется) мозгами, «органическим субстратом, т. е. внутренним, и 2) она «детерминируется» (т. е, определяется) объектом, отражаемым, т. е. внешним. Существуют 2 фактора: внутренний – орган, внешний – предметный мир.

Итак, мы стоим лицом к лицу с концепцией двойной детерминации психики. Психика, психическое определяется двояко: изнутри – органическим субстратом, извне – объектом. (Таков, действительно, ход мысли автора: мы находим его и в обоих изданиях «Основ» (см. с. 91), и в более новой статье в «Ученых записках МГУ», 1945 – «Сознание и деятельность»³.

Концепция «двойной детерминации» психики отнюдь не является последним словом автора; она, конечно, не может быть принята автором. В ней нельзя не узнать самую плоскую, самую ходовую в буржуазной психологии «теорию двух факторов»...

Автор тотчас и оговаривает свое положение о «двойной детерминации». Он выдвигает несколько положений, которые должны показать, что нет двух начал. Первое из них гласит:

1 Цифры в скобках обозначают номера страниц по изд.: Рубинштейн С* Л» Основы общей психологии. 2-е изд. М 1946.

2 См.: Рубинштейн С Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Уч. зап. МГУ. Вып. 90, М., 1945.

226

выделенные анализом соотношения, детерминирующие психику, включаются в единый контекст, которым они в целом и определяются» (20). Итак, существует детерминация этой двоякой детерминации. Это положение автора пока еще – само по себе – конечно, не устраняет концепцию «двух детерминаций».

Автор тотчас же возвращается к этим двум «детерминациям»: он пишет: «Для разрешения психофизической проблемы особенно существенно правильно их соотносить» (20), «Мы в конечном счете имеем не два равноправных и внешнеположных соотношения. Одно из них в действительности включено в другое и в свою очередь определяет его» (21). Одно детерминирующее отношение включено в другое детерминирующее отношение и детерминирует это другое детерминирующее отношение, ... это – две неразрывные стороны единого по существу отношения психики к ее материальным основам (91).

Где же ключ, раскрывающий эти положения? Ключ, даже два ключа (!) указывает сам автор: 1) правильное понимание развития, опирающееся на принцип

единства строения и функции; 2) правильное понимание сознания, опирающееся на учение о сознании как отношении субъективного и объективного, как их единства.

Рассмотрим раньше первое – учение о развитии (второе – несколько позже).

Главный тезис – единство психики и деятельности. Как же раскрывается это единство? Что такое деятельность?

Деятельность – «сложное образование, которое, не будучи только психическим процессом, выходя за пределы психологии. >., внутри себя включает психологические компоненты (15). С чем же имеет дело психолог? «Наша психология включает... в область своего изучения... психологический аспект или сторону деятельно-сти» (16) – см. также «Мысли о психологии». Итак, деятельность выступает своей психической стороной. Поэтому единство психики и деятельности превращается в един-ство», психики и ее психических компонентов!

Да автор и говорит: «Образуют органическое целое – не тождество, но единство» (14–15).

Очевидно, что:

– так понимаемая деятельность и так понимаемое единство ее и психического ничего не решают, не преодолевают двойную детерминацию*

– Какое же это «единство*» внутреннего и внешнего бытия человека (16).

Анализ: три «образования»: 1) физиологическое, 2) психофи-зическое, 3) психологическое2:

2 См.: Рубинштейн С. Л. Физиология и психология в научной деятельно-сти И, М. Сеченова // Фнзиол. журн. СССР, 1946, Т. 3Э. Вып. I. С. 154.

227

8*

1) физиологическое – понятно.

2) психофизическая функция – «психофизическое, а не только физиологическое» – поскольку определено физиологиче-скими законами.– Почему же «поскольку и почему «поскольку физиологическими»?

3) психическое– («более сложные психические процессы» – значит психофизиологическое – «менее сложные», но все же психические процессы??) –А, Его условие – психофизические («менее сложные психические) «закономерности» («обусловлено этими психофизическими закономерностями); Б, Регулируется закономерностями отражаемого, т. е«: предметно-смысловым содержанием.

Что же за этим? За «психофизическим» – физиология, органика –первое психическое. За «регулируется– второе пси-хическое. Это приводит к идее о двух психиках.

Нот может быть, нужно рассмотреть отношение психических процессов и психофизических функций? «Психические процессы, включая в себя в качестве компонентов те или иные психофизиче-ские функции, в свою очередь включаются в те или иные конкретные формы деятельности, внутри которых и в зависимости от которых они формируются» (180).

Развивается деятельность – психические процессы – психофизические функции; мозг строится, функционируя, – психика, психическое строит мозг. Это – взаимодействие психического и физиологического.

Но мы теперь знаем, что представляют собой функции моз-га – психофизические функции, в нем их тайна. Это функции, включенные как компоненты в психические процессы.., (тут – железа Декарта?)

Итак, что же дает рассмотрение учения о развитии и деятель-ности с точки зрения задачи преодоления двух детерминирующих и взаимодействующих начал? Взаимодействие двух начал не снято. Оно удвоено; за ним открылось новое взаимодействие: психики и мозга, –

Но, может быть, так только потому, что мы не дошли до третьего звена – развитие психики человека и учения о созна-нии?

Характеризуя свое учение о развитии, [автор пишет]: 1) «В этом учении в качестве основного принципа выступает положение об определяющей роли образа жизни в развитии психики»; 2) «В качестве основного механизма – единство и взаимосвязь строения и функции: не только строение определяет функцию, но и функция – строение»; 3) зВ качестве основного тезиса – то положение, что в ходе развития и строение мозга, и его психофизические функции в подлинном единстве выступают

228

и как предпосылка, и как результат изменяющегося в ходе развития образа жизни» (93).

* * *

«Роль образа жизни». Это – проблема деятельности. Деятельность, – то, что детерминирует обе детерминации. Введение деятельности должно снять теорию двух факторов, разрешить проблему психики и мозга,

* Ж *

Ввести понятие деятельности – важно, но... Мы стоим решительно на другой точке зрения:

то, как отражается мир, определяется тем, каковы те отношения, в которые вступает человек в мире, каково его реальное бытие, определяемое наличными общественно-экономи-ческими условиями. Поэтому психолог не может абстрагироваться от этих отношений человека, от его деятельности – но мы имеем в виду подлинно реальную жизнь человека, деятельность его, а не психические ее компоненты, не психическое же, не яфихтевскую» активность.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение понятия «деятельностью» представляет собой важный шаг в развитии советской психологии. Значение этого шага состоит прежде всего в том, что он ведет к возможности преодолевать существовавший в буржуазной психологии отрыв психологических явлений от жизни. Поэтому развитие положения, выдвинутого в советской психологии, о единстве психики и деятельности и о ведущей роли деятельности позволяет конкретизировать в психологии учение исторического материализма об отношении сознания и бытия:

Таким образом, это положение также имеет и то значение, что развитие его открывает перед психологией перспективу правильного и полного конкретного решения очень важной проблемы психологии и физиологии, проблемы связи между психологией и физиологией высшей нервной деятельности, как вы понимаете, это составляет в сущности лишь как бы другую сторону той же самой общей задачи введения последовательного материализма в психологию, последовательного материалистического взгляда на психологию.

Развитие, разработка в дальнейшем этого общего положения, которое обычно обозначается у нас как положение о единстве психических явлений и деятельности человека, требует, конечно, раскрытия конкретных связей, конкретных соотношений, в которых это единство и выражается. Разумеется, это становится фактически возможным лишь в том случае, если мы умеем

229

правильно проанализировать и охарактеризовать как психические явления, так и деятельность и при этом, конечно, не в отдельности друг от друга, но именно в их соотношении, в их взаимосвязи, взаимопереходах.

Сам термин «деятельность» употребляется в очень многих и при этом различных значениях, я не буду перечислять все эти различные значения, в которых употребляется термин «деятельность»- Собственно нам нужно выделить только некоторые из этих значений, именно и прежде всего следующие: во-первых, нужно выделить термин «деятельность», употребляемый в качестве общей категории жизни, употребляемый подобно тому, как мы употребляем другой сходный термин – «жизнедеятельность. Так, мы можем говорить и говорим о жизнедеятельности живой ткани, клетки, о жизнедеятельности организма, разумея при этом известную характеристику того, что биология назвала реактивно-стью этой ткани или клетки.

Таким образом, прежде всего нужно выделить общебиологическое, общефизиологическое понятие деятельности, жизнедеятельности. Конечно, не в этом значении мы будем прежде всего употреблять и употребляем этот термин, это понятие.

Другое значение деятельности, которое должно быть выделено, это значение деятельности как означающей такие процессы, присущие животному существу и индивиду, которые осуществляют то или другое определенное отношение этого индивида к среде, к условиям его существования, которые осуществляют, иначе говоря, некоторую определенную связь индивида и условий его существования. Вот в этом своем значении понятие деятельности может служить для анализа и выделения различных конкретных по своей направленности, по своему содержанию жизненных процессов.

В этом общем значении обычно и употребляют в психологии этот термин «деятельность». При этом, так понимая деятельность, так употребляя это понятие> этот термин, следует внести еще одно различие, особенно важное для психологии. Нужно различать между собой, во-первых, такого рода деятельности, которые не связаны с психическими явлениями, с явлениями отражения реальности, а с другой стороны – такие деятельности, которые, напротив, необходима связаны в своем осуществлении либо в своем возникновении и формировании с отражением реальности, с отражением действительности, у- человека обычно – с сознательным отражением этой действительности, с различными формами переживаний. Понятно, что непосредственно психология всегда имеет дело с такого рода деятельностями,

т. е. с деятельностями, которые внутренне необходимо связаны с явлениями отражения действительности в тон или другой форме этого отражения, в той или другой форме этого переживания. Таким образом, под деятельностью мы понимаем некоторую более или менее сложную совокупность или систему процессов, которые осуществляют некоторые определенные жизненные отно-

230

шения индивида. Деятельность представляет собой как бы элементарное понятие жизни, как бы единицу, из которой складывается жизнь, бытие, т. е. жизнь в определенных конкретных условиях.

Поэтому когда мы говорим о деятельности, мы всегда имеем в виду некоторые процессы, известным образом объединенные между собой* ясно очерченные, имеющие свой источник, так сказать, свое начало, свою направленность, как я уже отмечал, свое осуществление, развитие, и наконец, – свое завершение. Конечно, наиболее простыми случаями будут деятельности примитивные, животного типа. Примером такого рода простой деятельности может служить: деятельность животного по овладению добычей, служащей животному пищей. В какой-то момент существования животного возникают процессы, которые осуществляют в целом обозначенный вид деятельности. Они возникают и в связи с какими-то внутренними, лежащими, так сказать, в самом животном, моментами – наличием известной потребности и в связи вместе с тем с какими-то стимулами, раздражителями, которые действуют извне. Эти процессы развертываются. Иногда они очень примитивны, иногда они развертываются в очень сложную, длинную цепь деятельности, которая в нормальных условиях, конечно, далеко не всегда завершается тем, что добыча, служащая пищей животному, так сказать, достигнута; потребность в пище удовлетворена и этим цепь процессов, отображающих эту ясно очерченную деятельность, как бы завершается. Она может быть тотчас же снова воспроизведена, но ведь и всякий вообще жизненный процесс есть процесс воспроизводящийся. Он может быть прерван, метафорически говоря, его могут перебить какие-то процессы, осуществляющие другие отношения животного и условия существования окружающей его среды, а затем вновь продолжен, но при всех этих условиях возможно выделить и очертить именно данные конкретные отношения животного к среде, именно данный конкретный вид деятельности, которая осуществляет эти отношения.

Уже на этом самом примитивном примере» который я нарочно взял для начала, можно увидеть некоторые черты того процесса, который мы обозначаем термином «деятельность».

Во-первых, эта та черта, которую я уже отметил только что: деятельность способна воспроизводиться. Далее: деятельности различны, образуют определенные виды, или роды деятельности по степени существующей между ними общности. В этом смысле можно говорить, например, об одном виде деятельности, который, скажем, отвечает потребности поддержания своего существования, о другом виде деятельности, которая, скажем, осуществляет продолжение жизни вида, или о каком-нибудь другом виде, типе или роде деятельности.

Применительно к человеческой, деятельности мы обычно и употребляем также понятие деятельности не только для обозначения какой-нибудь конкретной деятельности, но для

231

обозначения вида или рода деятельности. Именно в этом значении выступает термин «деятельностью», когда мы говорим трудовая или игровая, эстетическая, учебная деятельность и т. д.,*

Мы не указываем в данном случае на какую-то определенную деятельность, а указываем сразу на известный вид, род деятельности, т. е. объединяем эти деятельности по признаку известного сходства, которое существует между ними, общности, которая существует между ними.

В-третьих, разные конкретные деятельности, понятно, не сосуществуют одни рядом с другими, наряду с другими: напротив, даже наблюдение над самыми простыми деятельностями животных, тем более наблюдения над тем, как развиваются, осуществляются деятельности людей, показывают, что отдельные конкретные деятельности выступают не рядом, не наряду одна с другой, а выступают в отношениях известной взаимной связи, соподчинения друг другу. Поэтому всегда могут быть выделены при анализе деятельности некоторые главные деятельности, которые могут быть также названы ведущими, и напротив – такие деятельности, которые имеют характер побочных, частных, я бы сказал, отдельных, подчиненных другим, занимающим это место ведущей или главной деятельности.

Так обстоит дело при первом подходе к анализу того, что такое деятельность.

Однако главная задача состоит в другом, а именно: что же специфическое характеризует различные конкретные деятельно-сти, что входит, так сказать, в их конкретную характеристику, чем отличаются одни от других и что позволяет, таким образом, выделить эти различные деятельности, обозначить, соотнести одну с другой, дать им психологическую характеристику и т. д.? Ответить на этот вопрос – значит перейти к собственно психической характеристике процессов, которые мы определяем и обозначаем этим термином – «деятельность»*

Характеристика деятельности, которую мы даем ей в психоло-гии, конечно, неисчерпаема в своем многообразии, но все же мы можем выделить некоторые наиболее существенные моменты, которые должны войти и входят в эту характеристику. В качестве первого такого момента я бы указал на связь деятельности и потребности.

Простое положение, которое выражает эту связь, состоит в том, что всякая деятельность отвечает определенной потребно-сти. Я вместе с тем не могу не напомнить слова Маркса: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого ради какой-либо из своих потребностей и органа этой потребности»¹.

Что же представляет собой потребность? Потребность может быть наиболее просто определена, как состояние испытываемой индивидуумом необходимости в чем-то, недостатка в чем-то. Но

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. IV. М., 1933. С. 235–236. 232

это определение, конечно, является отрицательным определением. Оно поэтому в каком-то смысле – пустое определение. Как же в этом случае можно определить, характеризовать потребность? Я думаю, что такое определение потребности может быть дано только через обозначение предмета этой потребности. Потребность есть всегда потребность в чем-то, и особенность потребности (значит, и ее характеристика) есть прежде всего характеристика состояния, – в чем именно эта потребность. Тот род деятельно-сти, с которым мы имеем дело, когда анализируем деятельность, необходимо связанную внутренне с явлениями психического отражения, которая опосредствована отражением» – этого рода потребность, естественно, так же, как и деятельность, которую она характеризует, предполагает не только наличие предмета этой потребности, предмета, который может удовлетворить потреб-ность, но, конечно, предполагает также и явление отражения этого предмета.

Это положение также совпадает с известным марксистским положением, гласящим, что удовлетворение потребности, т. е. по-требности как побуждения, объясняется предметом. Потребность, которая ощущается в нем, в этом предмете, создана восприятием последнего.

Таким образом, когда мы характеризуем потребность, то, во-первых, мы исходим из того, в чем эта потребность, каков предмет этой потребности, что отвечает этой потребности.

Далее: в психологии мы не можем не учитывать также того, как же отражается, как познается и отражается ли наличная возможность удовлетворения данной потребности, значит – то, в чем она удовлетворяется.

Я, наконец, должен специально подчеркнуть также и другое положение. Когда мы имеем дело с потребностью человека, то мы имеем дело не только с предметом, с отражением, с сознанием того, что удовлетворяет потребность (о форме знания этого отражения я буду говорить дальше), но мы имеем дело также с отражением наличия самой потребности, которое выступает у человека в форме различных переживаний, как, например, переживание влечения, желания, хотения и т. д.

Важнейший момент, или важнейшее положение, которое связывается с этим общим положением о предмете потребности, о предметном характере потребности человека, т. е. с тем положением, что потребность сама по себе, когда мы ее характери-зуем, всегда нуждается в характеристике того, чем она удовлетво-ряется, и заключается в том, что, собственно, только, образно выражаясь, находя тот предмет, который отвечает какой-то потребности, человек и конкретизирует свою потребность. Пока этот предмет потребности не найден, потребность выступает как нечто чрезвычайно еще абстрактное» способное, может быть, служить источником, точнее, предпосылкой какой-то активности. Но может ли она служить источником, предпосылкой опреде-ленной активности, определенным образом направленной? Нет,

233

пока не возникло то, что отвечает этой потребности, пока не стало тем, что отражается индивидуумом, "человеком и что способно опосредствовать процесс, определить его конкретную направлен-ность.

Нужно сказать, что в анализе потребности и деятельности, связанной с наличием этой потребности как со своей предпо-сылкой, мы обыкновенно и различаем эти две реальные возможно-сти; наличие потребности, не

конкретизировавшей себя ни в чем и наличие потребности, которая конкретизировалась, т. е. которая стала потребностью з чем-то определенном, что и отвечает этой потребности.

Мы, например, говорим: у меня или у какого-то человека возникла, сформировалась потребность в чтении, допустим, художественной литературы, но это общая характеристика потребности. Она указывает лишь на то, что при известных условиях эта потребность может конкретизировать себя в чем-то и тогда определится конкретная направленность данного процес-са, данной конкретной активности, данной конкретной деятельно-сти; Напротив, когда мы имеем дело с какой-то конкретной деятельностью, с конкретным выражением этой потребности, с конкретным ее осуществлением, то нам недостаточно говорить о потребности в этом общем виде. Нам нужно учесть, в каких условиях выступает эта потребность, что в этих условиях может удовлетворить ее, что ее фактически удовлетворяет и таким образом прийти к пониманию того, почему человек действует в одном направлении, а не в другом, почему он отправляется в библиотеку или открывает свой собственный книжный шкаф, почему он предпочитает одно ил другое и т. д. Нужно сказать (хотя это и не составляет предмет прямого моего сегодняшнего изложения}, что, говоря о потребностях человека, следует иметь в яду ряд очень существенных особенностей этих потребностей по сравнению с потребностями животных. Прежде всего потребности человека по своей природе являются потребностями общественными, историческими. Если у животных появление всякой новой потребности, существенное изменение в наличных потребностях связано с изменением органа потребности, организацией, то, как вы сами хорошо понимаете и знаете, у человека возникновение и развитие потребности идет существенно иначе.

Вы, конечно, помните известное положение Маркса, который говорит, что первое историческое дело и есть порождение нового типа потребности у человека.

Он пишет так: #Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетво-рения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей есть первое историческое делоз>2. Или в другом

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IV. М., 1933. С. 18. 234

месте: «Производство [специфическая человеческая деятельность, тип деятельности] не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность»*.

Эти положения, характеризующие особенность потребности человека, чрезвычайно важны во многих отношениях и прежде всего в том отношении, что они показывают на истинное соотношение потребности и деятельности человека. Эти положения говорят, что не только потребность является источником деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, но что потребности сами развиваются, видоизменяются и возникают новые потребности в связи с развитием, возникновением и появлением новых предметов, удовлетворяющих эти потребности. Таким образом, они определяют возможный предмет удовлетворения, но этот предмет, коим удовлетворяется потребность, как бы конкретизирует потребность и вместе с тем не только уточняет ее, но и двигает дальше, развивает и, что самое интересное,– оказывается способным> по существу, породить и новые потребности.

Поэтому когда мы говорим о потребностях человека, то нередко возникает потребность различить такого рода потребно-сти, которые общи человеку и животному и которые лишь меняются у человека по сравнению с животным, принимают новый вид, новый характер в связи с тем, что меняется то, в чем находит удовлетворение потребность, и потребности, которые не имеют аналогов в животном мире вообще, но неудовлетворение или удовлетворение которых связано с такими же переживаниями, с которыми связано удовлетворение или неудовлетворение любой другой потребности. Это, так сказать, высшие потребности.

Порой приходится встречаться с той мыслью (конечно, эта мысль особенно резко проводится в буржуазной психологии), что среди потребностей есть такое различие: одни потребности – биологические, а другие– социальные. По-моему, это различие лишнее, потому что, по сути дела, потребности, которые являются как бы биологическими, это лишь потребности, которые анало-гичны биологическим потребностям животных, но которые уже изменились в зависимости от общественных условий жизни человека, этими общественными обстоятельствами изменены, т. е. они также являются продуктом общественно-исторического развития.

Нельзя не видеть того, что, конечно, «голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки,

это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»⁴.

Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. XII. Ч. I М-, 1933, С. 182, А Там же. 235

Вторая черта, которая резко качественно отделяет человеко-ские потребности от примитивных потребностей животных, заключается в том, что потребность человека осознается, как осознается и то, в чем потребность находит свое удовлетворение. Сознание своих интересов и есть, в известном смысле, типическая форма осознания человеком своих потребностей

Иногда вычленяют и другую еще черту, которую также выдвигают или отмечают, как черту специфическую для потребности человека, Я имею в виду иногда встречающееся указание на то, что потребности, по крайней мере высшие, у человека как бы ненасыщаемы. Т. е. в отношении к человеческим потребностям нельзя говорить, что они находят свое удовлетворение. Значит, выходит, нельзя характеризовать и деятельность, как то, что способно завершаться и что, завершаясь, приводит к удовлетворению, потому что у человека в большинстве случаев мы имеем дело как раз с этой категорией потребностей, с так называемыми высшими потребностями,

Я склонен выдвинуть и защищать ту мысль, что эта идея о как бы неисчерпаемости человеческих высших потребностей верно описывает некоторые факты и вместе с тем не вполне точно их характеризует. Ведь что реально мы имеем, когда говорим о таких потребностях, которые постоянно характеризуют человека и которые, таким образом, постоянно накладывают свою печать, оказывают влияние на общее содержание человеческой деятельности? Я говорил о потребности в чтении. Это как раз одна из тех потребностей, которая именно на той основе, что она долго, длительно, всю жизнь могла себя обнаруживать, выступает в качестве предпосылки, определяющей известную направляющую линию человеческой деятельности. Это и есть такой пример, который создает как бы впечатление неисчерпаемости потребности, а значит – неисчерпаемости деятельности.

В чем здесь дело? Конечно, в этом явлении кроются два момента, которые должны быть поняты и которые свидетельствуют о том, что, скажем наперед, и эти потребности могут быть удовлетворены, и удовлетворение их, в известной степени, заканчивает, завершает собой деятельность.

Хочу остановиться еще на последнем условии – на способности воспроизведения потребности. Удовлетворяя потребность, мы не только гасим ее, но и создаем условия для ее воспроизведения. Таким образом, то, что кажется непрерывностью, в действительности является удовлетворением и воспроизведением, воспроизводством этой потребности.

И второе по поводу невозможности удовлетворить высшую потребность и этим, так сказать, завершить развитие потребности. Ведь все дело в том, что потребность сама по себе как состояние индивида, человека не прямо предопределяет то, в чем может найти свое удовлетворение данная потребность. Я уже этот момент отмечал.

Что же происходит в процессе удовлетворения потребности?

236

Собственно это и есть процесс деятельности, которая осуществляется, Эта деятельность как бы и связывает организм, с одной стороны, с тем, что способно отвечать, удовлетворять его потребность, но этот предмет (как я его назвал) потребности развивается, обогащается и таким образом развивается потребность, Она каждый раз несколько другая. В процессе своего удовлетворения она видоизменяется.

Вернемся опять к тому простейшему примеру, который я привел, к примеру потребности в чтении или потребности художественной, эстетической – В самом процессе удовлетворения заключены условия развития того, в чем способна найти удовлетворение эта потребность, все большее обогащение предмета потребности. Было бы нелепо в общем виде мыслить некоторую потребность, которая обречена на то, чтобы никогда не удовлетворяться. Конечно, существует удовлетворение любой потребности, в том числе и высшей потребности, и если говорить словами Маркса, то существует и действие такого удовлетворения. Я уже говорил, цитируя Маркса, что это действие состоит в том, что потребность удовлетворенная не угасает вовсе, а развивается, обогащается и воспроизводится а виде более развитой гютребно-сти.

Итак, я резюмирую первое положение: всякая деятельность связана с потребностью. Потребность и создает общую направленность деятельности, причем конкретизация этой общей направленности деятельности зависит от условий, в которых она протекает, иначе говоря, от того, что в данных условиях способно удовлетворить эти потребности.

Как происходит, в какой форме происходит эта конкретизация потребности, а вместе с тем и конкретизация направленности деятельности, которая зависит,

как я сказал, от наличных условий, создается этими условиями? Эта конкретизация потребности и вместе с тем направленности деятельности происходит в форме появления определенного конкретного побудителя деятельности или, как обычно говорят, в форме возникновения определенного мотива. Почему же мы различаем между собой понятие мотива и потребности? По-моему, это ясно из сказанного: потому что потребность выступает всегда как некоторая предпо-сылка, способная определить общее направление деятельности, а то, что реально, конкретно побуждает данный процесс – это и есть мотив.

Таким образом, мотив соответствует потребности, но не совпадает и не может совпадать с ней.

Позвольте рассмотреть тоже один простой пример, чтобы показать различие. У человека возникает потребность, которую мы правильно называем потребностью в труде, – типичная человеческая потребность. Спрашивается: из наличия этой потребности может ли быть выведено то, какого рода трудовая деятельность будет удовлетворять этой потребности? Нет. Но мы можем легко представить себе, что у человека возникает, как

237

говорят, та или другая побудительная причина, какое-то побужде-ние, мотив, который отвечает этой потребности, потому что если этой потребности вовсе нет, так он и не в состоянии это обстоя-тельство выставить в качестве активности человека, направляемой как бы на себя. Но это весьма различно и зависит от обстоя-тельств, в каких реализуется данная потребность. Я не имею возможности по сложившимся условиям, скажем, в данный момент заниматься известным видом труда. Я могу удовлетворить эту потребность в труде, занимаясь другим видом труда. Таким образом, моя трудовая деятельность получает по своему содержа-нию уже несколько иной мотив. Здесь я привел пример только с изменением фактического содержания трудовой деятельности. Дальше вы увидите, что гораздо более, пожалуй, значительным является и то, что меняет самый характер мотива, конкретно побуждающего деятельность.

Легко понять, что потребность в труде может быть удовлетво-рена и в таком процессе труда, который реально побуждается какими-то очень высокими, общественно значимыми мотивами, и в таком процессе труда, который побуждается мотивами, так сказать, личного, как бы индивидуалистического, а может быть, иногда и эгоистического характера. Сравните мотивацию труда в социалистическом обществе и мотивацию труда в условиях капитализма. Бросается в глаза различие этих мотиваций, но, конечно, потребность в труде имеется, ведь фактически неверно, что потребность в труде возникла только в условиях нашей советской действительности, что она присуща только социалисти-ческому обществу. Нет, она, конечно, присуща людям, живущим в других условиях, в других странах, или по крайней мере многим людям, если не всем. Эту оговорку, это уточнение надо, конечно, внести. Но дело в том, что характер мотивации, т. е. как конкретизируется потребность, совершенно различен здесь и там.

Итак, наряду с понятием потребности, которое входит в характеристику деятельности, составляет ее характеристику, мы должны выдвинуть другое очень важное понятие – мотив дея-тельности, который также характеризует деятельность.

Важность характеристики мотива для психического раскрытия особенностей деятельности вытекает из того, что именно мотив, изменение мотива деятельности меняет как бы психологические отличия.

В одном из своих докладов Калинин писал так: «Когда в буржуазно-капиталистической стране сапожник подбивает подметку к сапогу, его единственное назначение – получить плату за эту подметку и жить на это. Сапожник, прошедший советскую школу, должен понимать, что каждый новый сделанный им сапог есть вклад в общее социалистическое имущество, и это сознание, что часть его работы вкладывается в общее социалистическое хозяйство, одухотворяет самую простую механическую работу».

Мне кажется, что в этой мысли Калинина заключена очень большая психологическая правда. Дело в том, что когда мы

238

пытаемся понять, что представляет собой психологически та или другая деятельность для данного человека, – а ведь мы в психоло-гии всегда ставим вопрос применительно к личности человека и при этом в конкретной форме, – то ответить на этот вопрос прежде всего приходится через указание на то, ради чего совершается эта деятельность, что ее побуждает. Одно дело, действительно, труд, единственным и главным мотивом которого является получаемое за него вознаграждение, другое дело, если мотивом трудовой деятельности является осознанное значение этой деятельности, общественное значение. При этом следует принять во внимание, что самого по себе

осознания, знания того, какое общественное значение имеет, скажем, мой труд, еще недостаточно для того, чтобы этот труд приобрел соответствующую характеристику. Важно, чтобы это осознанное значение стало бы мотивом, а не просто предметом моего знания. Я могу отлично понимать, что выполнение известного вида труда имеет значение объективное, общественное. Но вместе с тем побуждением к тому, чтобы осуществлять этот труд, может быть побуждение узко-личное, узко-эгоистическое.

Значит, когда мы говорим о том, в чем заключается мотив труда, то надо разумеется при этом то, что способно побудить труд, то, что действительно является мотивом, а не просто знание о том, какое это может иметь или имеет значение. Еще раз повторяю: я могу знать, но вместе с тем не это может практически, реально в жизни побудить. Нужно сказать, что всякое наличие психической деятельности, как -я только что говорил, обязательно предполагает мотив проникновения в эту деятельность. Если вы обратитесь к той области психологии, которая, к сожалению, официально не входит в область психологии, но которая представляет область практической психологии, то вы можете обнаружить, что хорошо построенный, такой практический психологический анализ заключается в проникновении в деятельность, - вопрос о том, ради чего осуществляется эта деятельность. Существуют определенные правила в криминалистике. Таких же правил придерживаются в практическом общении с больными врачи, особенно врачи-психотерапевты. Практически этого положения придерживаются и практиковоспитатели, педагоги. Когда я, например, подхожу к совершению какого-либо преступления, то, конечно, возникает сразу вопрос о мотиве. Когда я перехожу к анализу поведения человека, которое окружающим представляется странным, якобы необъяснимым за счет какой-то патологии, душевной болезни или даже неуравновешенности, то, вникая в то, что побуждает такое поведение, я иногда, напротив, убеждаюсь в том, что психологически это поведение оправдано. Особо ярко это сказывается, конечно, в педагогике, в практике воспитания. Учащийся совершает какой-то проступок или преступление, ведет себя определенным образом. Конечно, первый же вопрос, который возникает в практическом анализе, заключается в том, чтобы психологически изучить это поведение, т. е. вопрос

239

о том, ради чего это делается, что побуждает. И педагогическая деятельность прямо вытекает из результатов анализа. Бесконечно часто встречаются такие случаи, которые вынуждают педагога идти на мероприятие очень известное, постоянно описываемое в нашей же педагогической литературе, например, ребенок или подросток ведет себя в классе, в школе, скажем, недисциплинированно. Он с трудом поддается воздействию, которое нацелено на то, чтобы выправить его поведение в этом отношении. Воспитатель, педагог, старший руководитель, пионервожатый иногда вступают на такой путь, часто вам известный: поручают этому школьнику выполнение общественно значимых функций, скажем, поручают ему пионерское звено и т. д. В ряде случаев это действительно мероприятие, поэтому оно пользуется такой популярностью, известностью и приводит к такому эффекту. Но надо сказать, что в ряде случаев оно не приводит к полному эффекту. Дело заключается в том, что такого рода мероприятие может иметь положительный эффект только в том случае, если правильно разгадана причина этого поведения. Часто подросток начинает утверждать себя в глазах товарищей тем, что начинает занимать независимую позицию, осуществлять независимое поведение. Это один смысл его недостаточной дисциплинированности. Он не нашел своей почвы; надо создать ее, где он будет утверждать себя в правильных, разумных формах, а не в искривленных, как сказал Макаренко, дефективных формах. Совсем другое дело, если это поведение школьника мотивировано совершенно иначе, какими-то другими обстоятельствами; по-видимому, требуется другая мотивация этого поведения. Всякий раз, когда воспитатель, педагог задумается над тем, что ему делать, он вынужден думать так: ради чего ведет себя так учащийся, что побуждает его так себя вести? Или, иначе говоря, чем это поведение оправдано в личности, какое оно имеет значение для личности или как я предпочитаю говорить, какой личностный смысл это поведение имеет для человека?

Таким образом, коротко я могу формулировать развиваемое мною положение таким образом: мотивы деятельности существенно характеризуют ее, так как они определяют значимость данной деятельности для личности, личностный смысл ее для самого человека. Если мотивом поцелуя являются тридцать сребренников, то это будет поцелуй Иуды. Дело не в формальном, так сказать, содержании процесса. Здесь мы подходим к психологической характеристике, в частности, и того, чем мотивирован этот процесс, в силу какой потребности

эта деятельность осуществляется. Только, я повторяю, приходится говорить о мотивах, а не о потребности, потому что потребность – понятие слишком неопределенное, слишком общее, я бы сказал, абстрактное. Словом, если вы спросите, какое значение имеет та или другая деятельность для человека, в чем заключается ее личностный смысл, то надо поставить вопрос о том, что побуждает к этой деятельности, т. е. вопрос о мотиве. Отвечая на вопрос

240 о мотиве, мы автоматически вскрываем значимость той или иной деятельности для личности человека.

Это положение позволяет мне попутно в анализе выделить одно центральное положение для характеристики деятельности. Психологический анализ деятельности непременно потребует подхода и анализа, 'характеристики состояния личности, того места, которое данная деятельность занимает в жизни личности.

Таким образом, учение об отдельных психических явлениях и процессах включается в проблему личности, т. е, анализ деятельности, анализ ее психологических особенностей тем самым оказывается вместе с тем анализом конкретных особенностей личности, ибо, когда я характеризую деятельность, я тем самым перехожу к существенным особенностям личности, и когда я говорю: эта деятельность характеризуется определенным мотивом, то тем самым я характеризую деятельность, потому что когда я говорю, что главным, ведущим для человека являются такие-то и такие-то деятельности, в то время как остальные оказываются в положении подчиненном, или, когда я говорю, что эти ведущие деятельности мотивированы так-то и таким-то образом, подчиняются таким-то мотивам, тотем самым я характеризую не только деятельность, но и личность действующего человека.

Это третье значение, которое имеет введение этой проблемы в советскую психологическую науку. Понятно, что если своеобразие и особенности мотивации деятельности характеризуют эту деятельность психологически, со стороны того, что она есть для личности, то развитие мотивов характеризует, как протекает деятельность, ее течение и динамику. Поэтому опять в литературе не прямо психологической, не академической но отражающей опыт великих практиков-психологов и гуманистов (как, например, у Горького) постоянно встречаются указания на то, что самый процесс протекания деятельности связан с изменениями или с особенностями мотивации деятельности.

Когда мы встаем перед задачей как-то характеризовать через мотив деятельность, дать ее психическую характеристику, учитывая мотивацию деятельности, для этого надо разобраться, какими могут быть мотивы, какие они бывают, чем отличается один мотив от другого, т. е, уметь не только назвать мотив, но и как-то классифицировать, обобщить, проанализировать. Таким образом, рождается очень сложная проблема классификации мотивов. Конечно, решение этой задачи может составить лишь предмет специального изложения. Поэтому здесь я дам лишь самую грубую классификационную схему. Кроме того, классификация мотивов, как это видно из опыта такой классификации, который мы находим в советских исследованиях, прежде всего включает в себя представление о разной степени как бы отдаленности этих мотивов, этих побудительных целей деятельности/ Например, у Бориса Михайловича Теплова введено понятие «ближних и дальних целей». Имеются в виду цели, побуждающие деятель-

241 ность, т. е. цели, которые являются побудителями, мотивами. У Макаренко это понятие связано с понятием перспектив. Значит, таким образом, первый признак, который бросается в глаза, это признак, выраженный у Бориса Михайловича в этом немного образном понятии степени дальности, – по аналогии с дальностью прицела. Конечно, это характеризует очень существенно мотив, и когда мы говорим, что великая энергия рождается только с высокими целями, то мы имеем в виду эту великую цель, вместе с тем которая может быть охарактеризована как более отда-ленная. Поэтому короткая цель, побуждающая деятельность, всегда имеет частное, малое значение в жизни. Эта метафоричность, с которой, конечно, можно иметь дело на начальном подходе к анализу, заставляет нас искать другие характеристики, которые может быть, приведут нас к другим представлениям, но ответят на вопрос о том, как возникают эти так называемые отдаленные мотивы – цели, и сделают несколько менее метафори-ческими эти выражения – дальние, близкие, короткие цели, короткая мотивация и мотивация дальнего прицела.

Я поэтому склонен вводить при анализе различного "рода мотивов и их классификации еще одну, как мне кажется, важную сторону. Я уже говорил мельком, что деятельности не соположены одна рядом с другой, а взаимосвязаны и соподчинены. Как бы мы ни очерчивали деятельность, все-таки деятельность входит в некоторые цели человеческой жизни. Подобно тому как

нерасчленима человеческая личность,—лишь путем анализа мы можем выделить отдельные куски самой жизни этой личности, но они все же всегда взаимосвязаны и главное они соподчинены друг другу, как и человеческие деятельности. Мы можем говорить, что эта деятельность для данного человека является ведущей, эта — побочной или производной, частной, иногда случайной. Подобно этому, когда мы подходим к анализу мотивов, мы тоже имеем такие мотивы, которые оказываются более частными или, напротив, которые в системе связей мотивов как бы подчиняют себе другие. Вот эти так называемые дальние мотивы, цели и есть, не подчиненные и побочные, а подчиняющие, т. е. отвечающие такому отношению к миру человека и таким деятельности, которые занимают ведущее положение.

Здесь надо ввести одну оговорку: когда я подчеркиваю наличие системы мотивов, имеющих соотношение соподчинения, выделение ведущих, подчиненных и т., д., то я имею в виду развитую личность. Ибо если вы взглянете на то, как соотносены друг с другом побуждения у ребенка, скажем, преддошкольного возраста — 2–3-летнего, там как раз различные побуждения, как и различные конкретные деятельности, осуществление которых вы можете наблюдать, действительно как будто соположены друг с другом. Но это обстоятельство и выступает в этом известнейшем всем работникам системы преддошкольного и дошкольного воспитания явлении; ребенок легко огорчается, но зато также легко и утешается, и ребенок может очень активно стремиться

242

к чему-либо и очень интенсивно действовать, но его очень легко отвлечь, т. е. противопоставить любое другое побуждающее его деятельность обстоятельство. Кто не знает, что если вы вынуждены отобрать у ребенка какую-нибудь вещь, то наилучший способ такой: дать ему какое-то другое занятие или, как говорят, отвлечь его внимание, привлечь внимание к чему-то другому, т. е. направить по другому руслу. Общая потребность, которая существует

у ребенка в эту пору, характеризует себя то в одном, то в другом, то в третьем, и эти отдельные побуждения как бы стоят равноправно. Связь идет через естественные, органически связанные потребности. Ребенок, который много двигался, много действовал, начинает испытывать острую потребность в перерыве, отдыхе и сне. Если вы не будете считаться с этой потребностью, он будет капризничать. Это не связь, соподчинение, которое возникло в общественной жизни, в ее общественных формах.

Итак, речь идет о том, чтобы среди мотивов выделить ведущий, что можно сделать, имея дело с развитой личностью. Это всегда можно сделать, ибо нельзя представить себе развитую личность иначе, как такую, которая характеризуется ясно очерченной, ведущей деятельностью, занимающей центральное место в жизни личности, несколькими, немногими отношениями к миру и соответственно наличием ведущих, устойчивых и всегда поэтому отдаленных мотивов, которые характеризуют уже мотивационную сферу этой личности* Как мы обычно говорим, характеризуя положительно человека, т. е. высокоразвитую, большую личность — жизнь этого человека имеет как бы единый стержень, единую «красную линию». Есть какая-то центральная большая жизненная цель, которая и побуждает жизнь человека.

Эта направленность, эта центральная деятельность и этот центральный мотив и есть выражение того, что теперь деятель-ность* и мотивы оказываются подчиненными чему-то ведущему, главному, построены, соотносены друг с другом в порядке каких-то взаимных связей.

Не надо преувеличивать этого положения до представления какой-то схематичности в человеке. Человек вступает в многообразные отношения к миру. Поэтому когда мы говорим о единой линии жизни, то мы говорим о главной линии. Поэтому мы и говорим о смысле жизни человека, который он находит то в одном, то в другом. Тем самым мы говорим о главном мотиве, который придает личностный смысл собственной жизни человека.

Итак, когда мы даем характеристику мотива и через характеристику мотива характеризуем деятельность, то нужно учесть также место, которое занимает мотив данной деятельности среди других мотивов, которые побуждают личность к деятельно-сти.

От чего же зависит то место, которое занимает тот или другой мотив в человеческой жизни, а значит,— от чего зависит место данного вида деятельности в общей жизни человека? Оно определяется двумя центральными, очень важными обстоятель-

243

ствами: во-первых, объективным значением мотива» объективно-общественным его значением и, во-вторых,— открывшимися, предопределенными объективными условиями существования человека, возможностями деятельности.

Первое из этих положений—значит только то хорошо известное положение, что лишь существенные, особо значимые в жизни индивидов, личностей

обстоятельства могут, так сказать, подчинить себе другие. Это положение, очевидно, даже когда мы рассматриваем в чисто биологическом разрезе проблему потребности и побудителей, которые воздействуют в условиях животного существования на животный организм, сохраняет свою силу, только выступает в другой форме, когда мы говорим о человеке.

Каково центральное отношение, характеризующее жизнь человека? Я бы выразился, пользуясь словами Макаренко, очень просто: главное отношение, от которого зависит все дело, есть отношение между личностью и обществом. Но в чем находится конкретное выражение этого отношения, как развивающегося? Чем оно характеризуется? По-видимому, оно характеризуется объективным значением жизни человека в данных условиях общественного существования человека, т. е. в данных условиях связи человека и общества. Поэтому выходит, что ведущими мотивами не могут стать мотивы, лежащие на периферии этих отношений, и напротив – всегда становятся содержательными, значимыми общественные мотивы, которые имеют, таким образом, и личностный смысл, и значение для личности, но вместе с тем и такие мотивы, которые определяют отношение человека к обществу, т. е. образно выражаясь, ставят человека в обществе.

Что значит второе положение? Оно значит следующее: может возникнуть та или иная значимая побудительная цель, т. е. тот или другой мотив, но для того, чтобы он себя обнаружил как-либо, необходимо иметь известные наличные объективные условия, которые делают возможным развитие деятельности. Если деятельность не может развиваться в этом направлении (в силу очень многих обстоятельств, прежде всего объективных, а отчасти и субъективных), то, конечно, такой мотив не обнаруживает свою действительную силу, не будет существенно характеризовать деятельность и личность человека, он останется в категории как бы абстрактных мотивов, возникновение которых имеет лишь то значение, что при открывающихся или создавшихся обстоятельствах, позволяющих деятельности развиваться в данном направлении, она и будет развиваться. Т. е. возникновение такого мотива имеет смысл как бы относительный, условный, если создастся, возможность осуществления в этом направлении.

Я бы резюмировал эти два пункта следующим образом: во-первых, к характеристике мотива следует подходить с точки зрения его общественного значения и с точки зрения возможности осуществления деятельности в данном направлении, вытекающего из мотива, из этой значимой цели, побуждающей человека, или, иными словами, учитывая степень абстрактности или, напротив,

244 конкретности данного побуждения. Абстрактное побуждение частью, конечно, характеризует состояние человека и частью характеризует его личность; но подлинная, настоящая характеристика личности вытекает, конечно, из тех мотивов, которые являются актуальными, реально побуждающими, а не только потенциально побуждающими. Не только важно, чтобы возникло стремление к достижению соответствующей – побуждающей активности цели, но чтобы происходило это самое достигайте, чтобы возник процесс, иначе мотив окажется недействительным.

Огромное значение имеет то, как, в какой форме сознается мотив, отражается мотив. Дело в том, что обстоятельства, побуждающие деятельность человека, могут или сознаваться полностью, отчетливо, или частично, смутно. Наконец, это очень важно для конкретного исторического анализа деятельности; при изменении деятельности человека в зависимости от конкретных исторических условий существования человека мотив может сознаваться также и не соответствующим образом, не адекватно; и с другой стороны – адекватно сознаваться, т. е. в соответствии с тем, что он представляет собой в действительности, объективно.

Таким образом, мы приходим к следующему положению: для развития и проявления, обнаруживания в деятельности этой побудительной силы – мотивов – чрезвычайно важное значение имеет ясность и адекватность их сознания. Поэтому когда мы говорим, с одной стороны, о больших целях, которые характеризуют ведущие человеческие деятельности, которые придают им такую психологически особенно большую значимость в жизни личности, то мы, подчеркивая значимость этих мотивов и целей, вместе с тем подчеркиваем и степень их ясности и осознанности.

Нужно сказать, что проблема осознания мотивов есть в известном смысле как бы особая, специальная проблема, потому что осознание этих мотивов, как сознательных целей, побуждающих активность деятельности человека, не происходит, так сказать, механически, автоматически, само по себе. Человек проделывает известную, так сказать, «работу», и эту работу проделывает, конечно, не в одиночку. Практически эта работа проделывается в порядке воспитания, воздействия на человека, раскрытия человеку этих побудительных

целей жизни в правильных, адекватных понятиях, потому что если они раскрыты не в адекватных, не в правильных, а в ложных понятиях, то. Эти мотивы, как показывает живое наблюдение и анализ глубоких жизненных процессов, как бы теряют свою силу.

Наоборот, при переходе к адекватному сознанию силы сознания, а значит, и силы человека, удесетеряются,

Таким образом, мы переходим в связи с мотивами деятельности к адекватности, правильному осознанию мотивов, движущих человеческую деятельность.

В одной из длительных работ, которые делаются в Институте психологии, в работе, посвященной специальной проблеме нравственных переживаний человека, которая была построена на

245

конкретном психологическом материале, с большой силой было показано, что происходит с деятельностью человека, когда мотивы этой деятельности осознаны в неправильных, в неадекватных понятиях. Для того чтобы показать это, автор воспользовался анализом некоторых документов, писем, отчетов, описаний, характеризовавших поведение русских солдат во время боев с японцами в кампаниях 1905 года. Ему удалось также, правда в гораздо меньшей степени, показать, что произошло с этой мотивацией, так сказать военной деятельностью, боевых действий, когда под влиянием революционной пропаганды научных идей, социальных отношений действительные мотивы этой боевой деятельности предстали теперь в своем адекватном освещении.

Я упомянул об этой работе, чтобы подчеркнуть, что вопросов адекватности или неадекватности побуждения очень важен. Когда мы подходим к психологическому анализу, а не к общественному, не идеологическому, той центральной черты личности, которая характеризует советский патриотизм, в отличие от патриотизма людей, который наблюдался также и в других условиях их существования, в других объективных исторических обстоятельствах, конечно, одной из важных черт этого советского патриотизма является то, что мотивы патриотических поступков, действий являются в иной степени и иначе осознанными.

Конечно, это не единственная, не исчерпывающая характеристика, но это существенная черта, – ступень сознательности. Опять повторяю: не только количественная, но и качественная, – насколько верно, адекватно эти мотивы здесь осознаны.

И наконец, характеристика мотива вытекает из особенностей самой деятельности. Это значит: не только из обстоятельств, но и из особенностей самой деятельности, я бы сказал, это такая характеристика, которая вытекает из отношений, которые существуют, устанавливаются между деятельностью, процессом, взятым в его целом, в его истоках, развитии, содержании и завершении, и теми отдельными, частными процессами, которые эту деятельность воспроизводят.

В заключение я бы хотел вернуться к вопросу, с которого я начал, который я как бы отодвинул и к которому, по-видимому, я возвращаюсь в последний раз. Я имею в виду снова вопрос о потребностях и мотивах. Ведь, в сущности то, что я говорил, отвечает на вопрос о том, в какой форме происходит развитие, формирование человеческой потребности. На этот вопрос я бы ответил так: развитие человеческой потребности служит источником человеческой активности, составляет субъективную основу деятельности, происходит в форме развития мотивации. Я только должен еще раз предупредить, что вместе с тем потребность и ее развитие не тождественны с развитием самого мотива. Здесь нет простого совпадения, но мотивы развиваются и конкретизируются вместе с конкретизацией в смысле осознания конкретных путей, перспектив, в виде конкретного плана.

246

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Я сегодня поставил перед собой задачу резюмировать ряд положений, касающихся деятельности, как она выступает в психологии, не вводя новых положений, и я делаю это, имея в виду следующее. Я до сих пор пользуюсь той системой понятий, которая была мной в свое время предложена в отношении анализа деятельности и, естественно, я бы хотел выработать отношение, прежде всего свое собственное, к этой системе, еще раз ее пересмотреть, А с другой стороны, я бы хотел поставить ряд вопросов такого рода: если эта система понятий представляет известное значение, т. е. способна работать в психологии, то, по-видимому, эту систему нужно разрабатывать – что в последние годы, в сущности, не делается. Эта система понятий оказалась замерзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении. Все движение идет по разным, проблемам, которые более или менее соприкасаются с проблемой деятельности, скорее более, чем менее, но в упор понятие деятельности разрабатывается в высшей степени недостаточно. Вот

почему я имел в виду сегодня резюмировать очень коротко то, что мне представляется важным.

Прежде всего я хотел бы зафиксировать некоторое общее понятие о деятельности. Я зафиксировал это общее понятие о деятельности в пяти коротких положениях, которые я просто зачитаю.

Первое положение. Мне представляется, что деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъекта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта. Мне кажется, что здесь важен каждый термин. Прежде всего важно, что эта деятельность есть процесс, осуществляющий жизнь. Важно, что это жизнь субъекта (я не даю определение, оно достаточно интересно); важно и пояснение, которое я только что сделал, что это есть процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей. Я говорю «предметных потребностей»* разделяя потребности* которые иногда, не вполне точно ограничивая этот термин, называют функциональными. Потребности, которые определяются состоянием, так сказать, внутреннего хозяйства организма, в связи с этим я хочу отметить, что я довольно много работал над проблемой потребностей, способов их удовлетворения* и это может служить предметом специального рассмотрения, если это понадобится.

Второе положение состоит, в том, что развитие деятельности необходимо приводит к возникновению психического отражения реальности в ходе эволюции, и этот тезис не нуждается в комментировании. Это совершенно банальное положение, говорящее примерно о том, что цитируется в таком виде: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа...» и т. д., то есть жизнь порождает отражение.

Третье положение заключается в том, что в общем виде

247

деятельность есть процесс, который переводит отражаемое в отражение. Я не комментирую этого тезиса по той простой причине, что этот тезис есть не что иное, как повторение центрального тезиса дискуссии 1947 г, в Институте психологии, которая заняла, как помнят товарищи, пять или шесть заседаний и которая острием своим была направлена против понятия о так называемом третьем звене. Я стою на том, что исключение третьего звена, т. е. рассмотрение непосредственного отношения вещи {отражаемой} и мозга (отражающего) невозможно по соображениям методологическим. Это невозможно в системе диалектических категорий, т, е. это абсурдно с точки зрения методологии диалектической в любом ее варианте. Это не-возможно по Гегелю, это невозможно по Марксу, Думаю» что это не требует ни комментариев, ни доказательств.

Четвертое положение состоит в том, что то, что мы называем психическим отражением (я нарочно ввожу этот крайне широкий термин), опосредствует деятельность. Можно также сказать, что оно управляет деятельностью. В этой функции психическое отражение проявляет себя объективно.

Пятое положение является прибавочным. На уровне человека, а, по-видимому, речь будет только об этом идти дальше, психическое отражение также кристаллизуется в продуктах деятельности. Деятельность в этом смысле не только проявляется в объективной форме отражения, но оно вместе с тем переводит, во всяком случае в условиях продуктивной деятельности способно переводить образ в объективно-предметную форму- вещественную или идеальную} безразлично. Смысл этого тезиса совпадает со смыслом знаменитого тезиса Маркса о промышленности, которая есть открытая книга¹. Когда она открыта – это хорошо для психологии. Мне остается только еще раз подчеркнуть, конечно, что я не наивно понимаю это, т. е. думаю, что здесь речь идет о промышленности как материальной, так и идеальной, духовной, т. е. это может быть как вещный продукт, так и идеальный продукт, фиксированный, скажем, в языковой, в речевой форме.

Самым важным мне представляется вопрос о внешней и внутренней деятельности. Это, конечно, центральный вопрос. Речь идет о том, что внешняя и внутренняя деятельность не противостоят друг другу: одна – как принадлежащая миру протяжения, другая – как принадлежащая миру мышления. Объективно развитие научных психологических знаний все более устраняло противоположность " или идею противоположности между ними. Структурно это устранение шло в связи с тем, что представление, аналогичное представлениям о потоке сознания, о связи, о движении представлений в сознании необходимо *Мы видим, что история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил* (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд, Т. 42. С. 123).

248

уступило свое место в системе интроспективной психологии представлению об этих процессах как интенциональных, целе-направленных, решающих проблемы, задачи, зависящие от мотива, т. е. понимание

самых этих процессов от характеристики их как потока двигалось к характеристике содержательной, за которой довольно прозрачно можно было прочесть характеристику вообще человеческой активности – тоже целенаправленной, тоже интернациональной, тоже решающей задачи, тоже имеющей свои средства. В генетическом аспекте это сближение представлений о внешней, и внутренней деятельности происходило примерно тогда же, я имею в виду и сближение, которое объективно реализовалось бихевиоризмом в системе его собственных понятий и в зоопсихологических исследованиях других школ. Я имею в виду работу Кёлера о поведении обезьяны², которое, по точному выражению Кёлера, того же рода, что и мышление, мыслительная деятельность человека. Известно, как сильно это сближение прозвучало в исследованиях онтогенеза, когда появились ходовые понятия о практическом интеллекте, когда появились исследования типа Липмана и Богена³ и бесчисленных авторов, которые продолжали, варьировали эти исследования практического интеллекта детей, в особенности малышей. Не могло быть и речи о том, что за этими процессами лежит какая-то дискуссия, что сначала что-то решается в уме, потом реализуется в действии. Наконец, стал совсем уж ходовым (в более позднее время) тезис о преобразовании энешнедвигательных операций в умственные, с силой выраженный Пиаже в терминах операций: операциональный внешний интеллект, затем логические структуры, – и в другой форме, более, я бы сказал, тонкой, столь же отчетливо выраженный Валлоном⁴ в филогенетическом, даже историческом, плане. Это было очень ясно выражено Жане. Я могу бесконечно продолжать этот список. Я беру классические имена первых, бросавших эти идеи и их реализовавших. В общем я мог бы резюмировать это положение таким образом. Возникла и широко сейчас популярна идея интериоризации в разных истолкованиях этого термина, а в общем все это сводится к очень простому положению о том, что внутренняя деятельность есть дериват деятельности внешней в своей исходной практической форме; Мне представляется, что крупнейшее открытие состояло здесь в том, что была осознанная попытка представить себе общность строения или утверждать общность строения внешней и внутренней деятельности. Под внешней деятельностью я при этом понимаю прежде всего практическую деятельность, а также внешнюю деятельность, не преследующую практических целей – конкретную деятельность, так сказать, достигающую познаватель-

См.: Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М. т 1930. 3 Lippmann O., Vogen I. Naïve Physik* Leipzig, 1923. * См.: Валлон А. От действия к мысли. М. т 1956.

249

ного результата/ У Выготского мы находим сознательную реализацию такого подхода. Но известно, что сама идея опосредствованное™ высших психических функций возникла из анализа и по аналогии со строением опосредствованного труда. Орудие, трансформируемое в знак, сохраняет целенаправленность процесса. Я не буду об этом говорить, я напомним только, а может, и расскажу тем, кто этого не знает, о знаменитом листке двадцать седьмого года, написанном у меня за столом Выготским, где этот генезис мысли, метода был экстериоризован, остался в виде внешнего следа очень четко. Надо сказать, что в последующих работах вот эта исходная мысль как-то несколько стиралась. Пафос перешел на проблему значения, на внутреннюю сторону знака, и понятно, надо было говорить о строении сознания. Возникла эта огромная проблема, хотя в самовд учении о сознании сохранился след этого метода, т. е. он просто ушел с поверхности куда-то, в предпосылки. Но небольшой анализ, не составляет труда его сделать, может отчетливо показать, что это основное осталось. В чем я вижу значение этого открытия? Значение открытия общности строения внешней и внутренней деятельности состоит, на мой взгляд, в том, что это открытие дает возможность понять наличие постоянных взаимопереходов одной формы деятельности в другую, понять обмен звеньями между ними. Под последним я разумею реально наблюдаемое наличие внешних звеньев, иногда даже имеющих характер практического действия во внутренней и теоретической по своей мотивации и по основным решающим звеньям деятельности, и напротив, – внедрение, если так можно выразиться, заполнение практической деятельности, в прямом смысле этого слова, огромным количеством внутренних звеньев. Отсюда вытекает, мне кажется, очень важный вывод: нельзя представлять себе дело так, что внутренняя деятельность, выделившись из внешней, далее отъединилась от нее. Мне представляется, что такого отъединения не происходило и не происходит.

Я немножко поразмышляю. Мне представляется очень образно это бесконечное, постоянное движение, эти бесконечные переходы. И поэтому и все более думаю о том, что если на поверхность прежде всего вышла идея преобразования, как у Пиаже⁵, внешних операций во внутренние, то не менее важна идея

экстериоризации и приобретения деятельностью внешней, даже вещественной формы, переход деятельности из движения, так сказать, в пред-метное бытие, если пользоваться терминологией Марксаб. И вот мне представляется все более движение этой деятельности не только внутри нее, но с этим постоянным переходом внешнего – внутреннего, внутреннего -- внешнего. И это относится прежде

См.: Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969, «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» {Маркс К Эн-гельс Ф, Соч+ 2-е изд. Т\ 23. С. 200).

изд. Т\ 23. С. 200). 250

всего к обмену, как я выразился, звеньями между обеими этими формами деятельности, потому что я должен оговориться, что я вовсе не хочу отрицать относительную независимость, самостоятельность самой деятельности. Она именно потому относительна, что она не может существовать в своем собственном, так сказать, внутреннем пространстве, она непрерывно строится путем пре-образования извне, развивается путем преобразования во внешние формы деятельности, в предметы. Правда, идет постоянный процесс отслаивания от деятельности элементов человеческой культуры, хотя бы в субъективном смысле этого слова, т. е. не в смысле – вклад в объективно-историческую культуру, а вклад в мою культуру и непрерывное присвоение этого процесса. Иначе нельзя понять сознание человеческое иначе, как загнав его под черепную крышку. А это значит – загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки. Есть конкретное движение, которое показывает, что сознание (я сейчас говорю о сознании,) находится столько же под крышкой, сколько и во внешнем мире. Это одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью. Вот теперь надо, по-моему, дать себе (я перехожу к третьему пункту) отчет: а как же мы можем представить себе эту структуру деятельности, учитывая, что в этом описании структура должна отвечать общему понятию о деятельности, не извращая его и не отбрасывая от нее самых существенных ее определений, а с другой стороны, понимая, что такой анализ деятельности должен реализовать понимание этого постоянного обмена звеньев, форм деятельности, этого постоянного перетека-ния одного звена в другое.

Понятно, что такой подход может быть очень разным, больше того, даже самый поверхностный подход к современной литературе показывает, что сейчас предложено столько возможностей анализа схемы деятельности, что можно составить целую огромную картотеку этих решений. Можно привести ряд живых впечатлений. Так, например, недавно мне попался термин «праксеологически», который меня сильно удивил. Я взял Котарбинского и посмотрел его праксеологю. Это, конечно, кошмар; это Богданов, поправленный на Тэйлора и объявленный марксистом. Каким образом богдановщина и тэйлоризм образуют вместе марксизм – это остается на совести Котарбинского. Я мог бы положительно отметить большую книгу Нюттена, вышедшую некоторое время назад, которая называется «Очерк строения деятельности»³. Это гораздо умнее, и хотя это на идеалистический лад, но это совсем другое, я могу сослаться как на пример совсем неадекватного подхода к проблеме деятельности, путь, использо-ванный Зараковским, где происходит описание звеньев процесса

7 См.: Котарбинский К. Трактат о хорошей работе. М,т 1975.

Nuliiin Л Tache, reussite et echec. Theorie de la conduite humame. Louvain; Paris, 1961.

См.: Зараковской Л М. Психофизиологический анализ трудовой деятельно-сти. т&t 1966.

251

так, как их можно было бы описать при описании любого механизма. Можно при этом употреблять символику математиче-ской логики. Однако если я перевожу это на русский язык, то я получаю необыкновенно плоское образование; там вся пышность в том, что используется эта символика. Если вы эту символику снимете и будете говорить просто по-русски, то получается так, как это просто делается в технологии, т. е. никакой деятельности там уже нет, и весь рельеф исчезает. Правда, там представляется какой-то таинственный коэффициент, который не может быть измерен, но тем хуже для этих коэффициентов. Они описывают деятельность по образу и подобию алгоритма машины, но никакой деятельности там нет. Поэтому передо мной возникла очень тяжелая задача. Я постарался критически пересмотреть то, что я в свое время предлагал, но у меня из этого критического пересмотра мало что вышло. Я не буду повторять то, что всем достаточно известно, то, что я повторяю неустанно: я имею в виду обязательность выделения самого понятия деятельности по критерию завершаемости действия при удовлетворении потребно-сти, т. е. по критерию подчиненности мотиву. Это позволяет

классифицировать деятельности и находить классы деятельности по классам мотивов, т. е, с логической стороны здесь все обстоит очень четко. Я продолжаю думать о необходимости выделения единицы деятельности, которую я обозначил как действие, следуя обычному словоупотреблению, т. е. имея здесь в виду целеподчиненные процессы. Эти процессы реализуют деятельность. Здесь я только должен дополнить то, о чем я писал. Теперь меня заинтересовали такие детали, о которых я сейчас по существу говорить не буду, как, например, целеобразование как особый процесс: мотив есть, но как осуществляется целеобразование, мы не знаем. И вообще это есть специфический акт. В докладе на Ученом совете Института истории естествознания и техники АН СССР я пытался показать на иллюстрациях по Дарвину и по Пастеру, как идет разное процесс целеобразования при общности мотива. Цель может быть дана, сразу открываться, а может быть не дана и открываться только через много-много лет, как это имело место у Дарвина, у него десяти лет не выделялись цели. И наоборот, у Пастера – мгновенное целеобразование в связи с ситуацией, сложившейся тогда в связи с проблемой винно-каменной кислоты. Мне представляется фундаментально важным – не растворять деятельность в действии и понимать что имеется еще одна единица деятельности, которую я привык называть операцией и которая очень легко переводится в язык навыка – это то, что связано с инструментальностью, если говорить языком бихевиоризма, это то, что выделяется по критерию условий, в которых дана цель. Я очень настаиваю на этом логическом критерии отношения цели и задачи, о котором много раз говорил: задача есть цель, данная в определенных условиях, т. е. в уже найденных условиях, иначе будет цель без условий, т. е. никакого способа действия найти нельзя и цель не

252

будет осуществлена. Наконец, я очень настойчиво хочу ввести еще такую единицу, о которой я уже упоминал, но которая в то время у меня не была разработана ни теоретически, ни вообще ни в каком смысле. Я имею в виду понятие психофизиологической функции, я в связи с этой проблемой посмотрел именно в этом контексте некоторые страницы в особенности первую часть «корковых функций» Александра Романовича¹⁰. Он приводит там двойное, даже тройное, истолкование понятия функции: функции в смысле выделения секрета органом, функции по Анохину, ну и, наконец, понятие высшей функции, которая есть составная, по мысли автора, часть корковых функций. Почему я говорю психофизиологическая функция? Потому что я имею в виду функцию, как действительное отправление системы органов, которая зависит от их устройства. Например, такова сенсорная функция. Что касается этих выделяемых единиц, которые я только что назвал, то я хотел бы в этой связи подчеркнуть два обстоятельство: первое, что эти единицы не представляют собой никаких отдельностей, т. е. это значит, что когда я имею живую деятельность, все равно внутреннюю или внешнюю, или внутреннюю с внешними звеньями или наоборот, то швы, по каким, например, может происходить этот обмен, совпадают с этими единицами. Но если вы произведете мысленное вычитание из деятельности действий, операций или из операций функций, то вы получите дырку от бублика. Это не отдельности, это не предметы, нельзя сказать, что деятельность складывается из... Деятельность может включать в себя одно-единственное действие. Она тогда ни из чего не складывается, она есть это действие, действие может включать в себя единственную операцию. Она есть эта операция вместе с тем действие. Словом, нельзя их рассматривать как некоторые кирпичи, только разные. Так не выйдет.

Второе, что мне кажется капитально важным. Эти единицы – не отдельности, однако связаны между собой переходами. Кстати, это и заставляет выделять их, это и есть те разломы, те границы этих единиц, которые выступают очень отчетливо как вместе с тем самостоятельные единицы, не отдельные, но самостоятельные. Например, очень легко себе представить даже без воображения, что одно и то же действие может входить в составе других действий в другую деятельность. И, конечно, оно несколько меняет свое лицо, свою динамику, словом, какие-то свои особенности, сохраняя все-таки себя как действие, как таковое. Ну, нечего уж говорить о том, что мы имеем постоянный переход операций из одного действия в другое, Вы никогда не знаете, с чем вы имеете дело. На разных уровнях развития, например, это резко не одно

¹⁰ См.: Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд. М., 1969*

" См.: Анохин П. К* Избранные труды. философские аспекты теории функциональной системы. М+, 1973.

253

и тоже. Скажем, то, что для ученика первого класса есть действие арифметическое, целенаправленное, сознательное и т. д., то для ученика

четвертого класса является операцией, способом решения задачи, а действие – решение задачи, нахождение условий, порядка операций, но не сами операции, которые выполняются совершенно независимо. Складываем, умножаем, делим, возводим в степень, находим алгоритм – мы все одинаково делаем, в любом составе действий, они становятся жесткими или почти жесткими, и с этим ничего нельзя сделать. Вот эти швы верифицируют правомерность такого рода анализа. Александр Романович часто говорил: «Ломается мозг по его естественным структурным швам, швам процессов». Ну так вот, эти обмены, эти переходы тоже идут по естественным структурным швам естественного процесса живой деятельности и иначе никогда не происходит. Надо сказать, что переходы все разные, поэтому каждый раз надо смотреть, что это за переход. Например, становление действия составляет особую проблему рождения действия. Я уже говорил, что я занимался проблемой целеобразования – это то же самое. Ну, например, по отношению к функциям. Ведь это тоже переход. Ведь и функции не создаются независимо от развития деятельности. Это какие-то окаменевшие процессы, зафиксированные морфологически, даже, я скажу грубее, морфологически. Например, сенсорная функция с этой стороны – это есть функция, дающая материал для восприятия – (вчера или позавчера так говорили – это очень точное выражение,) но дело в том, что материал для восприятия не образует восприятия. Вот опять возобновился в последние годы интерес к больным, у которых снимают катаракту впервые. Колоссальный материал! Работает функция – достаточно раздражителя, и отправление системы органов, которые образуют зрительную систему (в данном случае), осуществляется. Ну и что с этим отправлением? Нужен последующий процесс, в этом же все дело. Но оно окаменело, оно прирождено.

Есть другая сторона перехода. Это – не отделение от деятельности внутрь, в морфу, а отделение от деятельности вовне. Такова, например, патетическая история отделения операций, которые могут приобретать внешнюю форму, материализоваться, вернее, овеществляться в системе машин, начиная от китайских счетов и кончая современными любыми электронно-вычислительными устройствами. Я записал себе так: «Особенно важно выделить преобразование действий в операции: «технизацию действий и рождение «искусственных органов человеческого мозга» в виде машин, продолжающих работу мозга».

Все эти единицы связаны с психикой как образом закономерно. Я не буду повторять того, что мною множество раз высказывалось. Как действие связано с сознанием *suī generis*, так деятельность – необходимо не связана с сознанием, если нет целеполагания; только вторично может мотив выступать как сознательный мотив, как цель. Словом, здесь есть динамические отношения определенного порядка. Смысл заключается в том, что я опустил

254

этот тезис, но я считаю сейчас необходимым его ввести, напомнить, хотя я перейду к нему сейчас в другом контексте. Дело все в том, что мы имеем в психологии еще одно различие, которое оправдано обстоятельствами. Это психика как образ и психика как процесс. В мышлении это – мышление и понятие, в восприятии – воспринимание и образ. Я буду называть психику как явление, образ – просто образом, а психику как процесс – просто процессом. Но ведь вот в чем дело, всякое такое психическое образование, как образ, есть не что иное, как свернутый процесс. Я употребляю здесь термин «свертывание» в том смысле, в каком его можно употребить, как противоположное развертке. Кто не понимает после Выготского, что за значениями лежит система операций, что адекватную характеристику значения получают в системе возможных операций, что характеризовать операции или характеризовать значения – это одно и то же. Это, собственно, и есть характеристика значений. В сущности, исследование понятий на уровне, достигнутом Выготским, есть исследование операций. И это адекватное исследование, конечно. Почему тогда и возникали вопросы: не метод определения, не какие-то там другие методы – метод субъективного описания а 1а Вюрцбургская школа. Со времен Бине это было раскритиковано, значит, один путь остается – исследовать операции. Мне кажется, что это совершенно общее положение. Вот теперь я позволю себе поставить последний вопрос: четвертый и последний. Очень заостряется вопрос о том (если принять во внимание то, что я говорю), будет ли деятельность, в том числе внешняя, практическая, входить в предмет психологии, психологической науки. Составляет ли деятельность предмет психологии? Дело здесь в том, что деятельность как процесс, в котором происходит отражение реальности, которая управляется психическим отражением, может рассматриваться или как предмет психологии, или как ее условие, условие существования психологического предмета, т. е. психики. Это формулировалось иногда у нас – либо психика рассматривается как то, что зависит от деятельности, либо другая возможность заключается в том, чтобы деятельность включить в предмет психологии, т. е. сделать ее предметом психологии, понять ее как предмет

психологии. Я сейчас попробую встать на точку зрения такую, что деятельность не может быть предметом психологии. Можно говорить как угодно: в деятельно-сти, через деятельность, зависит от деятельности. Так, как об этом говорил Рубинштейн, в свое время писавший, что психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику (желая подчеркнуть, что никогда-деятельность), но изучает эту психику в деятельности. Это знаменитая его статья в «Ученых записках герценовского института, декларация теоретического характера того времени»¹². Я посмотрел после

12 См.: Рубинштейн С., Л. Мысли о психологии // Уч. зап., ЛГПИ им. А+ И. Герцена, Т. XXXIV. Л., 1940, 255

этого, как обстоит дело в новых последних работах: «Путях» и «Бытии и сознании»¹³. Там повторяется эта же самая мысль, только еще в более грубом виде, потому что там еще есть то, что отсутствовало раньше. Это объяснения физиологические по существу: . синтез, анализ – то, что вы хорошо знаете, что запутало саму исходную мысль Рубинштейна и не сослужило ему хорошую службу. Я постараюсь сейчас занять такую позицию «в деятельности», или зависящую от деятельности», или «пребывающую в деятельности», как некий эликсир, который оттуда надо извлечь. Я поставил альтернативу. С этой точки зрения я и хочу сейчас взглянуть на вещи. Я усматриваю в этой позиции, которую я сейчас условно занимаю, ряд капитальных трудностей, которые я лично решить не могу. Сколько я их ни пробовал решать – я не нахожу удовлетворительного решения до сегодняшнего дня. Может быть, товарищи имеют это решение. У меня его нет. Какие же трудности я не могу решить? Первая трудность, которую я не могу решить и которую я отчетливо вижу, состоит в том, что при такой позиции деятельность снова рассекается. Внутренняя деятельность целиком относится к психо-логии, как это было согласно картезианскому членению. Внутренняя деятельность – это «богу богово», что касается до внешней, особенно практической, деятельности, то она не психологическая, ее нужно отдать кесарю, это кесарево. Только не известно – какому кесарю и кто этот кесарь, и получается поэтому зона ничейной земли, ничейная зона. Вы можете отдавать эту деятельность кому угодно, но эту внешнюю деятельность никто не берет. Я потом докажу, что ее никто не берет. Эта внешняя деятельность, так, как она описана, остается без кесаря. Нет кесаря, которому это можно отдать. Она – ничейная земля. Вторая трудность заключается в том, что одни звенья единой деятельности оказываются принадлежащими психологии, а дру-гие – вне ее* Принимая во внимание то, что я говорил (это просто фактическое описание положения вещей), что деятельность включает в себя внешние, а равно внутренние звенья, трудно понять, как же может случиться, что одни звенья единого принадлежат одной науке, а другие звенья – другой науке. Это трудность номер два. Третья трудность, по-моему, самая важная. Происходит естественное обособление психики-образа, как я на-звал это, психики-процесса. Потому что то, что я назвал психика-образ, как бесспорный предмет психологии может иметь в сверну-том виде, в себе, внешнюю деятельность. Тогда уже реальность рассекается еще по одной плоскости. Всякий образ (я записал себе здесь в тетрадь) есть свернутый процесс, и за этим процессом уже нет ничего. Есть объективная действительность: общество, история. Нет ничего в том смысле, в каком философы говорят, что за взаимодействием нет ничего. Есть вещи, взаимодействия, но за

13 См.; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957; Он же. Принципы я пути развития психологии. М., 1959. 256

этим взаимодействием нет ничего, т. е. оно само объясняет свойства вещей и т. д., в них оно раскрывает свою сущность. Мне представляется, что трудности, которые возникают при обсужде-нии этой альтернативы, связаны, как всегда все "трудности, с неточной методологически постановкой вопроса, проблемы. Вопрос о том, какой науке принадлежит деятельность, является ложно поставленным вопросом. Ведь науки ! делятся не по эмпирическим предметам. Нет науки о столах, магнитофонах. Науки, как известно, делятся не по эмпирическим объектам, а по связям и отношениям, в которых те или другие объекты берутся, т. е., как говорят философы, по соответствующим формам движения материй. Нельзя сказать, к какой науке принадлежит эта вещь – технологии, политической экономии, как обладающая стоимостью, эстетики, как изящная вещь. Наверное, тому и другому, и третьему – все зависит от того, в какой системе отношений вы берете ее. Если в системе экономических отноше-ний – это будет эстетическая вещь; если в системе геометрии, то это будет требующая геометрического описания форма, и т. д. Ле-нинский пример со стаканом¹⁴: предмет для метания, геометриче-ская форма цилиндрическая, ну, все, что угодно, – так же нельзя делить. Вот, кстати, почему, когда мы

делим, кому принадлежит деятельность, оказывается – никому, потому что все отказываются, Все желают иметь определение своего предмета через систему отношений. Когда я говорю просто –деятельность, никто ее не берет. Я поэтому думаю, что взятая в отношении к психическому отражению мира в голове человека – деятельность есть предмет психологии, но только в этом отношении. Взятая в других отношениях, деятельность есть предмет других соответствующих наук, и не одной, а очень многих. Взятая в системе отношений к психическому отражению мира в голове человека, деятельность есть предмет психологии, т. е. становится им. Взятая в других отношениях, системе других отношений, или в системах других отношений, деятельность принадлежит другим соответствующим наукам: от биомеханики до политической экономики, социологии, чего угодно. Кстати, у Ленина чудно рассказано про психологию и социологию. Итак, деятельность отдельного человека может быть предметом социологического изучения, антропологического, или психологического, естественнонаучного. При этом* надо сделать примечание, очень важное: психология, как и всякая наука, исследует не только данный предмет, взятый в данных отношениях, т. е. в данной системе движения материи, в данной форме, движения материи, как говорят философы, но также и переходы исследуемой формы движения материи в другие. Эта мысль старая, более чем столетней давности, а не современная (не путайте, товарищи, с междисциплинарными исследованиями), она стара, как мир, эта мысль, и исследование этих переходов

и См.: Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об сшивках тт. Троцкого и Бухарина // Поли. собр. соч., Т. 42* С, 289. •

9-Г704

257

чрезвычайно важно. Здесь мы имеем дело с необходимостью изучения переходов не для того, чтобы изучать то, что она переходит, а для того, чтобы понимать эти переходы. Я уже говорил, технизация операций, логика – смотрите, как четко здесь совпадает с общей методологической позицией преобразования, т. е. перехода в новую форму движения через продукт. Логика есть продукт совокупной человеческой мысли, она уже не принадлежит творческой мысли, ее создававшей веками. Есть и другие переходы, Я уже говорил – окостеневание. Это нескладный термин, более точный термин – фиксация в морфологии. Это уже переход, опять через продукт в другое, т. е. в морфофизиологию, в объект исследования физиологического, Я думаю, например, что соображения о формирующихся прижизненно мозговых системах, конструкциях, как выражался Павлов, не отделимых от динамики, – Это есть переход, только другой стороной, другим краем. Там – во внешний мир, в культуру, в общество, в общественные следствия, здесь – в устройство мозга. Не в устройство мозга, которое предусмотрено генетически, а в системы, подвижные органы, по Ухтомскому, словом, в то, во что можно. Физическая, мускульная деятельность переходит в мышцу, т. е. функция в морфу, и с этим вы ничего не можете сделать. Я себе вот такие бицепсы набил и мои гири, которые я поднимал, можно сказать, зафиксировались в этих набитых бицепсах, с которыми я не знаю теперь, что делать. Когда я выйду кз спорта (мне рассказывал директор одного научно-исследовательского института физикультуры) – целая драма. Тяжелоатлеты погибают, просто погибают. И последнее положение, которое мне представляется капитально важным. Это то, что подлежит разработке все больше, и больше, и больше. Деятельность, образы, словом, все психологическое, может быть понято только как инфраструктура в супер-структуре, которая есть общество, общественные отношения, словом, инфраструктура психологического может быть понята только в ее связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще (Я говорю про человеческую психику) h Не существует, это просто иллюзия. Я поясню. Не может психологическое исследование идти так, как будто бы человек вел «тет-а-тет» с предметами, или с суммой предметов, с системой предметов. К сожалению,

«тет-а-тета» здесь нет. И это опять мысль Выготского* Это была бы робинзонада самого вульгарного порядка. Я не сказал самого последнего, что мне представляется продуктивным и эвристически очень важным. Надо открыть для психологии, не для нас самих, для психологии (надо об этом писать, напоминать, это показывать в исследованиях), что движение, которое есть основное, есть движение сверху вниз, а не снизу вверх. Если составить систему единиц, понять ее иерархически – от деятельности, к операциям, функциям, то движение, формирование, развитие идет сверху вниз: от высших образований к физиологии. Невозможно движение восхождения – от мозга к неким проце.ссикам, от

258

процессиков к более сложным образованиям, и, наконец, к сложению жизни.

Нет, от жизни к мозгу, а никогда – от мозга к жизни, если говорить обобщенно. Показ этого капитально важен, потому что есть непрерывные сбивки. Это форма выражения механицизма, неосознанного, может быть, и мы имели «блистательное» выступление Евгения Николаевича Соколова, которое многие слышали, где была высказана с самой большой силой мысль, что никакого движения нет иначе, как от клетки к группе клеток, от группы клеток к мозгу, от мозга к физиологической функции, от физиологической функции к пониманию поведения, Точная схема – только однонаправленное движение. Нет, оно двухнаправленное, но центральным, главным является движение сверху, Я этот тезис сказал вслед за тезисом «инфраструктура и супер-структурам, потому что этот тезис и есть реализация мысли о включенности всей психической жизни в социальную, т. е., иначе говоря, мысль о том, что эта инфраструктура не существует вне суперструктуры. (Термины все условные,} А тогда есть нисхождение сверху вниз как основной процесс.

ЗАМЕТКИ О КНИГЕ П. Я, ГАЛЬПЕРИНА «ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ»

§ I

Представления о предмете психологии были до сих пор ошибочными (7), «Все предложенные до сих пор определения, описания и указания предмета психологии оказались не только недостаточными, но и просто несостоятельными (см. § 2)&. (II).

«Здесь три «слабых* пункта» 1) категоричность, происходящая из недооценки движения ко все большему уяснению предмета психологии (истории); 2) идея о конечности усилий найти точное определение: не было определения – найдено определение! 3) представление о том, что существует (или должно существовать) одно определение, исчерпывающее предмет науки.

Это важная ошибка. Такого единого, одного определения не бывает. Всякая дефиниция схватывает нечто в предмете, одну из его абстракций, омертвлений. Отсюда необходимость множественности определений, которая дает все большее приближение к пониманию сущности определяемого (см. Энгельс об определениях, Ленин о сущности первого порядка, второго и т. д. порядка) I

§2 Три представления о предмете психологии

- 1) Душа (Демокрит)
- 2) Явления сознания (Локк)
- 3) Поведение (бихевиоризм)

А Фрейд? – отношение сознания к бессознательному?

9*

§3

Взгляды в советской психологии "

Здесь 2 части – одна о становлении маркс(истских) подходов в психологии, другая – резюмирующая айт(орскую) точку зрения. В 1-й несколько «смята» идея о решающем значении введения категории деятельности в психологию, как фундаментальной марксистской – то же с историческим) подходом. 2-я часть: 1. функция образов {2 функции: «открытие» объектов и ориентировка в них). 2. Необходимость четкого различения этих двух функций (33–34).

II гл. § I. Ленин о предмете отдельной науки

«До сих пор даже психологические явления лишь интуитивно угадывались, но,,, не выделялись и как предмет научного исследования оставались неизвестными (39). См. замечания к гл. I § 1.

§ 2, Ленин о понятии материи. «Физическое и психическое».

Главные положения автора начинаются на с, 43.

Вводится понятие ощущения своей психической деятельности, (с. 43). NB!

[Отражение отражающей деятельности?]?

Как же оно вводится? «...для современной психологии уже не секрет, что оно является продуктом самонаблюдения, а само-наблюдение – продуктом общественного воспитания. В любом обществе каждого его члена с рождения учат следовать определенным образцам и правилам, а потом, когда они уже усвоены, самому следить за этим». Но в этом-то и вся штука! Откуда это «потом»? Я сам слежу за почерком, но разве это самонаблюдение? «Переживание себя» (П. Я)–

Здесь тысяча возражений! Начиная с постулирования способности ощущения, переживания, т. е. все-таки способности души?

44–45 с. «Радикальная переработка понятия идеального»:

Главная формула: «идеальное есть лишь (!) содержание психического (!!) отражения объективного мира».

Автор дает ссылку на Ильенкова и ., . его противника Кондакова–

Самое же важное, что понимание идеального автором не совпадает с пониманием его Марксом,

«Идеальное» есть «вид бытия» (у автора не есть!) «Изоляция» в образе; в нем нет «несущественного» – нет, образ не дочищен» от несущественного. Образ –

понятие!

[Идеальное, дух есть продукт исторической деятельности человечества, общества; Маркс объяснил материалистически Гегелевскую идею и в этом все дело! Без объективно-идеальных явлений (в обществе) нет индивидуального > сознания. Словом, тут – путаница],

49 страница приносит новое понимание генезиса психики: это

260

– «переход к телам не только живым, но и наделенным... возможностями целенаправленных действий*».

А что такое целенаправленность у животных? «Целесообразность»? Но тогда целесообразен ведь и простейший метаболизм, гомеостатичность?

(На 50-й с. неаккуратно высываются» два фактора.) На 50-й с. –

«телефонический эффект» – изложено плохо; он ничего не показывает и не доказывает; если он что-либо и показывает, то только то, что нерв может служить проводником звуковой частоты электр(ических) колебанийf
К стр. 63.

«Выяснение содержания действия есть отдельная задача ориентировочно-исследовательской деятельности, – пишет автор. Но деятельности, которая может протекать и первоначально-но необходимо протекает во внешней форме, в практических процессах (контактах) с предметным миром, и в этом все дело!

К стр, 69: Псих(ическая) деятельность) = побуждения, образы и действия в плане образов (т. е. в плане внутреннем, в плане сознания) и далее (стр. 74):

успешное выполнение действий (их приспособление к ситуации) возможно столько... с помощью идеальных действий»

Откуда это «только»? ТОЛЬКО не из фактов!

К с, 81. О механизме активных действий;

1) Выделяется (намечается) объективная) связь между объектами в псих(ическом) отражении. 2) Она не получает своего закрепления – не становится условным рефлексом!

Если же повторяется, то ориентировка угасает и процесс депсихологизируется!

Эта мысль повторяется в более эксплицитной) форме на стр.

§ 7 (с. 90 и следующие))

«Ориентировочная деятельность как предмет психологии, это центральная глава.

1) Павлов открыл ориентировочно-исслед(овательский) реф-лекс;

2) ориентир(овочная) деятельность – рефлекс «что такое»? «лежит за границей физиологии» [?]

3) на ранних этапах ориентировочная) деят(ельность) шире, чем исследование;

4) в субъект(ивной) оценке объектов (ситуаций) ори-ентировка) и практическое действие переплетаются, определяют друг друга (91);

5) переживание = способ ориентировки; то же – воля. Психол(огия) изучает не «все& мышление, а только ориентировку субъекта при решении интеллектуальных) задач,

«ТОЛЬКО ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СО-СТАВЛЯЕТ ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ (с. 96).

На с, 98 автор замечает, что и мат Сериальное) действие мож называться ориентировочным.

261

«Психология изучает деятельность субъекта по решению задач ориентировки в ситуациях на основе их психического отражения» (с. 102), а что – в основе отражения?

«Психология изучает не поведение, а только активную ориентировку поведения; но именно в ориентировке и заключается психологическая сторона поведения (с. 102).

[?] «Психика* (в кавычках – А. Л.) – особая форма деятельности субъекта в плане образа) (с. 120).

Так все-таки, деятельность именно «в плане образам или не только в плане образа (см, с. 98).

На с, 127 опять возникает трудность: вводится понятие «первоначального образа»; но признаки психики – это изменение значения отражаемого (образа?), ориентировка на новое значе-ние объектов, «которого они не имели в прошлом опыте».

С. 129: в поведении «лучше всего выражается истинная ориентировка субъекта «на что и как». Но; само поведение делает вклад! Этого не видит автор или не считается с этим.

Терминология в последней главе (§ 1)

(стр. 137 и след(ующие))

- 1) Целенаправленные действия животных (?)
- 2) субъект невозможен без психики {совершенно «оригинальное» определение субъекта через психику).
Нет, дорогой П. Я., чтобы иметь психику, нужно иметь прежде субъекта!
- 3) субъект всегда субъект действия, но не всякого, а только целенаправленного,

§2

С. 140: Противоречие становления человека: между новыми общ(ественными) отношениями и био(логическими) – ин-стинкт (ивными) отношениями; происходит отмирание инстинктов etc, это один из «трудных моментов:» становления современного человека (140).

Стр, 147 – вводится понятие плана и далее идет «прокол», нарушение элементарной) логики в рассуждении о роли изменчивости ситуации, которая сливается с рассуждениями об общ(ественных) отношениях etc.

* * *

Психика как субъективность входит в объект(ивную) реальность, независимо от познания ее (психики)!: психика существует до психологии!
Значит, невозможнее, несовместимо с этим представлением, что-де ощущение своей психической деятельности (?) есть продукт самопознания («самонаблюдения»), которому учат (воспитывают на образцах) – см, с. 43.

262

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

–

Я не являюсь историком и никогда бы, конечно, не согласился выступать с докладом на историко-психологическую тему, но сегодня я должен буду говорить об истории проблемы деятельности в советской психологии, что для меня, увы, даже, пожалуй, и не история, а скорее то, что происходило на моих глазах.

Развитие советской психологии началось, собственно, с некоторого события, которое произошло вот здесь, в Институте психологии. И событием этим, как вы знаете, была смена руководства Института и почти полное обновление его состава-Институт в начале 1924 г. покинул проф. Челпанов, с ним покинули институт и ряд других сотрудников-психологов; в состав Института влились новые люди, до тех пор в качестве психологов малоизвестные и даже вовсе не известные. Я не буду занимать ваше внимание воспоминаниями об этих первых днях и месяцах существования Института впервые под знаменем перестройки психологии на основе марксизма. Об этом, вероятно, надо писать и говорить, пока еще осталось то поколение, на глазах которого это событие разворачивалось. Наступали очень большие, быстро идущие перемены. В челпановском Институте стали бегать крысы, их не очень умели сохранять в клетках – передвигалась даже мебель. Исследовались доминантные реакции. Изучались движения, я напому, что Н. А. Бернштейн начал свою работу по психологии в этом институте в те самые дни 1924 г. Словом, происходили неожиданные, невиданные раньше изменения.

Линия на реактологию Константина Николаевича Корнилова постоянно подчеркивалась, но поиски шли в очень разных направлениях, например в направлении социологизации психологии, и я отдаю себе отчет в задачах, которые ставились в то время Михаилом Александровичем Рейснером, последователем Петра-жицкого, вносящим в эту общую реактологическую линию социологическую струю. Очень быстро начал развиваться новый по существу идеи приехавший в том же году в Москву Лев Семенович Выготский. Происходил поиск с такой, я бы сказал, целью, точнее задачей: надо было отыскать в поведении, в реакциях человека то, что специфично для него, что решительно, принципиально отличает человеческое поведение от поведения животных. По-моему, в самом начале 1925 г, Лев Семенович делился с некоторыми своими товарищами схемой перестройки психологии, или, точнее сказать, дальнейшей перестройкой психологии в направлении марксистской психологии. У меня долгие годы хранилась схема, начерченная на листке бумаги Выготским по ходу объяснения своего замысла. Эта схема включала в себя кружки, не всегда законченные, – полу-окружности, в которых стояли важные слова: «человеку ору-дие», «предмет труда», «продукт». Почему-то мне припоминается сейчас очень ясно «огонь» рядом, под «орудием» – способ,

263

«средство». Это обработка с помощью огня. Орудие не только выступало как физический предмет- Орудийность, опосредствованность поведения орудием – вот первое положение* которое легло в основание, дальнейшего развития направления исследований Выготского и его соратников и учеников. Иначе говоря, возникло то направление, которое короткое время именовалось «инструментальная психология, еще до термина «культурно-историческая».

Главное было показать, что подобно тому как в истории филогенетического, общественно-исторического развития переход к человеку ознаменовался применением орудий в труде, возникновением трудовой деятельности и общением (вспомните социогенез высших психических функций), в психологии, в психике человека тоже произошли коренные перемены. Меняется структура процессов. Вы знаете, как выражалось это структурное изменение. Не от стимула к реакции, а от стимула через орудие (рисовалось треугольником) к реакции. Реакция эта опосредствована. А вы вдумайтесь в слово «опосредствование». Выготский был ведь очень образованным марксистом. Опосредствованное, то что опосредствует – так у Гегеля, и так у Маркса – это то, что определяет, характеризует. Сказать «опосредствование, опосредствовать» – это очень многое сказать.

Начались исследования опосредствованных, прежде всего внешне опосредствованных процессов выбора, внимания, памяти. Экспериментальных поисков было очень много, гораздо больше по своему числу, чем тех, которые были опубликованы. Искали в очень разных направлениях. Главное внимание уделялось функционированию психологических орудий-средств. Выяснилось, что средства не всегда вещественны и не всегда орудия, скорее именно средства, какие-то инструменты. Они выступили как знаки, как нечто, что представлено в наитипичнейшей форме, в форме слова. Главная форма существования психологических орудий – это ведь форма словесная. Но выделяя это положение, надо было решать проблему, которая вставала с несколько другой стороны, более содержательно: надо было решать проблему связи знака слова или значения слова с практическими действиями, т. е. с самой той внешней деятельностью или безразлично, внутренней деятельностью, в которой данное средство функционирует. Эта проблема оказалась очень сложной, она остается сложной и до сих пор. Мы только иногда не видим, или не хотим видеть сложности. Очень важный шаг в решении этой трудной проблемы был сделан Выготским в статье, которую цитируют теперь мало и главным образом с критическими оговорками. Но дело обстоит не так просто, дорогие товарищи. Эта статья имела фундаментальное, я подчеркиваю, значение для развития понятия деятельности! Только надо его извлечь из чужой одежды существовавшей тогда терминологии. Эта была терминология, которая была пущена в ход применительно к животным главным образом Келером, а применительно к человеку, ребенку немецкими авторами вроде Липмана, Богена и др. (кого-то еще).

264

Эти авторы вводили термин «практический интеллект». Надо задуматься над тем, что крылось за этим термином, что он рисовал* обозначал. Он рисовал, означал нечто иное, чем сейчас мы привыкли в нем видеть, я бы сказал, видеть стихийно. Давайте вернемся к Келеру, потому, что дальше на человеке у Богена и Липмана повторилось то же самое. Что это такое? Я бы сказал так: термин «практический интеллект» и ему подобные термины («ручное мышлением и др.») был употреблен для того, чтобы выделить такого рода процессы поведения, которые не могли быть поняты и очерчены в рамках рефлекторной структуры поведения, в рамках, как тогда говорили чаще, образования навыков. Келер определял практический интеллект, понятийно описывал его как такого рода поведение обезьяны, которое соответствует структуре предметного поля, соотношению воспринимаемых предметов; отсюда понятие поля. Гештальтовские концепции тоже здесь, подсказывали именно понятие поля; адекватность структуре поля, восприятию этой предметной структуры (заметьте! с оговоркой, предметной структуры¹ которая выступает в своих оптико-пространственно-механических свойствах). Как оно (это поведение – ред,) возникает, не обсуждалось Келером, Келер прикрывал отсутствие ответа на этот вопрос обращением к такому понятию, как явотхтонность возникающего действия». Есть соответствие структур внутренних, зрительных и структур внешних, поля (внешнего поля), – значит, они возникают автотхтонно и не имеют, следовательно, структуры навыков. Спор в интерпретации поведения шел в направлении отвергания атомистического, ассоционистического понимания. Но был выделен особый вид действий, – с палкой, с перемещением предметов, – которые, наверное, можно назвать практическими действиями животного, правда, имеющими сложную структуру. Не ответ на толчки, раздражители извне, а на вещи, на соотношение вещей в пространстве, трехмерных вещей! «Поле» – говорил Келер, «мир» сказали бы мы, сказал бы всякий материалист-негештальтовец.

Но совершенно так же шли опыты и до Богена: доставание, выбор палок разной формы в соответствии с расположением предметов в поле: выкатывание шаров, просовывание предметов; учитывались гораздо больше не пространственные, а физические свойства этих предметов, механическое сопротивление. Даже появилась одно время идея: ребенок-де опережает обезьяну в удельном соотношении учитываемых физических свойств, а не пространственных,

геометрических, полевых. Я уже сейчас не могу припомнить в деталях шедшую внутреннюю, не очень важную полемику.

Оставался еще один термин – речь. Но, что такое речь? Это коммуникация; это, грубо говоря, общение, одна из форм общения – общение посредством значений, знаков. Это тоже не прямое, это тоже орудийное общение. Что такое речь? – Это общение посредством языка, правда? Так проще всего, без особенных заумных рассуждений можно определить речь. Вот и возник

265
вопрос о корнях, с одной стороны, практического интеллекта, а с другой стороны, речи, имелись в виду генетические корни человеческой речи, Так и названа была статья Выготского, которая вышла в 1929 г., в самом начале года

,
Как решался вопрос? Давайте теперь освободимся от терминологии исторической. Решался вопрос Выготским следующим образом. Наступает чрезвычайное событие в истории эволюции, которое состоит в том, что, с одной стороны, прежде происходившие независимо от речи общения индивида с другими индивидами, субъекта с другими субъектами, действия и, с другой стороны, общение, существовавшее вне, независимо, вне связи с действием, перекрещиваются. Тогда-то и возникает новое. В терминологии Выготского того времени действие становится оречевленным, а речь – предметно-отнесенной, включенной

в действие: я забыл точное слово, примененное Выготским, но смысл я передал правильно. Давайте подумаем, что лежит за этим? Что все это значит? Не в терминах, а в понятиях. А это значит, как легко понять, следующее, Практические действия, осуществляемые животным в связях его с предметным миром, превращаются в действия, обязательным условием и конституирующим началом которых является общение. Способ этого общения – язык. А что делается с речью? – Она становится речью посредством языка, т. е. знаков, предметно отнесенных единиц. В статье очень убедительно показано просто путем цитирования специалистов, которые этим занимались, что действительно, когда человекообразная обезьяна действует, то ее, так сказать, уста замыкаются, она не вступает в общение речевого типа, т. е. с помощью голосовых знаков, сигналов и пр. Когда она вступает в общение, то она отбрасывает, образно говоря, палку-орудие. Это разъединено. Также было ясно уже в те годы, что так называемая «речь животных» не имеет предметной отнесенности, т. е. предметного значения. Тогда были уже неудачные попытки Йеркса и Лернеда обучать человекоподобных обезьян человеческой речи, т. е. языку, посредством которого осуществляется речь у человека. Попытки эти, как известно, продолжаются, представьте себе, до нашего времени. Где-то мелькают обещающие результаты, но экспериментальных, эмпирических доказательств возможностей образования речи человеческого типа, т. е. с применением языка, имеющего предметное значение, выработанное в ходе предшествующей истории – таких доказательств и сегодня не существует. Существуют рассуждения, опирающиеся в общем на шаткие факты. И то, что в свое время было показано Лернедом и вслед за ним еще рядом исследователей, прежде всего американских, с высшими животными, осталось непоколебленным. Мне кажется,
Выготский Л. С. Генетические корни мышления и речи // Естествознание и марксизм. 3929. №]. С. 106 -133; см.: Вшотсшй Л. С, Собр. соч.: в 6 т М 1982, т. 2. С. 89-266

что это был второй, очень важный шаг к понятию деятельности, к его развитию,

Термина «деятельность» еще нет» он еще не выступал, не применялся, а понятие деятельности нашло свое дальнейшее развитие. Здесь я должен сделать остановку, паузу, потому что параллельно, точнее сказать, одновременно, шла работа еще по одному направлению, по несколько другой линии. Эта линия

началась как раз наоборот – прямо с термина «деятельность», не к «деятельности», а я бы сказал, от «деятельности и вы, наверно, сразу узнали, кого я имею в виду. Я имею в виду, конечно, Михаила Яковлевича Басова. Он-то и ввел термин «деятельность» чрезвычайно энергично в 1927–1928 гг. Я нем-ножко процитирую, это будет короче.

«Различного рода деятельность организма в окружающей среде, с помощью которой он [организм] устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встает перед нами как предмет особого значения, как особая область познания,, ,2 И далее: «Предметом анализа становится вся реальная деятельность изучаемого объекта (точнее; , надо было бы сказать субъекта – А. Л*) весь процесс его поведения» э. Но здесь, вот на этой точке начинается развитие в своеобразном направлении с точки зрения понимания источника и, так сказать, самого движения этой деятельности, этого процесса

особого значения,

«Лродесс деятельности, – читаем мы, – является равнодей-ствующей, определяемой двумя факторами: социально-биологиче-ской средой и свойствами самого организма»⁴. Здесь при раскрытии снова выступает та же двухчленная схема: стимул – реакция. Она сохраняется, с ней не происходит никаких метаморфоз. И Михаил Яковлевич пишет: «Наш взгляд на главные пути познания не зависит от того, с каким именно организмом мы имеем дело»⁵. Здесь может возникнуть разное толкование, поэтому я чуть-чуть расширю цитирование: «процесс непрерывного развития, усложнения и дифференциации активных функций организма во взаимоотношениях со средой можно представить себе весь от начала до конца, от стадии простейших до стадии человека, оставаясь при этом все время неизменно в плоскости одних и тех же представлений о природе данных явлений»⁶. Сильнее, прямее высказать мысль, по-моему, не-возможно. «Деятельность имеет свое строение» – это второй или третий фундаментальный тезис, развивавшийся Басовым. Вот здесь уже к понятию деятельности прибавляется понятие «строениям деятельности, ее структуры; и может быть, здесь произойдет переход к развитию самого понятия деятельности, * Басов tft> Я. Общие осшшы педологии, М,-л,,]928. С. 252.

:i Там же. С, 277*

" Там же, С 353+

*Там же.

6 Там же. С. 261.

2R7

переходящего за границы двучленной схемы, – стимул-реакция. Ведь структура деятельности, по словам самого Михаила Яковлевича, есть исходное начало. Анализ структуры деятельно-сти, согласно Басову, есть исходное начало в системе научной психологии, Басов продвигает эту идею, но в своем собственном направлении, я бы сказал, скорее уводящем от развития категории деятельности в психологической науке, Я не буду задерживать вашего внимания на тщательном анализе того, как ведется структурный анализ; я только должен отметить, что анализ этот ведется на основе двух основных, по выражению Басова» структурных элементов: стимула и реакции организма и воздействующей срвды. Их связь есть акт поведения. Ответ же на вопрос о механизме этих связей дает физиология. Это ассоцианистическое представление структуры, и вот я здесь приведу некоторые графические изображения структуры, которые дает Басов. Он приводит пять, а я возьму только три: вторую по степени сложности, потом третью и, наконец, предпоследнюю. Вот вторая по сложности⁷. Это очень интересная схема, очень

Рис. 3, Схема ассоциативно-детерминированного процесса интересные структурные представления. Здесь прямая ассоциа-тивная связь* Конечно, эта структура связей отличается от следующей⁸. Вы видите, здесь связи разнонаправлены, карты

Рис. 4. Смешанная структурная форма

перетасовываются, могут быть перетасованы. Какая разница? Ну это известная вещь, А вот наиболее сложная схема, которую я сокращаю⁹. Эта такая цепочка; но тут еще включаются дополнительные стимулы, в том числе отвлекающие, мешающие развертыванию цепи по главному направлению, Я повторяю: это 268

7 Там же. С+ 320, рис. 38. в Там же. С. 325, рис. 42. 5Там же* С. 326, рис. 43.

Рис. 5. Промежуточная структурная форма между ассоциативно-детерминированным и ап-перцептивно-детермикированным процессами

скорее движение от понятия деятельности, потому что это возвращение по существу к поведенческим, в широком смысле слова, реактологическим, ассоцианистским по своему духу конструкциям, Конечно, сделанное Басовым гораздо больше того, о чем я говорил в контексте только развития понятия деятельно-сти. Его вклад в целом остается значительным и важным. Но то, о чем я говорил, касается только судьбы, истории понятия деятельности. Вот там как-то шло к термину деятельности, он не был сразу найден, а здесь от термина деятельности к каким-то совсем иным представлениям, о механизме, о типе связи – к ассоцианизму.

Я перехожу к следующему моменту в развитии понятия деятельности, я должен вернуться к работам Выготского. К 30-му году внимание Выготского центрировалось, как всем это известно, на открывшейся перед ним перспективе конкретно-психологиче-ского изучения зкакоиой структуры сознания. Произошел свое-образный переворот, который тоже был не постепенным движени-ем, а

действительно, движением, включающим в себя события, а не скольжение, медленное и плавное эволюционное изменение. Событие это (вот здесь уже у меня почти мемуар, хотя и хорошо документированный литературными источниками) произошло в ходе развития известной работы Сахарова. А событие, переворот заключался вот в чем. Перед Сахаровым была поставлена Львом Семеновичем (Сахаров уже занимался лонятиями) задача, типичная для того времени, – исследовать опосредствованную структуру обобщения, опосредствованность этого процесса сломом, знаком, а именно искусственным знаком – словом. Для этого была избрана методика Аха. Так стояла задача. И были даже восторги, вот, смотрите, даже в этих тонких процессах нужно опосредствующее звено, психологическое орудие. Бессмысленный, но все-таки знак, знак без фиксированного значения, и все-таки действует: как карточка для запоминания, так и искусственное слово для этого тонкого интеллектуального, мыслительного процесса. А исследование объективно перевернулось: задача-то была не использовать слово для решения

269

поставленных целей; оказалось, что задача, которую решали испытуемые, заключалась в том, чтобы овладеть значением неизвестного им слова, раскрыть значение – все дело оказалось в этом. И уже это исследование было изложено Выготским в «Мышлении и речи» как исследование строения, развития строений значений, понятий 10. Это был переворот, который сделал не субъект исследования, а исследование. Вы ведь хорошо знаете, товарищи, как важны перевороты этого рода, мне напоминает термин, который бытовал в одной маленькой лаборатории. Говорили так: «Ну это исследование все-таки дохлокошечное – как дохлую кошку за веревку тянут, так оно и идет, т. е. вы командуете исследованием и исследование движется. А нужно обязательно стремиться к тому, чтобы исследование шло и вами, исследователем, командовало. Не из головы, а из логики объективного процесса, который вы исследуете, идет следующий шаг, следующий переход. Вот это и произошло на моих глазах. Центр сместился: встала проблема структуры значения, единицы сознания, Определяющей связь психических, познавательных процессов между собой; раскрывшаяся перспектива, которая, по-моему, высшей точки своей достигла у Выготского в положении, которого я что-то не вижу на страницах нашей отечественной литературы. Это представление о характеристике обобщения по двум как бы измерениям; Выготский образно говорил так; по меридианам и параллелям одновременно. Это, пожалуй, даже для логики того времени было серьезное обогащение. Человек видит через призму значений мир, действует в соответствии с этими значениями, воспринимает в системе значений, категоризирует предметы, придает инвариантность этому миру, обобщает и уясняет, делает предметом своего сознания внутренние переживания. Надо понять человеку, что человек влюблен, назвать, означить это. Тогда-то и происходит изменение уровня поведения влюбленности и даже самого переживания. Это было очень патетично, но это великолепное поле, которое открылось, как бы отодвинулось на второй план, оставило в тени исходную капитальную проблему человеческого сознания, специфически человеческой формы психики и практики, специфически человеческой, орудийной, трудовой. Выготского ни на одну минуту не оставило сознание этого. Возникали вопросы, а не выступает ли значение, понятие как продукт общения с другими людьми, нет ли здесь как бы воспроизведения старых уже тогда идей так называемой французской социологической школы, которая включала в свои представления то обстоятельство, что понятия, преломляющие человеку мир, с помощью которых он общается и т. д., осмысливает действительность, – это продукты общественного сознания, потому что эти понятия, эти значения развиваются исторически, принадлежат обществу и т. д. Не происходит ли таким образом

19 Выготский Л. С. Мышление и речь. М.-Л., 1934; см. также Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. С 118–184.

270

усвоение понятий, не становится ли оно фактором развития, ведущей силой этого развития? Нет! Выготский неустанно повторял: «За сознанием лежит жизнь». Эта идея постоянно повторялась, но проблема заключалась не в этом, проблема заключалась не в понимании, не в осознании этой истины; проблема заключалась в том, чтобы повести исследование в этом направлении. Следовательно, не от сознания, вторичным так называемым влиянием по отношению к процессу практическому, а напротив, от процессов практических, внешних, к порождению сознания, а не просто, конечно, интериоризации внешних процессов, вещи, которая тогда была достаточно известна и выдвигалась многими авторами. Надо было решить альтернативу (в ходе развития исследования, я подчеркиваю!): что является движущей силой развития этих познавательных по преимуществу отношений и что ими движет?

Выготский отвечал (не думаю, что это исчерпывающий ответ) так: это эмоции, эмоциональная сфера, это аффект. Проблема номер один, первая по очередности – это проблема аффекта и интеллекта, иначе говоря, сознания, познавательной характеристики сознания и эмоциональных процессов, эмоциональных явлений сознания. Об этом Выготский писал в самой последней написанной и опубликованной известнейшей работе «Мышление и речь». Последними были написаны предисловие – вводная глава – и я мысль и слово» – заключительная. Порядок был хронологически такой, это были самые поздние его написанные, отделанные, тщательно отредактированные сочинения. Там не дается эта идея – за интеллектом аффект. В последней главе великолепный образ: мысль совершается в слове, а не живет просто в слове, Совершается в слове. Она истекает, как облако истекает каплями дождя; а что же движет этим облаком? Каким ветром оно движется? И ответ был дан: это эмоциональные отношения, эмоциональные побуждения; это эмоции¹¹. И насколько мне известно, самые последние устремления Выготского продолжались по этой линии – аффект и интеллект. Мы не знаем, какое последнее слово было сказано Выготским потому, что его книга, которую он задумал посвятить Спинозе и назвал ее «Психофизиология аффектов»¹², осталась незаконченной и оборванной, менее, по-видимому, чем на половине.

Другая альтернатива состояла в том, чтобы вернуться к практическим действиям. По линии этой второй альтернативы и возник еще один как бы побочный, параллельный что ли, цикл исследований, который возвращал концепцию в целом к идее порождения и развития сознания в практических действиях. Эта группа исследований велась в некотором отдалении даже и территориально, Я имею в виду начавшуюся работу московских психологов, приехавших на Украину, в Харьков, которые занялись

¹¹ Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. С. 356, 358.

¹² См.: Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 6. С. 91–318.

271

решением именно этой, названной мной задачи. Среди этих психологов я должен назвать самого себя, увы! без этого не обойдешься, Александра Владимировича Запорожца, который сделал очень много в Харькове и образовал ядро харьковской психологической школы, как ее стали потом называть; Петра Яковлевича Гальперина; очень существенную роль сыгравшего Петра Ивановича Зинченко, Лукова, Асннна (я называю без всякого порядка и системы), Концевую, и еще одно имя я хочу назвать. Я называл его, по-моему, только один раз в публикациях, в приложении последней книжки ГЗ – Это Анатолий Розенблюм, к сожалению, он умер очень рано, едва поработав три-четыре года. Он тоже внес существенные разработки, идеи, представления.

Началось все дело очень просто, с исследования самых обыкновенных практических действий у детей, развития у ребенка так называемого наглядно-действенного интеллекта. Делались опыты так: ребенок должен был действовать, решать практические задачи то один на один с этой задачей, то в присутствии экспериментатора, а еще один вариант – в присутствии другого ребенка и с некоторым естественно возникавшим разделением функций. Вот здесь-то пришлось перейти к термину «действие», который отчетливо вырисовывался с самого начала работы; и одновременно с этим к термину «деятельность». Первоначально говорилось так: «осмысленная деятельность», потом термин «осмысленная» стал отпадать, осталось «деятельность». Возникли вопросы двойного порядка: 1 Деятельность и действие. 2+ Структура действия, в смысле: цель, условия и зависимость от них, так сказать, психических аффектов. Я бы назвал сразу две работы, сделанные в эти годы: 1931, 1932, 1933 и 1934. Я хочу обратить внимание на кандидатскую диссертацию П. Я. Гальперина, защищенную уже в 1936, а "подготовленную, следовательно, в 1934–1935 гг. «Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств животных м. Суть заключалась в том, что был прослежен метаморфоз во внешней практической деятельности, возникающий в связи с применением орудия. У животных, и у детей с самого начала, у малышей, орудия как бы действуют по логике натуральной, биологической, а затем орудия детерминируют строение действия. Ярче всего это было видно, очень смешно, в таких опытах. Делался из дерева четырехгранный колодец, туда засыпались неудобные предметы шарообразной формы. А в руки давалась лопаточка, ручка которой находилась под прямым углом к плоскости. Надо было достать предметы из

¹³ Леонтьев А. Я., Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. 1977. С 235–302,

*См+: Гальперин П. Я- функциональные различия между орудием и средством // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. I. Работы советских авторов периода 1918–1945 гг. // Под ред. И. И. Ильясова, В, Я. Ляу-дис. JVL, 1980. С. 195–203.

272

колодца. Сначала ребенок действовал лопаточкой как рукой. А потом появлялась эта отработка с подсказкой или без нее. Теперь действовал лифт, появилась идея необходимости перпендикулярного движения. Я об этом писал на других примерах, наивных, насчет ложки, которая вначале действует, как горсть, а потом наоборот – рука действует так, как это определяется логикой, требованиями, диктуемыми самим инструментом – чтоб вас немножко развлечь, полминутное отступление. В Ленинграде, на Невском, в магазине, я видел следующее. Продавалась ложка для малышей – она была изогнута под прямым углом к ручке, т. е, стало быть, можно было продолжать логику действия как рукой. Надставлялась, однако, штука в виде ложки, а успех полный. Инструмент, как видите, не для развития, а для остановки, для фиксации сложившихся двигательных механизмов.

Очень важна работа Петра Ивановича Зинченко о непроизвольном запоминании. Я имею в виду особенно первую публикацию, которая появилась только, к сожалению, в 1939 г. |В Она защищалась где-то, по-моему, в 1938 или в 1937, ну, словом, примерно в то же время, что и диссертация Петра Яковлевича, если мне не изменяет память. В чем был пафос? Занимает предмет место цели – один эффект, занимает структурное место условия – другой эффект: в этом была сущность, главное, для нас, по крайней мере.

Так возникло представление и вместе с тем членение, выделились понятия собственно деятельности, мотива, дальше – цели, условий; ну словом, этот первоначально выраженный арсенал тех понятий, которые я описывал неоднократно в послед-ние годы, а впервые – несколько раньше. Так или иначе, понятие деятельности теперь получило свое выражение в терминах; деятельность, действие, операция и т. д. Стали работать этим инструментом в несколько неожиданных, нелабораторных условиях, например в исследованиях в парке культуры и отдыха им. Горького в Москве, это уже было чуть попозже. Ну, а все остальное вы знаете. Но дело в том, что здесь также шел параллельный процесс, и я должен фиксировать одну, на мой взгляд, начальную линию (меня поправят историки, знающие больше в этом). Я имею в виду появление в 1934 г. в журнале «Психотехника» важнейшей статьи Сергея Леонидовича Рубинштейна, в которой он трактовал значение трудов Маркса для психологической науки¹⁶. Надо сказать, что и в дальней-ших исследованиях и работах Сергея Леонидовича Рубинштейна к положениям этой статьи постоянно происходило возвращение,

|Я см.: Зинченко П. И, О забывании и воспроизведении школьных знаний. Там же. С* 244–246; Проблемы непроизвольного запоминания // Уч, зап. Харьковско* го ин-та иностр. языков. Т. L Харьков; 1939; О забывании и воспроизведении школьных знаний – там же. Непроизвольное запоминание, М., 1961.

|Всм.: Рубинштейн С Л. Проблемы психологии в трудах К. Маркса // Советская психотехника, 193*, № 1; см.: Рубинштейн С. Л* Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 19–46.

273

они продолжали разрабатываться дальше, но в несколько тоже особом направлении, отличном от того направления, которое было взято в той группе исследований, о которой я говорил перед этим. Я хочу обозначить хотя бы некоторые пункты, которые остаются предметом обсуждения и по настоящее время, некоторые пункты, характеризующие эту другую, почти одновременно начавшуюся линию в исследовании деятельности, в введении категории деятельности в психологическую науку от Маркса Я думаю, что эту особенность линии короче всего можно выразить в решении одного, с моей точки зрения, капитального методологического вопроса, который сразу переходит в конкретные вопросы, в тактику и стратегию конкретных исследований, в вещи не эфемерные, а вполне осязаемые, реальные, в практику исследования. Как же деятельность входит в предмет психологического исследования? Есть две альтернативы, и, я думаю, не надо преуменьшать значения альтернативности. Одна: деятельность прямо входит в предмет психологического исследования своим особым содержанием и это не отличает деятельность как предмет исследования от любого другого предмета научного исследования, ибо кет таких предметов научного исследования, которые не входили бы в круг одной, другой, третьей и какого угодно числа наук. Вопрос заключается в содержании, которое при этом становится предметом изучения; на лбу предмета, на лбу процесса никогда не написано, какой науке этот предмет или процесс принадлежит. Деятельность может изучаться социологом, экономистом, физиологом, кем угодно; она входит в предмет также психологии, но не стороной, не аспектом, точкой, углом зрения, а особым содержанием, Другая позиция, альтернативная: деятельность входит в пси-хологию как то, что порождает, что имеет психологическую сторону. Мне кажется, что вот эта вторая позиция ближе к позиции Сергея Леонидовича. Я основываюсь на его

замечаниях, острых и сильных, которые он делал по ходу развития исследовательской работы, научной психологии в Советском Союзе вообще, я запомнил из этой мысли несколько точно выраженных слов: это слова о том, что если психология понимает, что она делает» то она изучает психику и только психику. В деятельности изучается психика; предпосылка психики – деятельность. Но все-таки предметом изучения психологов являются психические осмысленные основания, внутреннее реагирование, а не сама деятельность, полноправная и полноценная: она не входит в прямой предмет непосредственно-психологического исследования. Таковы две позиции, и речь идет об обсуждении, по-видимому, в числе других больших проблем, может быть, и этих тоже, я не могу рассказывать (и это уже не история, это наши дни) ни о дальнейших развитиях категории деятельности в системе одного направления, другого, третьего, четвертого, я только могу закончить следующим субъективным переживанием. Вы знаете, слова «деятельностный подход» и прочие слова

274

о деятельности, последнее время мне приходится встречать огорчительно часто и много и не всегда в значении, достаточно очерченном, определенном, где-то локализуемом в очень широком пространстве знаний, круге понятий. Они поэтому теряют свою определенность, которую они еще не теряли 15 и 20, может быть, лет тому назад, когда эти две или три позиции были очерчены; понятно, о чем можно было дискутировать, что надо было разрабатывать, а теперь – непонятно. Я теперь, когда вижу фразу «и с точки зрения деятельностного подхода» – скажу вам откровенно – меня это беспокоит.

Ответы на вопросы

fi Чем взгляды современного бихевиоризма со всеми его новыми дополнениями отличаются от взглядов советских психологов?

– Товарищи, мне этот вопрос показался очень важным, он дает повод высказать несколько соображений, существенных не только с точки зрения развития того или другого направления внутри советской психологической науки, но и в целом психологической науки, отношения психологической науки к бихевиоризму и небихевиоризму в различных его ответвлениях, я бы сказал, что соотношение между устремлениями, позициями, исследованиями, идущими в советской психологии, и позициями, исследованиями, развивающимися в рамках бихевиористических направлений, включая небихевиористические и субъективно-бихевиористические течения – это нечто вполне и совершенно противоположное!

У нас очень часто, говоря о бихевиоризме, рассматривают, так сказать, методологию бихевиоризма, в том числе новых бихевиористических направлений, как бы изнутри. С этой точки зрения дают анализ, оставляющий вне поля внимания пишущего о бихевиоризме советского ученого некоторые решающие важные аспекты бихевиоризма, почву, на которой держится то, благодаря чему он существует, функцию социальную, которую он выполняет. Прежде всего очень большое число современных авторов, причисляющих себя по справедливости к числу бихевиористов, решают отчетливо классовые задачи, причем (и я хочу это подчеркнуть) отнюдь не стесняясь в их формулировании. У меня нет сейчас под рукой никакого материала, который – я мог бы цитировать, на который я мог бы сослаться, но все-таки, хотя бы самое известное. Скиннер – классик бихевиоризма, автор, объявленный первым психологом, по опросам американской психологической ассоциации, выступил со знаменитым полуроманом «По ту сторону свободы и достоинства*». Посмотрите, как прицельно работает эта книга; как, оказывается, прицельно работали все эти оперантные исследования: и крысиные, и голубиные, и человеческие у Скиннера. Посмотрите, что получилось. Ведь, даже либерально-буржуазная пресса выступила по этой последней толстой, три года тому назад вышедшей книге

275

Скиннера с каким-то иногда прямым и по политическому смыслу протестом против устремлений Скиннера. Не о философских оттенках здесь идет речь. Когда Маргарет Мид спросили, что она думает о Скиннере, она, по-моему, ответила чрезвычайно точно. Она сказала так: «Я думаю вот о чем: а кто Скиннера запрограммировал?» Вот позиция, с которой надо смотреть на бихевиоризм. Фактология часто камуфлирует очень четкие явления. А разве не представители бихевиоризма и других бихевиоральных направлений многими тысячами заняты сейчас в последние годы проблема-ми создания имиджа – образа товара (правда, неплохо). Но за этим лежит другое – потребление, и за этим лежит другое – идеал общества потребления. И за этим лежит еще другое – образ американского образа жизни; и еще дальше, не в идеологии, а в политике – имидж избираемого, имидж президента. А как же иначе могло появиться такое выражение, как «продажа избираемому избираемого»? А какая

методика эффективности работы в этом направлении? Многотысячная обеспеченность квалифицированными психологами, дипломированными. Удивительное развитие методов, поразительно изящных, иногда точных, даже красивых. Например, договариваются тысячи семей о разрешении поставить к телевизионному аппарату приставочку, невинную, не подслушивающее коварное устройство. Она делает простую вещь, она все время фиксирует время включения, программу включения и соответственно выключение или переход на другую программу, дается по телевидению рекламное, пропагандистское, любое содержание – о! ни один не выключил посередине, не перешел на другую программу; о! почти все выключили, все перешли на другие программы! Красивая мера? По-моему, очень здорово, даже ценно с методической стороны. Что же мы, про зарубежную психологию говорим, а исследования, раскрывающие смысл теоретических направлений, отодвигаем в "сторону?"

По-моему, нельзя отодвигать в сторону, и право, мне кажется, важнее не столько, какие идеи в ходу, сколько куда они движутся, на что действуют, потому что если они будут действовать в одну сторону, то их развитие пойдет по одному пути, даже и философскому, теоретическому; будут они действовать в эту сторону – по другому пути. И у нас в истории советской психологии решающую роль сыграла тенденция стать по эту сторону советской власти, на сторону марксизма, делать марксизм, а то, что покойный Константин Николаевич Корнилов думал, что для этого надо реакции синтезировать с интроспекцией, то все равно тенденция вывела на другие позиции. Поэтому я так и говорю: не хочу я искать микросравнений, понятно? Надо смотреть, что за микросравнениями открывается, а в микросравнениях мы этого не можем найти, мы только в макросравнениях можем найти. Практику надо изучать психологии на Западе, я имею в виду под зарубежной психологией западной прежде всего американскую. Вот по функции я и скажу о теории, я не хочу попадаться на крючок и говорить по теории о функции. Поэтому я так и сказал

276
решительно. Это большой серьезный разговор. Это самый длинный вопрос и самый длинный мой ответ.

2, Может ли быть генетически общение вне деятельности?

Если понимать деятельность как практику, как пользование молотком или пилой или чем-нибудь подобным, то может; а если деятельности придавать более точный смысл, то не может. Между прочим, микрпедагогика, т. е. педагогика самых ранних возрастов, накопила еще в двадцатые годы (я имею в виду Щелованова, фигурина и др.) очень важные факты, и том прямо свидетельствующие. История психологии не может выпустить из виду этих работ и этих фактов. Например, известно и показано, что при развитии речи приобретение слова идет не в порядке задалбливания: «Это рюмка, это вилкам а в порядке одевания, кормления, т. е. в общении эмоциональном, что очень важно подчеркнуть; эмоциональное общение с матерью решает многое. Сейчас появился совсем недавно, в прошлом году, цикл работ по так называемым привязанностям, речь идет о малышах. Работы этологического направления. Это, оказывается, очень важно. И важно предметное опосредствование этого непосредственного контакта. Ложка, вилка, штанишки, одеяльца, которыми укрывают младенца, – предметная ситуация и деятельность в предметной ситуации – обязательное условие усвоения.

3* Как Вы относитесь к системно-структурному подходу в психологии?

Я скрывать моего отношения не собираюсь, я склонен различать две вещи, два метода: 1) один из них по справедливости можно назвать марксистским методом системного анализа, марксистским потому, что он был открыт и сформулирован не в виде учебника, не в виде логических упражнений, а прямо в форме его применения Марксом, наиболее ясно он выражен в классическом произведении «Капитал» и очень интересно показан в экономических рукописях к «Капиталу», там это развернуто, очень эксплицировано, потому что из #Капитала& это убрано, как, чертежник сказал бы, вспомогательные линии, которые должны быть, но потом, когда чертеж закончен, их можно стереть. Это с одной стороны; 2} с другой стороны, это системно-структурный метод, так, как он был создан и продолжает развиваться в известных вариантах неопозитивистами. Адрес совершенно четкий, так же, как адрес системного марксистского метода. Вы понимаете, что для меня нет выбора между неопозитивистскими конструкциями и марксистским диалектическим системным методом.

ПСИХОЛОГИЯ 2000-го ГОДА

Сердечно благодарю за приглашение выступить и за подкажанную тему.

Откровенный разговор.

«Психология двухтысячного года» – звучит «футурологически», но 2000 год – очень скоро: 28 лет. (Всем будет 45–50 лет), Зрелость.

277

Оглядываюсь: 28 лет назад – 1944 (книга о восстановлении движений).

Сделать психологию двухтысячного года – задача вашего поколения. И, может быть, вы помянете в 2000-м году и этот разговор!

В некотором смысле психология двухтысячного года и наше дело: через вас, может быть* и мы вносим свою долю.

Вот и оборачивается проблема из «футурологической» в се-годняшнюю, практическую задачу! О ней сейчас нужно думать!

. Как подойти к прогнозированию и проектированию будущего психологии?

Думаю: от будущего человека, от общества – потому что человек зависит от общества! И еще: не по отдельным отраслям, а по некоторым проблемам, А почему так? Потому, что иначе они переплетутся в новой системе психологического знания. (Современное членение психологии отражает далеко не решенную еще задачу создания такой системы.)

Отсюда первое. Развита система психологической науки – торжество системного подхода, метода,

А теперь коротко о том, как я вижу будущее некоторых проблем.

А* Человек и техника (инженерная психология) – не человек при машине, а наоборот! В машине отслаивается техническое» в человеке, но оно не должно отчуждаться, стоять как господству-ющие над ним еещи\ = объекты приспособления.,. Машина освобождает человека = «творческий человек

Б- Попутно о психофизиологии: 1) она не будет «смотреться в зеркало машины» и 2) она воспримет исторический, генетиче-ский = функциональный подход: не «мозг делает жизнь, а «жизнь делает мозг» (Ленин: жизнь рождает мозг, в мозгу отражается природа).

В, Воспитание, обучение, формирование человека (педагогиче-ская психология). Кризис школы. Взрыв дидактики. Не «заполне-ние дыр», а вооружение. Как всякий труд: «свободная игра сил» (Маркс),

Анекдот с мальчиком. Игровое освоение мира {!}. Не убивать детское.

«Сделанная голова – голова потерянная».

Сближение педагогической психологии с детской и общей,

Г- Человек и общество (социальная психология). Соотношение с общей. Большие проблемы: что в обществе строит человека, психику. яПочва» и внесение сознания = общение. Историческая психология (Мейерсон, Вернан).

Место психологии в XXI веке

XXI век – век психологии. Почему? Освобождение. Рост творческого начала: материальные потребности –* в условия; духовные –* в доминантные. =

Повышение (роли) человеческого-го / психологического фактора».

Предложение: слушали.,, постановили: с сегодняшнего числа начать делать

психологию 2000-го года!

278

КОММЕНТАРИИ

БЕСЕДА С ВЫГОТСКИМ

Печатается по авторской рукописи (самодельная тетрадь форматом в 1/2 стандартного листа), хранящейся в архи-ве А. Н. Леонтьева. Дата беседы (и, по-видимому, самой записи, впоследствии перебеленной) проставлена самим А. Н. Леонть-евым – это 12 октября 1933 rfc Рукопись, написанная на 13 страницах, состоит из двух частей. Первая часть озаглавлена «Мое сообщение». Здесь излагается проблема переноса, как она в этот период ставилась психологами Харьковской группы (Л. И. Божович, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев) – «перенос как способ формирования понятия». В данной работе А. Н. Ле-онтьев еще разделяет мысль Выготского, что «слово из общения», что сознание формируется словом. Важен дважды повторенный тезис о «смысловом поле», хотя понятия «смысл» и «зкачение» здесь еще не разведены. Вторая часть рукописи, ранее публиковавшаяся (Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1986, № 4т с. 62–64) –это вопросы, поставленные Леонтьевым перед Выготским, и ответы Выготского, Леонтьев уже говорит здесь о «словоцентризме системы;», недоумевает, где действительные отношения человека к миру». Ответ Выготского идет в русле известных по другим работам его воззрений этого времени. Однако характерно, что в данной рукописи их едва ли возможно отделить от идей самого А. FL Ле-онтьева, известных по его более поздним работам, «Психология есть наука о психической жизни»; «За сознанием действительные отношения субъекта* – эти и другие тезисы находят основатель-ную разработку в работах А. Н. Леонтьева конца 30-х – начала 40-х гг., публикуемых в данном издании. Это является убедитель-ным доказательством прямой научной преемственности взгля-дов Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, которая нередко отрицается, исходя из того что между культур но-исторической теорией первого и деятельностным подходом второго нельзя поставить знак равенства,

МАТЕРИАЛЫ О СОЗНАНИИ

Впервые опубликовано в изд.: Вести, Моск. ун-та. Сер, 14. Психология. 1988, № 3. С. 6–25 (вступительная ста-тья А. А. Леонтьева «Из архива А. Н.

Леонтьева» – С. 3–6). Оригинал – машинописный текст (с рукописными вставками) на нескольких десятках листов в половину стандартного формата, частично на одной стороне, частично на обеих. Эти листки имеют рукописную (синими чернилами) пагинацию, однако таких отдельных пагинаций четыре, в соответствии с чем публикуемая рукопись условно разделена на 4 раздела. В первом из них 15 страниц, во втором 17, в третьем 13, в четвертом, носящем наиболее фрагментарный характер, – 3. Некоторые листки со-держат частично или полностью рукописный текст (синими чернилами), в тексте есть и явно более поздняя разметка и правка красной шариковой ручкой, однако она касается лишь второго раздела и связана, видимо, с использованием текста этого раздела при чтении лекций на факультете психологии МГУ. Датировка рукописи может быть осуществлена только по косвенным данным (характер бумаги и чернил и т. д.): видимо, она относится к 1940–1941 г, и – по крайней мере частично – писалась в эвакуации.

В оригинале рукопись не имеет названия, оно дано первым публикатором (А. А. Леонтьевым). Подзаголовки внутри текста принадлежат самому А. Н. Леонтьеву. Упомянутые в тексте зарубежные психологи и философы (Т. Липгитс, З. Фрейд, К. Ясперс, О. Липман, Т. Рибо, Ж. Пиаже, В. Кёлер) – представители различных направлений в психологии, занимавшиеся проблемой сознания. Сведения о них можно найти в любом справочнике, кроме О. Липмана – немецкого психолога, чьи основные работы («Ю понятия и формах интеллекта», «Наивная физика» и др.) относятся к началу 20-х гг. XX в, в тексте без расшифровки упомянуты также психологи школы Выготского, в основном входившие в Харьковскую группу, это А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, В. И. Аснин, П. И. Зинченко, Т. О. Гиневская, Г. Д. Луков, Д. Б. Эльконин.

...книге о Спинозе... Это книга Л. С. Выготского «Учение об эмоциях оставшаяся незаконченной и неизданной и впервые опубликованная в т. 6 его «Собрания сочинений» (М., 1984).

...Пик... Имеется в виду крупнейший немецкий афазиолог первой половины XX в. А. Пик.

...Шерешевский... Имеется в виду журналист С. В. Шерешевский, обладавший выдающейся памятью, «которая практически не имела граница (А, Р, Лурия. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). JVL, 1968. С, 5). Вся упомянутая книга Лурия и посвящена описанию феномена Шерешевского» (в тек-сте он именуется Ш.)«

...закон Гартига... Речь идет о законе, согласно которому сначала меняется характер трудовой операции, совершаемой при помощи того же орудия, а затем это изменение операции (функции) опредмечивается в изменении орудия.

...изучения московского пролетария и Зомбарта... Леонтьев имеет в виду проводившийся в Институте психологии в 30-х гг, цикл исследований по классовой психологии (как раз на материале изучения рабочих московских предприятий), Вернер Зомбарт – немецкий экономист, социолог и историк культуры, занимавшийся, в частности, классовой психологией: автор изве-
280

стейшей книги «Буржуа» (русский перевод–Л., 1924; книга была в библиотеке А. Н. Леонтьева),

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Впервые опубликовано в изд.: Вестн. Моек, ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 2> с. 18–20 по машинописному экземпляру, хранящемуся в архиве А. Н. Леонтьева. На основании приложенных к ней (и здесь не публикуемых) записей Леонтьева об их обсуждении с Н. Г. Казанским 3 июля 1940 г. ру-копись датируется концом июня этого года. Нам неизвестно, для какой цели она писалась, вероятно, это тезисы к какому-то обсуждению, намеченному на лето 1940 г.

Что представляется наиболее интересным в этом кратком тексте? Во-первых, введение ряда понятий, не нашедших места в более поздних публикациях А. Н. Леонтьева по теории деятельности. Это «сложная деятельность; это «смысл действия», определяемый как сознаваемое отношение предмета действия к его мотиву и соотносимый с целью действия (сознание цели как форма переживания смысла действия: из текста легко видеть, что смысл действия толкуется существенно иначе, чем личностный смысл в более поздних работах Леонтьева, хотя преемственность здесь бесспорна); это «по поступок» – действие, входящее в двоякую деятельность, но мотивация этих деятельностей не противоположна по знаку, во-вторых, в работе интересны и некоторые другие нетривиальные повороты мысли. Так, действие трактуется как содержание деятельности, а операция – как содержание действия. Четко указывается, что «операция кристаллизуется для сознания в значении, а овладение значением понимается как овладение способом действия с предметом, словом или действием же. Особенно существенна, с нашей точки зрения, идея «психофи-зиологических

Философия психологии filosofff.org
функций» как условий деятельности,

ГЕНЕЗИС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Впервые опубликовано в изд.: Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 2. С. 5–17 по стенограмме лекции, прочитанной II марта 1940* г. В этой стенограмме, хранящейся в архиве А. Н. Леонтьева, нет ни названия лекции (оно дано первым публикатором – А. А. Леонтьевым), ни указания, где именно она была прочитана: но легко видеть, что это – часть курса лекций, а такой курс А. Н. Леонтьев читал тогда только в ЛГПИ им. Н. К. Крупской, При подготовке к публикации была произведена лишь минимальная стилистическая правка, В основе концепции, изложенной в данной лекции, лежит известная мысль К-Маркса и Ф. Энгельса (четко изложенная уже в «Немецкой идеологии»), об основополагающей роли трудовой деятельности (как воздействия «совокупного субъекта» на природу) в становлении человеческого в человеке и о значении 28!

для этого процесса фактора совместности («труд выступает с самого начала как процесс общественный»). По-видимому, эта мысль продолжает оставаться актуальной безотносительно к тому, как мы оцениваем другие стороны научно-философского наследия Маркса и Энгельса. В советской научной литературе были попытки построить и альтернативную концепцию, т. е. объяснить механизм становления современного человека, не обращая к идее совместной или коллективной трудовой деятельности – мы имеем в виду известную книгу Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» (М., 1974). Детальный анализ этой последней см.: «Советская этнография», 1975. № 5, С. 138–147,

Публикуемую лекцию в высшей степени интересно сопоставить с другой, аналогичной по содержанию, но прочитанной А. Н. Леонтьевым еще 7 декабря 1934 г. в Харьковском педагогическом институте. См.: Леонтьев А. И. Генезис человеческой речи и мышления/Психол. журнал. Т\ 9. 1988. № 4. С. 139–149 (комментарий А. А. Леонтьева – с. 149–150, А. В. Брушлинского – с. 150–151).

Современная история развития языка, представленная особенно в работах акад. Н. Я. Марра и его школы... Акад. Н. Я- Марр (1864–1934) в 20–30 гг. разработал т. наз. «яфетическую теорию*», в дальнейшем (1924) переименованную в «новое учение о языке», В этой теории эклектически сочетались отдельные элементы марксистского подхода (в гносеологии и обществоведении), идеи лингвиста Г* Шухардта о смешении языков и взгляды т. наз. социологической школы в языкознании, наконец, вульгарно-социологические положения, выдававшиеся сторонниками Марра за марксистские. Что касается языкового материала, то он использовался Марром весьма произвольно, причем полностью игнорировались все данные об истории и родстве языков, полученные в рамках «традиционного» сравнительно-исторического языкознания (считавшегося Марром и его сторонниками «буржуазным», идеалистическим и вообще антинаучным). В конце 20-х гг. теория Марра была объявлена единственно марксистской, началась травля тех, кто не соглашался с его подходами и выводами. См. «Лингвистический энциклопедический словарь», М., 1990. С. 335 (статья «Новое учение о языке»). А, Н, Леонтьев, как и большинство других ученых-нелингвистов, охотно принял многие положения Марра, в частности идею комплексной кинетической речи; трудно сказать, насколько эта идея соответствует действительности – во всяком случае, она прямо не противоречит данным научного языкознания (за отличие от многих других марровских идей).

РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ

фрагменты текста диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии). Публикуются впервые по машинописному экземпляру из архива А, НЛ Леонть-

ева, представляющему собой два переплетенных тома с рукописными вставками и исправлениями и общей нумерацией страниц (581 с.) Во втором томе нумерация исправлена от руки. Большинство рисунков в этом экземпляре отсутствует. На последней странице второго тома стоит дата: «Москва, декабрь, 1940 г.*

Для публикации были отобраны фрагменты из второго тома (главы 4 и 5 диссертации}, которые сохранили свою научную ценность и не пересекаются текстуально или пересекаются в минимальной степени с опубликованными ранее частями диссертации. При отборе фрагментов публикаторы воспользовались советами профессора К. Э. Фабри. Отобранные материалы образовали четыре тематических

фрагмента, названия которым даны публикаторами, в первый фрагмент вошли стр. 252–258, 270–273, 294–298, 315–317, 323–353, 361–365 (по исправленной нумерации) из первых пяти параграфов четвертой главы; во второй – стр. 365–410 (гл. 4, §6); в третий – стр. 411–424, 428–455, 461–477, 487–494 (гл. 5, § 1–3); в четвертый – стр. 498–515, 521, 542–545, 548–558, 564–565, 569–581 (гл. 5, § 4). Опущены были фрагменты, либо текстуально повторяющие опубликованные материалы, либо не имеющие научной ценности, а также описания конкретных экспериментов* опирающиеся на отсутствующие рисунки. При этом публикаторы стремились сохранить связность и цельность изложения.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

Заметки для себя на разные темы, делавшиеся А. Н. Леонтьевым на протяжении ряда лет {ориентировочно 1938–1942) в не-скольких общих тетрадах. Первая тетрадь содержит 84 пронумерованных листа; текст написан частично на одной стороне листа, частично на обеих, и доходит до 82 листа. Вторая тетрадь меньше по объему, также исписана практически полностью, однако пагинация доходит лишь до середины. Своего заглавия вторая тетрадь не имеет. Третья тетрадь примерно равна второй по объему, но исписана далеко не полностью. Такой же размер имеет четвертая тетрадь, которая озаглавлена «Разное – вокруг», нумерация страниц в ней отсутствует. В четвертой тетради значительно большее место, чем в первых трех, занимают выписки из художественной литературы, которые в настоящей публикации большей частью опущены.

А. Н. Леонтьев называл эти тетради с заметками и выписками «Мои философские тетради». Их значение невозможно переоценить. А если, записанные в них в сжатой конспективной форме, охватывают практически всю общую психологию, это программа построения психологии, реализацией которой А. Н. Леонтьев занимался всю оставшуюся жизнь. Часть этих мыслей были прописаны и развернуты в работах А. Н. Леонтьева, опубликованные ранее или включенных в данный том – от диссертации

283

«Развитие психики» {1940) к до монографии «Деятельность. Сознание, Личность» (1975), многие, однако, так и остались нереализованными. Рукопись публикуется впервые, за исключением небольшого фрагмента *О формализме», вошедшего в подборку «Из научного наследия А. Н. Леонтьева» в книге «Художественное творчество и психология» / Под ред. А. Я. Зеня, М. Г. Ярошевского. М., 1991 – Название рукописи дано публикаторами; все подзаголовки принадлежат автору,

О КНИГЕ С. Л. РУБИНШТЕЙНА «ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ»

Публикуется по рукописи А. Н. Леонтьева. Поскольку она не представляет собой единого целостного текста, а состоит из нескольких разрозненных листков, последовательность фрагментов определена публикаторами* Добавлены точные сноски на работы С. Л. Рубинштейна.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

#

Печатается впервые по неправомерно машинописной стенограмме лекции, хранящейся в архиве А. Н. Леонтьева. При подготовке к печати текст стенограммы незначительно сокращен, осуществлена стилистическая правка. На титульном листе стенограммы стоит гриф «Академия общественных наук. Кафедра психологии. Ниже – «Лекция т. Леонтьева А. Н. на тему: Психический характер деятельности, 16 ноября 1949 гм гор, Москва», Название, явно искаженное, изменено публикаторами в соответствии с реальным содержанием лекции.

Основное значение публикуемой работы – в развернутом анализе содержания понятия «деятельность Мы не знаем в этот период ни одной работы А. Н. Леонтьева (вплоть до начала 70-х гг.), где давалось бы столь подробное и многостороннее рассмотрение этого понятия. Принципиальное значение имеет, в частности, определение деятельности через введенное здесь понятие жизненных отношений. Подробно анализируются понятия потребности и мотива в их соотношении с деятельностью и личностью.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Текст выступления А. Н. Леонтьева на «домашней» дискуссии по проблемам деятельности, организованной А. Р. Лурия у себя дома 15 ноября, 28 ноября и 5 декабря 1969 г. Выступление А. Н. Леонтьева открывало дискуссию, в которой также приняли участие В. П. Зинченко, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин и Д. Б. Эльконин. Дискуссия записывалась на магнитофон.

В архиве А. Н. Леонтьева сохранилась стенограмма с его пометками, а также блокнот, в котором содержанке его выступления было записано в форме 21 тезиса, затем следовали краткие конспекты выступлений В. П. Зинченко, А. В. Запорожца и П. Я. Гальперина и предварительный набросок плана книги, впоследствии написанной и изданной под названием «Деятельность, Сознание. Личность» (М.т 1975; 2-е изд.—1977).

Стенограммы всех сохранившихся выступлений (А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, П. Я. Гальперина и Д. Б. Эльконина) были впервые опубликованы в сборнике «Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы» Л Под ред. В. В. Давыдова и А. Леонтьева. М., 1990. С. 134–170 с предисловием В. П. Зинченко и Д. А. Леонтьева. Текст выступления А. Н. Леонтьева печатается по этому изданию.

ЗАМЕТКИ О КНИГЕ П. Я. ГАЛЬПЕРИНА «ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ»

Рукописные заметки, сделанные на 11 страницах отдельного блокнота формата немногим меньше половины стандартного листа. В начале заметок стоит: #ГГ Я. Гальперин, Введение, 1976». Публикуются впервые.

С 30-х гг., когда П. Я. Гальперин присоединился к возглавляемой А. Н. Леонтьевым Харьковской группе психологов, и до самой смерти А. Н. Леонтьева между обоими учеными сохранились теплые, дружеские отношения. Вместе с тем, начиная с пятидесятих годов между ними нарастали теоретические разногласия. Теория поэтапного формирования П. Я. Гальперина, опираясь в ряде существенных положений на деятельностный подход А. Н. Леонтьева* по сути представляла собой его редуцированный вариант, доказавший свою практическую эффективность в ряде прикладных областей, однако вряд ли подходящий для выполнения роли общепсихологической теории. Тем не менее П. Я. Гальперин в 70-е г, активно стремится утвердить свою теорию именно в статусе методологической основы общей психологии. Этой задаче служит, в частности, написанное им «Введение в психологию», которое не могло не вызвать со стороны А. Н. Леонтьева резко критического отношения. В архиве А. Н. Леонтьева сохранился подписанный им экземпляр машинописного текста на 8 страницах с рукописной правкой под заголовком «Замечания на брошюру П. Я. Гальперина «Введение в психологию. Под ним рукой А. Н. Леонтьева проставлена дата: 24-IV.72. Как явствует из содержания текста, он представлял собой внутреннюю рецензию на ранний вариант книги Е. Я. Леонтьева — рецензию резко критическую. Основные замечания А. Н. Леонтьева связаны с тем, что П. Я. Гальперин обходит а своем тексте ряд фундаментальных вопросов, неудобоваримых для развиваемого им подхода, игнорирует альтернативные взгляды на ряд проблем. Рецензия завершалась выводом: «Мое

2й5

общее заключение о данной рукописи состоит в том, что без надлежащей переработки издавать ее нецелесообразно». История дальнейшей ее переработки нам неизвестна; можно лишь констатировать, что в издании 1976 года учтены некоторые замечания, содержащиеся в рецензии А. Н. Леонтьева. Тем не менее опубликованный вариант также вызвал у А. Н. Леонтьева массу критических замечаний, о чем свидетельствуют обильные пометки на принадлежавшем А. Н. Леонтьеву экземпляре книги, а также публикуемые здесь «Заметки...», написанные по свежим следам сразу же после выхода книги П. Я. Гальперина в свет. Нам известно, что вскоре между А. Н. Леонтьевым и П. Я. Гальпериним имел место обстоятельный нелицеприятный разговор, посвященный книге. Разговор состоялся по инициативе А. Н. Леонтьева, у него дома. Публикуемые «Заметки были написаны специально для этого разговора.

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Стенограмма доклада А. Н. Леонтьева 11 марта 1976 г. заседании проблемного совета по теории и истории психологии при Президиуме АПН СССР в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. В архиве А. Н. Леонтьева сохранилась не только машинописная стенограмма, но и магнитофонная запись выступления. Стенограмма, сверенная с записью; была впервые опубликована в ж. <Вопр. психол>, 1986, № 4. С. 109–119 с послесловием А. Г. Асмолова и Д. А. Леонтьева (С. 119–120), При публикации она подверглась лишь необходимой редакционной правке. Из ответов на вопросы аудитории были отобраны для публикации лишь те, которые содержали что-либо новое по сравнению с опубликованными работами А. Н. Леонтьева. Печатается без изменений. ПСИХОЛОГИЯ 2000-го ГОДА

Публикуется впервые по тексту плана-наброска, сделанного на двух сторонах одного листа плотной бумаги формата 153x215 мм. Запись датирована 5.IV.72, заглавие отсутствует Как явствует из текста, запись представляет собой набросок выступления перед аудиторией студентов-психологов.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Философия психологии filosoff.org
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!